КАК ВООРУЖАЛАСЬ РЕВОЛЮЦИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Л. ТРОЦКИЙ

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ КРАСНОЙ АРМИИ

в трех томах

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Москва ◘ 1924

Л. ТРОЦКИЙ

КАК ВООРУЖАЛАСЬ РЕВОЛЮЦИЯ

(НА ВОЕННОЙ РАБОТЕ)

ТОМ ТРЕТИЙ

ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ—ТРЕТИЙ ГОДЫ

книга первая

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Москва ◘ 1924

ВЫСШИЙ
ВОЕННЫЙ
РЕДАКЦИОН.
СОВЕТ
Тираж 15.250
Ленинградский
Гублит № 8017
Заказ № 194.

Военная Типография Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии
Ленинград, пл. Урицкого, 10.

КРАСНАЯ АРМИЯ НА МИРНОМ ПОЛОЖЕНИИ

I. Речи, статьи, доклады.

II. Приказы, циркуляры, телеграммы и пр.

I.

РЕЧИ, СТАТЬИ, ДОКЛАДЫ.

Сообщение VIII Съезду Советов о сокращении армии

29 декабря 1920 г.[1] *).

Товарищи, по поручению Совета Труда и Обороны и тем самым Совнаркома, органом которого является Совет Труда и Обороны, я имею сделать VIII Съезду Советов сообщение по поводу размеров и порядка предстоящей частичной постепенной демобилизации нашей армии.

Я прежде всего оглашу те положения, которые выработаны по этому поводу правительством и преподаны к руководству военному и другим ведомствам, которых это непосредственно касается:

О сокращении армии.

«Ставя себе задачей всемерное облегчение для Рабоче-Крестьянской Республики военной ноши путем возможного сокращения численности армии и возвращения к хозяйству наибольшего количества рабочих сил и средств, с сохранением в то же время полной обороноспособности Советской Республики, так как враги ее еще не сложили оружия, Совет Труда и Обороны наметил ряд мер по сокращению численности армии и повышению ее боевых качеств.

Исходя из реальных условий транспорта и того количества вооруженных сил, которые необходимо сохранить для прочной обороны Республики, Совет Труда и Обороны надеется, начав теперь же увольнение старших возрастов в бессрочный отпуск, сократить армию приблизительно вдвое к середине лета 1921 года.

В соответствии с этим 11 декабря текущего года уже отдан приказ Революционного Военного Совета Республики об увольнении в течение декабря месяца в бессрочный отпуск всех красноармейцев и матросов армии и флота, родившихся в 1885 г. и старше, и о выделении из армии в особые трудовые части следующих трех возрастов, т.-е. родившихся в 1886, 7 и 8 годах, как предназначенных к увольнению в бессрочный отпуск во вторую очередь, после того как будет закончена перевозка отпускаемых в первую

*) См. примечания в конце книги. Ред.

очередь. Одновременно с началом увольнения родившихся в 1886, 7 и 8 годах, предположено выделить из армии в особые трудовые части родившихся в 1889, 90 и 91 г.г., для увольнения их затем в бессрочный отпуск, если к моменту, когда закончится перевозка предшествующих трех возрастов, военная обстановка позволит дальнейшее сокращение армии.

Осуществляя эти меры, Совет Труда и Обороны надеется, если позволит транспорт и политическая обстановка, освободить в течение ближайших 4—5 месяцев, т.-е. по возможности к весенним работам, перечисленные выше возрасты. Тогда же, т.-е. весной 1921 г., перед Советской властью встанет вопрос о дальнейшем увольнении родившихся в 1892, 1893 г.г., а по всей вероятности также и 1894 и 1895 г.г., который и будет разрешен в зависимости от той международной обстановки, которая к этому времени создастся.

При благоприятных политических и транспортных условиях Совет Труда и Обороны предполагает закончить увольнение этих четырех возрастов, как уже сказано, к средине лета 1921 года.

Намеченный выше порядок увольнения в бессрочный отпуск касается лишь красноармейцев; что же касается лиц командного, административно-хозяйственного, санитарного и ветеринарного составов, то в отношении их увольнения будут установлены особые правила, имея в виду, что для сохранения боевой подготовки армии на должной высоте, необходимо удерживание их в армии в иных нормах и на более продолжительное время.

В равной мере увольнение из флота, за исключением уже производимого отпуска самых старших возрастов, т.-е. родившихся в 1895 году и ранее, будет определено особыми правилами, в виду особых условий службы и комплектования флота.

Вся работа по увольнению в бессрочный отпуск будет производиться со строгой планомерностью органами военной власти. Самовольное покидание воинских рядов будет и впредь строжайшим образом караться, как дезертирство.

Военнообязанные, уклонившиеся до настоящего времени от явки по призывам или дезертировавшие с военной службы, обязаны попрежнему явиться в ближайший военный комиссариат для выполнения своего долга в отношении к Республике рабочих и крестьян. Только полная и безусловная явка военнообязанных младших возрастов даст возможность освободить старшие возрасты.

Военнообязанные старших увольняемых ныне возрастов, уклонившиеся от призывов до дня издания первого приказа РВСР об увольнении в бессрочный отпуск, т.-е. до 11 декабря 1920 года, или дезертировавшие с военной службы до этого срока, должны искупить свою вину перед Рабоче-Крестьянской Республикой добровольной явкой в определенный срок и последующей работой на трудовом фронте.

Поэтому представляется необходимым издание декрета, силою которого указанные выше категории лиц должны в первую голову привле-

жаться на основе трудовой повинности с тем, чтобы таким образом создать трудовые льготы для тех рабочих и крестьян, которые уволены в бессрочный отпуск из состава армии, а равно обеспечить хозяйственную помощь семьям остающихся под знаменами красноармейцев.

Тех из означенных лиц, которые своевременно явятся на трудовой фронт, освободить от уголовной ответственности за уклонение от военной службы или дезертирство с нее.

Лица, уклонившиеся от военной службы или дезертировавшие с нее после указанного выше срока (11 декабря 1920 года), к каким бы возрастам они ни принадлежали, должны и впредь караться со всей строгостью закона.

Приступая к сокращению армии, правительство в то же время считает необходимым принять все меры к тому, чтобы Красная Армия была вполне обеспечена всеми необходимыми для ее существования, обучения и воспитания материальными средствами, и чтобы ее военное обучение и политическое воспитание совершались с необходимой энергией и без помех.

Местным органам Советской власти надлежит принять меры к тому, чтобы семьи красноармейцев, остающихся под знаменами, получили надлежащую помощь».

Таково, т.т., то правительственное сообщение, которое, если вы его одобрите,—а мы на это надеемся,—будет оглашено сегодня же всеми способами, какими только мы располагаем для сообщения важных правительственных актов [2]. Дело идет тут, т.т., об акте исключительной важности: армия ждет от нас ясного и точного слова о том, какова будет ее дальнейшая судьба.

Для армии и для военного ведомства, которое этой армии служит, наступает сейчас крайне важный, критический, ответственный и трудный период. Ибо если на первый взгляд кажется, что сократить армию значит облегчить задачу, то это верно только в одной части; с другой же стороны, сокращение армии и перестройка ее представляют собой новую задачу и новую заботу исключительной трудности. Мы должны армию сократить, и мы надеемся ее сократить вдвое до середины лета, если не будет какихнибудь неблагоприятных условий. Мы ее будем сокращать, не ослабляя ее. Не ослаблять армию, сокращая ее, — значит повышать ее качество, повышать удельный вес каждого отдельного бойца. Это может быть достигнуто только повышением боевого обучения и общего революционно-политического воспитания. А это может быть достигнуто повышением количества и качества наших новых командиров, выходящих из среды рабочих и крестьян. Поэтому, сокращая армию, мы одновременно в рамках этого сокращения расширяем и развиваем командные курсы, углубляем на них занятия и работу по воспитанию.

Вместе с тем, распуская осторожно, планомерно нашу армию, мы отнюдь не думаем, чтобы было допустимо сейчас эту уменьшенную армию оставить без возможных глубоких тяжеловесных резервов в стране. И нам

необходимо, сокращая армию, переходить к созданию новой системы построения армии. Мы будем к ней переходить, т.т., со всей осторожностью, опираясь на тот опыт, который мы накопили за три года жестоких боев, неудач и побед. Мы не имеем возможности уже сегодня, уже сейчас демобилизовать всю армию. Мы должны иметь страховку против возможных врагов. И эта страховка должна быть достаточно сильна для того, чтобы выдержать первый удар, который нам попытались бы нанести внезапно, чтобы нас застигнуть врасплох. Эта страховка должна быть достаточно сильна, чтобы мы успели поднять тяжелые резервы, изъять их из среды рабочих и крестьян, прошедших необходимую милиционную выучку, имеющих готовые кадры и соотношения между нашими полевыми частями и между нашими молодыми милиционными будущими частями. Это соотношение между ними, эта пропорция чем будет определяться? Это понятно каждому из нас. Пропорция эта будет определяться тем, в какой мере мы будем обезопасены от наших врагов, от угрозы прямого вероломного и хищного удара. И чем более мировое положение Советской Республики и международного рабочего класса будет крепнуть, тем меньше нам понадобится страховка в виде полевых частей, и тем смелее и тверже мы придем к демобилизации наших возрастов. Мы говорим об этом условно. Мы говорим, что если обстановка позволит, мы сделаем то-то и то-то. Здесь есть элементы неопределенные, но они продиктованы не нашей нерешительностью, а неопределенностью мировой обстановки,—и наш долг, если вы подтвердите это, и особенно ваш долг, делегаты флота и армии, разъяснить каждому отсталому солдату-красноармейцу, что означает заявление власти, когда мы говорим, что мы не сможем демобилизоваться, если будет в неблагоприятную сторону изменяться мировая обстановка. Пусть вместе с центром каждый красноармеец внимательно следит за ходом мировой политики и пусть каждый с нами учитывает, сгущаются или разрежаются тучи над нашим горизонтом.

Мы хотим произвести демобилизацию как можно шире, полнее и планомернее. Мы к ней приступим сейчас, и приступим с сознанием высокой внутренней моральной мощи той страны, которая создала победоносную армию. Эта страна — рабоче-крестьянская Россия, которая представлена здесь на VIII Всероссийском Съезде Советов.

Да здравствует VIII Съезд Советов!

Стенографический отчет VIII Съезда Советов.

Из речи

на общем собрании членов Р. К. П. Замоскворецкого района 4 января 1921 года.

Мне остается отметить о сокращении армии, которое имеет большое значение. По этому вопросу было много предварительных обсуждений в Ц. К. партии, в комиссии при Ц. К. Этот вопрос осложнялся пересечением целого ряда других вопросов. Армию нужно распустить как можно в большем количестве, это ясно, но с другой стороны нужно ее и сохранить, и в таком количестве, чтобы можно было ее прокормить.

Здесь прежде всего встал вопрос об освобождении тех элементов, которые не принадлежат ни к армии, ни к трудармии. Их дальнейшая судьба должна быть такова, чтобы то или другое хозяйственное ведомство выделило бы из них тех, кто ей нужен. Например, на угольные работы выделить те элементы, которые там уже осели, а остальных распустить.

Затем идет сокращение армии, потом сокращение штабов, штабных управлений и учреждений. Мы, разумеется, очень часто говорим о бюрократизме в наших военных управлениях, но не надо забывать, что мы от партизанских отрядов перешли к такому состоянию, когда имели четыре фронта: один около Забайкалья, один под Архангельском, один на западе, один на юге. Из Москвы надо было управлять этими четырьмя фронтами так, чтобы можно было следить, если не за движением роты, то по крайней мере, за движением полка, чтобы можно было бы их по плану вооружать, снабжать, а этого достигнуть было трудно при нашем тягчайшем положении, при отсутствии необходимых средств и сил, при отсутствии свободного транспорта. При нашей отсталости, некультурности осложнялась всякая задача, и было необходимо построить большой нерв между центром и фронтом для того, чтобы по команде из Москвы можно было бы бороться с Балаховичем, выделять силы против Дагестанского восстания, помогать партизанам Забайкалья разгромить Семенова и т. д. Необходимо было построить колоссальный и дееспособный аппарат, перед которым мы, работники военного ведомства, остановились в ужасе. Когда мы подходили к сокращению этого аппарата, то возникло опасение: не рано ли его сокращать, может быть, потребуется быстро перебросить военные силы и мы во-время не сумеем этого сделать.

Сейчас в смысле сокращения штабных управлений мы находимся в более благоприятном положении. Если работа не идет полным ходом, то только потому, что мы не можем быстро развозить наши части. Чтобы

сократить число дивизий, нужно во многих местах полевые дивизии оттянуть в тыл и заменить их дивизиями внутренней службы, которые формируются и развертываются, а для этого нужны средства транспорта, на который у нас не хватает угля. Медленный темп сокращения является, таким образом, результатом нашей бедности, но в общем и целом, как вы знаете, проект плана сокращения армии состоит в том, чтобы до июня уменьшить численность армии вдвое. Мы пытались поставить программу сокращения армии более полно, чтобы распустить все учреждения, которые обслуживают трудовые армии и состоят за счет военного фонда, но главным затруднением явилось опять отсутствие транспортных средств для развоза отпускаемых.

В первую очередь распускаются родившиеся в 85, 86, 87 г.г., во вторую— родившиеся в 88, 89, 90, 91 г.г. Затем в следующую очередь— родившиеся в 92, 93, 94. 95 г.г. Тогда у нас останутся только родившиеся в 96, 97, 98, 99, 900, 901 г.г., следовательно, останутся шесть лет под ружьем. Так будет, если не будет каких-либо непредвиденных обстоятельств. Одновременно с этим предполагается в некоторых наиболее промышленных пролетарских районах создать школы для подготовки милиционных частей, чтобы постепенно создать в пролетарских районах новую милиционную армию.

Части, которые мы сохраняем под ружьем, должны быть у нас в таком количестве, чтобы они были способны выдержать первый удар неприятеля, пока мы не произведем в тылу большую работу по сбору запаса. Одновременно с этим наша программа сокращения армии состоит в том, чтобы оставить часть наших курсантов на курсах командного состава, увеличить программу вдвое или втрое и повысить командный состав путем обеспечения армии лучшими пролетарскими силами. В общем и целом эта мера была одобрена Съездом Советов и теперь проводится в соответствующей инстанции.

Хотел бы сказать еще в заключение несколько слов относительно армии. Конечно, верно, что наша чудовищная военная машина натерла всем решительно спину, особенно рабочим и крестьянам. Если с одной стороны хвалят героическую Красную Армию, то с другой—всякий мечтает, чтобы свести ее к минимуму. Это ясно, потому что армия не производит, а потребляет и расхищает в силу того, что она армия. Мысль о переходе на хозяйственные рельсы связана с нетерпеливым желанием как можно скорее и более сократить армию. Но есть и другая сторона — это духовная демобилизация, которая наблюдается в партии и которая просачивается в армию. Распространяется мнение, что армия закончила свою историческую задачу, что ее можно сдать в архив. Стремление уйти из армии является распространенным. Коммунист считает, что он стал солдатом, комиссаром или командиром только потому, что это требовалось в данный момент, но настоящее его стремление — это строить, развивать культурное рабочее государство. Я хотел бы предупредить, что этот взгляд на армию, как на что-то второстепенное, заключает в себе очень опасный

момент. Мы еще окружены со всех сторон капиталистическими врагами, еще ни один из крупных врагов, даже из мелких, не издох. Франция, Англия, Япония, Америка остаются империалистическими странами. Польша, Румыния попрежнему готовы к новому нападению на нас. Мы можем надеяться, что история пронесет мимо нас чашу новой войны, но гарантии в этом нет никакой. Если ликвидаторское настроение станет развиваться, то это приведет к моральному распаду тех дивизий и частей, которые необходимо сохранить, как страхование против возможных ударов. Солдаты-крестьяне поддерживаются руководством рабочих, солдат-крестьянин прет на помещика вместе с рабочими, когда Врангель перед ним, но сейчас на горизонте Советской республики со всех четырех сторон помещика не видать, а у крестьянина кругозор небольшой, память у него короткая, потому-то он и в течение веков, тысячелетий угнетался, эксплоатировался до тех пор, пока рабочий не попытался вести его за собой. Он скоро забывает удары прошлого и скоро опять протягивает шею под ярмо. Когда дивизии стоят на месте в ожидании, то крестьянин начинает чесать в затылке, зачем нам стоять здесь, не лучше ли идти по домам. И если ослабеет нажим партии в военной работе, ослабеет нажим военных работников в полку, в роте,—армия станет разваливаться, как живая ткань.

Всю армию сохранить нельзя, нужно обязать в течение зимы до весны сократить армию вдвое, но каким путем это сделать? Это нужно сделать через передовых работников, которые всегда брались с фабрик, заводов, партийных организаций, профессиональных союзов. Поэтому их нужно сохранить в армии, так как коммунисты в армии поддержат известный режим, боевой дух. На партийных организациях лежит сейчас главное политическое воспитание наших воинских частей. Я собираюсь подать докладную записку в Ц. К. и М. К. о том, что в течение зимы необходимо армию удержать, скрепить, повысить качественно. Если партийные организации не подтянутся, не произведут этой работы к весне, то мы можем придти к военной катастрофе и распаду в армии. Я думаю, что партийные организации обеспечат дух армии. Они поругают военный бюрократизм, но все-таки скажут, что армия абсолютно необходима. Нужно создать образцовые курсы с более длинным обучением, чтобы подготовить квалифицированный командный состав. Это в виде общего тезиса одобрено Съездом Советов и будет проведено на партийном съезде. Итоги последнего Съезда Советов можно формулировать так: расширение и улучшение хозяйства и сокращение и улучшение армии. На основе этого улучшения и сокращения будет вестись борьба с бюрократизмом, которая является борьбой с расхлябанностью, невежеством, распоясанностью во всех областях нашей жизни. Я думаю, что к IX-му Съезду Советов мы будем сильнее, чем сейчас, если мы пойдем по путям, намеченным VIII-м Съездом Советов.

Из архива.

Речь

на совещании военных работников в г. Екатеринбурге по вопросу о милиционной системе

17 февраля 1921 г.[3]

Товарищи, много вопросов затронуто было здесь и в докладе, и в прениях о милиционной системе, вопросов обще-принципиального значения, вопросов практических и даже ведомственных, организационных. О принципиальных вопросах я говорить не буду. Укажу только на один момент, который мне хотелось бы отметить.

Я считаю, что этот вопрос о милиционной системе вряд ли подлежит сейчас общему перерешению. У нас были вынесены постановления по этому поводу и Съездом Советов и партией. Я должен только сказать, что тов. докладчик, обрисовывая положительные стороны милиции, не совсем правильно ссылался на Швейцарию, где существует будто бы идеальный тип милиции. Идеального типа милиции еще нет. Милиция по самому существу своему может достигнуть полного развития только в социалистическом государстве, у которого есть еще враги.

У Жореса есть книга[4]. В политической ее части много неверного, но в военном смысле она является пророческой. Он настаивает в ней именно на милиционной армии. Но его идеи не имели успеха, потому что милиционная армия не мирится с подавлением меньшинством большинства. Милиционная армия предполагает всеобщее военное обучение, всеобщее вооружение, стало быть, это есть военная организация восстания народных масс против буржуазии. Вот что такое милиция по существу. Поэтому не может быть и речи о создании милиционной армии в буржуазном государстве, особенно в большом, с крупным классовым антагонизмом. В Швейцарии, которая долго была мелко-буржуазной страной с зажиточным средним крестьянином и горожанином, милиция была более возможна, потому что крупный капитал, с одной стороны, и пролетариат, с другой, не играли большой роли. Кроме того, в Швейцарии много пролетариев в значительной мере иностранцев, много итальянцев, немцев, славян, которые эксплоатируются, никаких прав не имеют и к милиции никакого отношения не имеют. Ядро милиции составляет мелко-буржуазный класс. Сейчас за последние годы в Швейцарии происходит то же развитие, что и в других странах, т.-е. все больше усиливаются оба противоположных класса, а промежуточный теряет свое значение. Поэтому и в Швейцарии сейчас теряется почва для милиции и тенденция такая, чтобы больше приблизиться к регулярной армии.

Докладчик был прав, когда говорил о том, что швейцарская милиция обучена хорошо, благодаря высокому культурному уровню населения и богатству страны. Швейцарцы — хорошие спортсмены, хорошие стрелки. Все это в совокупности дает хорошего солдата для оборонительной войны. Но дело тут не столько в милиционной системе, сколько во всей природе этого государства. Швейцария—страна нейтральная, по своему положению она неспособна пускаться ни в какие завоевательные авантюры. Таким образом, швейцарская милиция есть мелко-буржуазная милиция, приспособленная для защиты маленькой нейтральной страны. Большие страны не отваживались на это, ибо это означало бы для буржуазии самоубийство. Стало-быть, милиция в полном объеме применима только в социалистической стране, где нет классовых противоречий, где нет оснований бояться борьбы одной части населения против другой. Советская республика не есть еще социалистическая страна, она находится в состоянии перехода от буржуазных условий к социалистическим. Вот почему не может быть и речи о том, чтобы сразу перейти к милиционной системе. Да и вообще, что значит сразу перейти к милиции. Это не совсем ясно. Милиционная система есть определенная военная организация миллионов людей. Сразу перейти к ней нельзя так же, как нельзя сразу перейти к социализму. Можно перейти только постепенно. Стало быть, нужно, чтобы скорый или медленный переход отвечал внутренней или внешней обстановке.

Тут тов. докладчик рассматривал некоторые соображения по поводу милиционной системы. Вот возьмем территориальный принцип. Он имеет положительные и отрицательные стороны, но их нужно рассматривать в данных условиях. Если бы в хозяйственном строительстве мы бы достигли такого состояния, что рабочие и крестьяне были бы сытыми, крестьянин имел бы необходимое количество гвоздей, ситцу и пр., то принцип территориальности имел бы для нас только положительные стороны. Так, мы знаем, что на Урале Сысертский завод дрался героически, там была группа людей, сплоченных всеми предшествующими переживаниями. Рабочие знали друг друга, их связывало единство, совместный труд, и это давало им спайку, которую не заменит никакая спайка казармы. Но если на местах есть антагонизм, вражда, то эта спайка может повернуться против власти. В деревнях, где происходят восстания при участии значительной части крестьян, которые терпят нужду и лишения, это может повернуться против военной системы и не только против милиционной, но и против всякой другой. Со всем этим приходится считаться. Стало быть, весь вопрос в том, как переходить, какие гарантии нужны для того, чтобы экономические стороны нашего переходного периода не разрушили нашей работы.

Насчет того, что милиционную армию с точки зрения международной обстановки нельзя будет мобилизовать в необходимое время, это опять-таки чисто практический вопрос. Там, где нам грозит наибольшая опасность, мы должны иметь какую-то военную страховку. Совершенно правильно, что мы не сможем везде, на всех фронтах, быть застрахованы от всех врагов.

Стало быть, нужно иметь какой-то подвижной резерв. Его нужно будет перебрасывать. Для этого нужны железнодорожный и транспортный аппараты. Если они плохи, то это отразится одинаково на милиционных и регулярных войсках. То, что говорит начальник штаба, все это безусловно верно, но совершенно очевидно, что в переходный период нам нужно действовать с величайшей осторожностью. Нас окружают со всех сторон враги. Хотя есть много данных, что наши враги слабеют, но они могут в предсмертный час совершить жестокое нападение. Последний удар издыхающего мертвеца может быть смертельным для нас. Как закончит свою карьеру германская буржуазия, не сделает ли она попытки напасть на нас при поддержке Франции — этого мы не знаем. Что будет с Польшей? Скоро должен быть подписан мир. Но не исключена возможность войны весной, особенно, если усилится революционное движение, которое может толкнуть Польшу на войну для того, чтобы в национальном опьянении найти средство против революционного движения внутри страны. Для предотвращения этих возможностей нам необходимо иметь значительные силы на западе. Весь вопрос сводится к тому, в какой пропорции переходить к милиционной системе. Скажем ли мы, что сейчас распускаем 40 или 50 дивизий, оставляем 10 или 20 или наоборот мы оставляем 40 или 50 дивизий, а одновременно приступаем к созданию 5 или 3 дивизий милиционных. Вот как ставится практически вопрос. Я думаю, что мы должны начать с минимума и прежде всего для того, чтобы получить серьезный опыт. Тов. докладчик правильно говорил, что всевобуч не может дать такого опыта. Его держали в черном теле. Это было неизбежно. Стало быть, начнем ли мы с того, что будем создавать три или пять дивизий. Я думаю, что вернее будет начать с трех: в Петрограде, в Москве и на Урале. Для того, чтобы это удалось, нужно их создавать из хорошего материала. В основу положить хорошие испытанные полевые кадры. Укомплектовать их из других расформировываемых дивизий. Организовать в них хорошие коммунистические ячейки. Снабдить их хорошим командным составом, низшим — из местных передовых рабочих.

Затем относительно их вооружения. Это очень сложный вопрос. Можно ли в переходную эпоху, когда гражданская война не закончилась, когда ведется планомерная подготовка восстания против нас при помощи Франции, которая действует через агентуру Савинкова (все эти данные имеются, наша разведка дает их), давать оружие всему населению? Очевидно, нет. Стало быть, этот вопрос нужно учитывать. Какое соотношение должно быть между кадрами, между коммунистическими передовыми элементами и между крестьянством? Как его вовлекать, как воспитывать? Нужно взять за основу три района, наиболее благоприятные с наибольшим процентом рабочих. Если Урал будет голодать и рабочие будут голодать, то милиционный опыт сорвется. Если наша полномочная комиссия сможет улучшить продовольственное обеспечение рабочих, то для милиционной системы это будет колоссальной помощью. Поэтому нельзя абстрактно рас-

сматривать, какая система лучше, или решать этот вопрос, как математическую задачу. Ее необходимо решать, как задачу политическую, социальную, применительно к данным условиям. Если бы оказалось, что, по хозяйственным соображениям, мы не сможем в 1921 году обратить внимание на Урал, то создание уральской дивизии следовало бы отложить до следующего года. Вот как, мне кажется, надо подходить к этому вопросу.

Когда милиционная система сможет установиться окончательно? Это зависит от колоссального количества причин. От быстроты революционного развития в западной Европе, от экономического развития у нас в России. Я думаю так, что если революционное развитие в 21, 22, 23 г.г. пойдет быстрее, чем шло до сих пор (оно идет правильно, но медленнее, чем мы рассчитывали; массы в Европе более культурны и всякий шаг делают с большей осторожностью и уверенностью),—мы сделаем большой скачек вперед в экономическом смысле. Крестьянские волнения у нас прекратятся, продовольственное состояние улучшится. В этих условиях переход к милиции будет очень естественен и неизбежен и вместо трех дивизий мы сможем создать 20. Если при этом везде установится социалистический строй, то при таком положении милиция нам будет не нужна. Но думать что Европа, Азия, Америка в течение 3—5 лет перейдут к устойчивому советскому режиму, нельзя. Есть Япония, есть Китай, как они будут развиваться, не будет ли идти туда эмиграция капитала из стран, которые перейдут к советскому режиму, не начнется ли там развитие капитализма, не станут ли они убежищем империализма,—все это неизвестно. Так что опасность может быть на десятилетие, на два, на три. Если мы достигнем такого экономического уровня, какой Россия имела перед войной, то при новом социалистическом режиме это дало бы высокое удовлетворение массам. Если бы улучшение пошло бы с такой интенсивностью, очень небольшой, как оно шло до 14-го года, то при новом строе это создало бы очень хорошую почву для милиции. Этого мы можем достигнуть в течение трех, четырех, пяти лет. При этом в Европе могут идти еще войны, будут существовать могущественные буржуазные государства, и вооруженная сила нам будет необходима.

Вот почему вопрос о милиции нужно брать в исторической перспективе, а не просто разрешать, как какую-то математическую задачу. Я настаиваю, чтобы нам такой опыт сделать. Три дивизии это тоже большой опыт. Но при этом нужно целиком сохранить прежнюю организацию и ее крепкий организм. Например, мы решаем сохранить 40—50 дивизий. Из них удаляем те возрасты, которые подлежат демобилизации. Берем на учет всех коммунистов, которые должны остаться, командный состав и пр. Нужно не понизить боевые качества этих дивизий, а повысить. Самое худшее, если постоянные части не вполне уверены в том, нужны они или нет.

Итак, милиция будет большим серьезным опытом. Для обороны страны в ближайшие месяцы остается определенное количество дивизий. Их нужно поднять, усилить, улучшить, пропустить каждого красноармейца через

выучку, какую, примерно, проходили в начале наши красные командиры, поднять интерес к военному делу, вовлечь красноармейца в сферу военных интересов. Мы привыкли к политическим конференциям, но к военным не привыкли. Между тем и такие конференции полезны. Опыт, какой имеется у красноармейца, у командного состава в смысле правильности вооружений, снабжения, организации и пр., этот опыт на конференциях надо извлечь, суммировать, подъитожить для внесения его в практическую жизнь. Нужно добиться того, чтобы каждый сознательный красноармеец сделался сознательным строителем Красной Армии. Только таким образом мы сможем этот переходный период прожить. Стало быть, надо ясно сказать, что мы делаем опыт. Принципиальные позиции остаются целиком. На ближайшее полугодие и год мы сводим нашу задачу к созданию трех или пяти дивизий, но ставим этот опыт образцово в смысле кадров, вооружения и других условий.

И раз мы понимаем под милицией регулярную милиционную армию, (милиция есть регулярная армия, построенная на известных территориальных началах и тесно связанная с трудом), — то очевидно, что мы не можем иметь два аппарата, из которых один должен поддерживать регулярную армию, а другой приспосабливаться для создания новой армии. Так строить, в два этажа, нам не по карману. Очевидно также, что всевобуч не может быть аппаратом для создания этой армии. Он должен остаться аппаратом для допризывной подготовки в еще более тесной связи с местными организациями. Строить милиционные дивизии должен бесспорно тот же самый аппарат, который потом будет их применять, когда они перейдут на боевое положение. Это—единый штаб, в который мы сливаем Всероглавштаб и Полевой Штаб, который в случае большой войны может легко быть расчленен [5]. Вот, мне кажется, в общем и целом, схема организации в ближайший период.

Итак, на Урале должна развернуться, по крайней мере, одна милиционная дивизия. Я думаю, что было бы хорошо, если бы этот вопрос уральские товарищи разобрали, создали комиссию, может быть, выделенную из состава этого совещания. При практической постановке вопроса мы скорее бы приблизились к практическому разрешению дела.

Из архива.

Внимание к мелочам.

Надо восстанавливать разрушенное хозяйство. Надо строить, производить, починять, латать. Мы ведем хозяйство на новых началах, которые должны обеспечить благосостояние всех трудящихся. Но производство в основе своей сводится к борьбе человека с враждебными ему силами природы, к разумному использованию естественных богатств для своих целей. Общее направление политики, декреты, инструкции могут только регулировать хозяйственную деятельность. Фактическое же удовлетворение человеческих потребностей может быть достигнуто лишь производством материальных ценностей, трудом—систематическим, настойчивым, упорным. Хозяйственный процесс складывается из частей и частиц, из деталей, частностей, мелочей. Восстановить хозяйство можно только при величайшем внимании к этим мелочам. Этого внимания у нас нет или, в лучшем случае, его страшно мало. Главная задача хозяйственного воспитания и самовоспитания состоит в том, чтобы пробудить, развить, укрепить внимание к этим частным, мелким повседневным потребностям хозяйства: ничего не упускать, все подмечать, все делать своевременно и требовать того же от других. Задача эта стоит перед нами решительно во всех областях нашей государственной жизни и нашего хозяйственного строительства.

Обеспечивать армию обмундированием и обувью при нынешнем состоянии производства не легкая задача. Аппарат снабжения дает нередко большие перебои. Между тем, внимательной и тщательной заботы о сохранении обмундирования и обуви и об их своевременной починке почти что не видать. У нас обувь почти-что никогда не смазывается. Когда спрашиваешь почему, то получаешь самые разнообразные ответы: то самой смазки нет, то не во время выдали, то сапоги желтые, а смазка черная и пр. и пр. Но главная причина та, что нет внимательного, хозяйственного отношения к вещам ни у красноармейцев, ни у командного и комиссарского состава. Несмазанные сапоги, особенно если намокнут, пересыхают и перегорают затем в несколько недель. Производственный аппарат не поспевает и начинает шить кое-как. Сапоги изнашиваются еще скорее. Получается заколдованное колесо. А между тем, выход есть и сам по себе очень простой: нужно, чтоб сапоги своевременно смазывались, нужно, чтобы сапоги были на ноге аккуратно зашнурованы, иначе они искривляются и растаптываются. А мы сплошь и рядом портим хорошую американскую обувь только потому, что нет к ней шнурков. Достать же их можно, если настойчиво поискать,—если шнурков нет, то потому,

что нет внимания к хозяйственным мелочам. А из таких мелочей и создается целое.

То же самое, и еще в большей степени, относится к винтовке. Сделать ее трудно, испортить легко. Нужно беречь винтовку, чистить ее и смазывать. А это требует неутомимого и настойчивого внимания. Это требует приучения, воспитания.

Мелочи, накапливаясь и сочетаясь, образуют нечто большое или... разрушают нечто большое. Мелкие повреждения на шоссейной дороге, своевременно не исправляемые, увеличиваются, превращаются в глубокие рытвины и выбоины, затрудняют езду, портят повозки, расшатывают автомобили и грузовики, губят шины. Плохое шоссе вызывает расходование в десятки раз больших сил и средств, чем сколько их нужно для починки самого шоссе. Так же точно, по мелочам, разрушаются машины, фабричные здания, жилые дома. Чтобы поддержать их, необходимо повседневное неутомимое внимание к мелочам и к деталям. Нам этого активного внимания не хватает, ибо не хватает хозяйственного и культурного воспитания. Нужно уяснить себе отчетливо эту главную нашу нехватку.

Внимание к деталям и мелочам у нас нередко смешивают с бюрократизмом. Это величайшее заблуждение! Бюрократизм состоит во внимании к пустой форме за счет содержания, за счет дела. Бюрократизм утопает в формалистике, в пустяках, а вовсе не в деловых деталях. Наоборот, деловые подробности, в которых состоит самое дело, бюрократизм обыкновенно обходит, озабочиваясь лишь свести бумажные концы с концами.

Требование, чтобы на лестницах и коридорах не плевали и не бросали окурков, есть «мелочь», мелкое требование, а между тем оно имеет огромное воспитательно-хозяйственное значение. Человек, который походя плюет на лестнице или на пол в комнате—неряха и распустеха. От него нельзя ждать возрождения хозяйства. Он и сапог не смажет и стекло вышибет по невниманию и тифозную вошь занесет...

Иному может показаться, повторяю, — что настойчивое внимание к такого рода вещам есть придирчивость и «бюрократизм». Под борьбу с бюрократизмом у них охотно подделываются неряхи и лентяи. Экая, мол, важность бросить на лестнице окурок! Но это гнилой вздор. Неопрятное бросание окурков есть неуважение к чужому труду. А кто не уважает чужого труда, тот и к своему собственному относится недобросовестно. Для того, чтобы могли развиться дома-коммуны нужно, чтобы каждый жилец или каждая жилица относились с полным вниманием к порядку, чистоте, к интересам дома в целом. Иначе получатся (и получаются нередко) вшивые, проплеванные ямы, а вовсе не дома-коммуны. Надо неутомимо и непримиримо бороться с такого рода неряшливостью, некультурностью, разгильдяйством—бороться словом и примером, проповедью и требовательностью, увещанием и привлечением к ответственности. Тот, кто молча, сторонкой проходит мимо таких фактов, как проплеванная лестница или загаженный двор, тот плохой гражданин, тот негодный строитель.

В армии резко сочетаются все как положительные, так и отрицательные стороны народной жизни. Это целиком подтверждается и на вопросе о хозяйственном воспитании. Армия должна во что бы то ни стало подняться в этом отношении хоть на ступеньку выше. Достигнуть этого можно дружными усилиями всех руководящих элементов самой армии, сверху до низу, при содействии лучших элементов рабочего класса и крестьянства в целом.

В тот период, когда советский государственный аппарат только складывался, армия была насквозь проникнута духом и приемами партизанщины. Против партизанщины мы вели настойчивую и непримиримую борьбу, которая дала несомненно крупные результаты: не только создан централизованный аппарат руководства и управления, но, что еще существеннее, самый дух партизанщины глубоко скомпрометирован в сознании трудящихся.

Теперь нам предстоит борьба не менее серьезная: борьба со всеми видами небрежности, неряшливости, безразличия, неаккуратности, неисполнительности, личной распущенности, бесхозяйственности и расточительного озорства. Это все разные степени и оттенки одной и той же болезни: на одном крыле—недостаток внимательности, на другом крыле—злостное озорство. Тут нужен большой поход: повседневный, настойчивый, неутомимый, с применением всех методов, как и в борьбе с партизанщиной: агитация, пример, увещание и кара.

Самый великолепный план без внимания к частностям и деталям—только верхоглядство. Чего стоит, например, самый лучший оперативный приказ, если он, по неряшливости, своевременно не дойдет по назначению, или если он переписан с искажениями, или если он невнимательно прочитан? Верный в малом и во многом будет верен.

Чтобы осуществлять великие замыслы, нужно великое внимание к самым малым мелочам! — таков лозунг, под которым Красная Армия вступила в свой новый период.

«Правда»,
11 сентября 1921 г. № 219.

Заключительная речь
на разборе маневра в Котюжанах
12 сентября 1921 г.[*]

Прежде, чем отпустить вас, товарищи, к вашим частям, позвольте в нескольких словах подвести итог общему впечатлению от маневра и его разбора.

Несомненно, что самый уровень прений, самый характер разбора маневра свидетельствует о серьезном росте Красной Армии. Год — полтора тому назад такого рода разбор с активным участием в нем не только высшего, но и среднего командного состава был бы не возможен. Здесь безусловное улучшение. Мы слышали много критики, иногда очень суровой и жестокой, но именно эта критическая требовательность свидетельствует о повышении уровня армии и, прежде всего, ее командного состава. Армия выросла, ставит себе более сложные задачи, предъявляет к себе более строгие требования.

Но в то же время в свете этих повышенных требований и более сложных задач, которые ставит пред нами международная обстановка, маневр тем ярче обнаружил наши теневые, слабые стороны.

Если подвести итог всему, что здесь говорилось, то придется сказать: слабость маневра состоит в несоответствии между замыслом и исполнением. Самый оперативный замысел на обеих сторонах имеет чрезвычайно резкий, заостренный, так сказать, абсолютный характер. Но он разбивается в процессе исполнения, ибо не исправляется в зависимости от обстановки и действий противника, и потому исчезает в фактическом ходе операции, которая на практике оказывается лишенной всякого объединяющего руководства.

Господствующая у нас ныне командно-оперативная мысль построена преимущественно на широте и смелости стратегического замысла, на чрезвычайной подвижности частей, на быстроте переходов и стремительности ударов. И объективно, и субъективно наша нынешняя маневренная стратегия противопоставляется позиционной стратегии в империалистической войне. Имеется тенденция принципиально противопоставлять эту новую или «революционную» стратегию стратегии старого милитаризма. Такое противопоставление требует, однако, больших ограничений.

Империалистическая война отличалась непрерывностью линии фронта, большой компактностью масс, небывалым массированием артиллерии и других технических средств. При таком построении фронта почти не

было места неожиданным стратегическим комбинациям. Обе стороны стремились подточить сплошной фронт противника. Позиционная стратегия, о которой у нас иногда отзываются с презрением, требовала, однако, сочетания высоких качеств в области руководства: правильной оценки всех сил и средств противника в их непрерывных изменениях (наростании или убыли), тщательнейшей разведки, бдительнейшего охранения, правильной, тщательной, мозаической организации собственных сил и средств, величайшего внимания ко всем деталям и непрерывного комбинирования всех сил и средств борьбы. Это мы видели особенно на французском фронте. Наш русский фронт с немцами был куда слабее и походил на французский, как, скажем, дерюга на хорошее английское сукно. Но, в общем, те же позиционные тенденции были и у нас.

Маневренная гражданская война является по своим методам и приемам крайне резкой реакцией против позиционной войны. Эта маневренность вовсе, однако, не есть появление какого-либо абсолютного «революционного духа». Маневренность возникла, прежде всего, из относительной малочисленности действующих сил на огромных пространствах. По сравнению с армиями империалистской войны как Красная Армия, так и контр-революционные армии представляли собой, особенно в первое время, немногочисленные отряды, которые по самой сущности положения могли разрешать свои задачи только при помощи маневров большой подвижности. Несомненно, что военное искусство, как искусство, имело здесь широкое поле для своего проявления, несмотря на относительную бедность технических средств и нередко малую подготовленность самих войск. Именно из этих недочетов рождалась потребность возместить все минусы неожиданностью комбинаций, смелостью группировки, дерзостью маневра. Интерес к маневренной стратегии чрезвычайно поднялся у командного состава. Наиболее дерзкою формой маневра является кавалерийский рейд. Страсть к рейдам развилась у нас в высокой степени.

Совершенно очевидно, что такая степень маневренной свободы имеется вовсе не везде и не всегда. Чем большие силы участвуют в борьбе, чем выше техника, чем лучше пути сообщения и средства связи, тем более связан и ограничен оперативный замысел; но, вместе с тем, тем более у него шансов осуществиться на деле.

Я вспоминаю, как в первый период создания Красной Армии, некоторые товарищи доказывали, что нам в силу «внутренней природы» революционной войны не нужны высшие соединения—ни корпуса, ни дивизии, ни даже бригады. Маневренной стратегии должен-де отвечать небольшой самостоятельный отряд, нечто в роде комбинированного полка: 2—3 батальона пехоты, немножко кавалерии, немножко артиллерии. На эту тему у нас было в свое время не мало прений. Но уж очень скоро, по мере роста самой армии и ее задач, мы пришли к более высоким соединениям. Если бы мы получили теперь длительную передышку, которая позволила бы нам укрепиться в отношении хозяйства, транспорта и военной техники,

после чего мы оказались бы снова вовлечены в войну, скажем, на западном театре, то несомненно, что наша стратегия вынуждена была бы оперировать с более тяжеловесными массами и приобрела бы сама большую позиционность, большую тяжеловесность.

Я все это говорю, разумеется, не к тому, чтобы опорочивать идею смелого маневра, а к тому, чтобы показать внутреннюю зависимость оперативного замысла от характера и численности воинских масс и от обстановки.

Между тем у нас — и этот факт ярко прошел перед нами в разборе — идея стратегического маневра получила, так сказать, абсолютный характер. Каждый из командующих имел ярко очерченный стратегический замысел уже до начала маневра. Разумеется, замысел этот в общем выводился из основных данных исходной группировки и из общего характера местности и целиком предпосылался развитию операции. Командующий видел, по выражению одного из наших докладчиков, свою задачу в том, чтобы давлением своей повелительной воли провести замысел сверху донизу и довести его до победоносного завершения. Резко очерченный замысел и сильная воля командования, безусловно, необходимый элемент успеха, но, увы, недостаточный. Воля командующего, нажимающая сверху вниз, не может ни в каком случае заменить работы связи, разведки, охранения, донесения, снабжения и пр. Между тем, все эти важнейшие стороны операции не находились в действительном соответствии со смелостью замысла и напором руководящей воли. Чем смелее и наступательнее был замысел с обоих сторон, тем важнее была своевременная ориентировка в ходе операции с каждой стороны для своевременного же внесения поправок, принятия предупредительных мер и проч. На самом деле этого не было. Все требования полевого устава уступали место с т р е м и т е л ь н о с т и. Отсюда результат получался прямо противоположный тому, какого добивалась руководящая воля: из двух стремительностей, направляющихся друг против друга, но не прощупывавших друг друга, незаметно, по частям, складывалась обстановка, которой не предвидела ни та ни другая сторона, и в которой обе по существу растерялись. Цельный стратегический замысел сразу разбился при столкновении на ряд мелких тактических задач, в которых от замысла не осталось и следа. Избыток руководящей командной воли привел в решающий момент к ее полному параличу.

Это, товарищи, центральный вывод из маневра. Мы обнаружили совершенно ясно и отчетливо недостаток тактического воспитания как красноармейцев, так и командного состава: нет надлежащего применения к местности, разведка производится в таких формах, которые представляют собой лишь фиктивное соблюдение устава, но не дают никаких серьезных военных результатов; точно так же — охранение; нет также достаточного понимания связи и умения ее организовать. Важнейшие приказы посылаются всего в одном экземпляре и ненадежным технически путем, и пр., и пр. А за спиной всего этого стоит командующий с его математическим замыслом и

властной волей. Если бы навстречу замыслу и воле, которые текут сверху, шла снизу волна всесторонней информации, правильных донесений, сводок и представлений, вытекающих из тактической инициативы на низах, тогда первоначальный план, претерпев в процессе исполнения неизбежные изменения, мог бы явиться крайне важным условием конечного успеха. Но этого не было. Неустойки накоплялись по всей линии. До поры до времени казалось, что напряжением воли сверху эти неустойки побеждаются, но затем наступал неизбежно крах, когда из мелких неустоек, ошибок, неосведомленности, несвязанности, непредусмотрительности сложилась обстановка, в которой никто больше не разбирался и которая неизбежно должна была бы привести в бою к панике. Вот это и есть коренной порок нашего маневра: несоответствие замысла и исполнения.

Какой же выход? Единовременного рецепта здесь не придумаешь. Нужна настойчивая работа организации и воспитания; нужно повышение общего военно-тактического уровня армии—и низшего командира, и рядового бойца, без чего высший командный состав будет неизбежно упиваться собственным стратегическим творчеством, наталкиваясь в критический момент на полное невыполнение замысла. Стало-быть, надо учиться на местности, учиться и учиться.

Я бы хотел обратить ваше внимание еще на некоторые стороны дела. Все участники маневра свидетельствуют о прекрасном настроении войск и об их большом наступательном порыве. Мы видели уже, как этот наступательный порыв разбился на мелкие брызги, потому что он не был тактически охвачен и организован снизу доверху. Тут есть немножко старый душок: «шапками закидаем», только в переводе на революционный язык. Нужно еще к этому прибавить — на этом я хочу сейчас задержать ваше внимание — что по общему, кажется, признанию ни та, ни другая сторона не умела использовать частные успехи, доведя их до конца и тем сделав их, может быть, началом стратегической победы. Это неумение использовать успех и развить его имеет, в свою очередь, две причины: во-первых, указанный уже недостаток тактического обучения и воспитания и, во-вторых, особую черту характера нашего рабоче-крестьянского командного состава: пассивность и добродушие.

Почему старые революции терпели поражение? Потому что народные массы не умели развить успех до конца, легко удовлетворялись первыми победами, не закрепляли их, не уничтожали всех позиций врага, не обессиливали его окончательно, переходили легко от наступления к пассивности, упускали время и проч., и проч. А старый господствующий класс, временно ослабленный и даже опрокинутый, поднимался на ноги, прощупывал слабые стороны временного победителя и, улучив момент, наносил ему тягчайшие удары. В нашей революции мы впервые видим, в лице коммунистической партии, такого руководителя, который хочет и умеет доводить победы до конца и обучает этому трудящиеся массы; отсюда успехи нашей революции, и в этом серьезная гарантия нашей окончательной по-

беды... Вот эту твердую, никогда не ослабевающую волю к полной победе, к развитию каждого частного успеха, к обессилению и уничтожению врага наш новый рабоче-крестьянский командный состав еще не усвоил себе целиком. Он, так сказать, слишком «добёр», легко удовлетворяется, размякает и теряет время. В этом отношении нам многому нужно поучиться у наших врагов. Воля, порыв—превосходные вещи, но для победы необходимы еще настойчивость, внимание, бдительность, выдержка.

Товарищи, нам нужно больше внимания к деталям, частностям, мелочам и подробностям военного дела. Иначе—увлечение голой маневренностью грозит превратиться в верхоглядство. А это самый страшный грех во всяком деле, тем более в военном. Именно в военном деле нет и не может быть не стоющих внимания деталей. Чего стоит самый лучший приказ, если он своевременно не дойдет по назначению, или если он переписан с искажениями, или если он не внимательно прочитан? Побольше внимания к деталям. Ибо из их накопления слагается целое. Невнимание к деталям, частностям, есть основной наш порок; это ярче всего видно в области снабжения. Тут уж было совершенно правильно указано, что нам не только сейчас приходится, но и в ближайший период придется воевать, располагая очень скудными техническими средствами. Отсюда вытекает необходимость величайшей бережливости. Но этого-то и нет! Было бы чрезвычайно поучительно разобрать маневры со снабженческой точки зрения. Мы несомненно убедились бы, что бережливость, внимательность и заботливость в обращении с воинским достоянием отсутствует у большинства красноармейцев и даже командиров и комиссаров: сапог не смазывают, винтовки не прочищают своевременно, за лошадью надлежащего ухода нет. Командно-комиссарский состав, в этом отношении, слишком мало воздействует на красноармейцев, да и сам часто грешит. Погибать геройски мы умеем, а беречь винтовку не умеем. Маневренности мы научились, а смазывать сапог не научились. А какая же маневренность без сапог? Если, явившись, скажем, в штаб дивизии, я вижу грязную проплеванную лестницу, закиданную окурками, то говорю себе: тут дело плохо, тут и приказы пишутся, верно, с ошибками, и обмундирование не держится на учете и пр. и пр. Верный в малом и во многом верен будет. Нужно внимание к деталям. Я говорю, конечно, не о бюрократической мелочности, а о внимании к деловым, материальным фактическим деталям и частностям, которые, в конце концов, решают судьбу битв, войн, армий, государств. Вниманием к этим деталям и частностям измеряется уровень армии, измеряется культурный уровень целого народа... У нас еще слишком много варварства, нам нужно подниматься вверх.

Один из товарищей упомянул здесь, что у нас довольно широко распространено пренебрежительное отношение к уставам: что, мол, мне устав,—он только связывает инициативу. Этот уставный наплевизм глубоко вреден: это все тот же душок «шапками закидаем», хотя бы и революционными шапками. Устав есть сгусток необъятного военного опыта. Если в уставе

ошибки — укажи их, будем вместе исправлять. Если есть излишества, их надо выкинуть. Но прежде всего нужно учиться. Я думаю, что собранный здесь командный состав выполнит превосходно воспитательную и самовоспитательную работу, если внимательно проштудирует соответственные главы уставов на основе опыта настоящего маневра. Многое из того, что молодым командирам казалось мертвой буквой, наполнится живым содержанием; они убедятся, что мы бы меньше путали и врали, если бы серьезнее соблюдали уставы.

Я возвращаюсь к тому же выводу, с которого начал: мы выросли, но было бы преступлением самообольщаться и успокаиваться на достигнутых успехах. Нам надо итти вперед, поднимать уровень Красной Армии во всех отношениях. И мы эту задачу выполним.

Речь

на II Всероссийском Съезде Политпросветов 20 октября 1921 года.

Я, к сожалению, не слышал доклада тов. Аронштама и мне, может быть, в некоторых частях придется повторить сказанное им. Заранее за это извиняюсь. Вам был сделан доклад тов. Ленина о нашем хозяйственном положении и о методах хозяйственного строительства в связи с новой эпохой, эпохой международной, которая имеет свое внутреннее отражение в нашем развитии. Те же самые условия, которые определили глубокий перелом нашей хозяйственной политики, разумеется, влияют соответственным образом и на нашу армию.

В чем состоит существо нашего международного положения? Оно состоит в том, что мы на исходе 4-го года после октябрьской революции все еще остаемся в капиталистическом окружении. Пролетарская революция не получила непосредственного дальнейшего победоносного развития. Буржуазия устояла во всем мире, устояла в самый для нее критический период после ликвидации империалистической войны и демобилизации армии. Это был период наименьшей государственной устойчивости буржуазии, как господствующего класса, период наибольшей непосредственной опасности со стороны разочарованных в войне и ее результатах трудящихся масс, наибольших массовых стихийных революционных потрясений, наибольшей паники в среде господствующего класса. В этот период нам могло казаться с известным основанием, что буржуазия падет под этим стихийным натиском, и что рабоче-крестьянская армия, которую мы создали для обеспечения господства рабочего класса в нашей стране, в этих национальных пределах совершенно исчерпает свою задачу. Положение сложилось иначе. Мы окружены попрежнему еще властвующей буржуазией. Все народное достояние и государственная власть находятся в ее руках. Стало быть, надежда на то, что первый стихийный натиск трудящихся после войны сметет буржуазию, не осуществилась. Буржуазия устояла. Это есть самый важный факт в международной обстановке.

Что происходит сейчас на наших глазах? Дальнейшее накопление революционных сил рабочего класса. Это уже не тот стихийный поток, который мы наблюдали в конце 18-го и начале 19-го года, хотя массовое стихийное движение существует и теперь. Теперь в каждой стране ведется более систематическая упорная работа по созданию революционной партии,

по накоплению революционного опыта, по систематической подготовке завоевания власти рабочим классом. Теперь, в эту эпоху, в которую мы вступили, уже не может быть и речи о том, что рабочий класс врасплох застигнет буржуазию и опрокинет ее одним стремительным натиском. Буржуазия, несмотря на то, что экономическая почва под ее ногами расшатывается, все-таки политически так овладела собой и своим государственным аппаратом, что борьба будет упорная, систематическая, длительная и беспощадная. Это—основная характеристика нашего международного положения. Мы имеем, с одной стороны, накопление сил рабочего класса, но с другой стороны, мы видим, как на подкопанном и все более распадающемся экономическом фундаменте капитализма идет накопление военно-полицейской силы буржуазии; видим, как она восстанавливает и укрепляет аппараты своей пошатнувшейся было государственной власти, как она дает отпор и готовится к отпору еще более длительному и беспощадному.

Что отсюда вытекает? Отсюда вытекает следующее: во-первых, буржуазия, устоявшая в 19, 20 и 21 годах, считает теперь, что большевизм не представляет для нее такой непосредственной смертельной опасности, как ей то казалось в 18 и 19 гг., когда она надеялась опрокинуть нас оккупационными отрядами. Поэтому для нее стало психологически возможным вступить с нами в экономические сношения. Во-вторых, буржуазия живет после войны три года и собирается жить еще дольше. Отсюда вытекает, что она готовится к длительной эпохе борьбы для подавления пролетарской революции.

Если мы в нашей внутренней и международной политике лавируем по отношению к крестьянским массам и по отношению к буржуазии (и так как мы устояли, стало быть, лавируем не плохо), то и буржуазия лавирует в свою очередь. Для нее наступило время использовать естественные богатства России, отчасти русский рынок, залечить наиболее зияющие экономические раны для того, чтобы укрепить свое положение и суметь задушить рабочий класс, если он поднимется против нее.

Что отсюда вытекает в смысле перспектив? Вытекает, как я уже сказал, длительный, напряженный и все более и более ожесточенный характер борьбы рабочего класса за власть не только в европейском, но и в мировом масштабе. В этой борьбе будут волны поднимающиеся и волны падающие. Как долго это будет продолжаться—предсказать трудно. Но ясно, что на нашем международном положении это будет отражаться самым различным образом. Будут периоды, когда кольцо блокады будет раздаваться и между нами и буржуазией будут торговые сношения,— с другой стороны, будут периоды новых интервенций, новых военных вмешательств. И в эту длительную эпоху борьбы рабочего класса с буржуазией, в которую мы вступаем, одной из основных сил мирового рабочего класса попрежнему останется наша Красная Армия. Вот в какой перспективе мы должны рассматривать вопрос о Красной Армии не только внутри нашей партии, но и в широких массах трудящихся.

Мы часто говорим, что мы перешли от военного периода к хозяйственному. Это, конечно, верно в том смысле, что сейчас мы можем гораздо большее количество сил перенести на хозяйственную работу. Но поскольку малосознательным элементом рабочего класса это обстоятельство воспринимается в том смысле, что историческая роль Красной Армии как бы закончена, постольку это ликвидаторское настроение по отношению к Красной Армии грозило бы нам (если бы этому со стороны передовых элементов не было отпора) величайшей опасностью. Это стремление к ликвидации армии (об этом говорилось не раз) проявлялось отчасти стихийно со стороны коммунистических верхов—в массовом уходе коммунистов из Красной Армии. Хотя пленум ЦК партии постановил теперь твердо закрепить основной состав партийных работников за армией, тем не менее и сейчас этот отлив в сторону хозяйственной работы продолжается. Необходимо, чтобы партийные военные работники оказывали этому ожесточенное противодействие. Там, где Губкомы снимают военных работников по соглашению с ними (сплошь и рядом это делается по добровольному соглашению, вопреки постановления ЦК партии), там партийным военным работникам надо беспощадно бороться с этими Губкомами. Это — необходимая борьба за самосохранение армии. Она связана с тем глубоко критическим периодом, через который проходит Красная Армия, и который вытекает, прежде всего, из резкого поворота от войны к мирному состоянию.

Наша Красная Армия создавалась перед лицом страшной опасности, на виду белогвардейских войск и белых генералов под давлением ожесточенной сосредоточенно-бешеной агитации нашей партии. Это создавало ее спайку. Теперь с переходом на мирное положение психология армии ломается. Прежде всего возникают сомнения, нужно ли оставаться в армии, когда из нее уходят наиболее передовые и энергичные элементы.

У нас было демобилизовано 16 возрастов. Сейчас мы приближаемся к тому, что в нашей армии останется 3, а потом 2 возраста 1900 и 1901 гг. Параллельно с этим сокращается численный состав армии больше, чем втрое. Увольнение в бессрочный отпуск старших возрастов является совершенно неизбежным, оно ведет к налаживанию армии и уравнению ее по возрастам, что является большим преимуществом. Мы надеемся этого достигнуть в ближайшие месяцы, для этого нам нужно будет снять с хозяйственной работы примерно около 400 тысяч этих двух возрастов, которые не были своевременно призваны. Этот допризыв пройдет тоже не без некоторого внутреннего и внешнего сопротивления и здесь задача агитации будет очень велика: — объяснить смысл омоложения армии и уравнения ее в возрасте. Возрастное неравенство вызывает трения и протесты. Нам нужна армия, как длительное учреждение, которое будет существовать во всю ближайшую эпоху, и роль которой будет возрастать в связи с изменениями в международной обстановке.

Уход старших возрастов есть большой плюс: им достигается освежение армии, но вместе с тем это и огромный минус—армия теряет все, что у ней было наиболее опытного и закаленного, что составляло духовную красоту армии и на чем она держалась. Какой остался процент тех, которые участвовали в гражданской войне в некоторых округах и тыловых дивизиях? Есть такие округа, где их осталось всего 10%, а все остальное представляет собой свежий сырой материал. Если посмотреть на них со стороны, все как будто бы по старому: дивизия № такой-то, построение правильное, комиссары на местах, командиры имеются, производится учение, обмундирование даже лучше, чем было раньше, продовольствие тоже лучше, как будто есть шаг вперед,—но, с другой стороны, если копнуть, то оказывается, что это только старый чертеж, который заполнен совершенно новым элементом, новыми людьми,—молодыми крестьянами, которые, как необожженные кирпичики — если хорошенько толкнуть плечом, то все развалится. Форма хороша, потому что наследие хорошее, она была создана в предшествующую эпоху. Но если упустить этот критический переход, то может оказаться, что в старых мехах, правда, мехах не плохих, которые созданы нашим опытом, влито новое вино, которое может оказаться не вином, а водой. Таким образом, ближайшая опасность в том и заключается, что, если в этот переходный период, будет слишком быстрый уход из армии коммунистов, если не будет уделено достаточно внимания армии в целом, если не будет деловой, систематической агитации, то мы под внешней оболочкой Красной Армии получим пустое место.

Я говорю об этом не для того, чтобы пугать вас, но для того, чтобы представить вам ту опасность, которая стоит перед нами. Агитация ослаблена до последней степени—это несомненный факт. Я думаю, что это относится целиком к Губполитпросветам. Я спрашивал об их работе командующего войсками Приволжского военного округа и, не в обиду будь вам сказано, он мне ответил, что Губполитпросветы никакой работы в армии не ведут и, в общем, помощи их армия не видит. Может быть, он несколько преувеличивает, но, в общем и целом, я думаю, что партия в Губполитпросветы не отдают себе в достаточной мере отчета в том, какой критический период переживает армия и в какой мере она нуждается в поддержке. Приемы старой агитации — забежать в казармы, произнести речь и кончено, — теперь не годятся, потому что новому красноармейцу, мальчику 19—20 лет, который в войне не участвовал, эти общие фразы об империализме, которые для старых красноармейцев что-то означали—совершенно чужды. Тут нужно систематическое воспитание. Врага он не чувствует, и отвлеченные рассуждения, вдобавок на суконнейшем языке, его мало трогают. Стало быть, прежде всего, его нужно познакомить с тем, что существует на земле, начиная с Румынии, Польши и т. д. Нужно создать во что бы то ни стало вместо шаблона шарманочной агитации по поводу империализма вообще—серию

толковых брошюр о наших соседях. Нужно в этих брошюрах научить его тому, что такое, например, Румыния, в каком положении находится мужик Румынии, что такое Польша и т. д., и т. д. Может быть такие брошюрки нужно делать в два этажа, деля книжки на более серьезные—для политработников, для комиссаров и т. д., а другие—совершенно простые—для рядового мужика. При этом, конечно, к этому делу надо приступать немедленно, чтобы не получалось так, что мы начинаем учить только тогда, когда война началась.

При царе, при царском режиме отношение мужика к войне было стихийным, там играло роль национальное чувство. Вы помните, как у Успенского его герой, инвалид Кудиныч говорил о том, как он дрался. Он говорит: «мы били черкеса, хороший народ, и били мы его несметное число». Мы строить так нашу армию не должны и не можем. Наш Кудиныч должен знать, с кем он дерется, почему он дерется, нужно его обучить, а также обучить и командный состав. Все ли ротные, все ли взводные знают о том, о чем им должно знать? Далеко нет. Правда, они ругают Польшу, ругают Румынию, но ругают оптом, бессознательно, совершенно не разбираясь в положении. Для всего этого нужен учебник, приспособленный к Красной Армии. И создание таких учебников является политико-просветительной задачей органов Политпросвета.

Красноармеец в действующей армии, прежде всего, охвачен войной, боем. Но красноармеец, который живет в эпоху, так сказать передышки, прежде всего смотрит на то, что его окружает в казармах, в лагерях. Красноармеец мирного времени внимательнее к мелочам. На войне, как говорит французская пословица, «по военному». На войне, если красноармейцу нечего есть, то он пограбит у крестьянина, а если некого пограбить, так он и поголодает, и отнесется к этому снисходительно, так как считает, что ничего уж не поделаешь—война. В мирное же время дело обстоит совершенно иначе: в мирное время он требует, чтобы в казарме было все хорошо, чтобы казарма была с окном, чтоб окно было со стеклом, чтобы в казарме была дверь и печка. Он уже гораздо требовательнее и склонен уже ворчать, если его что нибудь не удовлетворяет, не говоря уже о тех случаях, когда он видит злостное отношение к себе и своим нуждам. С другой стороны, среда, его окружающая, тоже требовательнее в мирное время по отношению к Красной Армии, чем во время военное. В военное время, если он выломает дверь, потому что у него нет полена на костер, то даже крестьянин, у которого он эту дверь выломает, посмотрит на это снисходительно, потому что понимает, что такое война.

Таким образом, в мирное время мы видим большую требовательность красноармейца к государству и, наоборот, государства к красноармейцу. Красноармеец требует в мирное время больше порядка, т. е. как раз того, чего нам, нужно сознаться с вами, как раз не хватает, как в армии, так и в других областях. И здесь нам необходима работа, тщательная работа

в деле воспитания красноармейца. Нужно обратить его внимание к мелочам, из которых слагается жизнь.

Особенность нашей партийно-коммунистической группы состоит в том, что мы воспитались в прошлом на революционной борьбе. Против нас был режим, который создавался в течение десятилетий, столетий и тысячелетий. Он создавал культуру, технику и достиг во многих областях больших завоеваний. Нам нужно было сбросить старого хозяина для того, чтобы овладеть властью. И в борьбе мы не следили за тем, бьются ли стекла и сжигаются ли дома. Это была борьба с буржуазией за государственную власть; борьба, которая не могла воспитать у нас внимания к мелочам и деталям. Наоборот, мы относились презрительно к этим мелочам, и когда нам говорили филистеры, что революция уничтожает культуру и т. д. и т. д., то мы от них отмахивались. После того, как мы власть завоевали, наступила эпоха гражданской войны: лес рубят, щепки летят. И много полетело русских щепок. Надо сознаться, что в некоторых местах, теперь только одни эти щепки и лежат.

И вот теперь мы подходим к строительству и тут необходимо перевоспитание масс, так как строить из щепок нельзя. Теперь работа требует новых методов. Эпоха войны, эпоха гражданской войны, не могла воспитать внимание к мелочам, деталям, а между тем, именно внимание к мелочам и деталям составляет необходимое условие хозяйственно-культурного подъема. Когда получаешь донесение, что в дивизии или в полку, или в бригаде, лошади хорошо подкованы, содержатся в чистоте и т. п., то хотя это дело маленькое, чувствуешь праздник на душе. Но в большинстве случаев получаешь донесения другого рода: лошади замызганы, не вычищены, подкованы плохо и т. д. Все внимание теперь должно быть обращено на воспитание Красной Армии. Если в прошлый период она воспитывалась массовым революционным подъемом, внешней опасностью со стороны белых, то теперь этого процесса, который сжимал Красную Армию в одно единое целое, нет. Чтобы крестьянская масса восприняла основы нового воспитания теоретически, не может быть и речи. Обеспечить Красной Армии внутреннюю спайку можно только тщательным вниманием к нуждам красноармейца, с одной стороны, и, с другой стороны, приучением красноармейца относиться со вниманием ко всем деталям хозяйственной жизни страны. Это есть величайшая воспитательная задача, которая перед нами стоит и которую мы должны во что бы то ни стало выполнить. Это задача трудная, потому что она обозначает индивидуальное перевоспитание и руководящих работников, и красноармейской массы в целом.

Громадное значение имеет воспитание командного состава. Воспитать командный состав мы можем только в том случае, если проявим внимание к его материальным нуждам. Командный состав находится в очень плохом положении. Попытки улучшить его положение наталкиваются на возражения тех, кто полагает, что не следует ставить командный состав в при-

вилегированное положение по отношению к красноармейцам. На это я обращаю ваше сугубое внимание. В корне неправильно уравнивать положение командира и красноармейца. Красноармеец в армии должен быть 2 года, это есть его государственная воинская повинность. Для командира же военная служба является не выполнением временной обязанности, а профессией. Он должен оставаться всегда (особенно это относится к старшему командному составу) и семья его содержится на средства, которые он получает, как командир. И здесь нужно сравнивать положение командира и его семьи не с положением красноармейца, а высоко квалифицированного рабочего или спеца. Если на этот счет бывают злоупотребления, то они должны пресекаться, караться, но по существу отношение к этому вопросу должно быть ясным, отчетливым и не заключать в себе уступок дешевой демагогии, которая здесь имеется.

Красноармейская масса всегда поймет, если сказать ей прямо: «Если ты хочешь иметь хорошего командира, который не меняется каждые три месяца, а который систематически занимается делом и может дать гарантию, что в боевой обстановке он не поведет красноармейцев на убой,—то надо этого специалиста поставить в благоприятные условия существования». Без этого мы не привлечем командного состава. Это относится и к командному составу, вышедшему из рабочих и крестьян, и к большему числу старого командного состава, вышвыривать который мы не собираемся, потому что он к нам подходит.

На старый командный состав необходимо обратить внимание, уметь к нему подойти и завоевать его идейно. Это возможно, мы имеем для этого благоприятный материал. Наши газеты писали о книге «Смена вех», которая вышла в Праге заграницей и авторами которой являются бывшие белогвардейцы (один из них был министром Колчака, другой заведывал агитационным отделом при армии Колчака, третий заведывал этим отделом в армии Деникина) Ключников, Потехин, Бобрищев-Пушкин. Все они октябристы, правые кадеты и, может быть, бывшие черносотенцы, все они архи-патриоты в реакционном буржуазно-дворянском смысле слова. И вот, исходя из соображений патриотизма, они пришли к выводам, что спасение России—в Советской власти, что никто кроме Советской власти в данных исторических условиях не может сохранить единство русского народа и его независимость от внешнего насилия. Разумеется, от коммунизма они бесконечно далеки, но они подошли не к коммунизму, а к Советской власти через ворота патриотизма. Если прочитать эту книгу, то можно видеть, что авторы ее не какие нибудь продажные души, которые хотят получить серебренники от Советской власти, и для этого подделываются к ней. Они проделали известную внутреннюю идейную работу под углом зрения патриотизма. Они остановились на полдороге, но на полдороге по пути к нам. Некоторые пойдут дальше по этому пути, и этот путь есть тот, по которому к нам приближаются лучшие элементы старого командного состава.

Нужно, чтобы в каждой губернии был хоть один экземпляр этой книжки «Смена вех». Я думаю, что книга эта будет не единственной. Здесь обозначился перелом в сознании эмигрантской патриотической интеллигенции, который вызван тем, что мы устояли, тем, что Россия сейчас олицетворяется Советской властью. Это нам великолепный дар для перевоспитания командного состава старой школы, дар, который нужно уметь использовать на местах. Нужно оперировать с цитатами из книжки, разъяснять их, показывать, что люди, которые стояли на патриотической точке зрения, почувствовали, пройдя через крушение интервенции, через разочарование во всех элементах эмиграции, что единственной властью, способной обеспечить экономическое культурное развитие русского народа, является Советская власть.

Эту работу можно выполнить, главным образом, внутри армии. Я не обольщаю себя иллюзией, что Губполитпросветы могут эту работу взять целиком в свои руки. Губполитпросветы имеют общие задачи по отношению ко всей губернии в целом, но они могут оказывать этому великое содействие, внося в свою работу элементы тех идей из книги «Смена вех», о которой я говорил.

Я хочу особенно подчеркнуть, что работа перевоспитания красноармейского командного состава может совершиться только в казармах, воинских частях и т. д. Нельзя думать, что мы всю работу или основную часть работы политического воспитания армии можем проводить через политпросвет и его органы. Мы армию создали через Губвоенкоматы. В их руках было все: они учитывали, образовывали, вели агитацию, прочищали, формировали, обучали, воспитывали и они же командовали. Губвоенкомат держал армию в своих руках. Теперь же методы работ наших Губвоенкоматов совершенно переменились. Их функции свелись к учету и мобилизации. Фактическое же управление армией пошло по строевой линии: главное командование—округ—дивизия—бригада—полк. По этой линии идет и воспитание армии. Прежнее построение армии, при котором руководство армией сосредоточивалось в Губвоенкоматах, как частях Исполкома, имело, конечно, смысл и приносило пользу, но общегосударственные и общевоенные соображения заставили нас провести эту реформу. Вот почему—если Губвоенкоматы не могут претендовать полностью на военно-административное руководство в армии в пределах губернии, то Губполитпросвет не может сейчас по своей организации, по несоответствию с организацией строевой, сосредоточить в своих руках воспитательную и просветительную работу. Но это не значит, что их роль от этого уменьшается. Во-первых, в их руках остается возможность питать идейно и материально агитацию строевых частей, и, во-вторых, на их обязанности, я считаю это самым важным, остается работа по созданию вокруг военных частей такой атмосферы, которая бы помогла воспитать армию в духе социалистической гражданственности и привлекать в нее рабочих и крестьян.

Пока что, как я уже говорил, наблюдается упадок политической работы в армии. Это объясняется тем, что переход всех функций от Пур'а к Политпросвету совпал с отливом работников из армии вообще, с демобилизацией армии, с упадком внимания к ней. Почти все наши новые организации должны себя еще оправдать в дальнейшем. Главная задача— соединение военно-просветительной работы в губернии с обще-просветительной—еще только стоит перед Политпросветами.

Необходимо для успешности дела сохранить максимальное количество обслуживающих армию политических работников. Та смена работников-коммунистов во всех организациях, особенно культурно-просветительных, которая сейчас наблюдается, является гибельной. Недавно в «Правде» я прочел прекрасную статью т. Скабеева, в которой он говорит о дьявольской текучести политическо-просветительного состава в армии. Заведующие, секретари и проч. — одни перебрасываются, другие мобилизуются, третьи командируются, четвертые уходят сами. Такая постановка дела приводит к самым дурным последствиям, ибо, повторяю,—забежать в казарму, произнести там речь и убежать,—это не есть просветительная работа. Надо знать казарму изнутри, надо иметь опыт наблюдения, надо знать, что и когда сказать. Вот для чего надо закреплять работников в армии на более продолжительное время и вот почему военное ведомство и я, в частности, будем очень придирчивы во всех случаях ухода политических работников на другую работу.

Просветительная работа сейчас должна быть тесно связана с повышением квалификации красноармейца, как воина. Надо поднять в нем интерес ко всякому делу, воспитать в нем социалистического гражданина, зародить в нем честолюбие воина. Все требует применения очень осложненных методов. Я получил сейчас отчет инспекции относительно состояния одной части в Костроме, в котором есть упоминание об одном интересном методе агитации. Я прочту вам выдержку отсюда (читает).

Здесь я прерву себя. Когда я говорил о создании минимума человеческих условий существования для комсостава, я забыл вам сказать, что это может быть создано только при внимательном отношении и содействии местных советских органов. Мы проводили различные реформы давали поблажки через Совнарком и С т о, но эти реформы и поблажки получали выражение, главным образом, в наших советских рублях, т. е. фактически не получали почти никакого выражения. Очевидно, чтобы достигнуть материального улучшения, нужно было что-то другое, нужно было содействие со стороны органов, которые имеют власть на местах. Мы сделали попытку приписать некоторые дивизии к более крупным влиятельным Советам,—так к Московскому Совету приписаны 51 и 56 дивизии, которые на это не жалуются, ибо им перепадает кое-что от Московского Совета и в материальном, и в духовном отношении.

И вот мы в Реввоенсовете пришли к выводу, что нам безусловно необходимо возбудить во всей стране такое соревнование Советов и Испол-

комов в смысле приписки к ним войсковых частей. Конечно, не каждый Совет может иметь по 2 дивизии. Уездному Совету мы припишем пол-дивизии или батарею, губернскому Совету — дадим бригаду, а кто сумеет — пусть берет дивизию. Эта приписка возможна теперь, благодаря более стационарному расположению частей, которые в ближайшее время будут более оседло жить. Тогда местный Совет сможет очень многое доделать из того, что не сделано центром, и поднять духовный уровень и материальное состояние частей. Например, в Поволжьи нужды частей были удовлетворены на $^3/_4$ исключительно благодаря местным советским партийным органам, ибо центр дал очень мало. Это удостоверил тот же командующий войсками Поволжья, который жаловался на упадок просветительной работы. Я лично полагаю, что в этом смысле можно сделать очень многое. Пусть каждый уездный город, в котором помещается наиболее авторитетный орган уездной власти, закрепит за собою путем соглашения с командующим округом строевые части и от этого выиграют как части, так и местный Совет.

Теперь я продолжу отчет о новом методе агитации... «Здесь политико-агитационное воздействие в самой драматической форме было соединено с маневрами, с тактическим и стратегическим обучением красноармейцев, что опять-таки действует гораздо сильнее всякой агитационной речи и что может быть осуществлено при участии местных партийных и профессиональных организаций».

В связи с этим я расскажу в двух словах о тех маневрах, которые я наблюдал на киевском Правобережьи. Здесь обнаружились сильные и слабые стороны Красной Армии. Когда Румыния зашевелилась и были как будто угрозы со стороны Польши, было решено произвести маневры на киевском Правобережьи. Части там были хорошие, было много курсов, была конница, настроение было великолепное. Когда дело дошло до схватки двух отрядов, обе части, которые воображали, что мы стоим накануне войны с Румынией, были охвачены таким боевым пылом, что их чуть не пришлось разнимать. Эти маневры, в которых принимали участие почти исключительно молодые силы, свидетельствовали о большом подъеме воинского духа, о страшной выносливости, так как приходилось совершать пешком колоссальные переходы днем и ночью. Зато в смысле внимания к деталям мы оказались гораздо слабее. Ведь мало одного гениального плана, чтобы его выполнить, нужно отдать внимание целому ряду деталей, нужно установить связь, разведку, охрану, нужно примениться к местности. Самый лучший замысел без внимания к деталям часто превращается в голый нуль.

Вот вам следующий пример: одна часть воспользовалась обывательскими подводами, хотя это и было запрещено. На вопрос, почему они взяли подводы, в части ответили, что они не прочли приказа, потому что сразу было получено два приказа, и один из них не был прочитан. Тут были сомнения, не хотели они исполнить этот приказ или действительно не прочли его по невниманию. Но чего стоит самый лучший оперативный приказ, если его не прочтут во-время. Вся операция может полететь пра-

хом, если переписчицы напишут приказ с ошибками. Между тем, во всех донесениях у нас колоссальные опечатки, и эти опечатки могут решить судьбу сражения. Если бы у Наполеона были невнимательные переписчицы, он проиграл бы половину своих сражений.

У нас часто дело с этим обстоит так: когда приказ переписан с ошибками или без них, его отправляют в соответствующий штаб, например, на мотоциклетке. Мотоциклетка отходит на 2 версты, ломается и дальше ни с места. И в то время, как в голове у командира соответствующая часть совершает переход, бьет врага во фланг, она фактически даже не знает о планах командира. Чего стоит великолепный приказ, если его не довезти по назначению? Само собой разумеется, что, посылая приказ, следует застраховать себя с разных сторон в том, что он непременно будет доставлен и одновременно послать его верхом, в автомобиле или иным путем.

Вот в этом и состоит внимание к деталям, из каких слагается военное дело, внимание к уставам. У нас же в армии, надо сознаться, есть душок такого направления — «шапками закидаем». К уставу отношение презрительное, а устав — это сгусток военного опыта, это учебник того, как нужно воевать, на основании прошлых войн. Многие говорят, что устав—это мертвящая буква, сдавливающая революционную свободу. Это пустяки, так говорить нельзя.

Устав есть важнейшая часть политико-просветительной работы и нужно беспощадно бороться с мнениями, которые можно назвать только верхоглядством, с этим — «шапками закидаем», со всеми якобы революционными методами, которые допускают презрение к приказам, к уставам и т. д. Изучение устава есть такая же основная часть воспитательной работы, как чистка пуговиц, мундира, амуниции и т. д. И теперь лучшие вояки, вояки-коммунисты взялись за изучение уставов и зубрят эти уставы на основании опыта боев, зубрят, после того, как обнаружили прорехи.

Еще в двух словах я хочу сказать о флоте. Положение флота тяжелое. Прежде всего он связан господством Англии на морях. Он сведен к минимуму и добил себя сам кронштадтским восстанием. Мы не замечаем того, как слово Кронштадт в литературе, в печати и газетах стало не названием крепости и пункта, где зарождалась Советская власть, а синонимом контр-революционной стихии мелко-буржуазной борьбы. Кронштадтские моряки читают об этом каждый день. И делается это, конечно, не по злой воле, но, с другой стороны, это не может поднимать духа. Кронштадтская крепость—место оплота моряков и в то же время—знамя мятежа против Советской власти. Конечно, это затрудняет вопрос о возрождении флота, но я думаю, что нам все же нет основания отказываться от идеи этого возрождения.

Я говорил, по какому пути пойдет история в ближайший период. В ближайший период надо ждать жестокой борьбы между рабочим классом и буржуазией не только в России, но и во всем мире. И придется ли в этой борьбе ограничиваться одними сухопутными силами, сказать очень

трудно. Мы не можем ставить себе задачи создания наступательного флота. Мы не можем бить великобританский империализм на морях и океанах (мы его бьем на азиатском континенте), но нужно больше думать об обороне берегов. Наш флот, следовательно, должен иметь чисто оборонительный характер. Но этого мало. Мы должны иметь ядро флота из лучших моряков. И вот тут то квалификация играет гораздо большую роль, чем в армии. Получить хорошего моряка несравненно труднее, чем хорошего пехотинца, артиллериста, даже кавалериста. Морские познания очень сложны. Вот почему нам необходимо сохранить ядро флота, с которым в дальнейшем можно будет развернуться. На это нужно обратить особенно серьезное внимание органам Главполитпросвета, которые соприкасаются с флотом на местах.

Я кончаю и скажу только два слова о перспективах развития армии. Наша программа говорит о тенденции к созданию милиционной армии, т.-е. такой армии, которая держит наготове только кадр, а переменный состав обучает, не отрывая от труда и, в случае надобности, включает в кадр и бросает против врага. Отчего же зависит темп перехода к милиционной армии? Он зависит от многих причин, и главнейшей из них является взаимоотношение между рабочим классом и крестьянством, состояние производительных сил, в частности, транспорта. Для того, чтобы свести армию к милиции, нужно иметь возможность после мобилизации переменного состава, перебросить части против врага в короткий срок. Если же транспорт слаб, приходится больше частей иметь под знаменем.

Наша армия, как и государство в целом, организованно руководится рабочим классом и крестьянством. Социальная основа для милиции есть там, где между рабочим классом и крестьянством нет никаких трений. Поскольку крестьянство в силу известных хозяйственных причин, особенно в прошлый период, становилось почвой для противосоветской агитации не только в высших, но даже в средних элементах, постольку милиционная организация представляла политическую опасность, и мы должны были держать армию в условиях полевой армии, в условиях сгущенного воздействия на нее нашей партии и передовых рабочих.

Стало быть, быстрота перехода к милиционной армии, быстрота дальнейшего сокращения армии, сведение ее к кадрам будет определяться нашими хозяйственными успехами. Если прежде, чем буржуазия падет, мы успеем возродить наш транспорт, если, с другой стороны, пойдет своим путем процесс возрождения сельского хозяйства, который бесспорно начался, несмотря на ужасы волжского голода, и взаимоотношения между рабочим классом и крестьянством станут более дружественными, более правильными—то тогда будут созданы условия для дальнейшего сокращения армии без понижения обороноспособности страны. До тех же пор, пока мы будем в нынешнем тяжелом хозяйственном положении, мы сокращение армии можем довести только до известной черты.

Армия, которая представляет собой искусственную организацию, созданную не от природы, а путем длительной работы формирования, пере-

стройки и проч. и проч., создается постепенно и должна постоянно поддерживаться. Если не доглядит партия, если не доглядит Советская власть, она может рассыпаться скорее, чем создавалась. Но при всей искусственности методов своей милитаристической организации, армия отражает целиком страну, общественность, народ, из которого она выдвинута и своими сильными и своими слабыми сторонами. Она потому вынуждена пожирать слишком большую долю национальных доходов, что наши национальные доходы слишком малы, и мы не можем позволить себе роскошь иметь малую кадровую армию. Эту роскошь мы позволим себе, когда станем богаче. Эта мысль по внешности как будто парадоксальна, противоречива, но на самом деле в ней заключается настоящая правда. И по своему настроению армия отражает окружающую ее среду с тем отличием (это мне удалось услышать из уст предшествующего докладчика), что она в своей искусственности создает благоприятные условия для идейного воздействия на 19—20-летнего молодого крестьянина, отрывая его от условий крестьянской жизни. Если бы мы отрывали его на 10—15 лет, это означало бы деклассирование, деморализацию, но, сближая крестьянина на 2 года—а мы подходим к 2-летнему сроку службы—с рабочими коммунистами, мы создаем самую благоприятную арену для коммунистического воздействия.

И вот почему военное ведомство будет настаивать, чтобы воинская повинность была действительно всеобщей. Мы будем допризывать 1900—1901 гг. Казармы должны стать для молодого поколения действительной школой не только воинского, но и политического обучения и воспитания. И поэтому минимум изъятия даже в пользу тех, которые обучаются, собираются обучаться в высших учебных заведениях. Если они на низшем курсе, и им еще далеко до окончания, то — пожалуйте на 2 года в Красную Армию. Нужно добиться, чтобы к службе в Красной Армии не относились, как к ярму. Это может быть достигнуто улучшением самих казарм, очищением внутренней атмосферы и тем, что более привилегированные, более образованные молодые люди не будут пользоваться никакими льготами. И здесь ваше содействие при допризыве 1900—1901 гг. нам будет абсолютно необходимо.

Еще раз мы переживаем в отношении армии критическое время. В обще-политическом отношении мы переживали критическое время в феврале, в марте этого года во время кронштадтского и тамбовского мятежа и перелома законодательства. Теперь можно сказать, что самый опасный критический период, с точки зрения обще-политической, остался позади. Но армия представляет сколок общества, и в ней отражается опасность перелома с запозданием. И самый критический период для армии мы переживаем теперь. Настроение в армии благоприятное, возможность закрепить это настроение есть, но оно само собой не закрепится. Если будет продолжаться то, что было в известные месяцы,—отлив сил и внимания от армии, она может рассыпаться, ибо армия не есть совокупность отдель-

ных лиц, армия не есть штаты, не есть известное число пушек, пулеметов, штыков — армия есть идейная нравственная связь между живыми людьми. Эта связь специфическая, особенная, военная связь создается путем опыта, путем борьбы, путем жертв, испытаний, воспитания, примера и т. д. и т. д., без конца. Это накопленный капитал. Его накопить в 10, в 100 раз труднее, чем его промотать. Я вас прошу, чтобы вы помогли вашей работой сохранению накопленного идейного капитала нашей Красной Армии.

Из архива.

Задачи Красной Армии.

Доклад командному и политическому составу Московского Военного Округа в театре Зимина

25 октября 1921 года.

Товарищи! Все мы чувствуем и сознаем, что внутренняя жизнь нашей страны входит в какую-то новую полосу своего развития, что завтрашний день не будет похож или, во всяком случае, далеко не во всех отношениях будет похож на вчерашний день. Мы говорим и наши газеты пишут о том, что мы от военного периода перешли к периоду хозяйственного строительства. И это в общем и целом верно, т. е. верно в том смысле, что у нас сегодня нет серьезных боевых фронтов. Силы страны сосредотачиваются все в большей мере на хозяйственной работе.

Но значит ли это, что армии нашей суждено в ближайшие месяцы, или хотя бы в ближайшие годы постепенно сходить на нет? Я этого не думаю, и вы этого не думаете. Ибо, к сожалению, для такого предвидения, мировая обстановка пока еще не дает оснований. Еще много есть международных, мировых, социальных, классовых узлов, которые будут разрубаться мечом. И в этой мировой борьбе различных социальных сил, которая будет длиться еще многие годы, Красной Армии суждено—мы в это верим все — принимать активнейшее и достойное ее участие. И нам нужно, товарищи, у порога новой наступившей эпохи оглянуться на себя, на окружающую нас обстановку и, в особенности, на Красную Армию, и по возможности ясно и отчетливо формулировать наши текущие задачи и обязанности.

Международное положение Советской страны,—а от этого зависит роль и значение армии (вопрос, который нас, работников военного ведомства, ближе всего занимает)—сегодня несравненно лучше, чем было три, два года и год тому назад. Это—факт, который не составляет сейчас ни для кого вопроса. И между прочим он лучше и резче всего подтверждается небольшим, но очень ярким обстоятельством: расколом в русской эмиграции.

Вы знаете, что история повела дело так, что сложились две России: одна—та, которая живет в Советских пределах и борется, строит, нуждается, голодает, делает ошибки, исправляет их, и другая—та, которая вышла из наших пределов с ненавистью в сердце, со скрежетом зубовным, которая все эти годы безуспешно боролась против нас вместе с силами европейского и мирового империализма.

И когда вы брали еще недавно европейские, все равно, какие,— английские, французские, немецкие буржуазные газеты и читали о России, то можно было только по дальнейшему смыслу статьи догадываться, о какой России идет речь: о той ли России, которая находится в Константинополе, в Париже, в Сербии, Юго-Славии, или о той России, которая находится в России.

Эмиграция имеет определенный социальный состав. Ядро ее помещичье-буржуазное, но она увлекла за собой огромную массу квалифицированной русской интеллигенции, связанной родством, свойством и характером воспитания с прежними господствовавшими классами. Особенно много в этой белой эмиграции старого русского офицерства. Гражданская война,—если не говорить об отдельных мелких эпизодах,—в целом, как великая тяжба двух сил—трудового народа и прежних его господ,—закончена. Сейчас эмиграция и ее белогвардейская офицерская часть, сидя у разбитого корыта былых надежд, подводит итоги, подсчитывает плюсы и минусы и пытается определить завтрашний день. Заграницей множество русских газет, и все они до недавнего времени на открыто монархическом, господствующем в Европе, языке писали одни и те же статьи в тоне беспощадной ненависти против Советской рабоче-крестьянской России. Ни одного голоса— и это понятно—не поднималось на газетных страницах в защиту наших созидательных усилий, наших попыток и стремлений исправить допущенные ошибки. Но вот в последние месяцы в белогвардейской эмиграции и в том числе в ее офицерском крыле обнаружился явный и отчетливый раскол; выделилась уже сейчас яркая группа людей с крупными именами в белогвардейском мире: ученых, политиков, которые начинают отдавать себе ясный отчет в том, что эпоха, когда существовали две России, уже завершена периодом гражданской войны с окончательной победы здешней посюсторонней России и в значительной мере, благодаря Красной Армии, которая является костью от кости, плотью от плоти этой рабоче-крестьянской России.

У меня здесь есть в руках книжка, которая вышла в Праге и называется «Смена вех» (вехи ставятся на пути для определения его направления). Авторы этой книжки говорят, что наступил период, когда надо сменять вехи и когда нужно ориентироваться на Советскую Россию. Вот список авторов—он говорит сам за себя. Бывший управляющий колчаковским «освагом», (осваг — это осведомительно-агитационный отдел, который соединял в себе работу наших политических и особых отделов) приват-доцент Московского Университета Устрялов; бывший управляющий ростовским «освагом» Деникина приват-доцент Чахотин; бывший управляющий колчаковским министерством иностранных дел профессор Ключников; бывший присяжный поверенный, сотрудник белых газет, бывший сотрудник суворинского «Нового Времени», октябрист Бобрищев-Пушкин; преподаватель парижского русского лицея Лукьянов и Потехин. Вот список яркий, очень красочный шести авторов, которые выпустили в Праге эту книжку «Смена вех». Эта книга есть, в высшей степени, значительный симптом.

Прежде всего, позвольте привести характеристику, которую они дают эмиграции, ее отношения к России, при чем я прошу помнить, что это говорят вчерашние октябристы, сторонники Колчака, в лучшем случае, кадеты. Вот что говорит Потехин: «Трудно любить сегодняшнюю Россию в голоде, крови, грязи, и болезнях. Но слишком легко было любить ее вчера, когда в ней была самая белая в мире крупчатка, самый сладкий и белый сахар, самая чистая, крепкая и пьяная водка. Слишком легко для тех, у кого всего этого было вволю. Так в этой нищей России привычно сытно, сладко и пьяно жилось, что, когда вдруг исчезли мука сахар и водка, показалось, что и сама Россия исчезла. Многим и до сих пор кажется».

Более беспощадной сатиры на помещичью буржуазную и белогвардейскую офицерскую интеллигентскую эмиграцию не придумать.

Тот же автор страницей дальше изображает эту эмиграцию в ее отношении к нашему Поволжскому голоду. Вот что он пишет: «на берегах Босфора, в гостеприимных славянских странах, в шикарных залах отеля Мажестик в Париже русские смакуют вести о холере и голоде в России, обсасывают сладострастно миллионные цифры гибнущих и к ужасным фактам любовно добавляют еще более ужасный вымысел. То серьезная газета сообщит, что в Москве на кладбищах вырывают и крадут трупы и «установлено», что ими откармливают свиней, то почтенный профессор высчитает, что через 17 лет во всей России останется в живых всего несколько сот тысяч человек... Жутко за опустошенные души». Вот социальный, классовый и политический портрет той части эмиграции, которая не хочет с нами мириться.

Позвольте привести оценку Советской власти, Красной Армии и нашего внутреннего положения, сделанную пером Бобрищева - Пушкина, бывшего сотрудника «Нового Времени», вчерашнего октябриста. Прежде всего, о нем самом. Он покинул Советскую Россию и бежал к Деникину; об этом он здесь говорит: «Первым моим впечатлением, когда я перешел фронт, готовый молиться на добровольцев и их трехцветный флаг, были рассказы офицеров, хваставшихся пытками, которым они подвергали пленных, и количеством расстрелянных»...

Он далеко не во всем согласен с Советской властью, он ее подвергает критике. Он отвергает террор, но признает, что террор, красный террор был в значительной мере навязан Советской власти ходом борьбы и несогласием прежних господствующих классов отказаться от своих материальных преимуществ. И вот этот, перешедший к белым, бывший октябрист Бобрищев-Пушкин, который молился на добровольцев и трехцветный флаг, пришел к признанию Советской России, Советской власти путем патриотизма. Он подробно рисует бывших министров—их заграницей очень много—и он приводит рассказ о том, с каким презрением к этим попрошайничающим бывшим людям относятся в Европе, и когда кого-то избили, если не ошибаюсь, в Париже, то сказали: «извиняемся, полиция думала, что это русский министр». Он изображает их унижен-

ное, жалкое положение, вечную позу со шляпой в руках, в которой они просят о новой интервенции, о новом нашествии на Советском Россию. Он говорит дальше:—«сопоставьте с этим отношение к Англии Советской власти, как она ограждала честь и достоинство России, как привела Англию к достойному России тону.—Она тоже заключила с Англией договор, но как равная с равной». Более того, он — патриот — и об этом я должен сказать два слова.

Патриотизм имущих классов есть надстройка над их материальными интересами. Помещик хочет сохранить поместье, фабрикант хочет сохранить фабрику. Поместья фабрики находятся в пределах страны и эти пределы ограждаются армией, и помещик—за армию, за правительство. Он— патриот до тех пор, пока армия и правительство ограждают его помещичьи интересы. Ядром патриотизма является забота о собственности, а сам патриотизм—это скорлупа, которая ограждает ядро частной собственности. С того момента, как это ядро перестает принадлежать капиталисту, помещику, он разбивает государственную скорлупу: она для него пустышка, она ему не нужна, и он призывает помощь извне.

Но известная часть интеллигенции, в том числе старое офицерство, которая по прошлому, по воспитанию была связана с буржуазно-помещичьим классом, научилась расчленять это собственническое ядро и лже-патриотическую скорлупу и поняла, что подлинные интересы страны защищаются и поддерживаются только рабоче-крестьянской властью. Более того, Бобрищев-Пушкин и другие авторы точно так же с полным основанием и правом утверждают, что никогда в истории имя России не пользовалось таким почетом, таким влиянием у многомиллионных народных масс, даже у королевских и министерских верхов, как теперь. Я прочитаю подлинные слова Бобрищева-Пушкина:—«Россия изнуренная и голодная, теперь стоит в сознании народных масс всего мира на небывалой высоте. Прежде, страшилище для народов, оплот всех реакций, международный жандарм, она теперь ожидаемая всеми народными массами освободительница. Это—факт несомненный, которого не может отрицать ни один добросовестный наблюдатель настроений народных масс в любой европейской стране». Затем дальше: «У всех то же чувство: если в России такие же люди, как мы, могли сбросить власть капитализма, то это можем и мы. Чем мы хуже? Говорят, там наделали ошибок, преступлений, довели до разрухи. Не мудрено: дело новое. Но на опыте других надо учиться—их ошибок можно и избежать». Вот отношение многомиллионных народных масс, которое констатирует вчерашний октябрист. Он говорит также о Красной Армии, и я мог бы привести цитаты из каждой статьи, но это отняло бы слишком много времени—я ограничусь минимумом.

Красная Армия—это фактор, который больше всего импонирует и влияет на воображение лучшей, честнейшей части патриотически настроенных элементов эмиграции, особенно военных, которые знают, что армия не создается по мановению жезла, что армия есть отображение настроений,

чувств, способностей широких народных масс. Они понимают, что армия, которая здесь создается и улучшается, рабоче-крестьянская армия России, есть высшее свидетельство глубоких корней рабоче-крестьянской власти. «Советская власть, — говорит Бобрищев-Пушкин, — охраняет Россию; для этого охранения создается трехмиллионная армия. Я глубоко благодарен,— пишет он,—военным специалистам «Общего Дела» («Общее Дело» это наиболее ненавидящая нас газета, издаваемая Бурцевым в Париже), которые своими содержательными статьями помогли мне разобраться в положении России, блестяще доказали, как безрассудно было бы свергнуть власть, сумевшую так поставить военное дело, создать такую дисциплину, привлечь столько прежних специалистов». Он обращается по адресу белых, с которыми он вместе бежал: «Вы не можете этого сделать, ибо ваша армия состояла из офицерства, все остальные шли принудительно». Дальше он говорит с иронией об европейских министерствах, правительствах; «признают или не признают они советской власти, а трехмиллионной армии все-таки нет ни у одного европейского государства—этого уж не признать нельзя». Армию, как вы знаете, мы сейчас сокращаем—об этом будет речь дальше. Но мы прилагаем и приложим все силы к тому, чтобы уменьшение ее численности сопровождалось повышением ее боеспособности.

Возникает вопрос: возможна ли контр-революция, переворот в стране, возможно ли низвержение Советской власти? И на этот вопрос наш автор Бобрищев-Пушкин отвечает, что контр-революционный переворот был бы величайшим несчастьем,—(это общее мнение также и Устрялова и Ключникова)—и означал бы хаос, распад, превращение страны, как самостоятельной страны, как самостоятельного народа в труп, который расхищался бы хищниками мирового империализма. Но нет такой силы, которая могла бы этот контр-революционный переворот совершить. Правда, есть вооруженные восстания,—(книжка писалась после Кронштадтского восстания и во время тамбовского восстания—факт особенно знаменательный,—она вышла в июле этого года). Но вот что говорит автор: «Народ, часто резко критикуя советскую власть, проявляя свое недовольство ею, все же смотрит на нее, как на свою родную, и смел всех шедших на нее походом».

Он пишет о Советской власти, как человек, который стоит вне ее, который критикует, обличает, говорит о произволе, притеснении, тем не менее признает, что она считается народом своей властью: пусть плохая, но своя. «Народ отличает самый институт советской власти от дурных ее представителей. С нею есть у него общий язык, если хотите, товарищество. Его недовольство, местные восстания, все его споры с советской властью—семейное дело. Ведь в семье подчас летят друг другу в голову ухваты и горшки. Но никого другого на смену советской власти народ в России не пустит». Вот заключение вчерашнего октябриста, которое, я повторяю, не является его единоличным выводом, а которое представлено сейчас крупной, все растущей группой эмиграции, которая является ее лучшей, идейной частью.

Еще одна цитата из статьи другого автора Потехина: «Русская революция положила настолько резкую грань на всю историю человечества, что от нее, как от появления христианства или открытия Америки, будут отсчитывать летоисчисление новой эры. После нее на арену всемирной истории впервые выступают народы. Впервые для мировой исторической роли выходит богатейший духовно, бесконечно мощный физически, 100-миллионный русский народ, лишь теперь в революционной грозе рождающийся, как нация».

Он приводит один действительно поразительный пример, на который мы недостаточно обращали внимание. «Достаточно указать на мало продуманный до сих пор факт существования в 1918—1919 годах Туркестанской Советской Республики. Абсолютно отрезанные от Москвы, окруженные со всех сторон войсками Колчака, Дутова, Деникина и английской оккупации, лишенные транспорта, топлива и хлеба, большевики в Туркестане сумели до конца, в течение полутора лет, сохранить власть в своих руках».

Эти патриоты через ворота патриотизма подходят к Советской власти. Среди них нет коммунистов; это, повторяю, идейные патриоты, которые дали себе труд продумать вчерашний день. Факт чрезвычайно глубокого, симптоматического значения, в том числе для нашей Красной Армии, ибо у нас в армии, на что указывает один из авторов—Бобрищев-Пушкин—большое место занимают бывшие офицеры старой армии, из которых одни с самого начала по идейному убеждению отдались делу служения в армии; другие автоматически, без размышлений, остались по своей склонности; третьи—случайно не выехали, не успели, были захвачены зубчатым колесом советской армии и остались в ней.

Но и здесь наступил момент подвести итоги и определить свое идейное отношение к Советской власти и к Красной Армии. Эта книжка—к сожалению, она имеется у нас в слишком малом количестве экземпляров—должна была бы быть прочитанной каждым старым кадровым офицером, вообще, офицером старой армии. Она, несомненно, принесла бы большую пользу в области идейного самоопределения, ибо, как я и начал, мы вошли в новую эпоху. Эта эпоха будет в идейном смысле более требовательной по отношению к каждому из нас. В сутолоке гражданской войны и попыток иностранных оккупаций, которые делались эксплоататорами и вынуждали нас к ответу, нам было не до уточнения взаимных отношений внутри армии, и многие откладывали вопрос о своем идейном отношении к армии до другого дня, а кое-кто выжидал, в какую сторону разрешится жестокая борьба.

Мы сейчас от этого идейного бивуака от этой жизни кое-как, от этой импровизации переходим к некоторой организационной, хозяйственной, идейной оседлости. Мы теперь начинаем обстраиваться и утверждаться—я знаю, товарищи, что у нас пока еще все слишком слабо, слишком плохо; от этой новой постройки у нас больше щепок и мусора, чем свеже возведенных стен; еще мы не дошли до того, чтобы над этим новым домом строить кровлю; но дойдем, мы дойдем! Те, кто боролся с нами жестоко, но на-

учился размышлять, признают это, и нам необходимо понять, что сейчас двух России, одной—русской, другой—заграничной, уже нет. Сейчас, как указывают те же авторы, надежды на интервенцию, на военное вмешательство отпали даже у большинства эмиграции, и сейчас эта новая Россия, несмотря на нищету, голод, холод, является величайшим фактором, фактором мирового развития. И сейчас, в этом новом факторе Красная Армия занимает исключительно большое место.

Я должен сказать, что авторы книги переоценивают даже выгоды и преимущества нашего международного положения: они прямо говорят о полной невозможности борьбы извне с Советской Россией. Они указывают на восторженное отношение к ней рабочих масс, которое мешает правительствам Европы двинуть против нас свои войска. Разумеется, отношение к нам рабочих и крестьян, особенно рабочих масс Европы и Америки, таково, что они мешают напасть на нас, но чтобы они воспрепятствовали этому раз навсегда,—этого сказать нельзя.

Мы были на днях почти накануне войны с белой Польшей [8]. Острый момент прошел, но значит ли это, что у нас есть абсолютная гарантия в том, что он не вернется ни в каком случае. Конечно, с Польшей, в которой стоял бы во главе рабочий класс, у нас не могло бы быть войны, как не может быть войны с советской Грузией и Азербейджаном. Но с Польшей, во главе которой стоит военно-шовинистическая клика, желающая войны, у нас может быть война не по нашей вине. Во-первых, именно рост революционного движения может толкнуть падающий правящий класс на жестокую авантюру—какие примеры в истории бывали не раз,—и, разумеется, если на нас нападут, мы будем драться. А затем допустим второй вариант, что в Польше берет в свои руки власть рабочий класс,—а там революционное, коммунистическое, советское движение в последнее время идет семимильными шагами—и если на советскую Польшу нападут Румыния и Венгрия—(в Венгрии как раз происходит попытка монархического контр-революционного переворота, сегодняшние газеты об этом говорят [9])—что же, мы будем относиться к этому со спокойной выжидательностью? Об этом не может быть и речи; у нас есть нерасторжимые обязательства по отношению к рабочему классу всех стран, который сейчас препятствует своим правительствам на нас нападать. Стало быть, мы можем быть вынуждены вести войну, когда на нас нападут, и когда нападут на наших друзей и братьев, которым мы обязаны помочь.

А сколько времени такое положение сохранится? Многие из нас рассчитывали 3—2 года тому назад, что революция пройдет по Европе, как могучий, быстрый, победоносный смерч, который сметет старые правительства в течение месяцев, года,—но этого не произошло. Это не значит, что наша оценка положения в корне изменилась,—развитие революции оказалось более медленным, чем мы хотели, чем мы ожидали. И теперь с абсолютной методической ясностью мы видим неизбежность гибели мирового капитализма и империализма. Об этом говорят эти же авторы, не

коммунисты, не социалисты, а кадеты и октябристы вчерашнего дня. Наблюдая европейскую жизнь, они говорят о неизбежности социальной революции. Я не буду утомлять вашего внимания цитатами, а только снова выражу пожелание, чтобы эта книжка прошла по рукам возможно большего числа командного и комиссарского состава.

Темп развития мировой революции оказался гораздо медленнее; это значит, что борьба между буржуазией и рабочим классом во всех странах будет напряженной, длительной и ожесточенной. Она может длиться не год, не два, а может длиться, если взять всю мировую арену, десятилетия с новыми попытками переворотов, с обострением гражданской войны, с периодами успокоения и новым подъемом жестокой борьбы. Разумеется, перспектива очень тяжелая, но, товарищи, никто из нас не призван изменять законы развития человечества и управлять историей. Надо уметь ждать; надо разобраться в объективных причинах исторических явлений и сделать соответствующие выводы.

Что означает тот факт, что борьба между рабочим классом, между трудящимися и эксплоататорами во всем мире будет еще длиться годы и десятилетия? Это означает, что наша международная обстановка будет изменяться; что после периода торговых договоров и даже, может быть, после признания Советской власти будут попытки со стороны судорожно мечущейся буржуазии нас задавить. С другой стороны, будут моменты, когда мы обязаны будем бросить наш меч на чашку весов мировой революции по нашей инициативе. Авторы, которых я цитировал, говорят исходя не из той точки зрения, из которой исходим мы, коммунисты, а из точки зрения русского патриотизма, что для развития могущества России самым выгодным является развитие мировой революции; наоборот, победа контр-революции означает удушение, расхищение, расчленение России. Это — факт, и никогда самые элементарные основные интересы народа, страны, нации не сливались так с интересами революции, как сливаются сейчас в нашей Советской России. А раз так, раз наша международная обстановка, стало быть, наше внутреннее положение неразрывно связаны с развитием и ходом классовой борьбы и войны в мировом масштабе; раз эта мировая борьба и война будет длиться еще многие годы, переходя из скрытого состояния в период острой открытой борьбы, то, значит, Красная Армия нам нужна и необходима для борьбы на более высокой ступени. Завтра — я говорю, конечно, в историческом смысле,— т. е. в ближайший период нам придется бороться и бороться с оружием в руках уже не с наспех импровизированными колчаковскими или деникинскими войсками, не с наспех созданной и вооруженной французским империализмом польско-шляхетской буржуазной армией. Нет, каждый новый день оттяжки означает, что нам придется бороться с армиями, правильно организованными, обученными и вооруженными по последнему слову европейской техники. На этой оценке обстановки, на этом предвидении построена целиком наша хозяйственная, наша военная политика.

В области хозяйственной—позвольте об этом сказать несколько слов, ибо это тесно связано с задачами построения армии — в области хозяйственной мы совершили крутой переход от хлебной монополии, от разверстки к продналогу и свободному рынку для хлебных излишков[10]. Мы открыли ворота мелкой торговле и концессионерам, мы перешли к изъятию из рук государства значительной части не только мелкой, но и средней промышленности. Государство, как хозяин, как промышленник, концентрируется на гораздо более тесном плацдарме. Что это такое? Разумеется, наши враги истолковали это, как крах, как капитуляцию, как отказ от нашей программы. Было бы, разумеется, недостойным рабоче-крестьянской власти изображать это, как победу. Это есть отступление. Само же по себе это не есть ни поражение, ни победа. Разумеется, отступление после разгрома есть только внешнее выражение этого разгрома. Но отступление может иметь характер стратегического шага, входящего в состав большого и сложного маневра. И наше хозяйственное отступление является отступлением стратегического характера. Мы, как военные, это лучше всего можем понять.

Несомненно, что мы не рассчитали наших сил в области организации хозяйства, и не рассчитали потому, что не предвидели трех с половиной лет непрерывной гражданской войны, потому что рассчитывали на более быстрый ход развития мировой революции в Европе, на помощь германской техники, которая перейдет позже, чем мы надеялись, в руки германского рабочего класса. И вот, в расчете не более быстрый ход мировой революции, на то, что $^{9}/_{10}$ наших сил, сил рабоче-крестьянского государства, мы сможем отдать хозяйству, рабоче-крестьянская власть наложила свою руку на всю промышленность страны. Она с этим не совладала, она захватила слишком большую часть бывшей неприятельской территории. Ее нужно оккупировать, ее нужно организовать, ограждать от внешних нападений. И мы говорим: нет, нам нужно оттянуться, нам нужно очистить значительную часть этой территории, чтобы сохранить и сконцентрировать силу.

Мы вручаем буржуазии часть промышленности — мелкие и средние предприятия, мы ограничиваем свои собственные задачи организацией крупнейшей промышленности. Мы сохраняем в наших руках то, что имеет, однако, важнейшее значение и в военном деле и в хозяйстве,— железные дороги и транспорт. Мы сохраняем в своих руках контроль над хозяйством в целом и затем будем вовлекать в состав государства, т.-е. социалистического хозяйства, предприятия частные и получастные—по мере того, как мы укрепим свой крупно-промышленный плацдарм. Вот основная мысль.

Мы открываем дорогу концессионерам. С каким расчетом? Чтобы на их опыте учиться организовать нашу крупную промышленность, остающуюся в наших руках. Из группы крупных предприятий мы три из четырех или пять из шести сохраним в руках государства. В остальные мы

привлечем иностранный капитал, который принесет с собою новую технику, новые методы и навыки работы и даст нам возможность научиться организации и выравнить нашу технику.

Это не есть капитуляция, но это не есть и победа. В борьбе всегда имеются факторы, которых нельзя заранее учесть с карандашем в руках. Это знают люди военные. Если бы был возможен такой расчет, то не было бы войн: одна сторона предъявляла бы другой лишь счет. Но этого нет, ибо не может быть такого расчета. Ибо в военном деле колоссальное место занимают изменяющиеся факторы соотношения сил, настроения армии, подъема, взаимоотношения комадного состава и бойцов и т. д. и т. д. Что же говорить о хозяйстве? Хозяйство в сто раз сложнее войны. Мы ведем непрерывную тяжбу с мировым капиталом, который с мечем ли в руках, с торговлей, или же с концессиями, с предложениями ли филантропической помощи голодающим,—всегда является к нам, держа за спиной аркан, которые он не прочь забросить нам на шею и крепко затянуть. В этой борьбе нам приходиться посылать глубокие разведки арьергарда, который иной раз слишком зарывается вперед. Национализация всех промышленных предприятий была такого рода гигантской разведкой, которая была расчитана на то, что при быстром развитии мировой революции мы овладеем хозяйством и организуем его. Оказалось, что наш авангард слишком далеко зарвался вперед. Наши тяжелые резервы — крестьяне—оказались мало подготовленными. Их нужно культурно поднимать, освобождать от неграмотности: поэтому авангард нужно оттянуть назад. Это есть отступление стратегического характера, которое входит в рамки большого оперативного плана и которое будет завершаться годами и десятилетиями,—пока мы построим социалистическую Россию.

Отсюда вытекает, что с этой перспективой нам надо считаться в деле строительства Красной Армии. Худо ли, хорошо ли, но нам дана историческая передышка. Эта передышка объясняется, прежде всего, победами оружия Красной Армии—вашими победами, товарищи. Сколько времени она продлится? Мы не знаем. Мы перешли вот уже почти год—к систематическому сокращению армии по числу едоков. Она сейчас представляет или будет завтра представлять одну третью часть того, чем она была год с лишним тому назад. Это сокращение вызывается всем нашим хозяйственным положением. Не может быть и речи о том, чтобы трех-миллионую армию мы могли содержать и в мирное время. Стало быть, сокращение является неизбежным.

Вместе с тем отсюда же вытекает необходимость повышения качественного состава Красной Армии. В Красной Армии, как и в армии каждой страны, скрещиваются и преломляются все слабые и сильные стороны нашего народа и Советского государства. В вопросе о комсоставе, об обмундировании и воспитании красноармейца, о содержании нашей армейской лошади,—в самом маленьком вопросе,—как в капле воды, отражаются наши отрицательные и наши положительные стороны.

В чем наше основное горе? Надо сказать прямо: в недостаточной культурности широких народных масс. Вся прошлая наша история привела к тому, что над нерасчлененной, придавленной к земле крестьянской массой навис тяжелый мрак самодержавия. Оно не свалилось с небес, оно выросло исторически. Это была неизбежная форма самосохранения отсталого народа, разбросанного на огромной равнине и окруженного врагами. Потом история выдвинула новые требования. Старые государственные формы стали в противоречие с развитием народа. Но нерасчлененность, отсутствие индивидуальной личной воли были главным основным несчастьем русского крестьянина.

Впервые эту волю проявили городские рабочие в борьбе с царизмом. Они подняли за собою крестьян. Конечно, когда крестьяне поджигали помещичьи имения, истребляли инвентарь, скот, пускали красного петуха по культурнейшим усадьбам,—то это была очень жестокая, разрушительная и антикультурная работа. Но в то же время она представляла собою несмотря на варварские ее формы — пробуждение личной воли, личной инициативы и сознания масс. Народ переставал быть в тот момент черноземом, навозом, он рождался, как самостоятельный государственный фактор. Правы авторы «Смены вех», которые говорят, что великая русская революция родила русский народ, как нацию. Раньше от имени нации говорили привилегированные классы, дворяне, помещики, бюрократические верхи, а народ представлял собою исторический навоз, из которого постепенно выделился рабочий класс. Революция тяжко ударила по экономическому развитию страны, но это были родовые муки нового общества. Из революции вышел новый народ с пробужденной личностью. На этой личности можно строить все и в том числе новую армию.

Но это не значит, что старые черты, привычки поражены на смерть, что мы вполне освободились от них. Нет. Вы помните все, как из революционной борьбы против мертвящей дисциплины царя, дворянства и старого офицерства выросла партизанщина, махновщина. Это было рождение самостоятельной личности,—которое приняло в первый период форму, разрушающую всякую дисциплину, всякое общество. Но скоро инстинкт народа подсказал ему, что так дело дальше продолжаться не может и отсюда выросла наша с вами общая борьба против партизанщины, против самодельщины—во всех областях и прежде всего в военном деле. Она имела успех именно потому, что инстинкт трудового народа нас поддержал,—и на этом инстинкте можно строить армию. И она уже построена, но только вчерне. Фундамент у нас прочный, но сруб на нем поставлен кое-как. И вот новая эпоха хозяйственного организационного и идейного строительства требует, чтобы мы перешли к более правильным методам и улучшили то, что построили.

На всем сказываются у нас тяжелые последствия нашей некультурности. Я приведу здесь одну черту, которая мне кажется характерной:

наш комсостав вечно жалуется на то, что у нас не умеют использовать частного успеха,—кто бы этот частный успех ни имел—полк, дивизия или целая армия. Использование достигнутого успеха есть то искусство, которое нам нужнее всего и которое труднее всего дается. Это, конечно, объясняется рядом причин. Тут сказываются и недостатки тактической неподготовленности и недостатки оперативные. Но за всем этим скрывается одна психологическая черта. Несомненно, что наш новый комсостав, вышедший и продолжающий выходить из среды крестьян и рабочих, не выработал в себе еще той напряженной воли, которая не утомляется в преследовании своей цели. Если мы возьмем, скажем, командиров германского типа, старой Германии, которой уже сегодня нет и которая никогда не возродится (таким законченным типом является Гинденбург, но там такие Гинденбурги есть и помоложе—до взводных командиров), то все они проникнуты единством духа, настойчивостью в преследовании цели; они развивают успех до конца, до полного истребления, разгрома врага. Эта воля к победе с неба не сваливается. Говорят, что это объясняется национальным характером, но почему-то этот характер имеют лишь немецкие офицеры, юнкера,—у рабочих и крестьян ее нет. Значит, эта черта классовая, а не национальная. У нас это проявлялось в гораздо меньшей степени. Наше дворянство было более слабо и жалко. Но все же и в России в старом офицерстве, вышедшем в большинстве случаев из дворянства, выделялась известная группа, которая этим качеством обладала, качеством в военном деле абсолютно необходимым.

Но когда трудовой человек — и в этом наше несчастье — достигает небольшого успеха, то ему кажется, что все уже достигнуто. Рабочий класс не сумел создать командного состава, который знал бы, что в борьбе не может быть остановок, что каждый успех надо довести до конца, до полного истребления врага—не физического истребления, а истребления его, как живого врага. В гражданской войне рабочий класс побеждает врага, который временно капитулирует, народ торжествует победу, ослабляет свою энергию, и враг тем временем накопляет силы, изучает слабые места своего противника, организуется и наносит народу тяжкие удары, вызывая изумление в тех, которые еще вчера победили. Народ отступает, а вожди снова загоняются в щели подполья.

Вот внешняя схема каждой революции. Она, повторяю, объясняется тем, что у угнетенных трудящихся масс возмущение есть, но инстинкта и закаленной воли к власти, к истреблению врага нет, а есть способность слишком легко удовлетворяться достигнутыми результатами. Трудовой человек «добр» в борьбе, это его несчастье. Доброта в борьбе есть величайшее преступление, которое приводит к лишним жертвам, ибо недоделанная борьба требует новой борьбы; как недорубленный лес вырастает вновь, так и недобитый враг вновь оживает и вновь требует борьбы. Беспощадность и непреклонность в борьбе есть высшая гуманность, если позволено будет так сказать, ибо это сводит борьбу к кратчайшему сроку.

Так вот, я говорю, что неспособность нашего командного состава использовать каждый частный и частичный успех до конца определяется этим именно качеством: слишком легко удовлетворяться успехом. У командного состава есть величайшая задача: обучение и воспитание нашей Красной Армии. Говорят о том, что наследие некультурности связывает нас, сплошь и рядом, жестокими путами; это мы особенно ярко видим теперь в момент перелома, перехода от боевой обстановки к обстановке мирного времени. Я говорил в последнее время не раз о том, в какой мере мы нашим прошлым мало подготовлены к детальному строительству. Раньше строили государство верхи, а низы выполняли работу из-под палки Теперь низы поднялись и сбросили верхи. В этом подъеме, в этом восстании низов, конечно, не было никакой детальной отделки, это была работа с большим размахом, и самым тонким инструментом была дубина, которой крестьянин гнал и убивал помещика. Это была необходимая предпосылка для новой эпохи. Именно, все прошлое заставляло его сжигать помещика, истреблять его и вести гражданскую войну. Лес рубят, щепки летят. Все это не могло создать того воспитания, которое необходимо для систематического строительства, а теперь нужен крутой резкий переход.

И здесь, товарищи, нет такой общей задачи, которая может быть разрешена одним размахом или подъемом. Когда на нас ударил враг, мы кликнули клич: пролетарий, на коня! И создали конницу, которая имеет большое число недостатков, но которая одержала победу и разбила врага Это была работа под страшным давлением железной необходимости. Но теперь от задач, подобным этой, мы переходим к задачам более прозаическим.

И здесь мы наталкиваемся на величайшие трудности, ибо все наше прошлое вело к тому, что трудовой человек, герой, не только рядовой, но сплошь и рядом командир, гораздо легче и скорей умрет за Советскую Республику на коне, чем позаботится о том, чтобы конь был почищен, как следует, и когда следует. Это, товарищи, несомненный факт, в котором выражается тот же недостаток индивидуального личного воспитания: нас не приучали к мелким, повседневным, детальным задачам и к заботам. А на этом строится все.

Мы могли налетом разбить белых под Варшавой, вместо этого нам пришлось отступить. На неподготовленной основе очень легко можно зарваться. Импровизация на войне неизбежна—в каком смысле? В том смысле, что нужно учесть данную обстановку, быстро сообразить соотношение сил, переменить план, когда нужно. Но ее не должно быть в области повседневных вопросов снабжения внутри каждой части, в области приучения к элементарным обязанностям, к мерам, налагаемым нашим уставом в отношении связи, охранения, разведки и проч. И вот эти школьные вопросы, школьные задачи, которые представляют собой не что иное, как сгусток всего прошлого военного опыта, должны войти в плоть и кровь каждого отдельного бойца и командира. Этого у нас, товарищи, нет, этого еще нет в необходимой степени.

Именно наше прошлое—мы должны были импровизировать, наспех сколачивать армию—привело к таким методам, при которых мы больше всего рассчитывали на энтузиазм, на настроение. Я говорю, конечно, не в том смысле, что не нужно подъема настроения—это всегда необходимо, без этого морального фактора армии не побеждают, но под настроением нужна прочная, серьезная подкладка из детальной, мелкой работы, из детальной внимательной придирчивости к другим на почве выполнения этой задачи. Военное дело не знает мелочей, в военном деле всякая мелочь, да и во всяком серьезном деле, играет огромную роль; ведь из мелких винтиков слагается целая машина. Самый большой колоссальный дом строится из кирпичиков, а если кирпич не обожжен хорошо, если бревна плохи, то и вся постройка к чорту годится. И если здание разрушается, оно может похоронить большое количество людей, а если армия разрушается, она хоронит народ. Из этого следует, что внимание к деталям есть священная обязанность.

Это особенно ярко обнаружилось после маневров: весь материал у нас превосходный, план армии правильный, настроение лучше, чем когда-либо, настроение комсостава в высшей степени боевое—там только лишь и ждали, чтобы сбросить противника в Днестр. Но мы войны не хотели и не хотим. Но когда армия готова драться—это великолепно, ибо армия, которая не хочет драться, не есть армия. А что были у нас причины кое с кем подраться, это не секрет. Все нужные элементы были налицо, но вместе с тем было колоссальное количество мелких недочетов, которые в результате могут оказаться роковыми, гибельными. Самый лучший план операций, наполеоновский замысел, если он не дойдет в виде приказа до соответствующего подчиненного командира, ничего не стоит. Для того, чтобы он дошел, надо принять меры, во время его отправить, а не так, как случилось с одним приказом, который отправили на мотоциклетке, а она застряла в двух—трех верстах от места назначения, а другими способами передвижения этот приказ не послали. Командиру ли, писавшему приказ, думать о какой-то мотоциклетке, его дело—писать приказы, осмыслить их, а потом они «как-нибудь» дойдут. «Как-нибудь» дойдет, а вот он взял, да и не дошел. Вся операция сводится к нулю. Или еще: приказ прекрасный—артиллерии прибыть туда-то в 2 часа; а там переписчица плохо написала, и вместо двух часов вышло в 12 часов. Это пустячок, не проверенный, не исправленный, а, между тем, дело от этого сильно страдает. Или переврала переписчица название, не проверили, приказ дошел до назначения, там чешут затылки: по времени и по месту не выходит что-то, и вот подчиненный штаб начинает сам размышлять, что это должно означать, и из осколков уже создает свой собственный план. Вот что получается из-за опечатки, из-за плохой мотоциклетки, которую не дополнили другими способами передвижения. План, великолепно задуманный, пропадает. А надо бы приказ проверить после переписки, запечатать, переслать двумя—тремя способами, обдумавши условия, обеспечив себя вполне,

проверить, дошел ли приказ до места назначения. У нас, благодаря подвижной маневренной войне, которая определялась не только нашими перспективами, а и тем, что дрались на огромных пространствах и благодаря тому, что замыслы командного состава отличаются большой смелостью и стремительностью, стремление к рейдам стало до известной степени эпидемическим. Между замыслом и реальным исполнением его многда не хватает десятков промежуточных звеньев; их надо создать, установить, протянуть проволоку, связать правильным, крепким узлом, иначе все распадется. У нас есть, товарищи, немножко от старого настроения, которое выражалось пословицей: шапками закидаем. Теперь говорят: красными революционными шапками закидаем. Это, товарищи, то же самое, только цвет другой, а по существу осталось то же самое. Это результат неаккуратности, самонадеянности, непривычки учитывать твердо обстановку дела, делать выводы и доводить их до конца.

У нас командный состав, особенно молодой, в результате гражданской войны, развил в себе презрительное отношение к уставам. Когда мы стали писать наши уставы, то, ведь, мы их не из пальца высосали. Война нас кой-чему научила. В прежних уставах было много рухляди, но наша работа по составлению устава, не будем бахвалиться, была, главным образом, перелицовкой старого устава.

Кое-что, может быть, понаписали и лишнего; надо пересмотреть на основании нового опыта. Но против необходимости устава ни один здравомыслящий не выступит. Необходимо в своей работе учитывать все, что опытом уже закреплено, и после каждой неудачи посмотреть соответствующую главу полевого устава и прикинуть в голове, как это у меня и как про это здесь сказано, для того, чтобы устав не был мертвым параграфом, а чтобы собственный пережитый опыт, как в зеркале, нашел бы в нем свое отражение. Это необходимо выработать во что бы то ни стало.

Мне в моих докладах и речах по этому поводу приходилось начинать с элементарного вопроса для каждого солдата: с сапог. Являясь в любую часть, я спрашивал десятки, сотни раз: когда смазывали у вас сапоги? И ни одного благоприятного ответа нигде не получил. Если бы наша агентура донесла нам, что в румынской армии никогда не смазывают сапог, то я бы сказал, что эта армия не дойдет ни до Киева, ни до Харькова: все подметки у нее отвалятся. Дойти легко может только такая армия, которая смазывает во-время сапоги. Если будущий историк займется изучением поражения нашей армии под Варшавой, то он найдет много обстоятельств, которые его вызвали, но я не сомневаюсь, что одной из причин, которую он укажет, будет несмазывание сапог, которые от быстрого движения разлетались в прах на расстоянии трехсот верст от Варшавы. Все это не может не отразиться на настроении духа бойца. Эта маленькая задача—научить смазывать сапоги — сейчас представляет вопрос исключительной важности. Я должен сказать, что на эту сторону я сильно нажимал, и когда вышел приказ, что за несмазывание будут карать, то

в одной части я спросил: «как часто смазывают у вас сапоги? — «А когда хочешь, хоть каждый день».—«А мази у вас много?»—«А сколько хочешь». Он эту мазь израсходует от избытка усердия в короткий срок, а потом будет ходить в несмазанных сапогах. Разумеется, дело не в том, чтобы достигнуть этой задачи временно: пуговицы пришить, винтовки почистить, казармы прибрать, сапоги смазать. Искусство воспитания и состоит именно в том, чтобы без всякой натуги чувствовалась во всех подробностях забота об этих мелочах и чтобы забота об этом вошла в привычку. А для того, чтобы это вошло в привычку, нужен приказ, угроза, пропаганда, все, что угодно. Это воспринимается сначала как давление чужой воли, но впоследствии делается само собой и культурная привычка таким образом укрепляется.

Еще позвольте маленький пример. Придешь в штаб дивизии: ступеньки лестницы проплеваны, загажены окурками, да и у начальника дивизии та же самая картина, а на стене висит великолепная схема расположения, лучше и не надо,—верно позаимствовали где-нибудь чертежника на стороне. В таких случаях я склонен сделать вывод о состоянии части не по этим прекрасным чертежам, а по проплеванной грязной лестнице, ибо, конечно, это мелочь, но ведь все слагается из мелочей.

Кто то говорил на одном собрании, что нам нужно проделать по отношению к отсталым крестьянским массам то, что Петр проделал по отношению к служилым верхам. Побывавши в немецкой слободе и вернувшись из-за границы, он велел стричь бороды. Боярство ударилось в большую обиду; духовенство писало, что он заводит «псовидное безобразие». А он захотел чистоты и порядка. Задача у нас колоссальная: культурно воспитать массы, которые привыкли жить в ужасающих условиях, в полной забитости, которые уже выпрямились, но не научились еще строить.

В этой работе командный и комиссарский состав должен и будет играть огромную роль. Разумеется, она предполагает самовоспитание командного состава, неутомимое самовоспитание, самопроверку в новых условиях, на основании нового опыта, неутомимую повседневную работу над собой, развитие военной печати и военной агитации и пропаганды. Задача в том, чтобы пробудить военную мысль не только комсостава, но и красноармейца, чтобы поднять интерес к военному делу не только у верхов, но и у глубоких низов армии. Надо, чтобы эти вопросы дебатировались, собирались совещания, писались статьи, брошюры, книги.

Разумеется, предполагается общий материальный подъем армии, в частности, прежде всего, улучшение материального положения. Это один из самых тяжелых больных и острых вопросов. Этот вопрос тесно связан с общим хозяйственным положением страны. Кто умеет смотреть, тот скажет, что несмотря на голод, у нас есть перелом к лучшему: 22-й год будет сытее 21-го года. Разумеется, создание элементарных условий материального обеспечения человека должно повести к улучшению его быта во

всех отношениях, ибо социализм или коммунизм не есть общность нищеты, а только общность довольства, обеспеченности во всем. До коммунизма еще далеко, до коммунизма, который предполагает высокое развитие хозяйства, пройдут еще годы. А до элементарного довольства, я думаю, недалеко.

Сейчас мы обязаны создать для командного состава условия, в которых он может жить и работать над собой. При постановке этого вопроса приходилось иногда наталкиваться на возражение: вы таким образом отделяете комсостав от красноармейца. Это не верно: дело идет не о каких-нибудь привиллегиях. Дело в том, что рядовой красноармеец временно проходит через армию — это есть государственная военная повинность, скажем, на год, два. (Вы знаете, товарищи, что сейчас происходит установление срока службы, и мы должны будем установить в ближайшее время двухлетний срок службы). Что же касается командного состава, то военная служба есть его специальность, его профессия, а во многих случаях даже внутреннее призвание, но профессия во всяком случае. Квалифицированный рабочий только небольшую часть своей жизни проводит в качестве красноармейца. Командир же всегда живет в условиях жизни командира; стало быть, надо его рассматривать, как квалифицированную и очень ценную для государства силу. Мне иногда говорили, что красноармейцы относятся к этому враждебно. Это неверно, мой опыт этого не подтверждает, хотя на этой почве демагогия вполне возможна. И здравый смысл Красной Армии говорит, что пока не созданы условия, всех удовлетворяющие, рядовой красноармеец заинтересован в том, чтобы командир, который призван его вести на борьбу, был поставлен в такие условия, чтобы мысль его была свободна для изучения своего дела.

Есть еще одна важная задача, которая может дать—при активном содействии местных властей—улучшение положения комсостава. Реввоенсоветом Республики была поднята мысль о том, чтобы каждая часть имела своего шефа в лице местного совета, так, например: Московскому Совету приписаны 51-я и 56-я дивизии. Совет обязан заботиться о комсоставе и рядовых войсках своей части. Опыт свидетельствует, что такие приписки дают небольшие, но материальные, реальные результаты в области квартирного размещения и снабжения продовольствием, одеждой и пр. Но мы не выберемся из тяжелого материального положения без сокращения расходов на армию. А это предполагает с одной стороны сокращение численности армии, а с другой стороны—сокращение расходования. Некоторое улучшение в этом отношении может быть достигнуто повышением бережливости и хозяйственности. Ведь наша армия является одной из самых расточительных армий в мире. В этом смысле нам нужно приучаться к большей деловитости, бережливости, хозяйственности.

Сейчас—переломный период построения нашей армии и ее развития. Сейчас происходит омоложение состава армии. Это критический момент. С одной стороны уничтожается чересполосица возрастов, с другой стороны—в армию вливаются малоопытные молодые элементы, что означает пони-

жение военного опыта в армии в целом. Но у нас остаются старые кадры, сконцентрировавшие в себе опыт прошлого. Нужно улучшить положение командного состава, нужно использовать настоящий переломный период для привлечения лучших добровольческих элементов. Но важнее всего— воспитательная и организационная работа командного и комиссарского состава и не только воспитательная, но и самостоятельная. Эта работа не может иметь сама по себе того героического характера, который имела работа на боевых фронтах в эпоху гражданской войны. Это изнуряющая и тяжелая работа. Гораздо легче совершить геройский поступок в бою, чем ежедневно обозревать проплеванную лестницу, требовать, чтобы ее постоянно очищали, требовать, чтобы красноармеец чистил сапоги, чтобы приказ писался как следует, чтобы переписывался тщательно, чтобы посылался как следует быть, чтобы попал куда следует, чтобы был использован целиком и по назначению. Нужно достичь того, чтобы каждый за глазами действовал так же, как на глазах. Этого можно достичь развитием чувства ответственности, которое дается с большим трудом. Подъем и воспитание самого командного состава означает вместе с тем воспитание нового человеческого типа. Мы поставлены в такое положение, что армия должна быть по отношению к целой России воспитателем. Через армию будут пропускаться, воспитываться, обучаться наиболее отсталые массы. Я знаю и очень ясно себе представляю, как трудна, как тяжка эта работа в условиях наших неотремонтированных казарм, недостаточных пайков, плохо устроенного семейства. Это очень трудно. И поэтому поддерживать в себе изо дня в день эту непреклонную волю к победе в мелочах и деталях есть высший героизм,—более высокий, чем тот, который проявлялся в боях. И этот героизм приложится.

Если бы у нас не было надежды на то, что ближайший год будет в хозяйственном смысле лучше этого, то, разумеется, безрассудным и безнадежным делом призывать вас, требовать от себя и от других этого систематического напряжения вашей воли в деле воспитания Красной Армии. Но проблески улучшения налицо. Сокращение армии и перевод ряда работников на хозяйство дадут все больший и больший импульс хозяйственному развитию страны. Дисциплина нашей армии отразится и на дисциплине нашего хозяйства. Никто из нас после трагического 4-летнего опыта не ждет чудес. Но я думаю, что каждый из нас скажет себе, что завтрашний день будет лучше, будет привольнее, чем был черный, тяжелый и грозный вчерашний день. Это не значит, что нам не предстоят тяжелые испытания. Мы играем сейчас в великую игру, размеры которой увеличиваются все более и более. Борьба еще недавно шла под Тулой, за Казань и не раз свертывалась до размеров Московского царства, и на иностранных картах эта Московская Советская Россия изображалась в виде черепа, казалось, что она сузится еще, и Москва—сердце России—будет раздавлена белогвардейской рукой. Мы раздвинулись и начинаем обстраиваться. Но борьба не прекращается, и радиус этой борьбы будет все более и более

увеличиваться. Поход на Варшаву был рекогносцировкой. Европа и мир не оставят нас в покое, и мы не оставим в покое наших противников ни в Европе, ни во всем мире.

Перед Красной Армией стоят задачи, которые никогда еще не стояли ни перед какой армией во всей человеческой истории. Великая Французская Революция, которая была революцией народа, насчитывавшего 25 миллионов населения, создала армию, которая прошла по всей Европе и, хотя и вернулась потом в свои пределы, но изменила облик Европы [11]. Нынешняя буржуазия ведет свое летоисчисление от Великой Французской Революции. Наша революция несравненно грандиознее по объему, по пространству, по количеству восставшего народа. Число ее друзей несравненно многочисленнее, почва для влияния в Европе более подготовлена. Наше движение будет встречать чем дальше, тем больше поддержки, и отсталая Азия, которая борется за свою национальную независимость против империализма, сейчас на девять десятых за нас.

Я уверен, что после опыта великой империалистской бойни никто из нас—и в том числе старый командный состав — не думает о завоеваниях, об империалистских насилиях. Роль Красной Армии не в том, чтобы закабалить другие народы, а в том, чтобы их освободить и духовно завоевать. И когда мне приходится говорить с приезжающими турецкими офицерами, которые являются в качестве гостей, и с офицерами революционерами разных азиатских стран, и я наблюдаю в их речах и словах любовное отношение к революционной России и к Красной Армии, в которой они видят свою освободительницу, то я каждый раз вновь чувствую, что эта армия—великое историческое чудо, созданное трудящимися массами. И нам теперь — именно потому, что наша армия стоит на виду у Запада и Востока,—необходимо проявить сейчас тот высший героизм, о котором я говорил, необходимо геройское напряжение, внимание к мелочам и деталям—к тем мелким кирпичикам, из которых складывается здание, чтобы в тот момент, когда обстоятельства потребуют и призыв наших друзей к этому нас обяжет, мы могли бы сказать нашим братьям на Востоке и на Западе: Красная Армия построена, воспитана, организована, обучена и, если вам наша помощь нужна, то она здесь, она готова бороться за дело освобождения мира.

Из архива.

Речь

на собрании курсантов 1-й объединенной военной школы имени ВЦИК

2 ноября 1921 года.

Товарищи курсанты! Я хотел бы сейчас, когда мы вступили в новый период, поделиться с вами общими соображениями об основных задачах этого нового периода. Я обращаюсь к вам, как к будущим, завтрашним командирам рабоче-крестьянской Красной Армии. Товарищи, звание красного офицера, звание командира есть поистине самое ответственное из званий, какое можно только себе представить. Сейчас у нас боевых фронтов нет, но армия по самому своему назначению существует для войны, стало быть все, чему мы учимся в мирное время, предназначено для применения к боевой обстановке.

Вы обучаетесь для того, чтобы иметь право командовать и приказывать. Военное дело—суровое дело. Мы стремимся, товарищи, к ликвидации войны, но этот день не наступит еще ни сегодня, ни завтра, ни после завтра. Нам еще придется долго воевать. Еще пройдет не один месяц, а может и ряд лет, прежде чем мы обеспечим за нашей страной и вместе за рабочими других стран, за всей Европой, за всем миром возможность свободного и беспрепятственного развития в сторону коммунизма. Мы вынуждены будем еще долго воевать. А раз так, то мы должны учиться воевать, как следует.

Я сказал, что ваше, курсантов, обучение есть приобретение прав командовать и приказывать, и прибавил — военное деле — суровое дело. Оно не допускает возможности в боевой обстановке убеждать, уговаривать, разъяснять. Там может раздаваться только четкая команда и после нее— отчетливое, безусловное исполнение. Армия, в которой не умеют командовать и не умеют выполнять команды, есть негодная армия, есть погибшая армия. Но командование есть суровое, трудное дело. Самое трудное, потому что для этого недостаточно быть самоотверженным, недостаточно быть героем, а нужно иметь возможность, внутреннюю возможность отвечать за жизнь десятков, потом сотен, потом тысяч людей, которые бывают подчинены командиру в боевой обстановке. (Прошу поменьше откашливаться--заражаете этим других. Это тоже относится к внутренней дисциплине. В дисциплинированном собрании кашляет лишь тот, кто действительно простужен, в недисциплинированном—покашливают все, заражая друг друга и рассеивая внимание). Я делаю доклад строго деловой, касающийся ваших непосредственных, ближайших обязанностей и требую поэтому полного внима-

ния. Каждому из вас, который будет командовать, придется в самых ответственных и тяжких условиях требовать внимания к своему голосу. Вы будете говорить вашему взводу, роте, батальону, полку слова команды и от тех слов, которые вы произнесете после этого, будет зависеть судьба небольшой стычки, затем большого столкновения, целого сражения, потом судьба боя на большом протяжении и, наконец, судьбы тысяч людей. Вот почему инженер — это ответственное звание, врач — это ответственное звание, но ошибка инженера, врача, не дает непосредственно, сейчас же таких гибельных последствий, как ошибка командира.

Однако, я наблюдал много раз, что красноармейцы умеют и понять, и простить ошибки своего командира, хотя бы они стоили больших жертв, если сам командир умеет понять эту ошибку и не хочет ее прощать самому себе, если учится дальше, если стремится вперед. Но, разумеется, чтобы свести эти будущие ошибки к минимуму, нам необходимо сосредоточить внимание на своей подготовке сейчас. И здесь, чтобы отдать себе отчет в задачах того нового периода, в который вступили, нам нужно оглянуться на те два больших периода, которые оставили позади.

Среди вас большинство молодежь, большинство из вас всего только несколько месяцев, как вступили в Красную Армию, из вас только одна часть, меньшинство, участвовало в гражданской войне, но все вы должны знать, что наша армия создалась наспех, из наспех околоченных, сколоченных под огнем, партизанских отрядов. Она создалась из красных гвардейских отрядов питерских и московских рабочих. Командиры отличались в этих отрядах от рядовых бойцов только тем, что были, может быть, предприимчивее, политически развитее, храбрее других, но часто им не хватало самых основных военных знаний.

В этот первый период развилась, так сказать, теория революционной партизанщины, особенно на окраинах, где уровень политического и общего развития партизанских отрядов был ниже. Развилась такая точка зрения, что в революционной стране в революционную эпоху нам не нужно долго обучаться, не нужна муштровка, строй, не нужен устав, а достаточно нам революционной спайки, готовности бороться и умереть, и мы пройдем таким небольшим, сплоченным отрядом по всей стране и, если нужно будет, выйдем за ее пределы в другие страны и везде победим наших врагов. И в первый период эта теория как будто подтверждалась. Но почему? Но потому, что нашим первым врагом были белогвардейские банды, наш враг был также слаб, неорганизован, его войска состояли из небольших отрядов. Правда, в военном отношении эти отряды были лучше наших. Командный состав там заполнялся сплоченным старым офицерством и, при том, наиболее отборными его элементами, наиболее храбрыми в борьбе за дело капиталистов—помещиков, за дело старого режима,—но зато у них было мало рядовых. Они составляли боевые офицерские батальоны, но рядовой массы, солдат, т. е. крестьян и рабочих, за ними не было. У наших отрядов было больше спайки, между нашим слабым командным

составом и рядовым бойцом спайка была крепче и мы победили. И это создало у некоторых товарищей такое впечатление, будто эти партизанские отряды есть последнее слово революционного военного искусства.

Но как только наши враги сумели сплотить более крепкие части, свели их в правильные соединения, в бригады, дивизии, корпуса—на юге, на востоке, так сейчас же оказалось, что шаткие, зыбкие, неустойчивые, неоформленные партизанские отряды неспособны справиться с задачей,—и мы вели непрерывную и неутомимую борьбу, мы,—я говорю о военном ведомстве и коммунистической партии, которая руководит всеми ведомствами, в том числе и военным,—мы вели непрерывную борьбу за то, чтобы добиться правильного построения Красной Армии, чтобы заменить раздробленную партизанщину правильной, централизованной системой управления и командования боевыми силами рабоче-крестьянской Республики.

Длинный период с 18 по 19 год мы должны были пройти, прежде, чем идеи, лозунги партизанщины были окончательно разбиты в головах революционных рабочих и крестьян, пока, наконец, все поняли, что нашей задачей является правильная систематическая армия, где каждый батальон, каждый полк имеет свои штаты, свою правильную систему учреждения. Из полка образуется бригада, из бригады—дивизия, во время войны они соединялись в армии, а армии соединялись во фронты. В центре командовала ставка Полевого Штаба, главное командование все возглавлялось возглавляется Революционным Военным Советом Республики. Эта централизованная система нас спасла. Если бы не было этой централизованной системы, где все сводится к одному направляющему и командующему центру, мы погибли бы, ибо фронты представляли одно сплошное кольцо. Были фронты на востоке, на севере, на западе и на юге. Силы же у нас росли постепенно. Если бы мы не могли из центра соображать, какой фронт в данный час является самым грозным, самым опасным, если бы мы не могли в каждый данный момент сказать себе—мы пренебрежем сегодня фронтом украинским, пренебрежем северным, оставим там только небольшую завесу, а все наши главные силы и технические средства перебросим сегодня на восточный фронт против Колчака, завтра, против Деникина,—если бы не могли, говорю, из центра сосредоточивать силы на самом грозном направлении,—то мы были бы разбиты десять раз за $3^1/_2$ года гражданской войны.

Только централизация спасла Советскую Республику. Но централизация не есть голый чертеж, написанный на бумаге. На чертеже обозначено, в каком направлении идет работа фронтов или округов, командование армейских, дивизионных, бригадных корпусов и т. п. Начертить такую схему, такой порядок на бумаге легко. Но надо было, чтобы это проникло в головы, чтобы командиры полка поняли, что обязаны подчиняться командиру бригады, а это сперва не признавалось. Командиру полка или партизанских первых отрядов, которые сложились потом в полки, казалось, что у себя под ногами, на месте, он лучше видит боевую обста-

новку, ибо значение разведки в более широком масштабе, значение донесения, которое сосредоточилось в руках старшего командования, значение стратегий, оперативного плана в более широком масштабе на участке армии, на участке даже дивизии,—все это не понималось нашими первыми, наспех сколоченными отрядами и их командирами. И постепенно только, шаг за шагом, идея действительной дисциплины не за страх, а за совесть, входила в сознание красноармейцев. Все поняли сейчас, никто против этого не решится возражать, все поняли, что героизм есть необходимое качество, но героизм дает победу вместе с дисциплиной. Героизм без дисциплины есть преступное расхищение сил и жизни народов.

За перидом партизанщины мы вступили в период централизованного построения армии и централизованного ведения боя. Это нам, как я сказал, обеспечило победу. Но значит ли это, что сейчас на этом пути мы сказали последнее слово? Значит ли это, что Красная Армия является сегодня тем, чем она должна быть?

Мы победили наших врагов, но это нам стоило величайших жертв. Каждую борьбу, каждую войну, каждую кампанию мы вели слишком долго. На каждом фронте мы наступали, гнали врага, наваливались на него, он наносил ответный удар, мы отливали назад, отступали часто дальше той линии, от которой открывалось наше первое наступление. Затем к нам прибывали все новые и новые силы, мы бросали в подмогу курсантов, мобилизовали тысячи и тысячи рабочих коммунистов и наваливались опять свежими силами на врага. Два раза наносили ему удар, продвигались вперед, но бывало, что снова отступали и потом опять снова наступали. Армия не всегда отличалась необходимой внутренней устойчивостью. Героизм был налицо и чем дальше, тем больше. Общий план операции бывал часто хорошо, красиво задуман и тем не менее операция срывалась в такой момент, когда казалось, вот-вот она должна обеспечить полную победу.

Чем же вызывались эти неудачи?—Недостаточной подготовленностью каждого рядового бойца, в особенности низшего командного состава. Это зло, это бедствие—недостаточная подготовленность низшего командного состава,—остается еще главным бедствием Красной Армии и сегодня. И, так как вы, выйдя из школы, займете посты низшего командного состава в первый период, чтобы затем подвигаться к более ответственным задачам, то мы, Революционный Военный Совет Республики, надеемся на то, что ваша подготовка, ваша самоподготовка даст нам более опытных, более твердых в себе командиров.

Военное дело, как и всякое дело, товарищи, состоит из мелких и мельчайших частей. Поглядите на самое большое и красивое здание, хотя бы на Василия Блаженного. Красивое здание, красивые краски, кажется, будто все вылилось из головы художника сразу, по одному его замыслу. На самом же деле это здание состоит из мелких и мельчайших частиц. Его кто-то складывал, пилил, стругал, красил. И так во всем. Машина,

которая работает без отказа, кажется живым существом. На самом деле, каждая гаечка, рычажок, винтик, расчитаны с карандашем в руке, и, если в каком-нибудь маленьком рычажке ошибка, машина не может работать. Армия есть сложное здание, или сложная одухотворенная машина, состоящая из мелких и мельчайших частиц. Если частицы не пригнаны друг к другу, если расчет сделан неверно, то в результате машина дает странную отдачу, и армия в решающий момент отскакивает назад. Почему? У нас есть этому десятки, сотни примеров.—Потому что командиры взвода, командиры роты, батальона не знали или забывали в решительный момент простейшие правила устава, которым его обучали,—они забывали обязанность донесения и это вело к катастрофе. Если бы командир небольшой части своевременно донес о том, что он увидел, и если позаботился, чтобы донесенное дошло по назначению, могла бы быть избегнута катастрофа для большей части—для бригады, для полка. А застигнутая врасплох бригада являлась причиной крушения целой армии.

Неорганизованность и недонесение имели место во все время нашей войны. Я приведу вам пример из мирной обстановки. У нас были на Правобережьи маневры. Маневры эти имели своей задачей проверку армии и определенных частей в мирных условиях, но в такой обстановке, которую стремились наиболее приблизить к боевой. Отрядов было два—один назывался красным, другой—синим. Они вели друг против друга борьбу, но и те и другие были наши красноармейские части, в том числе и курсанты. И вот, когда начальник одного из отрядов излагал свой стратегический замысел, свой план кампании для сокрушения врага и отдельные параграфы приказов, которые он реализуя этот план, отдавал и рассылал отдельным командирам, ему подчиненным,—то оказалось, что один из его приказов, и при том самый важный, не был получен подчиненным ему командиром. Почему не был получен? Он был отправлен на мотоциклетке. Мотоциклет был плох, за 2—3 версты где-то в грязи остановился и не довез приказа. Таким образом получается, товарищи, что штаб разрабатывает план, части должны знать определенные пункты, куда подойти, чтобы подготовить решающий удар по врагу, но дело становится из-за приказа, который был разработан, написан, но по назначению не дошел. Почему? Мотоциклет оказался непригоден. Может быть, он оказался непригоден потому, что мотоциклы вообще, как и все имущество армии, порасстроились, или потому, что мотоциклист оказался невнимателен,—возможно, что ему было выдано скверное горючее, а он принял, не доглядев. Тут может быть сто причин, но приказ то не дошел, подчиненные остались без руководства—и вся операция срывается.

Мало того, сколько я видел приказов, которые были тщательно обдуманы, да при переписке было наврано: надо было написать 14 часов, а было написано 4 часа. Разница большая. В результате полная путаница в операции. Командир, получив приказ, видит, что по расчету времени к 4 часам притти не может. Начинает соображать. Расстояние надо пройти

большое, к 11 часам мог бы успеть пройти, но сказано—к 4-м, и он решает, что это завтра нужно быть к 4 часам. Решает, что в приказе ошибка, сказано к 4 часам 2 декабря, значит—нужно к 4 часам 3 декабря. Нужно же догадаться как-нибудь. Откладывает и является на место на другой день. Вся операция срывается. Из-за чего? Из-за ошибки машинистки при переписке приказа, из-за того, что штаб не проверил, командир не проверил каждую цифру.

Есть ли возможность избежать таких случайностей? Конечно, есть. Устав говорит, что приказы, особенно важные, надо отправлять несколькими путями, по возможности по разным дорогам, разными средствами, чтобы приказ дошел по назначению. У нас, в силу недостаточной привычки к аккуратности, недостаточного воспитания командного состава, нарушается азбука военного дела. Аккуратность есть та добродетель, которой нам больше всего недостает. И сегодня мы видели маленький примерчик. Было назначено сегодня открыть заседание в 9 часов. Когда я прибыл, ваши ряды только приближались к дверям. Спрашиваю, почему? Говорят, ужинали. Ужин не есть неожиданное землетрясение. Ужин есть событие, которое можно рассчитать с часами в руках, предвидеть, и назначить собрание в $9^1/_4$. Мы здесь просчитались немного, минут на 15—10. В мирной обстановке, в архи-мирной, от Кремля до этого зала не рассчитали. А в боевой обстановке, когда прошел неожиданный, непредусмотренный в приказе ливень, да все дороги превратились в одно сплошное болото, грязь, по которой нужно тянуть застревающую артиллерию! Там все расчеты иногда путаются, там нужно быть на чеку, там может быть ошибка не в несколько минут, а в несколько часов, дней, и в результате операция срывается и летит прахом.

Был и другой случай во время маневров. Запрещено было обоим отрядам пользоваться обывательскими повозками для перевозки людей. Почему? Чтобы не обременять напрасно крестьян. В обстановке войны армия пользуется всеми средствами, какие находит вокруг себя. А в обстановке маневров, в обстановке учебной, незачем налагать на крестьян лишнюю ношу. И вот было армии приказано итти пешим порядком, не пользуясь обывательскими подводами. При продвижении же частей оказалось, что в одном отряде часть совершила переход в 50 верст в сутки, который оказался переездом на обывательских, крестьянских подводах. При разборе маневра спрашиваю, как так? Был отдан приказ не пользоваться обывательскими подводами. Командир почесал в затылке и говорит—мы приказ получили вместе с другими приказами и не успели прочитать. В боевой обстановке, на маневрах действовать приходится, как в боевой обстановке, получили приказ, расписались в получении, а забыли сделать мелочь: вскрыть конверт, вынуть приказ и прочесть. Опять-таки, товарищи, какой же смысл имеет самый лучший план кампании, самое лучшее оружие, огромные расходы страны на обучение, на вооружение, расходы транспорта, если в решающий момент командование пишет приказ, а подчиненные не читают этого приказа?

Чем это объясняется? Отсутствием той аккуратности, без которой военное дело обречено на гибель. Разумеется, поскольку мы имели против себя белогвардейцев разных мастей, постольку мы справлялись с ними, но если бы нам пришлось вести войну с французской армией, как тогда? Правда, у них нет того энтузиазма, какой есть у нас, но у них есть большая аккуратность, точность, приказы доходят по назначению, приказы своевременно получаются и выполняются. У нас этого нет. Главное наше затруднение, товарищи, в низшем командном составе—в недостаточной его подготовленности, в недостаточной привычке к своему делу, к своему назначению, в недостаточном его воспитании в духе аккуратности, точности, исполнительности. Хорошего командира, хорошего бойца образует героизм, дисциплина и аккуратность. Героизм у нас есть, дисциплина есть в том смысле, что мы все понимаем необходимость ее и что злостное ослушание является редкостью, таким преступлением, к которому общественное мнение армии относится с возмущением, но аккуратности, точности, внимательности, бдительности нет. И до того времени, пока этих качеств нет, Красная Армия переживает свой детский период. Похваляться, что мы сильнее всех и всех можем победить до тех пор, пока мы не научились элементарнейшим правилам и их выполнению—есть легкомыслие и верхоглядство.

Вчера было собрание, на котором присутствовали старший командный состав, слушатели красной Академии Генштаба, где рассматривались вопросы о военной доктрине, о тех правилах науки, которые должны определять построение нашей армии и методы ее борьбы [12]. Некоторые товарищи, из молодых наших командиров, которые были на фронтах гражданской войны, люди превосходные, надежные, храбрецы, награжденные орденом Красного Знамени, выставляли такую точку зрения: так как мы революционная армия, то мы должны прежде всего наступать. Нашим законом должно быть решительное наступление вперед. Верно ли это? В такой форме это не верно. Нашим законом должно побеждать, бить врага, а если он не сдается, истреблять врага до конца. Это есть закон. Наступать же или отступать, стоять на месте или бросаться вперед или отходить назад—это диктуется обстановкой и условиями. Тот, кто всегда прет вперед, может быть герой, но в смысле тактики и стратегии это баран, а не командир. Баран прет вперед. Но у него крепкий лоб и он рискует только своим лбом, а командир отвечает за лбы подчиненных ему бойцов, и военное искусство, искусство командования состоит в том, чтобы достигать результатов с наименьшими жертвами, с малой кровью. Для этого и учатся, для этого создаются военные школы.

Я получил от группы екатеринославских курсантов письмо. Они пишут—к чему обучают ружейным приемам, строю—это отнимает много времени. Надо знать винтовку, уметь ее собрать и разобрать, стрелять—этого достаточно, а ружейные приемы отнимают лишнее время. Верно ли это? Нет, не верно. Это есть остатки старых настроений.

Армия это не отдельное лицо, знающее винтовку и умеющее стрелять, армия это связанное, единообразное, одинаково действующее целое. В армии необходимо достигнуть для целого ряда движений, действий—полной автоматичности, потому что в боевой обстановке приходится разбираться в том, что неожиданно, чего человек раньше не видал, не переживал, так что всегда надо знать, что делать, не задумываясь, а для этого нужно, чтобы обращение с винтовкой было автоматично, машинно. Только тогда останется сознание для применения к местности. А уверенность движений достигается автоматичностью. Это первая, элементарнейшая задача, без которой обойтись нельзя.

Разумеется, и в этой области можно пересобачить и из муштровки, строя, из приемов сделать щегольство, франтовство, как в старой армии и было. На самом деле, очень приятно видеть прекрасно проходящую часть у которой все движения четки, как по хронометру, по секундомеру. Это красиво для глаза, но мы не так богаты, чтобы соединить армию почти с балетом. Хотя, думаю, плохого в этом ничего бы не было и когда разбогатеем, и советская страна будет устраивать всенародные праздники и военные игры, тогда армия будет достигать большего совершенства, так чтобы и глазу было приятно. Ведь, смотрите же вы на балет. Тут греха нет, но нам теперь не до того. Нам, разумеется, муштровка, строй нужны только в такой степени, чтобы обеспечить военный успех.

Автоматизируясь делаются привычными, бессознательными элементарнейшие движения, на которых уже можно строить тактику и стратегию. Вам, как командирам, этой автоматикой нужно овладеть во что бы то ни стало, ибо солдат превосходно чувствует по голосу командира, уверен он в себе или нет. Есть большие книги, написанные о том, как командир командует, каким голосом говорит. Солдат, красноармеец исполняет команду точно, резко, если голос у командира ясен, отчетлив, если внутренно он чувствует, что может приказывать. Если же он сам не уверен, если растерялся, и его команда звучит не то как просьба, не то как предложение, вся часть чувствует, что командир не уверен в себе. И горе той части и горе тому командиру,—лучше бы мельничный камень он надел себе на шею, как сказано в писании, и утопился бы, чем брал на себя командование.

Вам придется командовать, для этого нужно знать устав, о чем в начале революции было много говорено. Говорят, что старый устав—это мертвая буква и нам, революционной армии, основанной на сознательности, на политическом, революционном подъеме,—устав не нужен. Глубочайшее, грубейшее заблуждение. Устав для командира нужен, как арифметика для строителя. Строитель может быть талантливым, но если какой-нибудь части здания не измерит, то ничего и не построит. Арифметика есть результат работы человечества в прошлом, и во второй раз ее создавать не надо. В арифметике есть правила сложения, вычитания, умножения и деления, до которых додумались до нас, нам надо только их применять.

Так и в военном деле есть целый ряд правил, которые вытекают из старого опыта и которые записаны в уставе. Сколько раз приходилось наблюдать молодых командиров, вышедших из наших столичных школ, или из других, в которых срок обучения был гораздо короче, когда изучать устав не хотелось, казалось скучным, иссушающим душу. И вот, когда они попали в боевую обстановку, когда их ударило по лбу, потому что не было ни сторожевой, ни походной, ни армейской разведки или донесения, сверху вниз приказы не доходили,—тогда параграфы устава у них запрыгали перед глазами—что-то слыхали, читали, вот только вспомнить, как делается—и только после этого командиры приобретали живейший интерес к мертвой букве устава. Разумеется, задача преподавания состоит в том, чтобы заполнить параграфы устава живым содержанием, но эту цель возможно достичь только при условии, если каждый из вас будет помнить каждый день и час, что он готовится к применению этого устава не только на местности, но и на шкуре десятков, сотен боевых товарищей рабочих и крестьян—красноармейцев.

Тут я должен перейти к частностям, которые у нас чрезвычайно плохо обстоят, которые тесно связаны с аккуратностью, с вниманием к отдельным мелочам. Это вопрос о нашем военном достоянии, о нашем военном имуществе, начиная с сапог и кончая лошадью и винтовкою. Все находится в ужасающем состоянии, а это свидетельствует о чрезвычайной незрелости армии, об отсталости и военной некультурности. Несколько недель тому назад я затребовал от наших органов снабжения и от инспекции при Реввоенсовете Республики данные о наиболее вопиющих случаях невнимательного, нехозяйственного неряшливого отношения к шинели, к казарме, к лошади, к винтовке. Одни прислали целую кучу, другие ответили, что таких случаев так много, что они затрудняются их перечислять.

Винтовки во время войны расходуются очень широко. И в империалистическую и в нашу гражданскую войны винтовок расходовалось % на 80 и более в год, т. е. почти все количество, находящееся на руках у действующей армии. В течение года они один раз обновлялись и оттого, что терялись на поле сражения и оттого, что изнашивались. В мирное время, до империалистической войны в расход выходило в 1 год 3%, т. е. на 100 винтовок обновляли в течение года 3 штуки, на 100 тысяч—3 тысячи, на 500 тысяч—пятнадцать тысяч штук. Значит в год в армию надо дать свеженьких их пятнадцать тысяч штук всего-на-всего. У нас расходуются винтовки во время войны на 80%, но не сомневаюсь, что теперь расход выше, чем 3%. Почему? Потому, что мы не умеем винтовку сохранять, не чистим, нет привычки к вниманию, нет аккуратности. Это есть величайший грех, против которого мы будем бороться и словом, и делом, и приказом, и карой, ибо наша истощенная страна не может обновлять в мирное время наличие винтовок на 20, 30 и более % в год. Надо вернуться к старому до-военному проценту, т. е. чтобы выходило не больше 3% винтовок в расход.

А сапоги, а шинели? Наша армия давала на всех фронтах громадный процент босых и раздетых, мы целые сражения, кампании проигрывали из-за недостатка шинелей и сапог. В свое время я докладывал правительству о том, что польскую кампанию мы не выиграли до конца потому, что на зимние месяцы не хватило ни шинелей, ни сапог. Если бы у нас в августе прошлого года было достаточное количество шинелей и сапог на западном фронте, мы могли бы обучать беспрепятственно десятки и тысячи молодых красноармейцев, которые бы туда посылались. Но мы не могли этого сделать, так как наступили дожди, холода, а люди были босы и без шинели. Вместе с тем, товарищи, нет ни одной армии, где бы был такой бешеный расход сапог и шинелей, как у нас, в нашей истощенной, почти нищей рабоче-крестьянской стране. Я говорю вам, будущим командирам, что это дело не шуточное.

Чем это вызывается? Отсутствием учета, отсутствием внимания. Арматурные списки, книжки красноармейцев, куда бы записывалось все, что им выдают, заводятся очень туго. Почему? Много к тому причин. Малограмотность, недостаточное внимание низшего командного состава, взводных, ротных, батальонных командиров, которые не имеют настойчивого хозяйского глаза для этого. Если так будет продолжаться, вдвое больше будет уходить шинелей и сапог, а в момент боя красноармеец будет и бос и гол. Это факты, доказанные опытом нашей войны.

Возьму пример, из которого это особенно ярко видно. В дивизии два полка. В одном хороший командир полка, хороший комиссар. Он поручил взводному из той же кремлевской или иной школы имущество и внушил ему хозяйственное, деловое, внимательное отношение к своим обязанностям. А рядом полк, где командир, может быть и герой, но нехозяйственный, беспорядочный человек, у него тот же командный состав не получает от командира полка примера, воспитания, и вот два полка одной и той же дивизии, которые получают одно и то же, а разница между ними колоссальная. У одного почти есть все, что нужно и даже маленький запасец про черный день. Фуража нет, он заготовляет древесный корм, предвидит трудный день и час. (Здесь в Москве есть такой командир 36 стрелковой дивизии, которая сейчас расформирована). У другого же все в полном беспорядке.

В Московском округе, вокруг Москвы проверялось через комиссию состояние конского состава. Один раз я просмотрел приказ командующего войсками округа Муралова по этому поводу и поразился: 316, 317, 320 полки получают одно и то же, а разница колоссальная. В 316—конский уход неудовлетворителен, лошади в чесотке. В 317—хорошо. В конюшнях чистота, порядок. В 320 имеются щетки и скребницы, а уборка плоха. Про дивизионную школу, которая должна быть образцом, рассадником порядка, читаю: уборка, содержание плохие, хвосты и гривы подстрижены неправильно, лошади чистятся редко, хотя щеток и скребниц достаточно, наряда на работы не несут, описи составлены неправильно, порядок вы-

водки незнаком, инспекторский и ветеринарный надзор не установлен. Вся команда и комсостав указаниями инспекции не интересуются. И это где?—В дивизионной школе. Через недели 2—3 я послал новую инспекционную комиссию из очень ответственных опытных лиц, чтобы посмотреть, сдвинулись ли они. Оказалось, нет. У тех, у которых было хорошо, стало еще лучше, а у которых было плохо, ни на шаг не сдвинулись вперед.

Сейчас вы часто слышите, а после придется испытать на деле, что мы очень бедны, не хватает не только фуража, но скребниц и щеток. В школе, хотя вы и испытываете некоторые лишения, все же вы, товарищи кремлевцы, поставлены в очень благоприятные условия, по сравнению со всеми другими школами. Говорят:—как чистить сапоги, если смазки нет, как ходить за лошадью, когда нет щеток. Но ведь я привел пример, как обстоит дело в одной и той же дивизии. Какая колоссальная разница: у одного командира чистота, порядок образцовый, у другого наоборот. И прежде всего это зависит от командного состава.

Мы пережили полосу варварского беспощадного уничтожения всех хозяйственных помещений, которые были обращены в помещения для казармы. Никогда может не было такого ужасающего бесхозяйственного, озорного отношения к помещению, как у нас в прошлый период. Я запросил по этому поводу данные несколько недель тому назад. Их такое количество, что нельзя привести в подробности. Все ломают, арматуру уносят с собой, уходя, вышибают стекла, засоряют отхожие места. Вы знаете, туда бросают, что угодно, начиная со старой портянки. Трубы замерзают, затем лопаются и в нижних этажах образуются озера. Таких зданий, где стояли красноармейцы, много, и курсанты в этом отношении были не лучше. Если часть оседлая, тогда они помнят, что ей в этом здании придется зимовать и что если выбить стекла, то придется мерзнуть. Во время же войны, когда части часто меняют место, одна часть оставляет другой наследство в виде разрушенного здания. Это имело эпидемический характер. Нет самого простого гражданского воспитания, нет сознания, что помещение есть народное достижение. Осталось старое отношение раба к государственному, царскому, казенному, и, когда командование относится к этому невнимательно, это величайший грех.

Для кремлевцев, т. т., прилагаются усилия создать в Кремле минимальные удобства как в учебном отношении, так и в смысле личной жизни. Это очень скромные удобства, но вы поставлены в более привиллегированное положение, чем другие школы, и надеемся, что у вас будет такой порядок, что можно будет к вам водить других и показывать, как живут чисто — на стенах рисунков нет, окурков на пол не швыряют, полов не проплевывают. Такое полу - легкомысленное, полушутливое озорство легко охватывает целые части, — один резнул слегка, другой прибавил, а в целом, смотри, целое здание изгажено в течение нескольких недель.

Вы знаете, у нас есть строительная команда. Она прислала донесение, что при нашей бедности материалов она не только не успевает сделать более совершенный ремонт, но не успевает залечивать те повреждения, которые производятся каждый день. Поэтому начальник команды говорит, что, если бы стали охранять здание, то это было бы выгоднее, чем строить или ремонтировать. За время починки разрушений производится больше, чем можно починить. Такого рода донесений десятки.

Я запрашивал Гукон о том, как командный состав обращается с лошадьми, и получил донесение, что по их наблюдению обращение суровое, нечеловеческое. Разумеется, не все так делают, я это знаю прекрасно, но такие факты есть. Невнимательное же обращение с лошадью недопустимо, ибо число лошадей по сравнению с до-военным временем упало вдвое, и положение это ухудшается не только вследствие бедности, т. е. недостатка корма, но и вследствие невнимательного к ним отношения. Могу больше сказать, наша бедность явилась результатом нашей невнимательности; как я уже сказал, в нашей армии шинелей и сапог тратится больше, чем во всякой другой армии в мире. Это же можно сказать и об остальном имуществе. К чему оперативный план, прекрасное настроение частей, раз, когда мы двигаемся вперед, отлетают подметки? Конечно, сапог шьется из материала не первого качества, но почему? Потому что приходится их делать вдвое больше из-за неаккуратности, из-за того, что их не смазывают.

На собрании командиров Московского гарнизона я говорил, что до Варшавы мы не дошли, потому что подметки отвалились, потому что сапог не смазывали, не научились бережно к ним относиться, слишком много расходовали и в самый нужный момент, когда Варшава была на виду—только руку протяни,—мы не дошли. Не хватило сил, потому что армии босой и оборванной требуется расходовать энергии вдвое более. Обозы за армией не поспевали, а не поспевали потому, что лошади заболевали чесоткой, а заболевали они потому, что их неаккуратно кормили, не чистили. Одно с другим соединялось и, в результате,—разгром, неудача операции, отступление, гибель сотен, десятков тысяч людей.

Все равно, как взять самую лучшую, крупную ткань и самой тонкой иголкой ткнуть эту ткань, иголку вынешь—никакого следа, никакого вреда для ткани. Если же посадить 100 человек и дать им иголки в руки, и они будут втыкать их в ткань в течение 24 часов—то от ткани останутся ниточки, она вся расползется. Маленькая неаккуратность, неисполнительность есть такой же укол тонкой иголкой. Каждый говорит: какой вред, если я брошу окурок или плюну? А иной раз плюнет чахоточный, а другой от этого заразится, от окурка же может загореться пол. В Кремле чуть пожара не было, который мог причинить большие затруднения. Или, когда дверь не открывается, ее пробуют открыть штыком. Что получается в результате?—дверь испортил и штык погнул. Два маленьких поврежденьица, а, смотришь, через некоторое время здание узнать нельзя—так оно загажено.

Если человек находится в неаккуратной обстановке, у него нет настроения работать. Возьмите фабрику, мастерскую. Если в мастерской на полу мусор, в окна дует ветер, каплет с потолка, — рабочие работают плохо, нет настроения. Если же в мастерской чистота, все как следует, человек работает вдвое лучше. Так же и любая часть — в грязной проплеванной обстановке—хорошей части не будет.

Если в Реввоенсовете Республики я вижу плевок на полу, — бегу узнавать, кто плюнул. Может быть некоторые скажут, что за свободная Республика, если свободно плюнуть не позволяется. Такого понимания свободы мы допустить не можем. Кто плюет на пол, тот плюет на чужой труд — ведь кому-то это придется убирать, подметать, — тот относится невнимательно к труду, тот неряха. А нерях, нам в Советской Республике, в Советской армии, товарищи, не нужно. Неряшливость нам нужно выбить из себя во что бы то ни стало.

В первый период нам достаточно было героизма. Теперь этот период прошел, героизм нам нужен, но под героизм нужно подбить подкладку из аккуратности. Героизм на подкладке из аккуратности — самое великолепное качество, какое нам нужно. Если каждый подобьет себя такой подкладкой, то у нас будут очень хорошие командиры. Без этого никакое самопожертвование не поможет против тех новых армий, с которыми нам придется сражаться. Польша, Румыния — наши ближайшие соседи. Если нам придется бороться с ними, они оружием будут богаче. У нас есть разведка, есть разведывательное управление, где собираются сведения о румынской, польской, германской, французской армиях, из которых видим, что наши ближайшие соседи прилагают колоссальные усилия, чтобы организовать свою армию, поднять ее на более высокую ступень.

Необходимо также более внимательно относиться к опыту прошлого. У кремлевских курсов есть собственный опыт. Кремлевцы сражались на разных фронтах и выдвинули значительное количество командного состава. Я не знаю, в какой мере он учитывается. Знают ли ваши курсанты свое прошлое? Если нет, то пора за это приняться. Был у вас журнал. Не знаю, есть ли сейчас. Нужно собрать материал, факты, обстановку боевых действий, в которых участвовали клемлевцы. Если есть командиры-кремлевцы в отдельных частях, то надо туда послать ходоков, чтобы они написали о том, как в первый раз командовали в боевой обстановке, чего не хватало, как у них зуб на зуб не попадал — не от страха, потому что, к счастью, трусов у нас мало, — а оттого, что обстановка была сложная, в которой они не могли разобраться. Надо приказывать, а командир смотрит вверх, как бы ему кто приказал, а приказывать некому. В такой обстановке человек должен действовать по собственной инициативе, по собственному разумению. Пускай они расскажут, чего им не хватало, чего им школа не дала, чего по незнанию или нерадению они не получили. Есть много погибших кремлевцев. Не знаю, записываются ли все случаи. Полагаю, что нет. Нужно собрать сведения о том, как они погибли, в какой

обстановке. Это будет памятник погибшим и другим наука. Может быть, опять-таки погибли не потому, что этого требовала обстановка, а из-за своей неподготовленности. Это будет лучшее обучение и воспитание. Армия тогда сильна, когда есть преемственный опыт. Когда каждая часть хранит крепко свои боевые традиции, дорожит военной славой своего полка, своей школы, своей дивизии. Мы подошли к такому периоду, когда эту гордость своими заслугами нужно воспитать в себе. Все мы—сыны рабоче-крестьянской Красной Армии и рабоче-крестьянской Республики и в этом смысле заслуга каждого полка всем нам очень близка, но армию поднять выше можно тогда, когда каждый из вас будет в своем сердце, в уме иметь историю своей части, школы, помнить ее заслуги и недостатки. Заслуги увеличивать, а недостатки искоренять.

Если военное звание вообще очень трудное и ответственное, то звание военного командира труднее и ответственнее в десять раз. Раз революция, рабочий класс нуждаются в Красной Армии, — а они в ней нуждаются, — то Красная Армия должна отвечать своему назначению во всех отношениях. Нам нужен не простой, а квалифицированный командир. Армия сокращается. Она сейчас сокращена втрое против того числа, которое имела в прошлом году. Она потеряла в количестве, но должна выиграть в качестве. Каждый командир, каждый боец должен будет давать такую боевую работу, какую раньше давали 3—5 человек, ибо провалы мы раньше заполняли массой. Мы теряли много жертв и бросали 2 — 3 дивизии туда, где задачу могла выполнить одна дивизия, и делали это в силу неквалифицированности, недостаточного обучения. Настал период, когда количество мы должны заменить качеством.

Кремлевская школа поставлена в сравнительно благоприятные условия при нашей трудной обстановке, при нашей бедности. Военное ведомство приложит все усилия, чтобы эта обстановка не ухудшалась; в дальнейшем, когда станем богаче, мы будем ее улучшать. Кремлевская школа в глазах всего мира, без преувеличения, является представителем рабоче-крестьянской Красной Армии. Почему? Потому что иностранцы—друг или враг—приходя в Кремль, прежде всего видят кремлевских курсантов. На парадах, смотрах, которые мы устраиваем на Красной площади в честь Интернационала, где присутствуют иностранные дипломаты, а среди них есть люди большой военной школы и острого военного взгляда, они прежде всего опять-таки глядят на кремлевских курсантов и говорят себе,—если у кремлевских курсантов плохи лошади, то что говорить о других, если же, наоборот, кремлевцы хороши, то это создает впечатление, что и вся армия хороша. Кремлевские курсанты в глазах всего мира являются образцом Красной Армии. Наша задача в том, чтобы кремлевскую школу сделать образцом во всех отношениях: в отношении духа — коммунистической спайки, революционного настроения, в отношении строевом, хозяйственном, тактическом, в отношении аккуратности, исполнительности, добросовестности,—словом, во всех отношениях. Поэтому Революционный Воен-

ный Совет Республики и я, в частности, будем к вам часто заглядывать. Через комиссию и непосредственно будем осматривать помещение. Об этом предупреждаю. Может быть, иной раз втихомолку, — вслух дисциплина не позволяет,—кто-нибудь ругнется по поводу нашей придирчивости, по поводу того, что сегодня, например, я вам засчитал всякое лыко в строку— и то, что на 15 минут опоздали, и то, что кашляли много. Но, товарищи, без такой придирчивости, без такой требовательности мы не поднимемся выше, а подняться нужно во что бы то ни стало.

Мы привыкли опираться на поговорку: «Кое-как, да как-нибудь, авось, да небось». Это есть величайший порок, который особенно развился в русском крестьянине. Его давили сверху, разогнуться некуда, он к этому привык и все говорил «авось, да небось». Этот наибольший порок — рабство,—товарищи, и сейчас еще сказывается в революционном элементе. Нам нужно подняться, воспитаться, а для этого нужна крепкая дисциплина, чтобы человек чувствовал самого себя от мизинца ноги и до мозга в голове, помнил, что он должен делать и чего не должен, куда бросить окурок, какое слово сказать, какую команду отдать—уметь владеть собой, командовать собой. Это есть большое искусство, которому нужно учиться. Командир, прежде чем получает право командовать другими, должен уметь командовать собой, чувствовать, что он владеет собой, отвечает за себя. Кремлевские курсанты должны получить такое высокое квалифицированное воспитание.

Революционный Военный Совет Республики берет кремлевскую школу под свое наблюдение. Везде должна быть чистота и полный порядок, ибо это есть обстановка для труда. Иной раз, если кто-нибудь в сердцах про себя и ругнется, то все же он должен помнить, что эта требовательность не есть злая придирчивость, она вызвана не недоброжелательным к вам отношением, а стремлением помочь вам, иной раз может и сильными средствами, стать настоящими командирами, настоящими революционными воинами, которые имеют право приказывать другим, требовать беспрекословного повиновения на жизнь и смерть в боевой обстановке. Пусть подымается и укрепляется кремлевская школа, пусть растет ваше внимание к ней и ваша любовь к ней, пусть каждый из вас в трудный час боевой ответственности скажет — этот навык и право командовать мне дала кремлевская школа, и я призываю вас вместе со мною в честь красной кремлевской школы воскликнуть единодушное ура!

Из архива.

Тула остается великой кузницей Красной Армии.

Когда Деникин напирал на Тулу, мы отстаивали ее всеми силами и отстояли ее. Другие города мы временно сдавали врагу и затем возвращали. Но Тулу мы не смели сдавать ни на один час. Ибо на наковальнях Тулы выковывается оружие рабоче-крестьянской армии.

После тех грозных дней в сентябре 1919 года прошло много недель и месяцев тягчайшей борьбы, величайших страданий и жертв, но и славных побед. Вооруженные тульской винтовкой и тульским штыком, с тульским патроном в патронташе, рабочие и крестьяне отбили врагов на всех фронтах. Ныне на исходе 1921 г., у нас боевых фронтов нет. Наши мысли, нашу волю, нашу силу мы направили на хозяйство. И уже сейчас рабочие тульских заводов испытывают облегчение своей трудовой участи. С продовольствием стало лучше. Должно стать лучше и в других отношениях. И станет лучше, если мы этого захотим. И мы все этого хотим.

Но значит ли это, что винтовка и патрон, пулемет и наган не нужны более Республике рабочих и крестьян?

Нет, не значит. Враги наши притихли, но вовсе не примирились с нами. Трудовая республика без царя и, главное, без помещиков и капиталистов, остается для них попрежнему смертельной угрозой. Кроме России, власть еще во всем мире остается в руках богатых классов, эксплоататоров. И до тех пор, пока трудящиеся не вырвут этой власти, Советская Россия останется под угрозой новых нападений.

В соседней с нами Польше жестоко борются друг с другом две буржуазные партии: одна хочет с нами торговать, другая хочет воевать. Мир с Польшей мы купили ценою огромных уступок. Многие русские рабочие и крестьяне говорили себе, что мир, заключенный с Польшей, не справедлив, что Польша получила слишком много. Но все соглашались в то же время, что лучше было итти на эти уступки, чем обескровливать и опустошать дальше страну затяжной войной. Но даже и этот чрезвычайно выгодный для польской буржуазии мир не удовлетворяет ее. Подталкиваемая французскими биржевиками часть польской буржуазии, особенно военная партия, изо всех сил стремится вовлечь нас в новую войну. Мы делаем все, что нужно, чтобы удержать мирные отношения. Но дело зависит не от нашей только воли, а и от того, кто одержит верх в Польше: партия сторонников мира или Пилсудский, стремящийся во что бы то ни стало вызвать войну.

Какая же из этих двух польских буржуазных партий победит? Этого предвидеть и предсказать нельзя. Если мы будем слабы, в Польше победят охотники войны; если будем сильны,—верх в Польше возьмет более осторожная, благоразумная буржуазная партия. Когда в начале осени обнаружился тяжкий недород в Поволожьи, буржуазия чуть ли не всего мира стала ждать падения Советской власти. В Польше сразу усилилась партия Пилсудского, и мир России с Польшей буквально повис на волоске. Когда же выяснилось, что Советская власть справляется с голодом, что она тверда и выводит страну на путь хозяйственного подъема, — польская буржуазия стала бить отбой, и партия мира получила снова перевес. Однако, Пилсудский не сдался. Он и сейчас продолжает выбрасывать на нашу территорию банды своего наемника Петлюры. Это, разумеется, противоречит договору и является ничем иным, как бесчестной провокацией. Но мы вызова не принимаем. Мы хотим мира. И мы твердо рассчитываем, что трудовой польский народ сумеет надеть смирительную рубашку на нарушителей мира.

Мы же тем временем должны крепко держать винтовку в руке, а для этого нужно иметь ее, т.-е. нужно ее сделать. Если бы на наших складах иссякла винтовка и иссяк патрон, Пилсудский немедленно напал бы на нас, и вся польская буржуазия, соблазненная легкостью победы, несомненно поддержала бы его. Если же наши склады будут полны винтовок и патронов, польская буржуазия десять раз подумает, прежде чем позволит Пилсудскому напасть на нас. Обученного человеческого материала у нас в несколько раз больше, чем в Польше. Надежных закаленных командиров у нас много. Следовательно, при достаточных запасах вооружений мы можем сразу поставить на ноги огромную армию. Нападение на нас явилось бы, в этом случае, смертельной опасностью для нападающего. Доколе нас окружают враги, мы должны быть готовы к отпору, а это значит, что Красная Тульская кузница должна работать во-всю.

За годы революции тульские ружейники и патронники пережили не мало черных часов. Им пришлось испытать тяжелые лишения. Иногда этим пользовались агенты буржуазии, меньшевики, чтобы создавать в среде рабочих разлад и подрывать производство. Но это прошлое, и все мы уверены, что оно не вернется. Сейчас хозяйственное развитие пошло вверх медленно, тяжко, но все же вверх. Вместе с этим шаг за шагом должно улучшаться положение трудящегося. Советская Республика должна внимательно относиться к своим тульским оружейникам, как и эти последние будут твердо и честно служить нуждам рабоче-крестьянской Республики.

Эта зима будет зимой напряженного, упорного и правильного труда. Тула остается великой кузницей Красной Армии.

---

18 ноября 1921 г.
Тула.
«Правда», № 263.

Дивизия Тульского совета.

2-я стрелковая дивизия отныне получает наименование Тульской. Ее усыновил Тульский совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Этим самым между 2-й стрелковой дивизией и трудящимися Тульской губернии устанавливается тесная, кровная, неразрывная связь.

В царской армии воинские части имели своих шефов, т. е. «почетных» начальников и покровителей. Такими шефами бывали члены романовской семьи, великие княгини и князья и их чужестранные «родственники», короли, императоры и королевы. У высочайших шефов была такая же связь с солдатской массой их частей, какая бывает у рабовладельцев с их рабами.

Рабоче-крестьянская армия тоже отныне будет иметь своих «шефов»[13]. Но это не отдельные лица, а местные органы власти рабочих и крестьян. Отдельные дивизии, бригады и полки берутся под особое попечение местными советами. Такая мера теперь возможна благодаря тому, что армия наша временно, впредь до нового нападения на нас, т. е. до новой войны, стала более оседлой. Дивизии занимают на более продолжительный срок определенные районы. Таким путем на деле устанавливается более тесная, действительная, а не показная только связь воинских частей с местными органами рабоче-крестьянской власти.

Что означает приписка дивизий и полков к советам? Уж, конечно, она не означает рассечения единой Красной Армии на ряд местных армий, как это было в самый первый период Советской власти, в эпоху партизанского военного строительства. Нет, армия остается единым, общегосударственным, строго централизованным целым. В этом ее сила, в этом залог ее дальнейших успехов. Местные советы, беря под свое особое попечение известную часть армии, отнюдь не разрывают связи этой части с целым, т. е. со всей армией, а, наоборот, помогают воспитать в каждом красноармейце высокое сознание гражданина-воина, защитника первой в мире республики труда, и тем самым укрепляют внутреннюю спайку всех частей армии и спайку армии в целом со всеми трудящимися. Связь между местным советом и усыновленной им дивизией будет, разумеется, не показной, а серьезной и деловой. Она уже сейчас на деле такова. Тульский совет еще прежде, чем прошла приказом приписка к нему 2-й стрелковой дивизии, успел проявить в отношении к ней серьезное деловое внимание. Совет уже передал на нужды дивизии из собственных скромных средств значительное количество предметов обмундирования. Несомненно,

что внимание Тульского совета к своей дивизии в квартирном, одежном, продовольственном отношениях не будет ослабевать и впредь. Нельзя, конечно, ждать в этом отношении каких-либо чудес, ибо хозяйственное положение всей страны, и в том числе Тульской губернии, еще очень и очень тяжелое. Но в меру местных сил и средств Тульский совет придет всем, чем сможет, на помощь центральной власти, чтобы создать для Тульской дивизии более благоприятные условия духовного и материального существования.

В свою очередь и дивизия должна с величайшим вниманием относиться к местным советским органам, к условиям жизни и нуждам Тульской губернии. Во многих случаях дивизия может оказать местным советским органам серьезнейшее содействие, не нарушая своей текущей работы по содержанию, обучению, воспитанию своих частей.

Наступающая зима будет временем напряженной, неутомимой работы по обучению и воспитанию частей дивизии, по укреплению ее аппарата по приведению в порядок ее материального достояния. Командному и комиссарскому составу предстоит подняться на ступень выше, чтобы вслед за собой поднять вверх и всю красноармейскую массу. В этой напряженной работе Тульский совет поможет дивизии, поддержит ее, укрепит ее дух. Приступим же дружно к работе!

Да здравствует Тульская стрелковая дивизия!

Да здравствует Тульский совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов!

20 ноября 1921 г.
гор. Тула.
«Правда», № 264.

Не неделя, а пятьдесят две недели!

Сейчас идет в стране Неделя достояния красноармейца [14]. Телеграммы сообщают, что во многих местах Неделя проходит при дружной поддержке со стороны местных советов и партийных организаций: общими силами ремонтируют и чистят казармы, снабжают красноармейцев пуговицами, нитками и проч. Все это факты в высшей степени отрадные, свидетельствующие о возрождении деятельного внимания к армии. Надо надеяться, что и остальные советы последуют по тому же пути, хотя бы и с запозданием.

Но в то же время надо решительно подчеркнуть, что в такого рода материальной помощи Красной Армии со стороны рабоче-крестьянских организаций заключается только одна часть Недели и, при этом, меньшая часть. Главная задача Недели—в воспитании и самовоспитании самой армии в духе внимательного, бережного, добросовестного отношения к переданному ей народному достоянию. Мы бедны, но мы расточительны. Мы неаккуратны. Мы неряшливы. Мы неопрятны. Эти пороки имеют глубокие корни в рабском прошлом и искореняться могут только постепенно, путем настойчивой пропаганды делом, примером, показом, — путем тщательного контроля и настойчивой требовательности. Те командиры и комиссары, внимание которых целиком собьется в сторону получения материальной помощи со стороны, рискуют пройти мимо действительного смысла Недели достояния. Правильный учет, правильное ведение служебных книжек красноармейцев, чистка и уход—вот что сейчас важнее всего.

Необходимость в Неделе достояния возникла потому, что 51 неделю в году мы были довольно-таки неряшливы и небрежны. Задача не в том, очевидно, чтобы, слегка покаявшись в течение одной недели и заполнив наиболее кричащие прорехи при помощи со стороны, вернуться затем опять на путь беспечности и расточительности в нищете.

Не одна неделя нам нужна в году, а ровным счетом 52 недели хозяйственной бдительности!

10 декабря 1921 г.
«Известия ВЦИК», № 278.

Надо учиться писать!

Наши молодые литераторы-пропагандисты далеко не все умеют писать так, чтобы их понимали. Может быть, это происходит от того, что им не приходилось пробиваться сквозь первобытную кору темноты и непонимания. Они вошли в партийно-агитационную литературу в тот период, когда в довольно широких слоях трудящихся определенный круг идей, слов и оборотов получил прочное распространение. Опасность отрыва партии от беспартийных масс в области агитации выражается в замкнутости агитационного содержания и его формы, в создании почти что условного партийного языка, недоступного сплошь да рядом $^{9}/_{10}$ не только крестьян, но и рабочих. А ведь жизнь не останавливается ни на один час, поднимаются одно за другим новые поколения. Сейчас судьбы Советской Республики решаются в значительной мере теми, кому во время империалистской войны и затем мартовской и октябрьской революций было 15-16-17 лет. Это «засилье» молодежи, идущей нам на смену, будет давать себя чувствовать чем дальше, тем сильнее.

С этой молодежью нельзя говорить теми готовыми формулами, фразами, оборотами, словами, которые для нас, «стариков», имеют значение потому, что вытекают из нашего предшествующего опыта, а для нее остаются сплошь да рядом пустым звуком. Надо учиться говорить с нею на ее языке, т. е. на языке е е о п ы т а.

Борьба с царизмом, революция 1905 г., империалистическая война и обе революции 1917 г. для нас—личные переживания, воспоминания, живые факты нашей собственной деятельности. Мы тут говорим намеками, вспоминаем и мысленно дополняем то, чего не договариваем. А молодежь? Она этих намеков не понимает, потому что не знает фактов, не пережила их и не может с ними познакомиться из книжек, из правильно поставленных рассказов, ибо их нет. Где старшему поколению достаточно намека, там молодежи нужен у ч е б н и к. Настала пора составить серию таких учебников и пособий революционного политического воспитания для молодежи.

Особенно резко я столкнулся с этим вопросом, когда попытался создать ряд небольших пособий и учебников для наших военно-учебных заведений на тему о наших соседях. Совершенно очевидно, что красный командир, а при его помощи и каждый красноармеец, должен в первую голову знать, каковы те государства, которые нас окружают, иначе он не будет сознательным воином.

На-днях вышла первая книжка такого рода, посвященная современной Польше *). Прочитав первые странички, я прямо-таки ужаснулся. Неужели же наши агитаторы-пропагандисты, наши популяризаторы так плохо чувствуют своего читателя, так мало отдают себе отчет в том, что ему нужно?

Вот как начинается книжка: «Империалистическая война возникла в то время, когда растерзанная почти 150 лет тому назад на три части Польша органически все более срасталась с тремя различными государственными организациями». Попробуйте прочитать эту фразу перед ротой и потом предложите поднять руку тем, кто понял. Боюсь, что не поднимется ни одна рука, если случайно ротным командиром не окажется бывший студент. В конце той же странички говорится мимоходом «о повстанческих идеях», которые сохранились только «в кучке деклассированной интеллигенции». Что это все значит? Для кого это предназначено? Кому это доступно?

Представим себе нашего молодого красного командира, командующего взводом. Он знает Польшу только по личным воспоминаниям и по газетам. Он знает только Польшу Пилсудского, ту самую, которая нападала на нас. О том, что Польша была разорвана на три части между Россией, Австро-Венгрией и Германией, он не знает. Да, да, товарищи-агитаторы и популяризаторы, представьте себе, он этого не знает. Революция пробудила его мальчиком и все внимание его потом было поглощено внутренними событиями и борьбой с белыми. Самое имя Польши он услышал, может быть, в первый раз в связи с нападением бело-поляков и петлюровцев на наши границы. Вот с этих простейших фактов, ясно и просто изложенных, и нужно начать. Польша образовалась тогда-то, путем соединения воедино трех частей, которые были захвачены полтора столетия тому назад тремя хищниками. Говорить о каких-то повстанческих идеях, удержавшихся в кучке деклассированной интеллигенции—да, ведь это же жаргон небольших кружков партийной интеллигенции, хотя и не деклассированной, но совершенно оторвавшейся от действительного рабочего класса.

Я этим вовсе не хочу изгнать такого рода выражения, отдельные слова, представляющие сложные намеки из марксистского обихода. Надо только, чтобы форма изложения отвечала объему вопроса и была ясно предназначена для определенного читателя или слушателя. Излагать же простейшие, элементарнейшие исторические факты, неизвестные читателю, на условном языке, целиком связанном с революционными воспоминаниями партийных верхушек,—это уж последнее дело.

В книжке, предназначенной в первую голову для военного читателя, я не нашел никаких данных о территории Польши, о численности населения, об его национальном составе, о числе городов и городского населения и пр. Как же можно без этих основных данных? Книжка обо всем

*) Библиотека политпособий.—«Очерки современной Польши». — Книга первая. Высший Военный Редакцион. Совет. Москва. 1921 г.

говорит мимоходом, попутно, и ни о чем—ясно и вразумительно. Можно бы предположить, что книжка предназначена для верхов, но нет—она издана в количестве 25.000 экземпляров. Это значит, что книжка должна быть рассчитана на сотни тысяч читателей (и слушателей). А можно утвердительно сказать, что во всей Красной Армии вряд ли наберется пять—десять тысяч читателей, которые эту книжку поймут. При чем те, которые ее поймут, и без того знают все, что в книжке написано.

Книжку писал, очевидно, польский товарищ; она вся испещрена полонизмами и, вообще, грубейшими погрешностями против русского языка. Тут уже целиком вина редакции. Она не дала себе труда просмотреть рукопись, хотя бы с точки зрения русского языка. В книжке говорится, что парламентаризм «изжился» вместо «изжил себя». Пилсудский отказался «присягнуть на братство». Знаменитая 102-я статья царского уголовного уложения названа 102 параграфом, чего никто не поймет. К этому надо прибавить жестокую расправу над падежами (примеров приводить не стану)—и, что уже само собою разумеется, в нашем советском издательстве—обильное количество опечаток. Если польский товарищ допускает полонизм,—это понятно. Но для чего же редакция?

Можно не сомневаться, что автор книжки способен дать нечто лучшее, если предложить ему два и три, и четыре раза переработать то, что он написал. Именно так учились мы в свое время писать популярно. В нынешнем же своем виде, книжка совершенно не годится. Она никому не нужна. У неискушенного читателя, для которого она предназначена, она может вызвать только раздражение, близкое к отчаянию, и отбить охоту к чтению.

Надо учиться писать для молодежи!

10 декабря 1921 г.
«Правда», № 279.

Заключительное слово

на 2-й конференции коммячеек высших военно-учебных заведений 10 декабря 1921 года.[15]

Товарищи, мне поставили в записках вопрос, и первый из говоривших товарищей формулировал его устно: как быть с нашим флотом, какая ему предстоит судьба в ближайший период, какова должна быть его структура?—при чем выступавший здесь тов. Посунко указывал на то, что флот за годы Советской власти хронически распадался и виной этого распада является враждебный нам командный состав. Я думаю, что в своем объяснении совершенно правильно установленного факта, тов. Посунко абсолютно неправ. Выходит так, что, дескать, для армии нашли надежный командный состав и надежного главнокомандующего, поэтому армия укреплялась, а насчет флота нам не повезло, не нашли такого человека, и флот поэтому распадается.

Ничего подобного. Объяснение в корне неправильно. Может быть тов. Посунко сказал больше, чем хотел, или меньше, чем хотел; но я слышал нечто подобное от многих моряков; предает-де Покоморси, и потому на судах происходит развал. Это в корне неправильно. Вся обстановка для развития армии и флота у нас была за эти годы глубоко различная. Почему мы не погибли? Такой вопрос мы можем себе поставить: каким образом нам удалось не погибнуть в военном отношении? Рабочий класс стоял у нас в феврале 18 года по части обороны «гол, как сокол». Старая армия распалась, новой еще не было, а врагов сколько угодно. И мы не погибли. Почему? Потому что у нас огромный плацдарм, потому что Россия есть страна необъятных пространств. Я как то говорил недавно с одним немецким морским офицером, который когда то разговаривал с Николаем II, и он передает, что Николай II, человек, как известно, не бог весть какого ума, выразился так: «Россия — это не государство, а континент». Я сказал немецкому офицеру, что вероятно Николай не сам это выдумал, а вычитал где нибудь, но и то хорошо для него Россия не государство, а континент, материк. Только потому мы могли безнаказанно отступать на огромнейшие расстояния, что каждая армия европейская, которая собиралась нас разгромить, стояла перед задачей оккупации необъятной страны. И мы получили возможность, благодаря этим же пространствам, исходя из Московского центра строить армию. Эта армия развернула в ходе боев маневренную стратегию. Некоторые товарищи связывают эту стратегию с характером революции. Неверно!

Маневренная стратегия есть результат двух величин—территории и численности армии. Там, где территория огромна, и где по отношению к ней армия—незначительна, там только и возможна маневренная стратегия. Именно потому, что Россия есть не государство, а континент, Советская власть могла держаться, а Венгрия вот пала, разбилась. Если бы мы в конце 17 года были у власти в Бельгии, или в Венгрии, то у нас не было бы ни маневренной стратегии, ни армии, потому что скоро не было бы и власти. А в отношении флота мы как раз и были в положении «Бельгии», т. е. в положении хуже губернаторского. У нас не было водного континента, на котором мы могли бы строить флот и вести операции. Против нас стояла всемогущая Англия. У нас мог быть плохой командующий морскими силами, мог быть даже предатель,—чего не было!—но суть не в этом: кто хочет понять разницу судеб армии и флота, тот пусть помнит, что если территории у нас хоть отбавляй,—ее и пробовали отбавлять и малость таки убавили, то моря зато—как кот наплакал. Если взять армию нашу, то в ней роль человеческого материала, грубо говоря,—три четверти дела, а техника—одна четверть. А во флоте наоборот; три четверти—это машина, металл, превращенный в военную технику,—а одна четверть—человеческий материал. А мы в какой из этих частей сильны? Мы сильны по части человеческого материала, хотя—увы!—голодного, но многочисленного. А по части техники мы с вами слабы. Этих причин за глаза, достаточно, чтобы все остальные причины признать десятистепенными. Чтобы флот жил, нужен уголь, нужна нефть, — без угля и без нефти флота нет. Армии, конечно, тоже нужна топка для казарм, для автомобилей, броневиков и т. д. Но относительное значение топлива в армии не так велико. Нет грузовиков, можно и на крестьянских телегах. А флот, если нет угля и нефти, никуда не двинется. Итак, товарищи, для успехов флота у нас не хватало трех мелочей: во-первых, воды, во-вторых, судов и, в-третьих, топлива. К этим трем мелочам прибавьте, если уж хотите, плохой командный состав. Вот как обстоит дело! Наши товарищи-моряки великолепный народ, они великолепно сражаются и на суше, доказали это на деле, но они положительно затравили нас своими жалобами и нареканиями: их де не ценят, плохо строят флот, невнимательны к морской обороне и т. д.

Дело вовсе не в этом, а в нашей бедности. Я только-что торговался, товарищи из-за 100.000 пудов угля в Центральном комитете партии,—да, каждый пуд угля приходится ныне обсуждать в Центральном комитете. А вы знаете, о чем мы говорили в прошлом году? У нас серьезным партийным образом обсуждали, что нам выгоднее сделать: поставить суда на долговременное хранение или утопить, потому что утопить это тоже один из способов хранения,—потом, в лучшие дни, суда можно поднять. Мы этого все же не сделали. Но достаточно показательно и то, что у нас такой вопрос обсуждался. Все, что можно было, мы отдали армии. Отсюда происходит и то, что мы не сумели подобрать для флота командного со-

става. Раз мы спасались на суше, после того, как пришлось совсем почти уйти с моря, естественно, что лучшие работники из моряков брались в армию, и мы в конце концов, совершенно обезлюдили флот. Вот, где корень всего!

Что же это было? Недоглядка? Ошибка? Ничего подобного. Были глубочайшие исторические причины. Больше того, я вам скажу, что с точки зрения международной, эта наша пассивность в области флота, имела свои благоприятные последствия, ибо создавала по отношению к нам известный раскол между Францией и Англией. Англия не могла ни в каком случае терпеть наших попыток в области флота. Когда мы спустили одну подводную лодку, то Керзон поднял большой шум. Конечно и англичане, подобно французам, считали нас врагом, но врагом, загнанным на сушу, поэтому не столь опасным, — и они даже дошли до торговых сношений с нами. При первой нашей попытке воссоздания флота, англичане гораздо круче отнеслись бы к нам. Это тоже нужно учесть. Сейчас общее международное положение обещает открыть некоторые новые перспективы. Некоторые улучшения намечаются также в области добычи угля и нефти. Привлечение иностранного капитала и возрождение металлургии и металлообрабатывающей промышленности открывают некоторые возможности и судоремонта, и судостроения. Мы вырабатываем свою скромную программу, считая, что наш военный флот имеет будущее,—это программа, разумеется, строго оборонительного свойства, главным образом, подлодки и средства минного заграждения. Чтобы мы задавались теперь программами постройки могущественных линейных кораблей, сверх-дредноутов — об этом никто, разумеется, и думать не станет. Но оборонительный флот нам необходим, и мы будем постепенно воссоздавать этот флот при наличности необходимых материальных предпосылок, которые, пока что только намечаются. Но товарищи-моряки безусловно правы, когда указывают на необходимость сохранить живое людское ядро флота, ибо, хотя машина на море—$^3/_4$, а человек—только $^1/_4$, но все же без этой четверти машина—только лом. Если мы не соберем хотя бы небольшое людское ядро флота, то через 2—3 года мы будем не в состоянии воевать, если у нас даже будет техническая возможность развить флот. Поэтому, ядро такое сохранить из отборных элементов необходимо. Как мы подготовляем технический план возрождения флота, также нужно подготовить и надежный командный, преимущественно коммунистический состав. Это очевидно, и спора тут быть не может.

Вопрос только в том, какие меры практические принимать немедленно, каким темпом и в какой последовательности. Скачек от нынешнего нашего положения к тому, когда среди командиров будет 100% коммунистов, этот скачек невыполним, фантастичен. Вот о чем я говорю. У нас в армии 5% коммунистов после чистки, может быть 6%, а 95% не коммунистов. Тот, кто к этой армии решится обратиться и сказать, что в военные учебные заведения, особенно в высшие будем пускать только коммунистов, тот ни-

чего не понимает, тот не политик, не революционер. Это серьезнейший вопрос! Обратиться к армии, где 95% не коммунистов и сказать, что мы после 4-х лет власти в стране, пришли к выводу, что должны пускать в учебные заведения только коммунистов, было бы грубейшей ошибкой. Дело не в спецах. Совсем не в этом дело. Не возвращаться же нам к 18-му году, когда мы спорили, нужно или не нужно спецов пускать в армию. Это детские разговоры, это разговоры 1917—18 г.г., а мы живем в конце 1921 г. Вопрос совершенно другой. У нас появился уже новый командный состав, который идет с низов—надежные люди, советские, но не коммунисты, коммунистов у нас в армии сейчас 5%. Мы исключили из партии очень многих командиров, не потому что он не надежен, а потому что он не партиец. Он будет умирать, если нужно, за революцию, но такого партийного воспитания, которое могло бы дать ему право влиять на партийную политику, у него нет. Может быть он через год—два перетрется, поймет, что партия—дело серьезное, может быть этот тяжкий факт исключения толкнет его политически вперед. А может быть он и вообще не приспособлен к партийной жизни,—таких большинство. Это показывает лишь, что командный состав есть отражение армии, а армия есть отражение страны. Страна «беспартийная», а партия руководит. Нельзя сказать: вот я нажму педали, и мы получим сразу необходимый коммунистический командный состав. Откуда? Каким образом? И трава ведь не растет «сразу». Разве о том у нас спор, что мы должны всеми силами увеличивать в армии число коммунистов вообще, коммунистических командиров в частности. Спор идет о том, как поставить коммунистов в отношении военного образования? Чем оно должно быть: монополией, формальной привиллегией или фактическим преимуществом? Я стою за это последнее. Когда товарищ Островский говорил о необходимости монополии, он немножечко перемудрил... Пусть он меня простит. И какая аргументация? У нас, мол, диктатура, классовая армия, поэтому коммунисты дожны иметь монополию на командование. А где их взять? Тов. Кручинский развел еще более густую философию и назвал ее марксизмом. Нет, с марксизмом это не имеет ничего общего. Это ваша собственная отсебятина, и в корне неправильная. 95% в армии не партийных, и мы говорим каждому крестьянину—красноармейцу: ты, Петров, можешь достигнуть любого командного поста, все двери тебе открыты. Мы говорим по-наполеоновски; каждый красноармеец, каждый новобранец имеет в своем ранце маршальский жезл. А вы хотите, чтоб мы приказом заявили: жезл только коммунистам. Подумайте, какое это произвело бы впечатление! Нет, о монополии не может быть и речи. Может быть создание формальных преимуществ для коммунистов? Скажем так, что в академию мы допускаем коммунистов с полузнаниями, а для не коммунистов ставим повышенные требования? Это есть создание формальной привиллегии, хотя и одиозной. Такую формальную привиллегию я отрицаю, и пока партия меня не снимет с поста, я этого не допущу. Но есть третья возможность, более достойная и более

действительная: создание через коммунистическую партию условий, которые давали бы армии все возростающий процент командиров-коммунистов. Партия через свою организацию подготовляет и закрепляет за академией подходящий элемент, создает для них подготовительные курсы, или использует рабфаки.

Таким образом, всем своим организационным аппаратом и государственным аппаратом, который находится у нее в руках, она облегчает возможность заполнения академии коммунистическим составом. Это единственно правильная постановка. Мы перед командирами беспартийными чисты, им ворота открыты, и если беспартийный командир показал свою преданность революции, мы поможем ему проникнуть и в академию. Если коммунисты успели лучше подготовиться, так это потому, что у них есть партия. Партия дает очень много, но партия и требует очень многого. Ты беспартиен,—двери академии открыты и для тебя. Означает ли это, что мы в академию допускаем беспартийных в таком же проценте, как раньше? Нет. Мы будем относиться с величайшим вниманием к указаниям мандатной комиссии, но и будем вносить поправки в тех случаях, когда мандатная комиссия данного учебного заведения не сможет оценить обстоятельств, лежащих вне учебного заведения, в самой армии. Конечно, легко говорить с точки зрения коммунистической фракции учебного заведения: «никого, кроме коммунистов!», а как быть лицом к лицу с ротным командиром, который меня спрашивает: «правда ли, т. Троцкий, что вышло постановление беспартийных не принимать?» У него орден Красного Знамени, он не пролаза, честный воин. И вот он спрашивает: правда ли, что так решено? А вы хотели бы решать именно так. Из электротехнической академии товарищ так буквально и сказал. Это достаточный повод к лже-толкованиям в армии о закрытии дверей. Двери закрыть легко, а где взять подготовленных в военном отношении коммунистов? Но тут тов. Островский начинает обсуждать и взвешивать вопрос, что лучше: надежность или компетентность? Это мне напоминает другого Островского, драматурга, купеческая героиня которого спрашивает: «Что лучше — ждать и не дождаться, или иметь и потерять?» Очень трудно сказать, что лучше. Командир, который знает военное дело, но не надежен, предаст, погубит. Командир, который надежен, но ни уха, ни рыла не смыслит, тоже погубит. Что же лучше? Давайте, положим это на чашу весов. На одну чашу я положу надежность, на другую—компетентность. Я думаю, что весы покачаются, покачаются и уравновесятся. Да и можно ли отрицать, что и то, и другое одинаково необходимо. Надежный командир губит, непонимающий командир губит. Стало быть, нужен надежный и понимающий командир. Мы еще в 1917 г. говорили: так как такого командира, который понимал бы и был бы надежен, у нас почти нет, то мы вынуждены сочетать компетентность и надежность в двух и в трех лицах. Ставили этого самого спеца, а справа и слева комиссара, который тогда был чем-то другим, чем ныне. Я помню как в Петрограде еще во время первого наступления Краснова,

когда командующим назначили Муравьева, мы с т. Лениным пригласили в отдельную комнату четырех назначенных комиссарами матросов и одного солдата и спрашивали их: есть у вас по револьверу? Есть. Так держи его за пазухой и не спускай с командующего глаз. Вот какая тут была комбинация надежности и компетентности. У Муравьева была компетентность, а у матроса за пазухой надежность. А все дальнейшее? Мы прилагали все силы, чтобы создать командиров и компетентных и надежных. Сказать очень просто, а на деле это очень трудно. И предавали нас командиры-предатели и предавали нас командиры-неучи. И сколько у нас было случаев, когда великолепнейший коммунист, преданнейший, который, пока дело шло о небольшом партизанском отряде, проявлял храбрость, вел за собою в огонь и т. д., а когда оказывался начальником дивизии, то совершал ужасающие вещи, которые стоили нам очень дорого. И вся первая полоса войны состоит из величайших ошибок — одних по предательству, других по неумению. А в чем же тут дело? Дело в том, что высший командный состав, не создается искусственно, лабораторно, он вырастает лишь на почве самой армии в целом. Конечно, можно ускорить несколько это содействием партии, ее помощью, но искусственно создать в короткий срок академиков военных и морских—задача безнадежная. Вот почему, когда я некоторых товарищей одергивал за фалды, я этим вовсе не говорю, разумеется, что нам не нужны коммунисты-командиры. Нет, нужны до зарезу. Тут мы идем по одной линии с вами, но разным темпом. В морской академии вы хотите сделать слишком быстрый скачек от 1% к 100%. Если вы хотите сохранить во флоте те остатки, которые у нас есть, нельзя таким образом выметать помелом то, без чего фактически не можем обойтись. И когда здесь т. Кручинский говорил, что посадили-де в тюрьму моряков-предателей, а т. Троцкий хочет вернуть их в академию, то это дело вовсе не так просто. Этот вопрос у нас разбирался в Центральном Комитете партии. Была создана особая комиссия под председательством т. Курского, который не моряк, как вы знаете, он у нас народный комиссар юстиции и старый партийный работник, комиссия с участием моряков, чтобы те, вызванные исключительными обстоятельствами, суммарные аресты, где много было ошибок, пересмотреть. Из этих арестованных подавляющее большинство уже освобождено. Некоторая часть (работа еще не закончена) возвращается в Петроград, и повидимому кое-кто возвращен будет в академию. Разумеется, комиссия работает с участием чекистов, которые отнюдь не заинтересованы, как впрочем и мы с вами, в том, чтобы пускать в морское ведомство наших врагов. Вот как обстоит дело. Я говорил также о местничестве. В возражениях некоторые товарищи пытались дать обоснование этому местничеству; если старое местничество было выражением боярской диктатуры, то нынешнее, мол, является выражением диктатуры рабочего класса. Сравнение негодное. Но я мог бы условно пойти на это, если бы мы имели диктатуру коммунистического в большинстве рабочего класса да еще в стране, где рабочий класс был бы

неоспоримым хозяином положения. Но вся суть в том, что господство коммунистической партии время от времени оспаривается. Мы можем даже несколько вариантов представить, каким образом коммунистическая партия, если бы потеряла здравый смысл, могла бы себя погубить. В первом случае, если бы она в свои ряды широко допустила чуждый элемент. В Кронштадте был непартийный командный состав, нам изменивший. А вы забыли, что там было несколько сот коммунистов, принявших участие в войне против нас? С одной стороны—беспартийные генералы, морские или сухопутные, а с другой стороны опасность проникла в партию в виде чуждых нам элементов. Это серьезный урок. Если бы партия встала на путь коммунистической монополии военного образования, то она этим толкала бы многих людей к перекрашиванию, с целью проникновения в наши ряды, а с другой стороны, она этим отталкивала бы честных беспартийных и политически изолировала бы себя. Беспартийные не тулились бы к партии, а может быть группировались бы против партии. В этом опасность. Наша политическая стратегия в этих условиях не может быть прямолинейной: окопались, мол, в коммунистических позициях высших учебных заведений и дело решенное. Наша политическая стратегия и в этом вопросе должна быть маневренной. Мы открываем беспартийным двери высших учебных заведений, ибо в армии — не забывайте, товарищи! — 95% беспартийных. Мы говорим массовику красноармейцу: двигай снизу вверх! И вместе с тем через партию мы создаем фактические преимущества для коммунистов: отбор, привлечение, подготовку и т. д. Если мы видим, как это было в конце прошлого года, когда из-за разверстки и пр. настроение в армии было плохое, что через ворота прет элемент, враждебный революции, мы у ворот поставим коммунистов построже, и они не будут пропускать кого не следует. Сейчас мы видим, что настроение становится лучше в армии. Мы говорим: откройте дверь на 2 вершка пошире. Это еще вовсе не значит, распахните дверь перед беспартийными настежь! Если бы настроение снова ухудшилось, — чего, как мы все думаем, не будет,—мы сказали бы: подтяните дверь на вершок. В этом состоит политическое маневрирование. Некоторые страшно левые товарищи относятся к такой политике с презрением, как вот, например, т. Кручинский. Они бы хотели рубить топором. Но это не наша коммунистическая политика. Нужно знать, когда дверь открыть наполовину, когда совсем захлопнуть, или снова открыть. В этом состоит политическое искусство, которое вынуждено применять авангард, составляющий меньшинство рабочего класса в крестьянской стране. В этом суть нашей сегодняшней стратегии, и это целиком применимо к высшим военно-учебным заведениям. У нас спор может стоять лишь так: на полвершка или на 7 вершков, т.-е. чисто практически: кого пропускать, кого не пропускать. А переводить этот вопрос на почву дискуссии о диктатуре партии— это пустяки, такого вопроса нет,—ибо кто же решает, открыть ли дверь на вершок или больше? решает партия. Вот где диктатура. Партия, сообра-

зуясь с обстоятельствами, решает, в какой степени, куда и как допустить беспартийных. Этим она сохраняет руководство полностью и в своих руках, в этом состоит диктатура.

Значит «уступки», «компромиссы»? Конечно, разумные уступки и необходимые компромиссы! И по другим вопросам нам приходилось не раз высказываться в последнее время о смысле и значении наших уступок. Сейчас по поводу нашей экономической политики все меньшевики международные вопят: «вот что вы делаете, вы допускаете концессии, вы допускаете свободную торговлю, да ведь это же крайне правая, соглашательская, реформистская политика! Зачем же вы брали власть? Когда мы в Германии — говорят шейдемановцы — заключаем компромиссные соглашения с буржуазией, вы нас клеймите, а у себя между тем делаете то же самое. Стоило ли брать власть?» Подумайте, т. т., стоило или не стоило? На это мы отвечаем: малоуважаемые г. г. шейдемановцы. У вас решает буржуазия, до какого предела итти на уступки рабочему классу: вот до сих пор согласна, а дальше — пулемет. А у нас мы, пролетарская партия, решаем, до каких пределов итти на соглашение с буржуазией: до сих пор, вот до этой черты, соглашение, а дальше — не прогневайтесь! — пулемет. Вот в чем разница. Пулемет у нас в руках, армия у нас в руках. Мы идем на разные соглашения: с беспартийными рабочими у нас одно соглашение, с крестьянами — другое, с мелким торговцем — третье, с крупным торговцем, с концессионером у нас опять-таки особое соглашение — все разные соглашения, разные сделки, точно отмеренные. А ключ у кого в руках? У нас. Кто решает, до какого предела соглашение? Партия! Вот в чем суть. Если бы не было этих соглашений, мы давно провалились бы, а мы держимся и будем держаться, и победим, вот видите, как далеко заводит нас вопрос, можно ли допускать беспартийных в академии. Это не моя вина, это вина тех товарищей, которые поставили этот вопрос в плоскости «принципов»...

Тов. Кручинский попытался еще по другой «принципиальной» линии атаковать меня, по линии наступательной революционной войны. Скажу сразу и прямо: те предрассудки мнимой, поверхностной левизны, которые у нас кой-кем перелицовываются на военный лад, ужасно похожи на взгляды тех немецких левых полумарксистов-полусиндикалистов, которые были у нас на международном съезде. Эти взгляды могут большую смуту внести. Они целиком идут против линии нашей партии. Подойдем к вопросу ближе. Тов. Кручинский говорит, что я «испугался» красного империализма, что я, дескать, только на половину признаю наступательную революционную войну, да и то боюсь об этом вслух сказать. Тогда как он, Кручинский, все договаривает до конца: наступательная революционная война, так, мол, и говорите, а не водите вокруг да около! Давайте обсудим. Этому вопросу, в высшей степени важному, я посвящаю большую статью, которая появится в ближайшем № «Коммунистического Интернационала» и в нашем военном журнале[16]. Здесь, в связи с тем, что говорил

тов. Кручинский, я хочу прежде всего сказать, что в этом вопросе есть две стороны: одна сторона принципиально-политическая, а другая—агитационно-политическая. Принципиальная сторона состоит в том, считаем ли мы принципиально допустимой, а также—исторически вероятной или неизбежной наступательную революционную войну? Безусловно считаем—и допустимой, и вероятной, и, при известных условиях, неизбежной; мы об этом говорили еще 20 лет тому назад, еще до первой революции, это азбучная истина. Еще Маркс нас учил тому, что когда революционный класс берет в свои руки власть и армию, он пользуется ею для упрочения революции, а где можно—и для расширения ее территории. Буржуазия должна быть свергнута во всем свете, и одним из орудий ее свержения и при известных условиях будет революционная война. Таким образом, принципиального вопроса о том, нужно ли быть армии способной в известных случаях к революционной наступательной войне—этого вопроса для нас нет и быть не может. Но когда, как и при каких условиях?

На 3-м конгрессе Коминтерна немецкие, итальянские и другие «левые» говорили, что они стоят за революционную «офензиву». Они имели в виду не стратегию Красной Армии, а стратегию нашей партии в Германии и других странах. Они говорили: мы стоим за революционную офензиву, так как буржуазия может быть низвергнута только восстанием. Об этом не может быть спора, это элементарно. Но отсюда еще не вытекает, когда и где восставать. А этот вопрос имеет не малое значение! И третий конгресс сказал, что теперешний период не есть период штурма рабочего класса на буржуазию в международном масштабе, а есть период политической подготовки этого штурма. Спор упирался, следовательно, в альтернативу: международная революционная офензива или международная подготовка офензивы. «Левые» пытались помахать руками и обвинить нас: вы, дескать, против революционной офензивы. Но это же вздор. Мы издевались над ними; вы, ребята, только впервые узнали о революционной офензиве и тычете ее всюду или тычетесь сами с идеей офензивы, как слепые котята, во все углы. А надо знать, что к чему. Так мы отвечали и были правы. И «левые» очень хороший урок для себя извлекли. В Германии наша партия за последние полгода проделала необходимое отступление и широко развернула работу по подготовке к наступлению; только эта работа позволит ей раньше или позже перейти в офензиву и сокрушить германскую буржуазию. Но если мы перешли к подготовке, а не к штурму в международном масштабе, то какой отсюда вывод для красной армии? Разве же у нее есть своя особая политика? Штурм теперь означал бы, что мы хотим на Красную Армию взвалить непосильную задачу. Такая политика была бы гибельной. Мы говорим рабочему классу: международный конгресс признал, что в ближайшую эпоху (сколько она будет длиться, не знаю) мы должны сосредоточиться на подготовительной работе. Мы не берем на себя фантастическую задачу итти на Варшаву, Берлин и Париж в то время, как Интернационал говорит рабочим Польши, Германии и

Франции: отступите ближе к массам, не зарывайтесь,—у вас еще большие подготовительные задачи. Вот почему я считаю, что в интересной книге тов. Тухачевского есть ошибочный момент—это когда он пишет, что настало время при Коминтерне создать международный генеральный штаб [17]. Ни более и ни менее! Международный генеральный штаб! Это что такое? Коммунистический Интернационал есть политическая организация, объединяющая национальные коммунистические партии. С какого времени Интернационал стал возможным? С того времени, как, на ряду с русской коммунистической партией, появилась германская коммунистическая партия и другие. Ну, а общий генеральный штаб когда стал бы возможен? Когда рядом с русской пролетарской властью появятся еще и другие. Только с того времени и можно будет говорить серьезно об общем генеральном штабе в военном смысле слова. Но ведь этой необходимой предпосылки нет налицо! И мы находимся сейчас в стадии отступления и подготовки. Что такое концессии? Что такое признание царских долгов? Разве это элементы штурма? Нет, это элементы компромисса и подготовки. Ведь стратегия связана с политикой. Если бы мы могли сейчас перейти в штурм, то мы не стали бы признавать царские долги. Концессии, новая экономическая политика, признание царских долгов, и кроме того—наступательная война,—да ведь это же курам на-смех! Говорю вам по секрету; об этом нельзя говорить серьезно вслух: засмеют! Война есть продолжение политики другими средствами, говорил старик Клаузевиц, а старик Клаузевиц был умный человек. А у вас политика идет в одну сторону, а стратегия—в другую. Конечно, наступательный метод приятнее, но во-благовремении. Мы пробовали сделать революционную наступательную вылазку на Европу, в походе на Варшаву, но не вышло. Почему? Потому что революция не созрела. Не потому, что такого рода вылазка есть принципиальная ошибка, нет, а потому, что революция в Польше не созрела. В Италии революция сорвалась, в Германии и в Польше подготовительный период не завершился. Наше военное движение оказалось политически изолированным,—и мы отшатнулись. С этого момента начинается общее политическое отступление пролетариата. Отступление тоже может быть маневренным, как и наступление. Это хорошо сказано в книге тов. Тухачевского. Он показал, что в маневренной войне оборона также приобретает маневренный характер. Отступление есть целесообразная перемена места, чтоб избежать невыгодного боя. Результатом военного отступления из-под Варшавы—после прощупывания врага и друга—явилось политическое отступление, не только советской России, но и всего революционного движения. Что такое рижский договор, за который мы сейчас расплачиваемся? Часть отступления. Мы идем назад, осторожно и твердо, не давая врагу ни одной лишней позиции. Отступаем назад... и что же?.. и вопим: «так как мы марксисты, то мы принципиально... за наступательное движение, а не за отступление». Повторяю, это курам на-смех. Вот, что значит додумывать до конца! Разумеется, когда обстановка соответственно изменится,—мы перейдем в наступление,

приостановив предварительно отступление и закрепившись. Нужно во-время наступать и во-время отступать. В этом и состоит маневренная стратегия, о которой так много шумят. Если я при всяких обстоятельствах пру прямо, то где же тут маневр?! Маневренная стратегия, товарищи, состоит в том, что там, где нужно—наступаю, где нужно—отступаю, где нужно—комбинирую наступление с отступлением так, чтобы как можно лучше подготовить и нанести удар. Так обстоит в стратегии, так же и в нашей революционной политике.

Итак, сейчас перед нами период подготовительный—у нас, в Германии и Польше... У нас подготовка в чем?—в том, что мы приводим в порядок армию, создаем некоторые запасы, стараемся поднять учебные заведения, развернуть школы командного состава. Все это на почве серьезных уступок крестьянству и отчасти—буржуазии. В Германии подготовительный период в смысле успешной борьбы партии за массы. В Польше—рост коммунистической партии; на выборах в больничные кассы коммунистическая партия получила больше, чем П. П. С.,—это признак исключительной важности. Готовиться нужно всегда на более короткий срок, в событиях несомненно назревает кризис; но какое международное выражение он получит? Скорее всего такое, что Польше станет невмоготу, и она начнет нападать на нас.

Здесь мы подходим к вопросу с точки зрения политико-агитационной, т. е. с точки зрения подготовки сознания масс. Что мы сейчас делаем в военной области? Мы проводим общую демобилизацию. Удивляюсь, как плохо некоторые товарищи связывают концы с концами. Мы демобилизовали на днях 13-й возраст и собираемся отпустить 14-й в бессрочный отпуск. Я вас спрашиваю: как можно демобилизовать и говорить в то же время о наступательной революционной войне? Или у нас так подешевели все революционные слова, или же мы говорим с нашими «левыми» на разных языках! Как можно не обвинять Реввоенсовет республики и ЦК партии в предательстве, если мы демобилизуем армию, когда в порядке дня стоит—наступательная война? Сведите же концы с концами! Мы демобилизуем потому, что не собираемся сейчас воевать, а следовательно и наступать. Так мы и говорим рабочим и крестьянам: войны сейчас нет, фронта нет, нападать мы не собираемся, поэтому демобилизуем. А почему оставляем в армии 900 и 901 год? Потому что опасность нападения на нас не прошла, и остов армии нужно иметь, чтобы можно было ее развернуть в случае опасности. Или у вас есть одно учение для себя, другое—для народа? С точки зрения агитационно-политической мы должны объяснять красноармейцам, что опасность не прошла, потому что мы попрежнему в капиталистическом окружении. Со своей стороны мы ни на кого нападать не собираемся. Наше положение—оборонительное. Но мы должны из нашего оборонительного положения выжать все возможности, все политические выгоды, так чтобы вся армия, мужицкая в большинстве своем, почувствовала в случае опасности, что дело идет о судьбе крестьян-

ской и рабочей власти, что нет больше никакого отступления, что никакие дальнейшие уступки не помогут, что нужно бороться. Только в этом случае, при нашем тяжелом на подъем крестьянском арьергарде, мы сможем перейти от отступления к наступлению—при условии революционного наступления европейского рабочего класса. Такова действительная точка зрения нашей партии, а то, что тут докладывали некоторые товарищи под видом революционной доктрины, есть глубокая ошибка. Если мы с этим доктринерством пойдем к массе, то масса не поймет нас, отшатнется, и той обстановки, которую нам необходимо подготовить, мы не получим. В этом существо дела. Теперь о подготовке. Будем помнить, что завтрашний враг будет серьезнее, чем был до сих пор. У некоторых товарищей такое настроение, что ничего, мол, навалимся брюхом, и как-нибудь победим, т. е. опять мобилизуем тысячи и тысячи коммунистов, поставим, если нужно, трех человек на одну винтовку и победим. Так ведь нередко бывало у нас в прошлом. Конечно, победим, ибо ни пред чем не остановимся для победы. Но нужно все же гораздо более внимательно и серьезно отнестись теперь к политической, организационной и технической подготовке. По отношению к Деникину и Колчаку наши старые методы оказались достаточны, по отношению к Польше—недостаточны. У нас, как вы вероятно знаете, были в свое время разногласия: заключать ли мир с Польшей или итти на Варшаву. Я был за то, чтобы заключить мир, так как очень сомневался, хватит ли у нас сил не только итти на Варшаву, но и дойти до Варшавы. Ответ на этот вопрос зависел, однако, от общеполитической оценки, в частности от оценки того, как отнесется к войне рабочий класс Польши. С какой-либо точностью предугадать это было трудно; в конце концов победило мнение за то, чтобы наступать. Наступление сорвалось. Но и после того, как нас отшибли, раздавались голоса за то, чтобы возобновить наступление во что бы то ни стало! Однако, стало скоро ясно, что это неосуществимо; с армией, в конец потрясенной при отступлении и наспех укомплектованной свежими почти необученными пополнениями, мы воевать не могли, и что попытка затыкать все дыры коммунистами, означала бы лишь уничтожать коммунистов напрасно,—до Варшавы мы все равно не дошли бы. Армия польская более квалифицированная, чем колчаковская или деникинская. Нам для будущего нужна величайшая тщательность подготовки.

Некоторые товарищи думают, что армию нужно подготовлять либо к наступлению, либо к обороне, и в этих целях строят наступательную революционную доктрину. Неверно это! Армия подготовляется к борьбе, к бою, к войне, а следовательно и к наступлению и к обороне. Одни и те же основные методы годятся и для обороны и для наступления, как и винтовки годятся и для отступления и для штурма, как и обученные руки годятся для нанесения удара и для его отражения. Армия должна получить элементарное практическое обучение, чтобы она могла пользоваться своим вооружением и при наступлении и при отступлении. А доктринерства не нужно!

Чего нашей армии не хватает? Уменья, сноровки, точности, детальности в исполнении. Не хватает аккуратности. Не хватает военной, как и всякой иной, культуры. Добиться того, чтобы во времени совпадали некоторые заранее назначенные действия, у нас очень и очень трудно,—труднее, чем добиться героического подвига. Чтобы человек пришел к телефону и позвонил в тот час, как было сказано, и чтобы другой ожидал в этот именно час звонка у телефона для принятия поручения,—говоря к примеру, — достигнуть этого при наших нравах — труднейшая задача. А между тем война состоит ведь не из голого замысла, а из исполнения, которое, в свою очередь, распадается на множество деталей. Из них состоит каждая операция, да и война в целом. Конечно, нужен подъем, энтузиазм. Конечно, нужен правильный план, замысел. Но пуще всего не хватает нам правильной организации, умелости, сноровки, продуманной исполнительности, аккуратности. Большинство из вас по опыту знает, что именно на этом мы чаще всего срываемся. При неудаче виноватого нет, потому что одно за другое цепляется, маленькая неряшливость—за маленькую неточность, а вместе получается провал, гибель тысяч людей... Тов. Кручинский со снисходительным сожалением говорил, что читал мою телефонограмму насчет того, что нужно пришивать пуговицы и смазывать сапоги. Какая «мелочь»! До того ли нам, когда нужно готовиться к наступательной войне... Да беда-то в том, что без сапог не только наступать, но и отступать весьма трудно.

Отсутствие у нас этой точности не есть случайность, а есть наследие прошлого рабства, результат отсталости, темноты, некультурности. Вот с этим со всем нужна жестокая, упорная, систематическая борьба по всем направлениям, и особенно—по линии военного воспитания. Не серьезен тот командир, который презрительно относится к мелочам. Ваша работа в академиях сплошь да рядом разбивается о такие «мелочи», как недостаток дров, лампочек или учебных пособий. Вы, товарищи, привели на этот счет достаточное количество ярких примеров. Без внимания к этим «мелочам», вы не будете учиться, без них не будете готовы, отчего пострадает армия. Поэтому, не обещая, к сожалению, успеха в размере 100%, я пообещаю энергию в размере 100% для того, чтобы по возможности все эти прорехи удовлетворить.

Из архива.

Доклад

на конференции военно-учебных заведений Московского Военного Округа

12 декабря 1921 года.

Товарищи, мы сократили до сегодняшнего дня нашу армию с прошлого года больше, чем в три раза. В связи с предстоящим Съездом Советов, с одной стороны, и той клеветой, которая распространялась на нас на Вашингтонской конференции, будто мы готовимся к весне или лету завоевать всю Европу и развиваем бешеный милитаризм—с другой, мы подсчитали численность нашей армии. По сравнению с численностью французской армии, учитывая территорию и население, даже по более скромному коэффициенту, а именно по сравнению нашего населения с населением Франции, наша армия в 18 раз меньше французской. При этом надо помнить, что Франция в отношении безопасности находится, по меньшей мере, в 18 раз в лучшем положении, чем мы. Опасность Франции, на которую так горько жаловался французский премьер-министр Бриан в Вашингтоне, состоит в том, что она держит Германию за горло, придавив ее к земле, и говорит союзникам: «Если моя рука ослабеет, то Германия может вырваться и подняться с земли». Вот в чем состоит опасность Франции! Опасность наша иного порядка. Мы все время находимся в кольце империалистического окружения и нас пытаются взять за горло, нас пытаются придавить к земле. Наша армия есть в полном смысле слова армия оборонительная: среди труднейшей международной обстановки и среди опасности мы сократили нашу армию более, чем в три раза.

Армия наша стала также значительно моложе. Мы 13 возрастов отпустили. Это те возрасты, которые прошли империалистскую войну и гражданскую войну. Теперь мы приближаемся к тому, чтобы армия состояла из двух возрастов, самых молодых. Прекрасный элемент. Прекрасный материал. Но у этого молодого возраста мало опыта. Если мы на глаз скажем, то не более 10% из них участвовало в гражданской войне. Мы стало быть, не только сократили армию количественно, но в ней нет теперь того опыта, который она лишь должна нажить.

Командный состав нашей Красной Армии тоже стал гораздо моложе, чем был. Отделенный командир—это тот же 20—19-летний красноармеец. А, между тем, очевидно, что для того, чтобы при сокращенной армии мы могли удержаться, мы должны иметь высоко-квалифицированную армию,

армию кадрового типа. Если дело дойдет до новой борьбы, вопреки нашей воле, то она будет посерьезнее, чем до сих пор. И когда это произойдет, мы обратимся к мобилизации больших масс, собирая опять под знамена миллионы. Мы держимся строго оборонительной международной и военной политики: мы делаем уступки. И Рижский договор, и последнее признание царских долгов на определенных условиях являются с нашей стороны уступками. Эти уступки обусловлены нашим стремлением отдать все силы на восстановление разрушенного хозяйства. Но наши враги продолжают на нас нападать. Стало быть, надо готовиться. Для этого необходимо, не увеличивая армии, поднять ее идейный, политический и военный уровень. Состав армии молодой и, с этой стороны, благоприятный. Красноармейская и курсантская молодежь хочет учиться и может учиться. Но ее еще надо научить. В этом большая трудность.

Нашим идеалом—практическим, а не каким-нибудь небесным, является провести каждого красноармейца через краткосрочные курсы командного состава. Какая армия нужна нам? Нам нужно, чтобы каждый красноармеец имел сумму знаний, которую имеет красный командир, прошедший через курсы комсостава. Завтра и послезавтра этого еще у нас не будет. Но хорошо бы, если бы у нас через некоторое время,—скажем, через несколько месяцев—старший в звене был на уровне отделенного командира, а отделенный командир был на уровне хорошего красного командира. Необходимо командный состав одним этажом приблизить к красноармейцу. В этом отношении, насколько мы знаем, мы встречаем сочувствие со стороны красных курсантов, которые желают начать свой командный стаж с отделения. В старой армии отделенный командир был унтер-офицер, а взводный—офицер. Это средостение надо разрушить. Молодой краском начнет службу с отделенного командира, оставаясь в этой должности минимум 3 месяца. Если он обнаруживает в этом стаже необходимые качества,—прежде всего, командную уверенность, твердость, то он продвигается дальше. В противном случае он задерживается еще на 3 месяца, чтобы приобрести должную уверенность. Красные командиры получают, таким образом, на первых порах задачу, которая им по плечу. Дальнейшим этапом будет повышение квалификации всей Красной Армии. Красная Армия, в которой каждый из красноармейцев будет иметь звание нынешнего молодого краскома, потребует повышения работы наших военно-учебных заведений. Мы должны будем непрерывно совершенствовать их работу, если хотим в момент передышки создать хорошо обученную армию. Улучшение военно-учебного дела есть сейчас важнейшая задача Республики.

На-ряду с нею стоит и другая задача: создание мобилизационных запасов. Во время гражданской войны величайшим нашим несчастьем являлось то, что мы не могли вооружить всех бойцов даже ручным оружием, не говоря о всяких технических усовершенствованиях. Всякое улучшение хозяйственного положения страны,—такое улучшение началось и в металлургической промышленности и в топливной,—немедленно скажется на

военном снабжении, которое находится под бдительным наблюдением Советской власти. Тяжелое материальное положение в наших школах вы знаете. Вы знаете это положение лучше, чем я. И надо найти из него выход. Хорошо было бы, если бы мы могли сразу поднять снабжение на 20—30%, но об этом теперь не может быть и речи. Выход только в том, чтобы обеспечить школы твердым минимумом и чтобы этот минимум поступал в распоряжение школы на 100%. Что удастся отвоевать сверх того, то будет нашим с вами общим выигрышем. В центре мы ведем непрерывную борьбу, чтобы получить необходимый минимум из общего государственного котла, где истцов, претендентов много и приходится выделять с урезкой. И объясняется это, конечно, не злой волей, а состоянием страны. Дело снабжения военно-учебных заведений поставлено на первое место, хотя многого нехватает и в красноармейских казармах. Но мы объясняем красноармейцу,—и он понимает,—что мы урезываем не только крестьян и рабочих, но и красноармейцев, чтобы прибавить школам, потому что школы готовят для красноармейца командира, а если приготовят плохо, то красноармеец за это заплатит кровью.

Нужно также проявить инициативу на местах, чтобы лучше использовать то, что дается школам. Нужна также энергия, чтобы получить на месте сверхштатную помощь. Тот начальник, тот комиссар, которые сумеют заинтересовать местный губернский или районный исполком в судьбе своей школы, которые сделают доклад на заседании местного исполкома, в котором расскажут о своих нуждах, могут получить помощь от местных органов, в виде довольствия, валенок, полушубков и т. д. Мы эту инициативу всячески поддержим в центре. С этим связана у нас приписка военно-учебных заведений к местным исполкомам и центральным учреждениям. По этому пути нужно пойти дальше и позаботиться, чтобы приписка не осталась только моральной, а чтобы она принесла действительную, прочную материальную пользу. Только соединенные усилия центра и мест обеспечат нам улучшение положения вуз'ов.

Идя сюда, я прочитал брошюру тов. Верховского, которая касается постановки военного обучения в вуз'ах [18]. Я бы рекомендовал с ней ознакомиться всем товарищам, здесь находящимся. Она рассматривает программу чисто военного обучения с точки зрения опыта нашей Красной Армии в нашей международной обстановке. Выводы, к которым приходит тов. Верховский, могут быть признаны одними целиком, другими—с ограничениями. Вы знаете, что у нас сейчас в военной печати и на собраниях идет дискуссия о том, в какой мере стратегия и тактика революционной Красной Армии неразрывно связана с тактикой маневренной войны, и могут ли быть условия, при которых Красная Армия должна будет вести войну, близкую к позиционной. Вопросы очень сложные и интересные. По этим вопросам крайне желателен и полезен обмен мнений. Но ни в коем случае не следует забывать, что Красная Армия имеет свои определенные ясные задачи.

Тов. Верховский настаивает, и с полным правом, на огромной важности самодеятельности в армии. Но под этой самодеятельностью должен быть известный автоматизм навыков, без которого самодеятельности быть не может и нет. Когда нужные действия становятся привычными, то голова свободна для творчества. Я неоднократно уже говорил о наших больших маневрах в Подолии. Там высший комсостав не ударил лицом в грязь, но по части элементарных навыков, из которых слагается бой, походное движение, охранение, связь и т. д., мы оказались ниже всякой критики. Красный командир не обнаруживал избытка автоматизма. А необходимо, чтобы определенные навыки вошли в плоть и кровь. Не донес, не спит. Про охранение забыть не может. Все это делается у него машинально. И тогда он может творить. Вообразите музыканта, который стал бы пальцем искать клавиши, где «до», где «ре»,— вся музыка его пошла бы прахом. Есть автоматизм ремесла, без которого искусство невозможно. Мы с ним не рождаемся, а приобретаем его путем навыков. Военное искусство начинается с того момента, когда навыки ремесла свободно комбинируются, в зависимости от обстановки, времени, погоды, но основные движения—послать разведку, поставить охранение, помнить, что надо связаться направо и налево, послать донесение — должны быть столь привычными, чтобы они делались автоматично. Здесь автоматизма бояться нечего. Нам его не хватает. А, между тем, многие товарищи курсанты и даже преподаватели высказываются против шагистики и прочего. Мы выкинули прием на-караул, церемониальный марш. Если есть ненужное, давайте вычеркнем из устава. Но что проверено на опыте и признано необходимым, то давайте изучать, ибо только при таком применении автоматизма сознание освобождается для творчества. И с этим нужно считаться в наших программах и во всем деле обучения и воспитания. Я надеюсь, что мы летний лагерный сбор приготовим тщательно, разработаем программу летних работ должным образом, если нам по воле наших врагов не придется летом работать не в маневренной, а в боевой обстановке, что тоже не исключено. Но это не зависит от нас. Мы с своей стороны должны сделать все, чтобы правильно поставить обучение и воспитание армии.

Тов. Верховский указывает, какую роль имеет пропаганда в смысле сплачивания нашей армии и в смысле разложения врага. Я бы внес поправку не только к словам тов. Верховского, но и многих других, которые писали на эту тему. У нас часто говорят, что пропаганда есть составная часть, специфическое достояние «доктрины»—любят такие слова!—Красной Армии. Я пробыл первый год войны во Франции. Я никогда не видел у нас такой пропаганды, — где же нам при нашей бедности, при нашей лапотности, так сказать, такую пропаганду иметь, — какую развернула Франция. Каждый красноармеец получал несколько газет... Я извиняюсь, там нет красноармейцев. Если бы там они были, то не пришлось бы нам создавать Красную Армию. Каждый французский солдат получал несколько газет. И все газеты твердили в один голос, что эта война есть защита против варварства. Всякое сообщение было профильтровано. Были разные

газеты: клерикальные, социалистические и т. д., всех цветов Республики, и все твердили: иди на защиту Республики. И солдат французский впитывал это в себя в траншеях изо дня в день. К нему являлись самые лучшие артисты. К нему в траншеи являлись депутации, с одной стороны—депутат-социалист Ренодель, с другой стороны — клерикальный депутат-академик Баррес. Один говорил о католическом господе-боге, другой—о социалистическом идеале. Но оба говорили одно и то же: дерись. Балетные танцовщицы, лучшие артистические силы,—все это проходило через траншеи, и все проводили агитацию: война до конца. Что же, разве мы, большевики, придумали пропаганду? Ничего подобного! Всякая религия была пропагандой. Даже старый царизм умел вести пропаганду: православие, самодержавие и народность. Сравните, что было сделано во Франции в области пропаганды, и мы окажемся перед ними жалкими пигмеями.

В чем же дело? Не в том, что мы выдумали пропаганду, а в том, что наша пропаганда имеет определенное классовое содержание, что ее слушают лучше, что наша серая газетка, напечатанная во Франции на подпольном станке, переведенная на французский язык, находит больше отклика у французских рабочих, чем великолепно изданные французские газеты. В Париже выбраны в муниципальный совет два матроса—Марти и Бадина, которые были на судах, когда бомбардировали Одессу, и отказались участвовать в бомбардировке; они были приговорены к смертной казни. Теперь они в каторжной тюрьме, и их французские рабочие выбрали в муниципальный совет. В то время, когда Бриан лгал в Вашингтоне [19], что мы хотим завоевать весь мир, французские рабочие выбрали двух каторжан в совет за то, что они не хотели нападать на нас. Мы не выдумали пропаганды, но наша пропаганда является отражением настроений трудовых масс, и в этом ее огромная сила. Сейчас задача воспитания Красной Армии и ее командного состава в том, чтобы в каждый момент ясно и просто объяснить обстановку и сделать из нее выводы.

Сегодня я упомянул, что нами сделан ряд уступок—от Рижского договора до признания царских долгов. Конечно, мы их делаем не с легким сердцем, и у многих из вас шевелилось во[illegible] долги царские похерили, отказались громогласно, а теперь он[illegible]ем, что на известных условиях готовы признать [20]. Отступление бес[illegible] Да, мы уступаем. Но почему? Потому ли, что мы признаем эти долги безупречными? Нет. Всем должно быть понятно, что наше согласие уплатить долги на определенных условиях есть попытка откупиться не за вчерашнее, а откупиться на завтрашний день, чтобы не трогали нас бандиты большой дороги. Смысл этих уступок должен оценить каждый красный командир, потому что ему приходится не только проливать свою кровь, но и других призывать проливать кровь. Следовательно, он-то должен первый знать и понимать, что наша политика есть политика уступок напирающим мировым хищникам. Мир с Польшей—рижский—был величайшей уступкой. А сколько было после этого случаев, которые на воровском языке, что ли, называются

casus belli, т.-е. когда можно и по всем их законам драться. Мы заключили мирное соглашение с Польшей, а она Савинкова выбрасывает к нам. В каких учебниках международного права предусмотрено такое поведение? Таких учебников не было и нет, а факты есть. Мы банды истребляем, а Польше, однако, не объявляем войны. Почему? Потому что мы войны не желаем,—мы хотим восстановить наше хозяйство. За нас работает история. Она иногда работает медленно, как кляча, и приходится ее подстегивать. Но тянет старуха в гору. Если бы у нас не было уверенности в конечной победе, то наша политика была бы невозможной, мы бы погибли. Но эта уверенность есть, и поэтому наша выдержка в международной политике вполне обоснована. Если же мы вынуждены будем драться, то мы должны быть готовы отразить удар быстро.

Только недавно Польша выпустила на нашу территорию Тютюника, Румыния проделала то же самое. Сегодня еще действуют в Карелии белофинские банды, выброшенные финляндским правительством на нашу территорию. С точки зрения casus belli предлогов для войны сколько угодно. Но мы воевать не собираемся. Мы рассматриваем и карельский набег, и правобережное наступление, как остатки определенного плана. Осенью, когда появилось известие о голоде в Поволжьи, началась бешеная агитация наших врагов. В Польше и в Румынии считали что наступил момент наступления сплошным фронтом на Советскую Россию. Там подготовили первый отряд Савинкова и др. банды. Общего наступления не вышло, ибо голод не вызвал того, чего они ждали: разрухи, мятежа и т. д. Но банды были подготовлены. Они теперь вырвались на нашу территорию, произвели беспорядки, но, не встречая сочувствия даже среди наиболее благоприятно к ним настроенного элемента, они естественно, бессильны принести нам существенный вред.

Эти набеги, вместе с тем, служат нам предостережением. Они говорят нам, что весной могут открыться действия более серьезного характера. Уже тот факт, что Бриан в Вашингтоне нашел возможным заявить, что мы к весне готовим что-то против всей Западной Европы, говорит, что они,—а не мы,—что-то к весне затевают. Вся работа наших в у з должна сообразоваться с опасностью, которая может надвинуться на нас. Я предлагаю вам всем внимательно следить, что делается на наших границах. На Дальнем Востоке остатки армии Каппеля снова получили вооружение, обросли мясом и продвигаются по Дальне-Восточной Республике. Что это продвижение означает? Дальне-Восточная Республика — часть России. Почему она живет отдельно? Потому, что она добровольно построила из себя демократически-защитный фланг на Дальнем Востоке Советской Республики. Франция говорит: «Мы потому боролись против России, что у нее нет демократии, нет правительства, избранного на основании всеобщего, равного и т. д. голосования. Нет демократии, которая тесно связана с собственностью». Мы отвечали: «Вам нужна демократия с частной собственностью—получайте ее на Дальнем Востоке». Выбрали там правительство на основании равного, всеобщего и т. д. голосования. Все элементы там

поддерживают правительство, которое состоит в большинстве из коммунистов, но выбрано оно так, что комар носа не подточит. Больше того: частную собственность сохранили. Ну, и что же? Япония с каппелевскими остатками продолжает наступать. В то время, как Бриан рассуждает в Вашингтоне, как ему лучше разоружиться, мы уже на $^{3}/_{4}$ разоружились. Мы им дали демократию на Дальнем Востоке. Мы им дали здесь обещание уплаты царских долгов, но не взирая на все наши уступки, они продолжают нападать на нас со всех сторон.

Эти нападения, пока не имеют военного значения, но их симптоматическое значение огромно. Господа, которые в Вашингтоне заседают, знают, что мы идем на всякие уступки. Они это знают, и все нападения на нас делаются с их ведома, по их приказу. Стало быть, нам нужно смотреть в оба.

Положение наших врагов таково, что они ищут спасения в авантюрах. Кризис достиг колоссальной остроты даже в Америке. Германия не в состоянии уплачивать того, что на нее возложено мирным договором. Франция есть нищий, государственный банкрот, который надеется отстрочить банкротство при помощи Германии. Но с Германии взятки гладки, ибо она не может наложить руку на капитал. Это может сделать только рабочий класс, но он сделает это не для того, чтобы платить Франции, а для того, чтобы бороться против нее. В Польше же клика Пилсудского надеется, присоединив Украину к Польше, грабить ее и ее ресурсами покрыть разоренность Польши. Именно поэтому она и поддерживает, и питает нападающие на Украину банды. И стремясь к миру, мы все время должны заботиться о нашей боеспособности.

Нам нужно готовиться в смысле военного обучения и политического воспитания. В царской России наше крестьянство было пушечным мясом войны. И пока война не потребовала более интеллигентного солдата, наша армия делала чудеса в руках командиров, Суворова и др. Она делалась все более слабой, поскольку требовалась индивидуальность и инициатива отдельного бойца. Наше крестьянство давать такого индивидуального бойца не могло. Общее развитие крестьянина является очередной задачей. Агитация среди крестьян должна иметь всегда непосредственную практическую, так сказать, земельную точку отправления. Рабочий гораздо более способен к абстракции. Он способен пойти в бой и за Советскую Германию, понимая единство интересов рабочих всего мира. Крестьянин же в массе на это не способен. Мы наблюдали это в гражданской войне. Лишь когда Деникин подходил к Курску, крестьянин Курской губернии признал, что его черед пришел. Он должен был видеть воочию, что приехали помещики и кулаки и начали отбирать землю, и тогда он согласился, что время для отпора пришло. Курские дезертиры стали тогда являться в части под давлением общественного мнения курского крестьянства. Такова слабость крестьян. Уже после того, как события встряхнут его, он способен проявить цепкость и мужество. С этим складом крестьянина командиру приходится считаться, особенно в нашей армии, которая должна быть основана

на сознательности всех ее бойцов. И нужно, чтобы каждый крестьянин понимал нашу политику уступок, нашу оборонительную линию.

Наши уступки, вплоть до признания царских долгов, имеют два значения. Во-первых, они представляют собой попытку откупиться, чтобы заниматься хозяйственным возрождением страны. Во-вторых, они крайне поучительны для малосознательного крестьянина. Крестьянин не хочет воевать. Если передовой рабочий говорит: я готов умереть за венгерскую республику, за польскую республику, за германскую республику, то крестьянин этого не скажет. Пензенский крестьянин умереть за польскую революцию и саратовский крестьянин умереть за германскую революцию не желают. Но когда враги заставят нас воевать, вопреки нашей воле, с белой Польшей, с белой Румынией и т. д., то нужно, чтобы пензенские и саратовские крестьяне поняли, что выхода нет. Фердинанд Лассаль сказал, что каждое революционное движение начинается с того, что надо сказать, что есть. Вот надо сказать крестьянину саратовскому, пензенскому, что есть. Мы делаем тяжелые уступки и говорим крестьянину: все это делается для того, чтобы не заставить тебя воевать. Конечно, будут и такие, кто скажет: лучше сейчас воевать и не уступать. Пусть этот «вояка» выступит перед ротой, перед полком, и он услышит в ответ: ты хочешь, чтобы мы воевали из-за царских долгов? И замолчит вояка, потому что рота, где 90% беспартийных крестьян, воевать не захочет. Но если после всех этих уступок на нас нападут, то тогда и саратовский, и пензенский крестьяне будут драться. Если понадобится умереть десяткам, сотням тысяч, то они на это пойдут. Они пойдут, когда поймут, что речь идет об их Рабоче-Крестьянской власти, о независимости страны, неприкосновенности территории, об их земле. Разъяснение смысла каждой нашей уступки, каждого удара на нас является очередной задачей политического воспитания нашей армии. Сопоставить Вашингтон, где куют для нас цепи, и Париж, где французские рабочие и солдаты выбирают в совет матросов-каторжан, события не крупные, но очень симптоматические в Карелии и признание нами царских долгов — вот простой правдивый способ разъяснить крестьянину наше положение. А курсант это тот же крестьянин саратовский или пензенский, и он должен сам понять и красноармейцу объяснить.

Пусть прежде всего каждый курсант, который вернется в школу, скажет своим товарищам: Рабоче-Крестьянская власть идет на уступки, чтобы избежать войны, но если на нас все же нападут, то вам придется отстаивать революцию и будущее человечества. Ибо все данные сводятся к тому, что к весне нам готовится большой удар, не такой, который бы мог нас сокрушить, но такой, который потребовал бы напряжения с нашей стороны. И пред нами стоит задача готовиться, чтобы провести борьбу, если она нам будет навязана, и достичь победы с малой кровью. Если ваша конференция сможет это разъяснить всей курсантской массе, то она оправдает свою работу целиком.

Я вас приветствую, товарищи, и желаю успеха в вашей работе.

«Военный Вестник» 1922 г. № 1.

Эх, не хватает нам точности!

Точность, аккуратность, есть драгоценное качество, которое приобретается постепенно и может служить мерилом хозяйственного и культурного развития народа, класса и даже отдельного лица. Нам больше всего не хватает, именно, точности. Все наше народное прошлое было таким, что не приучало к ней, и можно сказать без преувеличения, что каждое бедствие, каждая неудача, каждое общественное несчастье принимают у нас во много раз большие размеры, чем им полагалось бы, именно из-за отсутствия согласованности действий, которое невозможно без точности, а всякое наше коллективное усилие дает по той же причине во много раз меньшие результаты, чем могло бы дать.

Аккуратный человек не тот, который спешит,—людей спешащих, людей, которые всегда и всюду появляются с опозданием, у нас сколько угодно. Аккуратных людей, т. е. таких, которые знают, что значит час, что значит минута, умеют расположить свою работу и не заедают ни своего, ни чужого времени,—таких людей у нас мало. Число их растет, но медленно, и в этом величайшее затруднение в нашей хозяйственной работе, как и в военной.

Всякая практическая работа требует ориентировки во времени и в пространстве. Между тем, все наше прошлое воспитание не научило нас ценить ни времени, ни пространства. Нам всегда казалось, что чего-чего, а этого добра у нас вдосталь. Измеряем мы его из рук вон плохо.

Спросите крестьянина на проселочной дороге: сколько верст до села Ивашкова? Он ответит: три версты. Опыт свидетельствует, что до Ивашкова может оказаться и семь верст, и восемь. Если вы придирчивы и настойчивы, и станете допрашивать, точно ли три версты, не больше ли, не пять ли, не семь ли, то, в большинстве случаев, ваш собеседник ответит: «да кто же их тут мерил?» И, действительно, версты у нас не меряные. На этот счет есть даже разнообразные пословицы: меряла баба клюкой, да махнула рукой, и пр.

Во время поездок по фронтам приходилось ежедневно наталкиваться на чрезвычайно невнимательное отношение к расстоянию и ко времени со стороны местных крестьян, в качестве проводников, да нередко и со стороны комиссарского и командного состава самой армии.

По вопросу о военных проводниках можно было бы составить изрядную тетрадку воспоминаний и наблюдений. Каждый новый проводник подвергался у нас допросу с пристрастием: действительно ли знает дорогу,

сколько раз ездил. При этом указывалось на крайнюю важность для нас попасть во-время и на то, что вчера или третьего дня такой же проводник ввел нас в заблуждение, ибо оказалось, что дороги он вовсе не знал. Выдержав строгий допрос, проводник усаживался, а спустя полчаса уже тревожно поглядывал по сторонам и бормотал о том, что ехал-то он этой дорогой только раз, да и то ночью.

Несомненно, что источником такого отношения к своему и чужому времени является всероссийская деревня, которую жестокая природа и жестокое государственно-помещичье рабство воспитывали в пассивности, терпении, а, стало быть, и в безразличном отношении ко времени. Дожидаться часами у чьих-нибудь дверей, молча, терпеливо, пассивно-исконное свойство русского крестьянина. «Ничего, подождет»—знакомейшая «формула» подло-барского презрения к мужицкому времени и столь же подлой уверенности, что мужик все стерпит, ибо времени своего ценить не привык.

Ныне, на исходе 1921 года, крестьянин, конечно, не тот, каким был до 1861 года, или до 1914 года, или до 1917 года. Перемены в его обстановке и в его сознании произошли огромнейшие; но эти перемены, захватили пока только основное содержание его миросозерцания, но не успели еще перевоспитать его, т. е. переродить его навыки и приемы.

Промышленность, машинное производство по самой своей природе требует точности. Соха ковыряет землю и так, и этак. А если зубцы колес не попадают точно друг в дружку, вся машина остановится или погибнет. Пролетарий, начинающий и прекращающий работу по гудку, гораздо более способен ценить пространство и время, чем крестьянин. Однако же, рабочий класс пополняется у нас из того же крестьянства и, стало быть, приносит на завод его черты.

Нынешняя война есть машинная война. Тут требуется точность, в отношении времени и пространства. Без этого не выйдет необходимой комбинации родов оружия, технических сил и средств. Но-тут то и есть самое слабое наше место. С расчетом времени мы просчитываемся сплошь да рядом. Обеспечить дело так, чтобы артиллерия подошла к известному месту в нужное время—очень и очень трудное дело. И не потому только, что дороги плохи (поправку на плохие дороги можно включить в общее исчисление), а потому, что приказ доходит не во время, или не во время прочитывается. И еще потому, что составные части подготовки у нас выполняются не одновременно и параллельно, а одна за другой: после того, как обеспечили себя фуражем, вспомнили, что не хватает упряжи, затем догадались затребовать бинокли или карты и т. д.

«Упущение времени смерти безвозвратной подобно»—писал когда-то Петр, который на каждом шагу наталкивался на бородатую боярскую леность, неподвижность, халатность. Привилегированный класс по-своему отражал общие черты деревенской Руси. Петр изо всей мочи старался приучить служилый люд по-немецки или по-голландски относиться ко времени. Внешняя. формальная бюрократическая аккуратность в машине

царизма выросла, несомненно, из Петровских реформ, но эта обрядовая аккуратность явилась только покровом для волокиты, которую и мы унаследовали от проклятого прошлого вместе с бедностью и малограмотностью.

Только широкое развитие машинного хозяйства, правильное разделение труда и правильная его организация воспитывают навыки точности и аккуратности. Но, с другой стороны, правильная организация современного хозяйства немыслима без точности и аккуратности. Тут одно цепляется за другое, одно другому содействует, или противодействует.

В дело вмешивается наша государственная пропаганда. Разумеется, непрестанным повторением слова «аккуратность» нельзя искоренить неряшливость и безответственность. Но в том-то и дело, что наша пропагандистская, воспитательная работа находит себе глубочайшие корни в нашем массовом опыте сознательного планового строительства. Голые повторения получают докучный, иногда невыносимый, характер, и, в конце концов, проходят не только мимо сознания, но и мимо ушей. А если непрерывные повторения опираются на живой опыт фабрики, завода, совхоза, казармы, школы, канцелярии, тогда они постепенно, да понемножку, (ох, как медленно!) оседают в сознании и содействуют улучшению практической постановки дела. А чуть-чуть лучшая практика наших учреждений, в свою очередь, облегчает дальнейшее воспитание навыков точности и аккуратности, которые составляют одну из необходимейших черт сознательного, самостоятельного, культурного человека.

В эпоху авиации, электрофикации, беспроволочного телеграфа и телефона, в эпоху социалистической революции, которая должна все хозяйство превратить в одну комбинированную фабрику, где все зубцы цепляются друг за дружку с точностью часового механизма; в эту эпоху мы по-колени, а иной раз и куда выше, бродим в тине старого варварского прошлого. И во всяком, и маленьком, и большом деле приходится нередко по нескольку раз на день говорить себе: «эх, как же нам не хватает аккуратности!» Однако, в этом возгласе нет и не может быть ноты отчаяния. Аккуратность—дело наживное. Мы ей научимся. Мы овладеем ее секретом, а, значит, и станем богаче, сильнее, умнее, ибо одно без другого невозможно.

17 декабря 1921 г.

Из архива.

Инвалиды гражданской войны.

В числе многих других острых вопросов нам нужно не спускать глаз и с этого вопроса. За время непрерывных боев из наших рядов выбыло много народу не только убитыми, но и искалеченными. Внимание к ним есть первейший долг прежде всего Красной Армии, а затем и республики трудящихся в целом. Разумеется, мы должны, мы обязаны озаботиться и об инвалидах империалистической войны. Они не виновники ее, а бессильные жертвы. По мере своего укрепления, по мере улучшения промышленности и земледелия, Советская Республика будет улучшать существование всех жертв, оставшихся от старого режима. Но в этой большой задаче, с которой мы будем справляться только постепенно, шаг за шагом, нельзя растворять другой неотложной и острой задачи: в первую голову позаботиться о тех воинах рабочего класса, которые были посланы им на защиту границ первой в мире республики труда и которые вышли из строя с каким-либо увечьем.

В огне и дыму мы не оглядывались назад и слишком часто не думали о своих раненых, больных, калеках, инвалидах. Теперь настало время внимания к ним и заботы о них. Это диктуется прежде всего самосохранением самой армии. Каждый красноармеец должен знать, что республика трудящихся позаботится о нем в черную минуту, если для него таковая настанет.

Положение инвалидов остается тяжелым. Некоторые ищут выхода на пути попрошайничества и мелкой спекуляции, развращаются и опускаются. Разлагаясь сами, они неизбежно заражают и армию, из которой вышли. Этого нельзя терпеть. Дело помощи инвалидам, их перевоспитания, т. е. их нового профессионального обучения, приспособления их к доступному им труду должно быть поставлено в широком размере и со всей тщательностью. Президиум Центрального Исполнительного Комитета предпринял в этом направлении чрезвычайно важные шаги. Прежде всего он привлек к тесному сотрудничеству на этом поприще Комиссариат Социального Обеспечения и Военный Комиссариат. В составе Наркомсобеза выделено особое управление по делам о военно-увечных и о семьях красноармейцев. Губернские и уездные военные комиссары включены в губернские и уездные органы социального обеспечения с целью специальной заботы об интересах инвалидов войны. Все ведомства призваны оказывать делу социального обеспечения инвалидов всяческое содействие.

Наряду с этим чисто государственным путем президиум ВЦИК наметил путь пробуждения широкой общественной инициативы. Органом пробуждения

такой инициативы и ее целесообразной организации должен явиться Всероссийский Комитет помощи больным и раненым красноармейцам, инвалидам войны и их семьям (Всерокомпом). Ныне, когда хозяйственная жизнь страны уже далеко не замыкается в рамках одних государственных хозяйственных предприятий, есть, несомненно, возможность при надлежащей энергии и правильном подходе к делу открыть значительный источник помощи инвалидам помимо чисто государственных рессурсов. В этом и должна состоять задача Всерокомпома и его местных органов: помогать существующим ведомствам, дополнять их работу общественной инициативой и открывать новые источники, новые возможности, новые пути.

Ведомства действуют уравнительно, т. е. считаются с инвалидами как с массой, применяя к ним в общем и целом одни и те же методы обеспечения. Общественная инициатива может и должна индивидуализировать, т. е. брать каждого инвалида в отдельности, как личность с ее особенностями, и к этим особенностям и качествам приспособлять характер и род помощи. Наконец, и ведомственная советская и общественная работа по обеспечению инвалидов может принести надлежащие результаты только при условии, если партия и под ее руководством профсоюзы, а, стало быть, широкие массы трудящихся заинтересуются этим вопросом, поймут его важность и приучатся посвящать ему долю своего активного внимания.

Ответственные военные работники должны, естественно, занять первое место в работе помощи инвалидам. Они должны поставить вопрос в полном объеме партийных, советских и профессиональных организациях, выдвигать ее на конференциях, а главное—неутомимо искать практических путей помощи и содействия. Из рядов армии вышло в частности предложение установить правильное отчисление в пользу инвалидов. Можно не сомневаться, что это предложение найдет в рядах армии широкий отклик. Красная Армия не может и не должна забывать своих изувеченных бойцов. Тогда о них будет помнить вся страна.

«Известия ВЦИК»
18 декабря 1921 г. № 285.

Совещание военных делегатов Съезда Советов.

Совещание военных делегатов съезда и ответственных военных работников, находившихся в Москве, собиралось дважды: накануне Съезда Советов и сейчас по окончании его.[21]

Совещание дало очень поучительную картину состояния Красной Армии и более точно, более конкретно наметило задачи дальнейшей работы.

Та армия, которая вела гражданскую войну в течение трех с лишним лет, непосредственно выросла из октябрьского переворота. Она явилась его прямым продолжением. Те самые рабочие Петрограда и Москвы, которые низвергли буржуазный режим, уходили потом красными отрядами по всей стране и строили позже регулярные полки, включая в них мобилизованных.

Нынешняя Красная Армия состоит из трех младших возрастов. Это преимущественно молодые крестьяне. Общий политический уровень страны, правда, чрезвычайно вырос за эти годы. Тем не менее политические сведения молодого крестьянского поколения, поднявшегося уже после октябрьской революции и не проходившего через школу гражданской войны, имеют очень поверхностный и бесформенный характер, как все полученное из вторых рук и не проверенное собственным опытом.

Старший и средний командный и комиссарский состав армии в большинстве своем вырос из опыта гражданской войны. Его задача состоит в том, чтобы передать этот опыт молодому красноармейскому составу. Но для этого нужно, чтобы руководящие элементы армии, представители старшего поколения, нашли о б щ и й я з ы к с к р а с н о а р м е й с к о й м о л о д е ж ь ю. На эту задачу совещание военных делегатов обратило особенное внимание.

Каждый из революционных рабочих старшего поколения учился в свое время политической азбуке и складам на политических фактах эпохи царизма. Шла ли речь о стачке или о новом царском законе, передовые рабочие разъясняли более отсталым на этих живых примерах характер царизма, противоречие интересов пролетариата и буржуазии и проч. Так, шаг за шагом, в головах старшего поколения революционных рабочих накопились известные познания: факты, их политическое освещение, их социальное истолкование. В эти рамки укладывался затем каждый новый факт и находил в них свое место. Чем дольше живет человек сознательной политической жизнью, тем обширнее его политический опыт, тем больше у него примеров прошлого, тем легче он схватывает смысл новых

фактов и отводит им надлежащее место. Несомненно, что старшее поколение членов нашей партии имеет очень большой политический опыт и быстро ориентируется, понимает друг друга с полуслова.

Но именно потому наша агитация, ведущаяся на привычном языке, слишком часто оказывается неподходящей для новых поколений, лишенных не только **нашего**, но и какого бы то ни было политического опыта. Этому молодому поколению нужно заново накоплять свой опыт, учиться понимать простейшие общественные и политические факты и устанавливать их на надлежащее место. «Азбука Коммунизма»—необходимейшее и полезнейшее пособие. Но думать, что можно молодого крестьянина сделать коммунистом, прочитавши с ним в течение месяца—двух «Азбуку Коммунизма», в корне ошибочно. «Азбука Коммунизма» может только обобщить уже имеющийся опыт жизни и борьбы.

Основным фактом для красноармейца является то, что он красноармеец, т. е. что он мобилизован и включен в армию. Почему? Это он должен осмыслить. Голое противопоставление рабоче-крестьянской России и «мирового империализма» для политически более опытных заключает в себе богатое содержание. Но для молодого красноармейца, который еле знает названия чужих стран, такого рода противопоставление—пустой звук. Нужно дать нашей военной молодежи элементарные факты и живые образы, как материал для обобщений.

Сейчас мы вынуждены воевать вдоль финно-карельской границы. Вот этот факт и нужно сделать центром политической воспитательной работы в армии в ближайший период.

Что такое Финляндия? Ее население? Кто в ней правит? Тут рассказать и о попытке финляндских рабочих взять в руки власть и как с ними беспощадно расправилась буржуазия. Почему мы признали независимость Финляндии? Непременно надо Карелию, Финляндию и Петроград показать на карте. Всякое новое сообщение о карельских событиях должно давать материал для повторения и для конкретизации этих сведений. Так, изо-дня в день карельские события превращаются для красноармейца во **внутреннее переживание**, становятся важной частью приобретенного им **политического** опыта. Для него это уже не просто страничка из «Азбуки Коммунизма», которую можно прочитать и забыть, а живой факт, влияющий на его собственную судьбу и понятый им именно в этой связи.

Такая же работа должна быть проделана в отношении всех наших соседей. Каждый красноармеец должен знать, кто нас окружает. Таким путем красноармеец придет постепенно к пониманию того, что значит мировой империализм, что для нас означает внешняя опасность, и для чего нужна Красная Армия.

Особенно важно, чтобы пропагандист не просто «поучал» красноармейца, пользуясь для этого подходящим материалом, хотя бы и вроде карельских событий; нет, надо, чтобы он осведомлял его, как вооруженного

гражданина Советской Республики, об опасности. Нужно, чтобы он объяснил ему ту фактическую обстановку, которая сложилась сегодня.

Нужно под этим углом зрения следить за событиями изо-дня в день или, по крайней мере, из недели в неделю. Там, где факты повторяются, и мы будем повторяться. Где происходит изменение, мы его разъясним.

Разумеется, и допустима, и полезна всякая другая чисто-пропагандистская теоретическая воспитательная работа. Но первое и главное, помни, что красноармеец—это вооруженный гражданин, и что нить развития нашей страны, ее внутренних и внешних судеб ни в каком случае не должна ускользать от него; и прежде всего как солдат он должен знать, какая опасность угрожает революции сегодня.

Вопрос о партийной чистке в армии был, хотя и кратко, но с достаточной полнотой освещен на совещании. Все делегаты высказывались в том смысле, что чистка проводилась с большой серьезностью и принесла очень ценные положительные результаты. Нельзя, однако, пройти мимо того факта, что в результате чистки процент коммунистов в армии еще более понизился. Уплотнение коммунистических рядов звучало категорическим требованием всех делегатов. Сообщение о постановлении пленума Центрального Комитета партии относительно поголовной мобилизации всех пригодных к военной службе коммунистов, родившихся в 1899, 1900 и 1901 гг. было встречено дружными аплодисментами. Армия ныне состоит из этих трех возрастов. Для коммунистов не может быть никаких изъятий. Они должны быть в составе армии вместе со своими сверстниками. Этого достигнуть тем легче, что среди молодых товарищей 22, 21 и 20 лет вряд ли можно найти «незаменимых» работников. Что же касается коммунистов, обучающихся в партийных школах, то они, пройдя соответственные специальные комиссии, должны быть—в случае своей пригодности—включены в воинские части и затем временно откомандированы для окончания курса, после чего вступают красноармейцами в свои части. Никаких изъятий! Коммунисты, родившиеся в 1899, 1900, 1901 гг.—в армию! Таков единодушный голос ответственных армейских работников. Таково решение Центрального Комитета партии.

Обслуживание армии коммунистами вообще поставлено пленумом Ц. К., как одна из важнейших партийных задач. Ц. К. обратил внимание на то, что не все местные организации проводят мобилизации для армии с необходимой энергией. Решения Ц. К. по этому вопросу звучат очень сурово. Одна из задач коммунистов, работающих в армии и тесно связанных с местными партийными организациями, состоит именно в том, чтобы привлекать внимание последних к политическому состоянию армии и таким путем ликвидировать последние остатки «ликвидаторских» настроений. Не-

правильно демобилизованные или неправильно демобилизовавшиеся должны быть возвращены в армию. Политотделы обязаны этого добиться. В тех случаях, где их авторитета недостаточно, они обязаны апеллировать в пур, который, в свою очередь, прибегнет к авторитету Ц. К. Сокращенная армия должна иметь повышенную боеспособность, именно поэтому она должна иметь повышенный процент коммунистов.

С чисткой партии связан частный вопрос об устраненных из партии представителях командного состава. Разумеется, в тех случаях, когда исключение из партии вызывалось порочащими личную честь поступками, не может быть и речи об оставлении на командном посту, так как красный командир должен пользоваться не только военно-техническим, но и полным моральным авторитетом. Но есть немало случаев, когда устранение командиров из партии вызывалось фактом их несоответствия общему духу партии, ее мировоззрению и ее внутренним отношениям. Партия есть добровольный союз единомышленников. Этот союз в праве решать в каждом отдельном случае, может ли или не может такое-то лицо входить в его состав. Партия говорит командиру Петрову: «Ты честный человек, ты преданный рабоче-крестьянской республике командир, храбрый воин, но по всему твоему прошлому воспитанию, по твоим воззрениям ты далек от коммунистической партии, и мы не можем позволить тебе влиять твоим голосом на программу и тактику партии». Такое решение в известных случаях не только законно, но и необходимо. Значит ли это, однако, что устраненный из партии тем самым лишается права занимать командный пост? Нет, не значит. Красная Армия не отвергла и не отвергает беспартийных командиров. Они составляют большинство командного состава. Командир, устраненный из партии в силу своего общего несоответствия ее духу, может оставаться на командном посту, если он честный воин и честный гражданин. Лишив его права числиться коммунистом, партия, однако, поддержит его всем своим авторитетом, как советского командира. Таково было единодушное настроение военных делегатов.

Военные моряки не раз с горечью отмечали за последние месяцы, что имя Кронштадта стало как бы синонимом для мелко-буржуазного мятежа против диктатуры пролетариата. Между тем, Кронштадт остался, как был, одной из важнейших крепостей рабоче-крестьянской республики. Кронштадтский гарнизон остается ценной частицей Красной Армии и Красного Флота. Передовые военные моряки прилагают все усилия к тому, чтобы сохранить основное ядро флота и укрепить его.

Этот вопрос встал и перед совещанием, и оно единогласно постановило напомнить всей стране о славной роли Кронштадта в зарождении и развитии пролетарской революции. Нужно устно и печатно рассказать молодым

красноармейцам и морякам революционную историю Кронштадта хотя бы с марта 1917 г. Белогвардейско-эсеровский мятеж в Кронштадте был только трагическим эпизодом в истории крепости, временно ослабленной материально и идейно. На этом эпизоде пора поставить крест. Кронштадт стал снова сторожевым постом пролетарской революции.

Армия наша сразу стала моложе. Опыт и традиции ее хранятся у командного и комиссарского состава. Коммунистическая партия в армии очистилась и тем самым стала малочисленнее. Беспартийная, по преимуществу крестьянская, молодежь составляет главную массу армии. Тем более важным является установление правильного взаимоотношения между руководящим командным и комиссарским аппаратом и коммунистическими ячейками, с одной стороны, и беспартийной армейской молодежью—с другой. Нужно подойти к этой молодежи ближе. Нужно научиться говорить на ее языке. Нужно помочь ей понять, что такое Красная Армия и зачем она. Нужно научить ее любить Советскую Россию и ненавидеть ее врагов. Нужно научить ее владеть оружием, чтобы сражаться за Советскую Россию.

А для этого нужно как можно скорее покончить с периодом демобилизации и реорганизации. Довольно перестановок, перемещений, слияний и преобразований! Нужен твердый режим, нужна устойчивость, организационная определенность. Пора приняться за работу обучения и воспитания в полном объеме. Таково было единодушное настроение военных делегатов. Совещание явилось лучшей гарантией того, что предстоящая зима будет периодом напряженной работы и добросовестной подготовки.

«Правда»,
4 января 1922 г., № 3.

Забота об армии.

Месяца три — четыре тому назад военное ведомство поставило вопрос о Неделе заботы о достоянии красноармейца. Теперь этот вопрос широко раздвинулся: 9-й Съезд Советов открыл целую эпоху забот о Красной Армии во всех отношениях. Но от этого Неделя не становится лишней. Она входит только составной частью в более широкую работу.

Речи, заявления и постановления 9-го Съезда, посвященные нуждам армии, произвели, разумеется, большое впечатление в стенах наших красных казарм. Все встрепенулось и ждет теперь шагов и действий, которые отвечали бы словам и намерениям Съезда Советов. Иные ждут слишком нетерпеливо. Так, на собраниях мне за это время не раз подавали записки с вопросом: почему же до сих пор не произошло таких-то и таких-то улучшений? Почему не заполнены такие-то нехватки и проч.

Разумеется, само по себе постановление Съезда Советов никаких материальных перемен еще не произвело, да и не могло произвести. Оно означает, прежде всего, большой моральный плюс для Красной Армии. Съезд Советов принял к сведению факт сокращения Красной Армии и предписал поставить стопроцентное снабжение Красной Армии в первую очередь. Однако, осуществление резолюции Съезда не дается автоматически. Тут необходима еще широкая инициатива и неутомимая настойчивость всех советских органов и учреждений и, прежде всего,—самой Красной Армии.

Улучшить положение Красной Армии каким-нибудь одним чудодейственным актом — нельзя. Необходима систематическая, упорная, повседневная работа. Резолюции, декларации, постановления нужно перечеканить на мелкую монету повседневных забот о красной казарме и ее обитателях. В этой области широковещательные программы меньше всего способны дать результат; нужна кропотливая, черная работа по чистке, уборке, отоплению, освещению — работа, которая потребует больших сил, большого внимания, большой преданности, прежде чем будут созданы подлинно-человеческие условия существования для всех частей Красной Армии.

Условием серьезного, длительного и прочного успеха в этом направлении является упорядочение и улучшение хозяйственных органов самой армии, снизу до-верху. Надо прямо сказать, что это наша ахиллесова пята. Если в области командного состава мы сделали за эти годы большой шаг вперед, то в области военно-хозяйственной мы сильно отстали. Разумеется, и здесь выдвинулось известное число самородков, энергичных работников с хозяйственным кругозором. Есть и снабженцы старой школы, которые с тем или другим успехом применяют свои знания, свой опыт в новых

условиях Красной Армии и советского хозяйства. Но значительная масса снабженческих работников в центре, в округах и в частях нуждается в крепкой школе и в серьезном освежении. Рутина без мысли, самодельщина без кругозора и опыта еще слишком сильны в органах военного снабжения.

Между тем, новые хозяйственные условия перелагают не только чисто распределительную работу целиком на органы военного снабжения, но и требуют от них большой настойчивости, инициативы, предприимчивости в установлении правильных взаимоотношений с производственными органами, заведениями и учреждениями. А между тем, до сих пор наши снабженцы, по общему правилу, не научились точно учитывать, быстро и правильно распределять. Сейчас, когда воинские части живут оседло, прикрепленные к определенным местам и районам, задача снабжения, в значительной мере упрощается. Но вот тут-то и нужно учиться искусству доставлять все в кратчайший срок и по кратчайшим линиям так, чтобы и сапог, и хлеб, и рубаха приходили куда нужно и, притом во-время. Кто хорошо овладеет искусством нынешней «позиционной» стратегии снабжения, тот затем справится легче во время войны с гораздо более трудной задачей «маневренного» снабжения.

Неделя достояния красноармейца означает, прежде всего, сосредоточение общего внимания на казарме и на военной школе. Средством для этого являются агитация, митинги, статьи, резолюции. Можно не сомневаться, что московский пролетариат под руководством своего Совета сделает все, что должно и все, что можно. Но эта агитационная сторона не должна отвлекать от организационной работы. Результат Недели зависит ведь не только от того, кто помогает и содействует, но, прежде всего, от того, кто получает содействие. Неделя достояния должна стать Неделей внутренней хозяйственной, снабженческой подтяжки в составе самого военного ведомства.

В частности для того, чтобы добрая воля трудящихся дала максимальный результат в течение Недели забот о достоянии красноармейца, наши снабженцы должны проявить наивысшую инициативу и изобретательность, направив эту добрую волю по правильным каналам. Надо правильно обдумать и своевременно подсказать: где, чем и как лучше всего можно сейчас помочь местному гарнизону. По мысли Съезда Советов Неделя, как сказано, открывает целую эпоху напряженной работы и борьбы за повышение материального и духовного благополучия армии.

Обращаясь к рабочим, крестьянам и к их Советам, Неделя говорит: «помогите все претворить слово 9-го Съезда в живое дело».

Обращаясь к Красной Армии, Неделя предлагает ей поучиться, как следует быть, заботиться о себе самой.

Наконец, повернувшись в сторону хозяйственного аппарата армии, Неделя приказывает: «Товарищи-снабженцы, извольте встряхнуться и подтянуться!»

13 января 1922 г.
«Известия ВЦИК», № 10.

Спасибо рабочей Москве!

Московские рабочие и работницы отнеслись к усыновлению воинских частей со всей серьезностью. Они поняли, что советское шефство не просто декоративная выдумка, служащая для торжественных речей на торжественных заседаниях... К сожалению, кое-где этот грех наблюдается... Нет, москвичи же подошли к делу, засучив рукава. Они прекрасно поняли, что сейчас не время декоративной политике. Во всех областях строительства мы вошли в период медленной упорной настойчивой черной работы. Только таким же путем возможно улучшить положение Красной Армии. Заявления симпатий, резолюции и речи, даже самые лучшие, сами по себе вопроса не решают. Тут нужно деловое и практическое внимание к Красной Армии, ко всем мелочам ее быта. Вот именно такое внимание проявляют Московский Совет, районные советы и отдельные крупные предприятия Москвы. По ним начинают равняться московские уезды. Нужды Красной Армии так велики и многообразны, что большой перемены сразу произвести нельзя, но можно зато не сомневаться, что в Москве Неделя достояния пройдет не агитационной шумихой, а оставит после себя серьезное наследство, в виде некоторого, хотя бы и скромного, но прочного повышения уровня материального и духовного благополучия московского гарнизона.

Надо все меры принять к тому, чтобы сведения о прохождении Недели в Москве как можно шире распространились по всей стране. Пусть этот добрый пример как можно скорее вызовет подражание.

А пока что вся Красная Армия имеет полное основание сказать горячее **спасибо** пролетарской Москве!

25 января 1922 г.

«Известия ВЦИК», № 18.

Пятый год — год учебы.

Красная Армия только на 4 месяца моложе Советской Республики. Но и это только по документам. В сущности же, они родились в один день. Можно даже сказать, что, в лице военной организации нашей партии, Красная Армия зародилась еще до того момента, как рабочий класс взял в руки власть.

Первый год ее существования был периодом разрозненных и полуоформленных попыток и усилий создать вооруженную силу революции в труднейших условиях распада старой армии и отвращения трудящихся масс к войне.

Второй и третий годы были уже периодом напряженных боев на всех окраинах страны. Армия строилась в огне. Различные методы и приемы подвергались испытанию и отвергались или закреплялись. Армия численно выросла чрезвычайно и даже чрезмерно. Объяснялось это как протяженностью фронтов, так и очень еще несовершенным характером нашей военной организации. Новые военные задачи и потребности порождали новые органы, наряду со вчерашними, уже успевшими наполовину обнаружить свою непригодность, но еще не упраздненными. Недостаточная подготовка вызывала повышенный расход человеческой силы. Где не хватало качества, приходилось его заменять количеством.

Четвертый год был годом относительного затишья на границах и напряженной работы по сокращению и реорганизации армии. Задача состояла в том, чтобы отпустить как можно более возрастов, оставив лишь строго необходимое, и, в то же время, срезать в организации армии все лишние органы, все наросты, параллельные учреждения, сжать разбухшие тылы. Эта задача ныне вчерне разрешена. Тем самым созданы условия для повышения квалификации армии.

Пятый год существования Красной Армии будет годом напряженной учебы. Дальнейшая реорганизация Красной Армии и частичные сокращения ее возможны только на основе качественного улучшения составляющих ее элементов и в строгом соответствии с этим процессом.

Нужно поднять основную клеточку армии: пехотного бойца. Он должен быть сыт, в тепле и в чистом белье. Солдат с вошью—есть пол-солдата.

Солдат должен быть грамотен. Эту задачу мы себе поставили твердо. До 1 мая у нас не должно быть в армии ни одного неграмотного солдата. Эту задачу мы обязаны выполнить. И не напоказ, т.-е. не так, чтобы наспех обученный грамоте через 2 месяца снова возвращался в перво-

бытное состояние. Нет, мы должны научить и научим всех красноармейцев грамоте, как следует.

Первого мая этого года Советская Республика будет приводить свою армию к красной присяге. Каждый красноармеец должен будет уметь ясно, отчетливо и сознательно прочитать текст «Торжественного Обещания» [22].

Нужно поднять политический и вообще духовный уровень каждого бойца. Нужно, чтобы он знал наших соседей и возможных врагов. Нужно, чтобы он знал сущность Советской конституции и задачи рабоче-крестьянского государства. Нужно, чтобы он знал, что в основе всего мира, со всем разнообразием его явлений лежит повинующаяся своим внутренним законам материя. Нужно упорно освобождать его сознание от предрассудков и суеверий. Суеверие—внутренняя вошь, которая ослабляет человека еще более,—чем внешняя.

Мы будем непрерывно улучшать чисто военное обучение. Командир полка должен поставить себе задачей каждого красноармейца приблизить к такому уровню, чтобы в случае нужды он мог командовать отделением.

Непрерывная работа командного и комиссарского состава над красноармейцем и самим собою является важнейшей заповедью на пятый год работы. Опыта у нас, несмотря на короткое существование армии, уже очень много. Но это пока опыт хаотический. Его нужно тщательно изучать, проверять, очищать, выделяя из него самое существенное и закрепляя в сознании всей армии.

У каждого большого дела, особенно в такую сложную и изменчивую эпоху, как наша, есть два больших врага: р у т и н е р с т в о и в е р х о г л я д с т в о. Рутинерство мыслит по старым шаблонам, не учитывает новых обстоятельств, лишено инициативы, смелости замысла и решительности исполнения. В военном деле — это грехи смертельные.

Верхоглядство как бы противоположность рутинерству. Оно в наше время принимает нередко «революционный» вид. Подметив правильно недостатки рутины, верхоглядство вообще отмахивается от серьезной работы, от добросовестного и детального изучения прошлого опыта, и обольщает себя дешевыми обобщениями и произвольными схемами. И верхоглядство в военном деле—смертный грех.

Нам нужно твердо уяснить себе, что повышение качественного уровня армии не может быть достигнуто по мановению волшебной палочки. Нет, это задача упорного труда, настойчивой, детальной, подчас мозаической работы. Новое слово—маленькое или большое—может сказать лишь тот, кто внимательно смотрит себе под ноги, все примечает, все учитывает и у всех учится. А кто пыжится сказать новое слово сразу и ищет его глазами в небесах, тот непременно наступит на грабли, и они хватят его по лбу. Ни рутинерства, ни верхоглядства! Настойчивая, упорная и добросовестная работа!

Эта работа облегчается ныне все растущим вниманием к армии со стороны трудящихся масс всей Советской Федерации. Еще совсем недавно

мы, в виде опыта, ввели советское шефство. Как быстро оно привилось и развернулось! Какие благотворные результаты дает уже сейчас! И до сего времени Красная Армия была неотъемлемой частью рабоче-крестьянской России. Но теперь между ними устанавливается более повседневная, более тесная связь. Братание отдельных дивизий с советами, отдельных полков с заводами и профессиональными союзами нравственно поднимает армию и создает более благоприятные материальные условия для ее жизненной работы.

Красная Армия спокойно и уверенно глядит вперед: пятый год жизни будет для нее годом неутомимой учебы.

23 февраля 1922 г.
«Правда», № 43.

Речь на параде на Красной площади

23 февраля 1922 г.

Приветствую вас с 4-й годовщиной существования, борьбы и победы Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

В отличие от других армий, мы строились, созидались и учились непосредственно под огнем на полях сражений, а наука стоила нам тягчайших жертв, понесенных нашей доблестной Красной Армией на севере, юге, востоке и западе.

Три года шла беспрерывная борьба за сохранение и укрепление рабоче-крестьянской Советской республики. И если нам не хватало подчас умения и знаний, то мы возмещали недочеты героизмом, мужеством, кровью лучших сынов нашей страны.

Озираясь на запад и восток, мы и сейчас говорим себе, что опасность еще не миновала, ибо во всем мире власть еще в руках буржуазии. Правда, она научилась нас бояться, но она никогда не перестанет с нами бороться, нас ненавидеть.

Наш долг, товарищи-красноармейцы, командиры и комиссары, — использовать переживаемое нами сейчас время для развития и дальнейшего укрепления. В будущем мы должны одерживать победы с меньшими потерями. Поэтому 5-й год будет годом неустанной учебы, упражнений. Каждый красноармеец к 1-му мая должен быть грамотен. Мы даем в этом торжественное обещание. К 1-му мая в России не будет ни одного неграмотного красноармейца! Вместе с тем необходимо поднять политическое самосознание каждого красноармейца.

Красная Армия сильна сейчас, но через год она будет еще сильнее, так как она будет лучше владеть искусством борьбы.

В 5-ую годину каждый день будет днем учебы, днем успеха Красной Армии.

Сегодня вы услышите приветствия товарищей, прибывших из Западной Европы и Америки на заседание Коминтерна и Профинтерна. Мы им скажем, что четыре года ждем, когда в их странах и над всем миром будет поднято красное знамя народа, освобожденного от гнета капиталистов... Ждем и верим, что скоро дождемся этого.

Красная Армия и в первую очередь славный Московский гарнизон всегда готовы перейти с мирных квартир на ратное поле, готовы отдать жизнь за существование нашей Советской республики и за создание советских республик во всем мире.

Да здравствует Рабоче-Крестьянская Россия!

Да здравствует мировой рабочий класс!

Да здравствует грядущая федерация советских рабоче-крестьянских республик во всем мире!

«Известия ВЦИК»,
24 февраля 1922 г., № 44.

Доклад на XI Съезде Р.К.П. (большевиков)

29 марта 1922 г.[13]

Товарищи, вы потребовали доклада о Красной Армии. Я буду очень краток, как потому, что к докладу, который я сделал на IX съезде Советов, я не могу прибавить, так и по той практической причине, что у нас сегодня времени остается немного. Истекший после X партийного съезда год можно разбить в отношении Красной Армии на две части: до IX съезда Советов примерно и после него. Год был для нас в первую половину свою—тягчайшим годом: демобилизация, сокращение, реорганизация. При чем реорганизация, демобилизация и сокращение армии—и здесь я подхожу к главному практическому вопросу, по которому, я думаю, мы через военное совещание будем ходатайствовать перед вами об определенном постановлении, — сокращение, реорганизация происходили несколькими этапами, четырьмя главными этапами. Сокращение есть хирургическая операция и довольно тяжкая. Но если человеку отнимать ногу, в четыре приема—сперва ступню, затем по колено, потом выше, то, разумеется, операция становится гораздо более тяжкой и болезненной. Под влиянием объективных условий, неопределенности обстановки, а отчасти и наших собственных ошибок мы сокращение армии в течение года производили толчками, сперва на столько-то сот тысяч, затем снова на столько и т. д. Армия представляет собой сложный организм, при чем, чем она становится организованнее, правильнее построенной, тем большая внутренняя пропорциональность устанавливается между ее разными частями. Я был бы неправ, если бы сказал, что мы такую полную, идеальную пропорциональность уже установили. Армия далека от организационного совершенства, но она уже представляет собою правильно построенный организм. При нынешней сокращенной численности и относительной организационной упорядоченности каждое новое сокращение не есть простое механическое отсечение, а есть сложное изъятие из тылов, из активных частей, при стремлении соблюсти известную внутреннюю пропорциональность. Вот почему мы в течение этого года создавали штаты аз, буки, веди и т. д., а на местах военные работники выражали свое жесточайшее возмущение против своего центра, который не сразу дает им програму сокращения и реорганизации Красной Армии, а последовательно заставляет производить эти болезненные операции.

Сможем ли мы еще нашу Красную Армию сокращать далее? Я не считаю это исключенным ни в коем случае. Это зависит от обстановки,

отчасти от того, как сложатся обстоятельства и события этой весной. Весна у нас по многим причинам бывает беспокойная, особенно по отношению западного и южного фронтов. Но нет никакого сомнения, что при соответственной политике наших соседей и их покровителей возможность дальнейшего сокращения Красной Армии остается.

Однако, надо сказать, что это дальнейшее сокращение должно производиться на основании твердой программы. Дайте нам, как только обстановка сколько-нибудь определится, твердую численность, скажите, что Красную Армию нужно сократить вдвое, — что я считаю невозможным пока еще — или на $^1/_3$ или на $^1/_{10}$ часть, но эти сокращения должны быть на более или менее длительный период, на остаток 1922 года, т. е. на ближайшие 9 месяцев. То, что тяжелее всего ложится на армию, это неизвестность, неопределенность реорганизации и вечные перегруппировки. Это затрудняет возможность устойчивости отношений и правильность учебы.

Второй вопрос, это вопрос о нашем бюджете. Тов. Ленин заявил здесь, что мы должны идти на жертвы для Красной Армии, но на жертвы строго определенные. Это—взгляд правильный. Мы бедны. Наши жертвы на Красную Армию могут быть только ограничены. Но и нам необходимо при определении этих ограниченных жертв установить твердый бюджет. Надо нам выскочить из традиций 1918-19-20 и даже 1921 г.г., когда Красной Армии по мере надобности давали, затем отнимали и снова давали. Бюджет должен представлять собою определенную величину. Нужно соразмерить армию с военным бюджетом и военный бюджет соразмерить с армией, т. е. с ее численностью. Твердая численность и твердый бюджет. Иначе, товарищи, армии мы выше не поднимем, и если бы мы стояли перед необходимостью выбора, в силу трудности материального положения между значительным сокращением армии при твердом бюджете, или сохранением ее нынешней численности при бюджете неопределенном,— то я лично голосовал бы даже за очень значительное сокращение армии, но при твердом бюджете.

Сокращение армии, сказал я, возможно в зависимости от международной обстановки, но в значительной мере в зависимости и от нашего собственного использования армии. Сокращая армию, мы не можем ее дальше перегружать нарядами. Это есть, товарищи, самый тяжелый вопрос в жизни нашей армии, в ее обучении, в ее воспитании и в ее организационной сплоченности. Армия перегружена нарядами. Это определяется всем характером нашей эпохи, всем развитием армии. Но мы вступили в период планомерного строительства, — ибо в то время, как в области хозяйства мы вынуждены активно маневрировать на рынке, в области военной мы сейчас пользуемся возможностью систематического планомерного строительства, и правильной подготовительной учебы,—и мы должны вам заявить: систематическое строительство требует прекращения того неизбежного в прошлом, но неправильного в настоящем использования

Красной Армии, которое выражается в том, что непропорционально большая часть армии превращается в команды по окарауливанию различного рода предметов государственного достояния, грузов и проч. и проч. При наших путях сообщения, при наших расстояниях, сопровождение грузов, транспортирование грузов красноармейцами означает выбытие красноармейцев из их частей на месяцы, означает фактическое разрушение частей. Красноармеец слишком дорого обходится государству в качестве простого караульного. Караулы надо свести к минимуму, к подлинному минимуму, а ведомствам, которые препровождают грузы, надо перейти на путь создания специальных караульных артелей из небольшого числа квалифицированных и для этого дела подготовленных элементов. Это будет экономнее во всех отношениях. Этот на первый взгляд технический вопрос есть, при сокращении армии, вопрос жизни и смерти для нее.

Нынешняя наша численность на первое марта еще, к сожалению, не улеглась вполне в ту норму, которая нам отведена ответственными государственными постановлениями. Мы получаем на армию, на части государственного политического управления, на команды Наркомюста, на флот и т. д. 1.616.000 пайков. На 1 марта число 1.640.000 едоков, т. е. на $2^1/_2$ десятка тысяч мы еще не улеглись в эту норму. Должен сказать, что в процессе этого большого сокращения мы активные части, т. е. дивизии, сократили меньше, чем в три раза, тылы—в 8 раз. Если взять таблицы, определяющие состав этих 1.640.000 едоков, то в ней приходится прежде всего указать такие составные элементы, которые в дальнейшем изменению не подлежат. Всевобуч: на его долю отпущено около 10.000 пайков. Раздаются голоса об упразднении Всевобуча. Я считаю своим долгом категорически против этого возражать. Мы сокращаем армию и при благоприятных условиях будем сокращать далее, тем паче нужно будет развить допризывную подготовку. Разумеется, допризывная подготовка не есть только задача Всевобуча, а ляжет на местные советские и иные организации, особенно поскольку дело касается спорта, как физического воспитания молодежи. Но сохранить основные элементы организации Всевобуча необходимо, чтобы их далее укрепить и развить. Флот—35.000 едоков. Мы не представляем себе, чтобы в ближайший период мы могли здесь учинить дальнейшее сокращение. Мы довели численность флота до минимума. За последние месяцы наш молодой Красный Флот переживает оживление, ободренный тем вниманием, которое оказали ему и партия, и Советская Республика, в лице IX Съезда Советов. Флот, повторяю, сокращен до последней степени. В то время, как наша армия по численности приближается к армии дореволюционной России, флот сократился во много раз. Но он получил приток молодых сил коммунистической молодежи и подготовляет новый состав военных моряков, в том числе и военно-морских командиров через военные морские учебные заведения, где бьет сейчас живая струя. 35.000—это минимум того, что мы должны сохранить, если не хотим ставить креста на флоте, и это никак не выте-

кало бы из нашей обстановки: у нас есть берега, морские подступы и есть опасности. Малый, чисто оборонительный, но единодушный, хорошо сколоченный флот нам необходим.

В числе 1.600.000 числится 101.000 проходящих, передвигающихся, кочующих. Здесь, помимо известного неизбежного потока, вызываемого внутренней жизнью армии, имеются десятки тысяч бродящих, в лице возвращающихся караульных, передвигающихся, в силу тяжелого состояния транспорта, по месяцам, — и этот элемент, наиболее тяжело лежащий на нашей армии.

Материальное положение армии—приблизительно со времени последнего Съезда Советов и даже несколько раньше—стало улучшаться. Было бы неправильным оптимизмом говорить, что оно во всех отношениях удовлетворительно и тем более хорошо. Я говорю это на открытом заседании Съезда и думаю, что это ни в коем случае не может нам повредить, наше военное положение достаточно прочно, чтобы не бояться вслух говорить и о тяжелых сторонах положения армии. Улучшение несомненно во всех видах снабжения, но положение еще не удовлетворительно. Я не боюсь сказать это открыто, ибо те наши противники и враги, которые положение понимают, должны будут сделать вывод, что общее положение страны и армии (если уже оставить в стороне всякие другие соображения) исключают возможность стремления к войне с нашей стороны. Но, вместе с тем, улучшающееся положение армии и по всем данным, по всем проверкам вполне удовлетворительное и в значительной части хорошее моральное состояние делают для успешности оборону вполне возможной, вполне достижимой.

В этой армии примерно 80 тысяч коммунистов. Число их сейчас увеличилось и увеличивается в связи со влитием молодежи 1899, 1900 и 1901 г.г. [24]

По поводу этой молодежи нам, как военному ведомству, приходится воевать с другими ведомствами, учреждениями и т. д., ибо всякий хочет иметь коммунистическую молодежь, и это вполне естественно. Я однако, твердо думаю, что при мобилизации коммунистической молодежи по возрастам, уже мобилизованным в общем порядке, изъятия, отсрочки и пр. нужно свести к минимальнейшему минимуму, как в интересах армии, так и в интересах воспитания и закала самой коммунистической молодежи. Я должен, однако, сказать, что наряду с огромной, разумеется, радостью наших частей и ответственных военных работников по поводу вливания свежей, да еще красной коммунистической крови в части, откуда утечка коммунистов была очень велика,—наряду с этой радостью раздаются жалобы на то, что известный процент этой молодежи представляет собой вовсе не первокачественный, не первосортный элемент. (Голос с места: «Большая часть»).

Я уверен, что вы жестоко ошибаетесь, товарищ. Это не верно, что эта вливающаяся коммунистическая молодежь не первокачественная в боль-

шей своей части. Молодежь, вливающаяся в части, должна к ним притереться, должна найти свое место, при чем они вливаются не под огнем, как мы к этому привыкли в 1918—1920 г.г., а вливаются в сравнительно спокойной казарменной обстановке, вливаются с известными идейными претензиями, так как они выполняли уже иногда советскую работу довольно ответственную, — они должны привыкнуть к обстановке армии, но известный процент несомненно есть мало пригодных, процент брака, и я думаю, что если мы серьезно относимся к вопросу о чистке партии, и если в деле обновления нашей партии мы возлагаем надежды на молодежь, то будет очень хорошо, если мы твердо решим всю нашу молодежь пропускать через двери Красной Армии.

Когда я вчера говорил о том, что для нас задача партийного воспитания состоит в том, чтобы наш накопленный опыт теоретическим путем вливать в молодежь, я получил записку, полагаю от кого-нибудь из молодых гостей, который учится на рабфаке: «Зачем же вы требуете, чтобы мобилизовали с рабфаков?» А затем, что я считаю, что рабфак не является единственной школой, где партия может свой опыт в широком смысле слова передавать молодежи. Я считаю, что и армия для коммунистов нашей Советской республики является той школой, где партия свой нравственный закал, свое самоотверженне, свою дисциплинированность может вливать в нашу рабоче-крестьянскую молодежь; вот почему буду с уважаемым нашим товарищем Михаилом Николаевичем Покровским еще и еще торговаться насчет этой самой рабочей и крестьянской молодежи. Говорят о том, кто нам будет готовить инженеров. Конечно, некоторые запоздания получатся, но я считаю, что красный инженер, который прошел в течение двух лет через красную казарму, будет вдвойне ценным для нас инженером, потому что будет боевым коммунистом и закаленным работником.

У меня есть очень интересный доклад партийной комиссии 44-й дивизии, Киевской. Я получил этот доклад только вчера и с жадностью прочитал его, как и все документы, где есть цифры, факты, характеризующие внутреннюю жизнь армии и страны. Здесь содержатся жалобы на часть этой молодежи и подчеркнуто, что чистка коммунистических элементов в армии вместе с генеральной партийной чисткой не прекращена. Она теперь получает только более планомерный, более органический характер. Прочту дословно:

«Пришлось главным образом, исключать тех из молодых коммунистов рождения 1899—1901 г.г., которые во время мобилизации их в Красную Армию и прибытия в нашу дивизию, проявили все отрицательные качества шкурников и дезертиров... и далее»... «опыт, накопленный дивпарткомиссией за первую четверть года ее работы, говорит за то, что период чистки далеко еще не закончен. Теперь, даже в большей степени, чем во время чистки (особенно в армии), продолжается еще большая перегруппировка сил, при чем из авангарда прогоняются самые трусливые и ненадежные,

а к нему тянутся из резерва наиболее сознательные, революционные и преданные пролетарской революции элементы». Это правильно.

В связи с этим встает вопрос о том, как воспитывать в армии молодежь, рабочую и крестьянскую. И здесь я констатирую все большее и большее количество голосов с мест, которые требуют гораздо более конкретной постановки дела воспитания молодых не только коммунистических, но и красноармейских элементов вообще. Нет никакого сомнения в том, что в первый период мы во всех областях обучения, воспитания, педагогики военной и невоенной исходили из очень широкой, из слишком широкой и сейчас неосуществимой задачи, универсального всех охватывающего воспитания. Это нам, к сожалению, пока еще не по плечу. Если вы возьмете под этим углом зрения наш н у р, то программы его окажутся слишком универсальны по размерам и потому на практике сводятся к повторению общих мест, которые ни уму, ни сердцу рабочего и крестьянина, взятого из деревни и поставленного в ряды и шеренги армии, ничего не говорят. Надо в казарме исходить из того, что крестьянин стал солдатом. Зачем? Почему? Это — основной факт, это — новая эпоха в его жизни, и с этого надо начать, а не с того, чтобы стремиться 19 — 20-летнего крестьянина превратить в идеального коммуниста по отвлеченной идеальной программе, этого не выйдет; а надо саратовскому, пензенскому молодому парню, которого государство рабочее взяло из деревни и поставило в полк, и который, хочет прежде всего, понять, почему и зачем объяснить это конкретно, просто, политически, а не «педагогически». Совершенно правильно в интересной книжке, которую написал тов. Перепечко, комиссар 27 дивизии, говорится, что нам отнюдь не нужно увлекаться универсальной коммунистической педагогикой и пытаться сразу молодого красноармейца превратить в коммуниста, и Перепечко жалуется на то, что эта универсальность превращается сплошь и рядом в отвлеченную болтовню.

В то же время он поднимает другой вопрос: о роли **административного и воспитательного** воздействия на нашего молодого красноармейца.

В настоящее время мы переживаем, в полном смысле, новую эпоху в жизни нашей Красной Армии; раньше была эпоха боев, когда мы брали красноармейца прямо из деревни, вооружали его, иногда у входа в вагон, иногда вооружение ехало отдельно от него, и мы вооружали его по высадке; две-три недели, а то и неделю он проводил в запасной части, потом, поскольку его, неподготовленного, приходилось бросать в огонь, на него набрасывали железную сетку дисциплины, в виде комиссаров, трибунала, заградительных отрядов и прочее. Мы, правда, проводили агитационную кампанию, когда могли, но на-спех, под огнем, под давлением в 100 атмосфер. Сейчас мы живем в оседлых квартирах, и это обстоятельство делает возможным и предлагает другой подход к красноармейцу. Прав тов. Перепечко, когда указывает, что крестьянские предрассудки красноармейца можно чисто административными мерами загнать внутрь, но гораздо труднее при-

близить его на шаг к коммунизму путем воспитательной работы. Это трудно и в силу старых навыков, и особенно трудно это в силу бедности армии коммунистическими силами.

Если я один комиссар в полку, без необходимых помощников внизу, то я, будучи абсолютно лишен возможности знать всех своих солдат, вынужден издавать приказы суммарные, слишком общие, а это неизбежно влечет за собою бюрократизм. Ибо бюрократизм, это—не деловой, не конкретный подход, а формальный; не по существу, а по циркуляру, по бумажке. Комиссар имеет тем меньше возможности проявлять деловое внимание, чем меньше зрелых коммунистов находится в его части. А отсюда мы приходим к тому выводу, что без хорошего отделенного командира, который был бы одновременно командиром и воспитателем, мы красноармейца на новую, более высокую ступень его боевых и политических качеств не подвинем. В этом отношении, вся наша работа сейчас упирается в задачу создания хорошего советского красного отделенного командира, подкованного на обе ноги.

Какой процент среди отделенных будет партийных коммунистов, предрешать этого сейчас не будем. Но отделенный, даже и не партийный, должен олицетворять собой командира, который знает, как должно бороться его отделение и за что должно оно идти в бой. Тогда наше отделение будет сильно, а на отделении строится армия, это—ее основная клеточка. В старой армии это были унтер-офицеры. Мы от этого звания отказались потому, что для нас двух этажей в командном составе нет и быть не может; наш красный офицер должен начинаться с отделенного командира. С первого взгляда вам, товарищи, этот вопрос может показаться второстепенным, но я думаю, что своими словами я правильно выражу мнение всех присутствующих здесь военных работников, если скажу, что — это одна из важнейших задач нашей партии: воспитать подлинный кадр отдельных командиров, которые представят основу всего командного здания Красной Армии.

Если мы будем иметь отделенного командира, который политически воспитан в пределах своих задач и подготовлен в военном отношении, то он будет представлять собою законченного низшего руководителя. Этим самым воспитание крестьянской и рабочей молодежи в армии получит незаменимый рычаг. Уже не одинокий, стоящий над полком комиссар-коммунист, который имеет перед собой несколько тысяч человек и мало помощников внизу, а правильная система воспитания, которая упирается внизу в отделенного командира, знающего каждого своего красноармейца и умеющего к нему подойти. Это открывает путь к единоличию в армии. Сейчас и речи быть не может об упразднении полковых комиссаров, даже там, например, где командир полка—коммунист. Почему? Потому, что очень велика, как указывают, чисто воспитательная политическая работа. Правильно. Но когда мы создадим кадр вполне сознательных советских отделенных командиров и взводных, тогда эта двойственность организации быстро отомрет, и мы перейдем к полному единоличию снизу доверху.

Стремление учиться, сейчас очень большое. Это — вообще самый отрадный симптом в жизни нашей страны. Молодежь хочет учиться. Когда иные рабфаковцы упираются от мобилизации, это вовсе не всегда потому, что они не хотят идти в армию, а часто потому, что они уж зубами вьелись в науку, в научную работу. Я наблюдал это и на частных примерах, на примерах семейного характера; по всем данным молодежь крепко хочет сейчас учиться. Это — очень важный симптом. Если мы опять-таки вернемся к тому, сколько лишних сил мы истратили на борьбу, сколько во всех областях наделали ошибок, вследствие своей неподготовленности, то будет ясно, что это стремление учиться и есть реакция у молодежи на проделанный за последние годы опыт. Есть стремление, поднять ее вверх во что бы то ни стало. На этом можно строить все: и хозяйство, и армию. Армия сейчас находится в привиллегированном положении, она не действует, она именно учится, а в хозяйстве приходится перестраиваться на поле борьбы, на поле действия. Еще полгода назад это стремление учиться было не так заметно. В армии, наоборот, была еще жива некритическая идеализация прежнего периода и презрительное поплевывание по поводу буржуазной военной науки. Не так давно у меня была большая дискуссия в нашей военной академии с генштабистами, молодыми курсантами академии генштаба, при чем, когда я высказывал довольно азбучные, но очень важные истины: «ученье—свет, неученье—тьма», «семь раз отмерь, а один отрежь», недостаточно иметь широкий замысел, нужно иметь правильные методы его выполнения, вплоть до хорошо, ясно, отчетливо написанного приказа, где часы и пункты не переврапы, иметь связь в трудных условиях и проч., и проч., указывая на то, что главная наша задача учиться и учиться точности и добросовестности в мелочах, то там при сочувствии значительной части аудитории, выступил товарищ, который обвинял меня ни больше, ни меньше, как в том, что я, вообще говоря, оцениваю к о м п е т е н т н о с т ь выше н а д е ж н о с т и. В качестве, мол, коммунистов мы имеем важное качество: надежность, — качество командира, а компетентность — это качество второго ранга; Троцкий же ставит компетентность выше надежности. Эта постановка вопроса в высшей степени нелепая, тем более, что разговор велся в учебном заведении, которое и создано для того, чтобы эту компетентность воспитывать. Но такое настроение еще полгода назад встречало известное сочувствие даже в академии генерального штаба. Пойдите туда сегодня—там работают хорошо, не всегда, увы, хорошо ужинают, что очень затрудняет подчас работу, и мы стараемся создать условия, чтобы товарищи могли работать, ибо они должны стать цветом нашей армии... Повторяю: они работают. Ныне все меньше остается поплевывания на буржуазную науку или на буржуазную стратегию, — ибо мы, дескать, выдумали новую стратегию. Эти разговоры были еще недавно очень сильны. Они были некритической идеализацией нашего прошлого. Конечно, никто из нас в этом зале не собирается отказываться от нашей славной прошлой борьбы на фронтах гражданской войны, от заслуг Крас-

ной Армии, от героизма коммунистов, рабочих и крестьян, там проявленного. Но, товарищи, я считаю долгом сказать, что идеализация этого прошлого в целом, была бы величайшей ошибкой с нашей стороны. Мы были очень неуклюжи, невежественны в военном деле, расходовали огромное количество сил именно потому, что были неуклюжи, невежественны. Когда говорят, что мы создали новую пролетарскую стратегию, я отвечу: нет, это еще неправда. Пока мы новой стратегии не создали. То, что показали в боях, это—величайший энтузиазм, самоотвержение рабочего класса, который научил крестьянина создавать централизованную армию, ибо крестьянин сам дальше партизанства не шел, когда пытался проявлять самостоятельность; крестьянина или брали под седло дворяне и помещики, либо же им руководил передовой рабочий, как старший товарищ. Это мы показали, и это исторический факт огромного значения. Если мы, однако, посмотрим на всю историю наших боев на всех фронтах, то мы увидим великие порывы, подъемы героизма, но и величайшие отступления, отскоки на сотни верст, которые—о чем свидетельствуют?—о том, что в этом потоке, в этих порывах нет необходимых сдерживающих центров, нет достаточно твердых устойчивых кадров, нет необходимой военной культуры. Мы не собираемся отказываться от пролетарского самоотвержения, от драгоценнейших качеств, которые были проявлены в революции, особенно в гражданской войне, передовыми рабочими и крестьянами, но нам необходимо это дополнить развитием задерживающих центров, т.-е. лучшей ориентировкой, лучшей охраной, лучшей связью, умением, когда нужно и отступать, и наступать; нужно создать условия, когда армия при всякой обстановке собою располагает, владеет, ориентируется, действует, зная, почему это делается. Только квалификацией армии в целом, особенно, ее командного состава, начиная с низов, т.-е. созданием хорошего отделенного командира, мы сделаем действительный шаг вперед.

Я должен сказать, что идейная жизнь в армии, в области чисто военных вопросов, сейчас чрезвычайно развивается. Командиры становятся ближе к политике. Политические работники—ближе к военным вопросам. Это крайне ценно, и мы будем это всеми силами поддерживать и развивать.

Оживление интереса к военным вопросам вызвало уже некоторые теоретические разногласия. Объясняется это, с моей точки зрения, тем, что как только началась работа теоретического обобщения и подведения итогов, как немедленно же некритическая идеализация нашего прошлого тоже всплыла наверх и попыталась найти себе теоретическое выражение. Я здесь сейчас этого вопроса подробно касаться не буду. Кто этим интересуется ближе, тот благоволит ознакомиться с нашей литературой или пожаловать на завтрашнее совещание военных работников[25], где мы будем обсуждать и, может быть, спорить в ведомственном кругу, но куда, разумеется, всякий делегат имеет свободный доступ. Скажу здесь вкратце лишь, что дело шло о так называемой «единой военной доктрине», которая должна явиться обобщением новой революционной стратегии и тактики. К этой

единой военной доктрине присоединилась военно-производственная пропаганда. Заметьте, пожалуйста: военно-производственная. Долго я чесал затылок и лоб, что означает военно-производственная пропаганда. Но по расследовании оказалось, что термин этот почти уже установленный и должен означать военную пропаганду, пропаганду военных знаний. Это стремление к сногсшибательной терминологии наблюдается особенно у тех товарищей, которые некритически идеализируют прошлое, находят в нем то, что в нем не было, не замечая подчас того, что в нем было, и прикрывают пробелы своих взглядов пышной терминологией. Они немножко напоминают мне давно знакомого нам семинариста, который хватил науки, и по этому поводу грабли называл не иначе, как по латыни: «граблюс». Но задача не в этом, а в том, чтобы и мудреные вещи перевести на простой язык и спустить их вниз к отделенному командиру, а через него—в красноармейскую массу.

Я боюсь, что украинские командиры на своем последнем совещании (очень жалею, что захворавший тов. Фрунзе здесь не присутствует—у него повышенная температура)—я боюсь, повторяю, что некоторые украинские товарищи в своих резолюциях тоже слишком сильно равнялись по военной доктрине, идеализирующей прошлое, и сделали слишком много уступок этому самому товарищу Граблюсу. Но об этом мы подробнее поговорим завтра. Я надеюсь показать, что глашатаи новой единой военной доктрины повинны не только в том, что дают неправильную формулировку общих задач стратегии и тактики, но, главным образом, в том, что отвлекают свое собственное и чужое внимание от важнейших, хотя и грубых, эмпирических, практических, частичных задач, из которых слагается действительная культура Красной Армии.

В этом сейчас вся суть дела во всех областях. Армию сейчас, в нынешний ее период, мы поднимем не повторением той мысли, что пролетарская стратегия выше буржуазной, а тем, что добьемся элементарнейшего военно-культурного воспитания солдат. Давайте, добьемся, чтобы у солдат не было вшей. Это—огромная важнейшая задача воспитания, ибо тут нужно настойчивостью, неутомимостью, твердостью, примером, повторением освободить массы людей от неопрятности, в которой они выросли и которая в них въелась. А ведь солдат с вошью—не солдат, а пол-солдата. Его внимание раздвоено, его воля ослаблена; не сознавая того, он чувствует себя связанным. А неграмотность? Это — духовная вшивость. Мы должны ее ликвидировать наверно к 1-му мая, а затем продолжать эту работу с неослабным напряжением. И поверьте, товарищи, что в тот день, когда наша армия будет освобождена от физической и духовной вшивости, когда все красноармейцы будут опрятны и грамотны, наша армия сразу поднимется на две головы, независимо от изобретения новых и новейших доктрин, военно-производственных пропаганд и прочих граблюсов.

Вот, товарищи, в сущности, все, что я могу вам сейчас сказать. Резюмируя, я свожу все к четырем пунктам, связанным внутренним един-

ством. Во-первых, нам необходима твердая численность армии; пускай новый Центральный Комитет, который вы изберете, поможет Советской власти, в связи со всей обстановкой, как она сложится в течение ближайшей весны, установить твердую численность армии, дабы мы могли сказать военным работникам: в этих твердых рамках стройте, организуйте, обучайте, улучшайте.

Во-вторых, нам нужен твердый бюджет—пусть скудный, урезанный, но твердый. Чего не хватит, добавят наши шефы; шефство себя оправдало целиком. Предупреждаю вас: мы ведем списки всем исполкомам, губернским, уездным, все записываем, ничего не упускаем и знаем, какие шефы посильнее, какие—послабее. Я пока наших секретов не выдам, чтобы дать возможность отсталым подтянуться и подравняться по передовым. (Голос: «А кто передовые?»).

Пальму первенства надо отдать, конечно, Москве. Я больше сейчас не назову, чтобы не вызывать соревнования тут же на месте (Голос: «Это полезно»). Это полезно, но я боюсь на память сделать недостаточно обоснованные суждения и оценки отдельных губерний или уездов. А это уж будет вредно. Но в свое время мы отчет на этот счет представим,— не извольте сомневаться... Итак, твердая численность и твердый бюджет. Далее уменьшение излишних нарядов, налагаемых на армию. Это даст полную возможность напряженной и добросовестной учебы. Наконец, помогите нам воспитать отделенного командира. Если бы от меня потребовали сейчас одной фразой выразить, какой курс ведет военное ведомство,—я бы сказал, что мы держим сейчас курс не на единую военную доктрину, не на пролетарскую стратегию, не на гениальных полководцев с великими планами в голове. Нет, мы держим курс на хорошего, прочного, дельного в военном и в политическом смысле воспитанного и обученного отделенного командира.

Стенографический отчет XI Съезда Р. К. П. (б.).

Речь

на Всероссийском Совещании военных моряков 1 апреля 1922 г.

Я очень рад, товарищи, что мне удалось посетить ваше совещание.

На IX Съезде Советов мне пришлось высказаться о флоте в том смысле, что его судьба очень трагична. Это несомненно так. Наш флот вошел в историю, как первородный сын революции, как первоклассная боевая революционная сила. Этот первоклассный сын революции стал потом пасынком революции, а впоследствии в некоторой своей части даже ее врагом.

Слишком много флот отдал революции лучших элементов во всех областях: моряки оплодотворили советскую ниву. Но сложный и тонкий организм—организм механический и организм в смысле человека—флот требует непрерывности работы; перерыва в существовании он не допускает, как всякое сложное и высокой квалификации искусство. Между тем революция и ее мировая обстановка лишили флот важнейших условий его существования и развития. Это вы знаете все. Личный состав, конечно, она сильно растрясла, разбросала. Были моменты, когда флот давал перевес временным элементам, почти что контр-революционным. И вот когда, сначала первородный сын революции, он стал затем отчасти ее пасынком, отчасти даже противником.

Для того, чтобы можно было поставить вопрос о возрождении флота, нужно было обеспечить хотя бы в самых скромных размерах возможность хозяйственного развития флота. Ведь флот—это человеческая сила, это высокая техника, а высокая техника—это промышленность... Только теперь, после того, как мы обеспечили наши сухопутные границы и отучили наших врагов нас тревожить,—отучили ли навсегда, этого никто не может сказать,—когда мы обеспечили себе относительно мирное существование, только теперь мы можем поставить перед собой вопрос хозяйственного возрождения страны, а в связи с этим—и вопрос о возрождении флота.

Материальные условия хозяйства страны говорят нам, что техническое возрождение флота будет очень длительным процессом. Мы начали с его живого двигателя—с человека, с военного моряка.

Как быстро пойдет развитие флота?

На этот счет мы не делаем себе, товарищи, никаких иллюзий, никаких ложных представлений. Флот будет развиваться у нас медленно, по самому существу дела, ибо это высокое, сложное орудие борьбы, требую-

щее высокой, сложной человеческой организации. Квалификация дается медленно. Это налагает на нас обязательства сделать отборными, первоклассными те человеческие силы, которые мы привлекаем во флот, и поставить их в такие условия, чтобы каждый рядовой военный моряк в перспективе имел задачу сделаться красным офицером нашего красного флота: чтобы, в случае перемены международной обстановки, наш флот мог получить очень крупное место, играть очень крупную роль, чтобы наши новые революционные кадры с коммунистическим ядром могли быстро обрасти военно-морским личным составом—хотя бы из старых годов, которые ныне демобилизованы. Небольшому количеству военных моряков, которое сейчас имеется во флоте, мы должны придать—или стремиться придать—кадровый характер, разумную правильную постановку военно-морского образования, обучения, воспитания...

Я сказал, что, при известных условиях, наш флот несомненно и неизбежно получит определенное международное значение.

Разумеется, первая основная его задача сейчас—чисто оборонительная. На этот счет нельзя заблуждаться. У нас есть морская опасность: необходимо наши берега оборонять,—и наш флот должен явиться инструментом, который входит в состав всей системы обороны Советских Республик.

Одновременно мы должны иметь в виду, что наш флот может получить большую широкую роль при перемене международных условий... При этом приходится отметить, что в нашем флоте—в этом слабеньком, пока очень слабеньком организме—есть нечто, что представляет собою наш плюс, наше преимущество, по сравнению хотя бы с английским флотом: а именно—мы оставили глубочайший кризис флота позади, а у них весь кризис еще впереди. У них организм мощный, но зато и кризис будет у них очень «мощный»—этот кризис надолго парализует силы английского флота.

Английская революция будет в огромной степени зависеть от поведения английского флота; последнее предопределит и судьбу английских колоний. Как пойдет процесс распада английского флота, его внутренняя борьба, восстания, может быть, одной части против другой,—этого мы не знаем и не можем знать, но мы знаем, что он неизбежен и что к этому критическому и острому периоду мы должны иметь хотя бы очень небольшой, но крепко спаянный и абсолютно сознательный Красный Флот.

Я не могу сейчас ни в каком случае обещать вам ни от имени ЦК нашей партии, ни от имени Советского Правительства создание таких условий, которые быстро повели бы наш флот вверх—мы пока слишком бедны, слишком упали в хозяйственном смысле; я знаю, что в вашей жизни будут еще в высшей степени трудные моменты, когда нельзя повернуть локтем ни направо, ни налево, потому что всюду упираешься в нужду, когда иной раз человек, что называется, духом готов упасть...

Такие моменты бывали у вас и, может быть, еще и будут, но в такие моменты, когда приходится очень круто, надо охватить историче-

ский процесс несколько шире: и тогда каждый из нас должен убедиться, что, закладывая теперь только первые кирпичики здания революционного флота, мы имеем безусловно надежный фундамент. Там, в английском флоте—огромное готическое здание, но его колонны и фундамент начинают давать трещины. И все здание рано или поздно начнет обваливаться по частям или отдельными колоннами, или сразу обрушится... Так именно к этому моменту нам очень важно заложить хотя бы первый основной камень, т.-е. создать человеческий кадр нашего Красного Морского Флота.

Во имя нашей общей совместной с вами работы, я братски приветствую вас, коммунисты, строители Красного Флота, и вместе с вами восклицаю:

— «Да здравствует Красный Флот!»

Из архива.

„Ты“ и „вы“ в Красной Армии.

В воскресном номере «Известий» помещена статья о красноармейцах Щекочихине и Чернышеве, которые показали себя героями во время коломенского взрыва и пожара. В этой статье рассказывается о том, как начальник гарнизона подошел к красноармейцу Щекочихину и спросил:

— Ты меня знаешь?

— Да, вы начальник гарнизона.

Я думаю, что разговор здесь передан не точно. Иначе пришлось бы сделать вывод, что начальник гарнизона разговаривает с красноармейцами в неправильном тоне. Конечно, воины Красной Армии могут говорить друг другу ты, как товарищи, но именно как товарищи, и только как товарищи. В Красной Армии не может быть обращения на ты со стороны начальника к подчиненному, если подчиненный отвечает на вы. Иначе получилось бы неравенство личное, а не служебное.

Конечно, «ты» и «вы»—дело условное. Но в этой условности выражаются определенные человеческие отношения. В одном случае слово ты выражает товарищескую близость, но когда?—когда оно основано на взаимности. В другом случае оно выражает пренебрежение, неуважение, взгляд сверху вниз, барский оттенок в отношениях. Такой тон в Красной Армии совершенно нетерпим.

Иному покажется, что это мелочь. Неверно! Красноармеец должен уважать и других, и себя. Уважение к человеческому достоинству есть важнейшая нравственная спайка Красной Армии. Красноармеец подчиняется в порядке службы выше стоящим. Веления дисциплины непреклонны. Но в то же время он чувствует и сознает себя сознательным гражданином, призванным к выполнению самых ответственных обязанностей. Воинское подчинение дополняется гражданским и нравственным равенством, которое не терпит нанесения ущерба личному достоинству.

18 июля 1922 г.
«Известия ВЦИК», № 159.

Из речи на съезде текстильщиков

10 октября 1922 г.

Мы отнюдь еще не можем сказать, что самые важные опасности, не говоря уже о том, что самые главные экономические трудности, оставлены позади.

В течение этих 5 лет мы много предвидели, много испытали, много ошибались, но многому и научились. Мы ничего не утратили из своих революционных задач, из их величия, мы не утратили одной крупинки нашей революционной убежденности и готовности бороться, но мы стали более зрелыми, мы глубже оцениваем обстановку и мы надеемся меньше ошибаться в ближайшие 5 лет. А мы проживем еще и еще 5 лет, а за ними еще 5 лет а там и конца не видать... А если, товарищи, мы эти 5 лет, которые истекают 7 ноября, прожили—стало быть победа наша; она нам на роду написана.

Конечно, мы ошибались за этот период, главным образом, на поле элементарной военной самообороны. Мы попытались подвести этому итог в Генуе, когда предложили: давайте разоружаться.

Как вы знаете, в Генуе ответили отказом даже от постановки этого предложения в порядке дня те самые правительства, которые обвиняли нас непрерывно в милитаризме. Это—Советскую Республику обвиняли в милитаризме!..

Мы сделали из этого вывод: мы армию сохранили—у нас 800.000 человек. Это большая цифра для такой голодной и холодной страны, разоренной страны, которая только что начинает оправляться—800.000 человек под ружьем. И мы не можем от этого отказаться, поскольку у нас оказалась нехватка в людях за демобилизацией всех старших возрастов.

Мы на Украине и в Крыму произвели и производим как раз теперь допризыв 1901 года. Там в свое время мобилизация этого года не была произведена.

И что же? Вот я был в Крыму и проезжал через Украину, и все свидетельства, факты, документы говорят о том, что молодежь допризывного 1901 года является поголовно, уклоняющихся нет. Настроение превосходное. О насилиях, репрессиях—нет и речи. Мы помним, как проходила первая мобилизация, и что означает тот факт, что допризывные рабочие и крестьяне 1901 года являются на Украине и в Крыму, которые значительно позже Москвы, Питера и центра вступили в Октябрьскую Революцию, являются охотно, с полной готовностью. Это означает, во-первых, огромное повышение политического уровня народов, населяющих нашу

федерацию. Вся наша политика развертывается перед нами, как огромный предметный урок. Они учатся вместе со своей властью, учатся и научаются. Они знают, что такое наша политика, что такое и для чего наша армия. Во-вторых, этот факт добровольной и прямо-таки радостной явки молодежи свидетельствует о том, что отношение между рабочим классом и крестьянскими массами улучшается даже на тех окраинах, где советский порядок более отстал, чем у нас в центре, а и в центре он еще далеко не совершенен.

«Правда»,
12 октября 1922 года, № 230.

Речь

на 5-м Всероссийском Съезде Р. К. С. М. [26]

16 октября 1922 г.

Товарищи, день 16 октября 1922 г. — праздник усыновления Рабоче-Крестьянского Красного Флота рабоче-крестьянским Союзом молодежи. Это событие, по существу своему как бы формального значения, на самом деле имеет глубокий политический и общественный смысл и войдет значительной датой в книгу нашей революции. Здесь, на этой сцене, скоторая давно перестала быть только театральной сценой, которая стала ареной крупнейших исторических событий, [27] сегодня разыгрывается крупное событие — приобщение нашего Союза к нашему общему строительству, притом в самой его острой и ответственной форме — к военному строительству.

Этот большой праздник явится—в этом сомневаться нельзя, и я с этого начну — явится, вероятно, исходным моментом новой кампании бешеной клеветы против Советской России буржуазной печати всего мира.

Мы с вами давно «империалисты», которые организуют вооруженную силу для порабощения наших соседей, для закабаления Европы, всего мира. И вот, Коммунистический Союз Молодежи, перед которым стоят прежде всего культурно-воспитательные задачи, собирается в этом Большом театре— для чего? Для того, чтобы вручить свое знамя усыновленному им Рабоче-Крестьянскому Красному Флоту. Не есть ли это самое яркое и неопровержимое свидетельство и подтверждение всему тому, что говорилось о наших милитаристских замыслах и об империалистском духе нашей революции. И я повторяю, что завтра или послезавтра в подлинно-империалистских, в подлинно-хищнических изданиях всего мира будет этот праздник истолкован, как праздник военных замыслов и империалистического честолюбия.

Есть французская пословица—«чем чорт становится старше, тем делается более благочестивым». Ее надо применить к капитализму, который становится тем более лицемерен, тем более подл в своей лжи, изощренной, распоряжающейся необъятными ресурсами печати и устного слова, чем становится старше, чем больше приближается к могиле. Каждая газета, отражающая душу мировой буржуазии (а у мировой буржуазии есть богатая пресса), представляет собой в каждом номере целую академию лицемерия и лжи. На каждую кровавую руку, которая на службе у буржуазии готовится нанести остро отточенный нож в грудь или спину рабочего

класса, есть сто рук, вооруженных пером и сто языков для того, чтобы ругать, обманывать, травить и клеветать. И вот нас называют милитаристами, нас, которые в октябре 1917 года пришли к победе под знаменем мира и братства всех народов.

Первое сообщение победоносного Октябрьского правительства к правительствам всего мира призывало к прекращению войны и выработке мира, который означал бы братское сотрудничество всех народов. И если мы станем терпеливо перелистывать страницу за страницей книгу наших пятилетних судеб, то мы на каждой странице увидим следы наших напряженных усилий добиться, хотя бы ценой величайших уступок, мира и трудового соглашения со всеми остальными странами. И не только перед бронированными воротами больших империалистских держав, Англии, Франции, а раньше (после октября) Германии и позже Соединенных Штатов, стояли наши дипломаты и настойчиво стучались, предлагая и требуя мира, но даже маленькой Эстонии и Латвии или позже Польши и Румынии наша дипломатия в течение недель, месяцев и лет повторяла настойчиво: «Мы предлагаем мир».

Мы давали премию за мир, и премию в звонком чистом золоте, которого у нас не так-то много было и еще меньше осталось. Я выделяю Эстонию, которая заключила с нами мир, нужный ей не меньше, чем нам [28]. Но вот, например, история наших отношений с Польшей: все наши ноты, обращения, заявления с начала до конца были проникнуты глубоким и искренним стремлением без кровопролития достигнуть мира и приняться залечивать раны нашего истощенного, обескровленного, общественного организма.

Мы империалисты, милитаристы потому, что в первый день пришествия Октябрьской власти мы заявили, что мы отвергаем и отметаем все старые договоры царизма, построенные на хищничестве и насилии, и предлагаем всем народам мир. Мы империалисты и милитаристы потому, что мы предложили братскую руку помощи угнетенным и подавленным народам Востока, потому, что мы растерзали по доброй воле старые договоры с Персией, которые налагали на нее тяжелые вериги. Мы протянули братскую руку угнетенному и разделенному на части Китаю. Мы поддерживали угнетенную и подавленную Турцию в тот период, когда казалось, что не осталось уже и маленького огонька в ее очаге. Мы империалисты и милитаристы потому, что поддерживали слабых и предлагали мир всем народам земного шара. И в этой долгой цепи наших усилий и нашей борьбы мы закалились сами. Если у нас накануне Октября не было уже никаких иллюзий относительно характера буржуазии, ее методов, ее духа, то, может быть, все-таки у кое-кого из нас была мысль, что есть предел, перед которым останавливается даже и буржуазный цинизм. Но таких пределов нет. Это предел силы, предел насилия. Натиск буржуазии останавливается там, где израсходованы ее силы, и тогда на помощь нехватающим силам приходит ее изощренное лицемерие.

Мы строили нашу Рабоче-Крестьянскую Армию под тяжкими ударами. Перейти к строительству флота нам труднее, потому что для флота нужна более высокая техника и более высокий уровень самой государственной организации. Нужно, чтобы ткань советского общества и советского государства стала плотнее, правильнее, лучше, тоньше для того, чтобы мы могли приступить к восстановлению Рабоче-Крестьянского Флота, представляющего сложный и тонкий организм. Мы пришли к этой необходимости под ударами судьбы, под ударами наших врагов.

Я мог бы назвать много и много эпизодов, когда наш флот, который сослужил службу неизмеримого значения во внутренней гражданской войне, нам был нужен для охраны наших границ от внешних покушений. Но из целой цепи фактов я приведу воспоминание об июльских и августовских днях 1920 года. К одесским водам подошли тогда французские военные суда, сопровождавшие транспортные суда, и французское командование, потребовав лоцмана, испросило разрешения войти в воды Одессы. Разрешение они получили. На транспортных судах находились русские солдаты, которые посланы были царем на помощь французскому капиталу против капитала германского и которые затем, после победы Октябрьской революции, были превращены Францией и французской буржуазией в военнопленных. После проверки их рядов оказалось, что на кораблях имеется 19 военных самолетов. Эти военные самолеты были привезены для кого? Разумеется, не для нас с вами. Они предназначались для Врангеля в Крыму. Но военно-морские власти Франции так мало церемонились с нами, что сочли возможным, с целью экономии горючего материала, выполнить два поручения сразу: завести в Одессу бывших царских солдат, от которых они торопились в это время уже избавиться, и затем попутно доставить Врангелю 19 самолетов, с которых врангелевцы должны были убивать русских рабочих и крестьян. По законам войны, а мы находились в войне, самолеты являются первостепенной военной контрабандой и, разумеется, одесские военные власти эту контрабанду немедленно арестовали. Начались сложные и тяжкие переговоры. Мы—члены Реввоенсовета с главнокомандующим и командующим морскими силами—сидели у одного конца прямого провода здесь, в Москве, и у другого конца провода в Одессе сидели тамошние военно-морские власти и передавали нам каждое предложение и каждое требование французских властей. Первое их заявление было следующее: «Эти самолеты предназначаются для французских войск». «Почему же они попали в Одессу?» «Потому что они предназначаются для французских войск, которые находятся в Константинополе». «Почему же вы их не разгрузили в Константинополе, мимо которого вы проходили»? «Потому что мы, французские военные власти, торопились доставить как можно скорее ваших несчастных братьев военнопленных, бывших французских солдат, к вам в Одессу». Если буржуазия и буржуазная военщина проедена лицемерием везде, то во Франции десятикратно и стократно. В истории не было и нет более высокой отделки лицемерия, чем во Франции.

Оказалось, что эти самолеты попали в Одессу по избытку гуманности французского милитаризма, который помогал Врангелю терзать и истощать нашу и без того окровавленную страну.

Но и пятимесячные одесские младенцы не поверили бы объяснениям французского адмирала, да и он не надеялся на это и не просил доверия. Самолеты оставались конфискованными. Тогда французское командование предлагает для того, чтобы самолеты никому не достались для военных целей, вывезти их и уничтожить в присутствии французских офицеров и нашего командного состава. У нас происходит совещание в Реввоенсовете Республики. Мы имеем полное право на конфискацию, на овладение этой военной контрабандой, но мы идем на попытку соглашения. По прямому проводу мы передаем в Одессу: «Мы согласны». Но там эта оттяжка нужна была только для того, чтобы подтянуть из Константинополя три более крупных французских военных корабля. Когда эти корабли подошли к водам беззащитной Одессы, адмирал заявил: «Если вы не выдадите до такого-то часа самолеты, мы подвергнем Одессу безостановочной бомбардировке».

Вот, товарищи, положение, в котором мы находились в начале августа 1920 года. Я очень твердо помню эти часы. Мы колебались. Не скрою от вас, мы колебались—итти ли до конца, подвергнуть ли Одессу опасности бомбардировки, ибо была все же мысль: «Они не посмеют». Но, в конце-концов, мы сказали себе: «Они посмеют все, они сделают все, на что их уполномочат их дальнобойные морские орудия». И мы уступили. Со скрежетом зубовным, со сжатыми кулаками мы уступили и дали приказ по прямому проводу выдать самолеты; разумеется, сейчас же из Одессы эти самолеты пошли в Крым к Врангелю и с них убивали наших красноармейцев. Мы тогда сказали себе: «Если бы у нас в водах Одессы был маленький флот, одна или две подводные лодки и на них кучка молодых моряков, готовых бороться и умереть, французское правительство, французские военные власти не решились бы на этот эксперимент».

Товарищи, флот нам нужен, разумеется, не для больших международных планов. Мы никого не станем обманывать и, прежде всего, самих себя. Мы слабы, мы истощены, мы хотим мира и хозяйственной работы и в то же самое время мы хотим, чтобы дверь наша была на затворе. Мы хотим, чтобы наши прибрежные города не подвергались опасности быть в любой момент стертыми с лица земли по произволу того или иного буржуазного адмирала. Нам нужно небольшое ядро морских вооруженных сил, которое входило бы в общую систему обороны Советской Республики. И вот это небольшое ядро мы теперь воссоздаем почти из развалин, почти из праха.

Здесь нам на помощь приходит Российский Коммунистический Союз Молодежи. Он выдвигает из своей среды первые кадры новых молодых моряков, которые должны будут на своих плечах вынести судьбы нашего революционного флота. И если бы нам нужно было еще кому-нибудь доказывать, что во всем мире существует только одна демократия—в нашей

России, то я сказал бы: «Вот посмотрите на этот наш праздник, он является праздником чего? Праздником сотворения вооруженной силы государства при активном сознательном, ответственном участии подлинной демократии — рабочих и крестьян, работниц крестьянок, молодежи, почти подростков. Они сразу из фабрик, из мастерских, из чернозема вростают в подлинную советскую демократию». Если бы я хотел проводить сравнение, то я бы сказал: «Взгляните на Германию. Теперь там республика: парламент, всеобщее избирательное право, выражение доверия или недоверия министерствам, и архи-лживая пресса. А когда понадобилось решать жизненный вопрос, в подлинном смысле слова,—вопрос жизни и смерти для германского народа, — о так называемых репарациях, об уплате бешеной контрибуции французской буржуазии,—кто решал этот вопрос, кто обсуждал: парламент, демократия, или, может быть, германский союз рабоче-крестьянской молодежи? Нет—Стиннес. Стиннес—некоронованный банковский король Германии, у которого девять десятых Германии в прямой или косвенной зависимости, который установил свою диктатуру над германской бумажной маркой. Стиннес отправился на свидание с представителем французских буржуазных кругов, Люберзаком. И там, в одной из курортных пещер, разумеется, первоклассной пещере, втихомолку, при закрытых дверях и опущенных шторах, Стиннес решил судьбу германского народа. «Так я хочу, и так будет!»—сказал этот подлинный повелитель, подлинный диктатор, милостью биржи,—попирая ногами, покрывая плевками то, что лицемеры, тупицы и подлецы называют буржуазной демократией.

И пусть они говорят и пишут о нашем «империализме» и о нашем «милитаризме». Милитаризм, который строился добровольным сознательным участием рабоче-крестьянской молодежи, не есть милитаризм, а есть орудие освобождения трудящихся масс.

И это орудие мы с вами здесь создаем. То, что вы, Союз Рабоче-Крестьянской Молодежи, являетесь с сегодняшнего дня шефом нашего Красного Флота, это, разумеется, не является признаком того, что из ваших рук, как из рога изобилия, посыплются на наш Красный Флот всякие материальные блага. Нет, у вас нет рога изобилия, но зато у вас есть трубный рог пролетарской революции, которым вы возвещаете сегодня вашу волю: отдать свои силы одновременно и делу хозяйственно-культурного возрождения страны, и делу ее вооруженной обороны.

Тот факт, что вы являетесь шефом Красного Флота, проводит сегодня черту под целой полосой прошлого и открывает новую главу. Мы получили наш флот, как наследство от старого режима. В нем произошла глубочайшая революция, рядовые моряки заняли одно из самых ответственных мест нашей революции, но тем не менее во флоте от старой эпохи осталась известная замкнутость и обособленность. Во всем мире флот в лице своих правящих слоев, своего офицерства, является наиболее замкнутой военной кастой, наиболее привилегированной, высокомерной исполненной предрассудков корпоративного духа. Это было и у нас, и дух,

замкнутости, известный дух сперва воинского, и потом своеобразного военно-революционного высокомерия, отличал известные элементы нашего флота и в по-октябрьскую эпоху. Если мы вспомним черную дату Кронштадта, восстание в Кронштадте, то нет сомнения, что одной из причин того, что недовольство выразилось в такой острой форме именно там, являлся дух корпоративной, цеховой замкнутости старого «сословия военморов». Тот факт, что вы, Союз Рабоче-Крестьянской Молодежи, становитесь шефом нашего флота, знаменует собою прежде всего подлинный конец духу касты, духу изолированности, замкнутости, группового высокомерия, поскольку этот дух еще остался в кой-каких уголках и закоулках нашего флота, как наследие прошлого.

Вы—связь, вы—живой мост между флотом и между трудящимися массами города и деревни. Вы напоминаете самым фактом вашего шефства флоту каждый день и каждый час, что он только вооруженный орган трудящихся масс города и деревни. Вы перед флотом стоите, как постоянное напоминание о пролетариате, революции и коммунизме.

Но и флот кое о чем напоминает вам, флот—это сложный в техническом и организационном смысле организм. Строительство флота возможно только на основе постоянно повышающейся техники, высокого уровня знаний и высокой общественной и государственной организации. И флот своими потребностями и нуждами напоминает вам — о знании и технике. Вот почему я искренно надеюсь, что ваша отныне неразрывная связь с рабоче-крестьянским Красным Флотом будет одинаково благотворна для обеих сторон: и для усыновляемого, и для усыновляющего.

«Рабочий класс, революция и коммунизм» — напоминаете вы флоту, «наука и техника» — откликается флот вам. И под этим знаменем мы победим—под знаменем: «Рабочий класс, коммунизм, наука и техника».

Бюллетени 5-го Всерос. Съезда Р. К. С. М.

Перспективы и задачи военного строительства.[29]

I.

Армия и хозяйство.

Область военного строительства всегда была областью плановой работы: здесь и буржуазные государства не допускали ни «конкуренции», ни частной инициативы,—во всяком случае, «частная инициатива» рабочих, направленная на то, чтобы вооружаться для защиты своих классовых интересов, всегда беспощадно подавлялась и подавляется буржуазным государством. Армии везде имеют строго централизованный характер. Численность армий всегда определяется наперед не только в целом, но и по родам оружия. Вся внутренняя структура армии прорабатывается в порядке законопроекта, то-есть предварительного организационного и хозяйственного чертежа. Все виды вооружения нормализованы и закреплены в законодательном порядке. Это нисколько не мешает, как известно, инициативе и творчеству изобретателей, которые как раз в военном деле, особенно во время войны, работают с наибольшим напряжением. Централистическая, плановая, насквозь умышленная, насквозь продуманная, рационализированная, нормализованная организация самой же буржуазной армии всегда была величайшей силы аргументом против буржуазной философии об единоспасающей силе частного почина, рыночного соревнования и проч.

Второй особенностью армии искони была «тейлоризация» движений, приемов, отношений, то-есть тщательная детальная проработка всех частных элементов действия с целью получения наивысшего эффекта. Бессмысленная шагистика нисколько не противоречит этому: во-первых, потому, что она была, в своем роде, тейлористским методом психического оболванивания; во-вторых, потому, что всякий метод и прием при известных условиях доводятся до абсурда и превращаются в свое отрицание.

Только одна еще область государственной деятельности приближается к военному делу, по своему централизованно-плановому характеру: это железнодорожное хозяйство. И там не допускается «конкуренция» двух поездов на одних и тех же рельсах, ни даже (за редчайшим исключением) конкуренция двух параллельно проложенных линий. Однако, в железнодорожном деле все еще имеет широкое применение частная «инициатива», т.-е. частная собственность, хотя и введенная в пределы общегосударственного плана. Настоящее плановое железнодорожное хозяйство мыслимо только на основах социалистического государства.

В чисто промышленной области плановое начало ограничивается в капиталистических странах пределами отдельного предприятия или связанной воедино группы предприятий (трест, синдикат), но уже отношения треста к тресту определяются законами рыночной борьбы. Плановая регламентация более широкого масштаба и принудительного характера применялась в промышленной и торговой области только во время войны, когда требовалось соподчинение всего хозяйства потребностям колоссальной действующей армии.

Положение советского государства в отношении хозяйства глубоко отлично. Рабочий класс получил в свои руки не только все железные дороги, но и все важнейшие средства промышленности. Отсюда плановое начало в области промышленности и торговли имеет у нас даже и теперь, при нэп'е, несравненно более широкое, всеобъемлющее применение, чем в капиталистических странах. Новая экономическая политика допускает конкуренцию между государственными предприятиями на основе рыночных отношений, но не как спасительный общий закон, а лишь в тех пределах, в каких государство еще неспособно путем планового предвидения и согласования разрешить соответственную задачу регулировки. Расширение рынка означает у нас не то, что плановое начало должно сокращаться, а лишь то, что плановое начало, исходящее от рабочего государства, должно оперировать с возрастающей массой материальных благ и ценностей. Широкий исторический успех нашего строительства будет измеряться тем, что плановое начало—чем дальше, тем больше—будет развиваться за счет рыночного. Упрочивающееся государственное регулирование должно, в конце концов,—не завтра, не послезавтра еще, а через долгий ряд лет—привести к централизованному управлению хозяйством, как единым целым. Разумеется, и при развернутом социализме обширные сферы хозяйства будут предоставлены инициативе мест. Но самое это разделение компетенций будет не продуктом традиции, а составным элементом продуманного и рассчитанного плана.

Выше уже сказано, что армия буржуазного государства имеет в себе все те черты, которые буржуазное мышление ставит в вину социалистической системе хозяйства: в армии все предопределено законами, положениями, уставами, штатами и табелями, вплоть до числа пуговиц на солдатском белье. Как же обстоит дело с плановым началом в Красной Армии? Здесь Советская республика чрезвычайно отстала от буржуазных государств. И не мудрено: мы начали строить армию почти что из ничего, если не считать доставшейся нам от старого режима материальной части и рассеянных в населении военных навыков. Первоначальный рост нашей армии был полной противоположностью плановому началу. На фронтах импровизировались заново целые дивизии, исполкомы строили по собственному усмотрению отряды, полки, маршевые роты, эскадроны и проч. Аппараты управления и снабжения слагались «по мере надобности» и в структуре своей обнаруживали все виды организационной фантазии, не дисциплинированной не только тейлоризмом, но и более

элементарными данными опыта. Все с начала до конца было делом коллективной импровизации. Если бы у рабочего класса не хватило на эту импровизацию инициативы и энергии, революция погибла бы. Но это вовсе не значит, что импровизация остается навсегда или надолго единственным или даже основным методом победоносной революции. Наоборот, **социалистическая революция погибла бы, если бы попыталась канонизировать импровизацию, как метод строительства.**

В декабре 1920 г. открылась эпоха широкой демобилизации и сокращения численности армии, сжатия и перестройки всего ее аппарата. Этот период длился с января 1921 г. до января 1923 г. Армия и флот сократились за это время с 5.300.000 до 610.000 душ. Сокращение совершалось отдельными довольно случайными этапами под действием толчков, исходивших, главным образом, из нашего хозяйственного положения. Можно сказать, что армия сокращалась в порядке таких же импровизаций, как и строилась. Конечно, до известной степени это было неизбежно. Невозможно было сразу предопределить минимальные размеры необходимой нам армии и календарную программу ее сокращения, так как вся обстановка—и внутренняя, и международная — продолжала определяться, и притом в своих наиболее для нас важных очертаниях, как раз в течение нашей работы по сокращению армии. Тем не менее, нельзя не отметить, что в этой области были совершены явные ошибки. Предвидения иногда не оказывалось и в тех случаях, где оно могло быть. По существу, случайные сокращения усугубляли неустойчивость демобилизуемой армии и, хотя и проводились во имя экономии, порождали в результате, наоборот, излишние материальные расходы. К марту месяцу 1923 г. армия, вместе с флотом, вошла в установленные для нее пределы. За это время проделана была большая работа по организационному и материальному упорядочению армии, то-есть прежде всего, по установлению необходимого соответствия между человеческим составом, техникой и аппаратом управления. Но уже предшествующая история Красной Армии — как ее роста, так и ее сокращения — дает право и непосвященному сделать тот вывод, что в структуре армии должно еще иметься немало пережитков, т.-е. критически непродуманного и непроработанного наследия эпохи импровизации, работы на-спех и на-глаз. Не только в области техники, но и в области систематизации нашего собственного опыта или упорядочения организационных форм армии мы чрезвычайно отстали от капиталистических государств. Их работа в этой области имеет гораздо более законченный плановый характер. Нам надо еще дьявольски много работать, чтобы уравняться с ними.

II.

Наши преимущества и наша отсталость.

Это не значит, однако, будто все преимущества на стороне буржуазных армий. Без всякого самообольщения мы можем сказать, что это не так. Армия ведь не только техника и не только организационная форма,

но, прежде всего, моральная коллективность. Уставы, штаты, приказы— все это регулирует человеческие отношения только на одну треть, если не на одну десятую: формальные элементы дисциплины и подчиненности могут держаться только на основе психической связи, спайки, чувства товарищества и веры в правоту своего дела. В этой области наш перевес несомненен; огромный масштаб этого перевеса, может быть, не всем еще ясен среди нас самих. Прошлые революционные войны мы вели в условиях продразверстки и ужасающего голода в городах. Крестьянство нередко колебалось между поддержкой Советской власти против белых и мятежом против нее. Население городов корчилось в муках голода. Интеллигенция в большинстве своем саботировала революцию. В командном составе армии измена не являлась редкостью. Как раз за последние полтора — два года во всех этих областях достигнуты серьезные успехи. В глазах самых широких крестьянских масс новый режим определился как тот государственный строй, который может делать ошибки и даже учинять несправедливости, но который в основе своей есть единственно возможный отныне режим сотрудничества рабочих и крестьян. Коммунистическая партия стала в глазах всего населения стержнем нового режима. Интеллигенция, в большинстве своем, или, по крайней мере, в своей жизнеспособной части, радикально переменила ориентировку — в сторону Советской власти. Даже в церкви произошла смена вех в смысле приспособления к новому строю, с которым приходится считаться, как с существующим фактом на «многая, многая лета». Тем временем у нас вырос и продолжает расти новый командный состав, неразрывно связанный с толщами рабочего и крестьянского населения. Нигде в мире нет и до революции не может быть такой монолитной, по настроениям своим, армии, как у нас. Нигде в мире нет и не может быть такой связи между армией и страной, как у нас. Нигде в мире невозможен сейчас переход на милиционную систему. А мы к ней приступили. И если переход этот мы совершаем с постепенностью, то не из политических опасений, а по соображениям организационно-технического порядка: дело новое—важности неизмеримой—и мы не хотим приступать ко второму шагу, не обеспечивши первого.

Для оценки нашего морально-политического перевеса достаточно сравнить реакцию на вызов Керзона в Англии и у нас [80]. Там шаг Керзона породил не только протест парламентской оппозиции, но, что неизмеримо важнее, и глубокое возмущение рабочих масс. Поведение советской дипломатии в этом же вопросе встречает, наоборот, единодушную, безраздельную поддержку всей страны. И это не показное, не «казенное» единодушие, как повторяют иные «демократические» кретины эмиграции, нет, это неоспоримое, неотъемлемое капитальное завоевание революции, и на этом моральном капитале мы будем строить все, в том числе и Красную Армию. В случае новой навязанной нам войны, наш морально-политический перевес обещает обнаружиться с величайшей выгодой для Союза Советских Республик.

Это наше основное, обеспеченное социальным переворотом, преимущество дает нам право не только с уверенностью думать о завтрашнем дне, но и безбоязненно вскрывать нашу сегодняшнюю организационную, техническую и всякую иную отсталость. А она еще очень велика. Технический уровень армии отражает общехозяйственный уровень страны и, непосредственно, состояние промышленности. Здесь, в области промышленности, завязан сейчас основной узел существования и дальнейшего развития Советских республик, и, прежде всего,—их обороны.

Что такое армия в 600 тысяч человек—при наших пространствах и нашем населении? Это, прежде всего, кадры армии военного времени; отчасти—стратегическое прикрытие, отчасти—возможный ударный авангард, но, главным образом и прежде всего, — кадры будущей армии военного времени. Качество кадров имеет, разумеется, величайшее значение для боеспособности будущей армии военного времени. Но кадры—только одно из условий. Нужна, кроме того, правильная система мобилизации и комплектования, строго продуманная, рассчитанная и организационно-подготовленная — в зависимости от всех особенностей советского союза и от возможного направления неприятельских ударов. Нужна, далее, правильная система боевого и всякого иного снабжения армии в течение всего срока операций, какой понадобится для победы. Таковы три основные элемента,— не считая политической работы, — которые обусловят работу Красной Армии в будущей войне.

Совершенно очевидно, что труднее всего для нас дело обстоит с техникой—в ее нынешних крайне сложных и все усложняющихся формах. Мы бедны авиацией, мы бедны химическим оружием, мы бедны броневыми силами, мы бедны артиллерией, мы бедны инженерным имуществом, мы бедны средствами транспорта, чисто-военными и обще-государственными. Это все несомненные факты: наши враги их знают, а мы их чувствуем каждый день. Какие-нибудь чудесные скачки здесь неосуществимы. Надо равняться по хозяйству, т.-е., прежде всего, по промышленности, по ее общему развитию, по ее постепенному подъему. Нужно, чтобы государственная промышленность дала армии в ближайшие месяцы и годы максимум того, что может дать. Но нельзя требовать от хозяйства непосильных жертв, то-есть таких, которые грозили бы подорвать развитие промышленности и тем в корне подкосили бы самую армию. Определить предельную границу хозяйственных жертв в пользу обороны есть одна из важнейших—пожалуй, самая важная сейчас—задач нашего обще-государственного плана. Надо, чтобы темп военного строительства, доведенный до максимума, соответствовал в то же время основному темпу хозяйственного развития страны. Сбиться в этом деле с ноги—значило бы подорвать обороноспособность страны. Разумеется, точно предугадать темп хозяйственного развития на ряд лет невозможно, но с известным, хотя бы грубым приближением его можно и должно предвидеть—с тем, чтобы в дальнейшем, на основе опыта, проверять плановую наметку и вносить в нее необходимые исправления.

III.

Плановая работа.

Здесь мы подходим вплотную к вопросу о плановой работе. Весь ближайший период советского строительства будет стоять под знаком перехода от работы на глаз, от импровизаций, от административной партизанщины — к систематической работе по широкой плановой наметке. Это вопрос. который далеко не всеми еще продуман как следует быть. Одни обижаются: «Это про нас-то говорят, что мы работаем на-глаз да кое-как!».. Другие, наоборот, склонны щеголять скептицизмом по отношению к плановой работе—«где уж, что уж»... выдавая этот скептицизм за самое последнее слово государственной трезвости и революционного реализма. Иногда одни и те же лица пользуются поочередно аргументами обоего порядка. Но если отвлечься от дешевенького и пошловатого балагурства по поводу плановой работы, то от всей критики останется та мысль, что всеохватывающий, универсальный, «жесткий» (то-есть административно-осуществляемый) план нам не по силам. Как будто бы о таком плане идет или может итти речь! XII съезд коммунистической партии [31] дал такую формулировку задач планового хозяйственного строительства, которая, отмечая приведенные выше возражения, получает принципиальное значение и для военной работы.

«В Советской России, — говорит резолюция Съезда, — где главные средства промышленности и транспорта принадлежат одному владельцу— государству, активное вмешательство последнего в хозяйственную жизнь должно, по необходимости, получать плановый характер, и, в виду господствующей роли государства, как собственника и хозяина, плановое начало приобретает тем самым уже на первых порах исключительное значение.

Весь предшествующий опыт показал, однако, что план социалистического хозяйства не может быть установлен априори, теоретическим или бюрократическим путем. Действительный социалистический хозяйственный план, объемлющий все отрасли промышленности в их отношении друг к другу и взаимоотношения всей промышленности в целом с сельским хозяйством, возможен только в результате длительного подготовительного хозяйственного опыта на основах национализации, непрерывных усилий практического согласования работы разных отраслей хозяйства и правильного учета результатов».

И далее: «Необходимо решительнейшим образом отметать—в центре, как и на местах — попытки ведомств и учреждений добиваться тех или иных решений обходным путем, в порядке спешности, неотложности, импровизации, рассматривая такие попытки, как проявление хозяйственной непредусмотрительности и как вреднейшие остатки административной партизанщины.

Успешность работы каждого ведомства должна оцениваться в значительной степени в зависимости от того, в какой мере оно своевременно вносит свои предположения и предложения в Госплан для их всесторонней

разработки и согласования. Тем более успешность работы самого Госплана должна оцениваться с точки зрения своевременного возбуждения им хозяйственных вопросов, правильного предвидения завтрашнего дня и побуждения отдельных ведомств к своевременному сметному и практическому согласованию тех областей и отраслей их работы, которые требуют такого согласования.

Необходимо бороться через посредство Госплана с созданием всякого рода временных и случайных комиссий: исследующих, направляющих, проверяющих, подготовляющих и пр., которые являются величайшим злом нашей государственной работы. Необходимо обеспечить правильную через нормальные и постоянные органы. Только так возможно улучшение этих органов и развитие в них необходимой гибкости—путем всестороннего их приспособления к поставленной им задаче на основе непрерывного опыта».

С военным делом административная партизанщина и комиссионное кустарничество примиримы еще менее, чем со всяким другим.—Правильность замысла, меткость аппарата, точность исполнения — вот основные элементы серьезной, деловой, экономной и действительной по результатам работы. Шутить с этими элементами нельзя нигде, а в военном деле—тем более.

Военный план находит свое финансовое выражение в военном бюджете.

IV.

Бюджет, техника, снабжение.

Прежде всего, нужно действительно обеспечить на сто процентов всеми видами снабжения нынешнюю кадровую армию. Этот вопрос не требует развития,—только исполнения. Параллельно с этим, но уже во второй линии, должно итти скопление мобилизационных запасов, достаточных для того, чтобы поставить под ружье гораздо более многочисленную армию военного времени. Эти две задачи не могут быть, разумеется, разрешены в течение нескольких месяцев, ни даже в пределах одного бюджетного года. Государства, гораздо более богатые, чем наше, для проведения серьезных мероприятий по усилению вооруженных сил страны прибегали не раз к установлению специального военного бюджета, рассчитанного не на год, а на пять, шесть и семь лет вперед. Тем более такой метод обязателен для нас, только теперь приступивших к систематическому и планомерному строительству армии и флота. Хозяйство страны возрождается. Есть основания рассчитывать, что этот процесс получит дальнейшее развитие и что темп его будет в ближайшие годы возрастать. Совершенно очевидно, что от возрастающего своего дохода страна может уделять возрастающую часть на нужды обороны. Можно поэтому рассчитывать, что военный бюджет наш будет в ближайшие годы увеличиваться в скромной, но твердой прогрессии. Эту бюджетную перспективу—с тщательным учетом действительных возможностей, допуская скорее преуменьшение, чем преувеличение

рессурсов страны,—мы должны положить в основу нашего военного и военно-промышленного плана. Нужно соблюдать необходимую пропорциональность между разными отраслями военной промышленности как в отношении текущего снабжения армии, так и в отношении мобилизационных запасов. Это значит, что план текущего строительства армии и план мобилизации и развертывания армии на случай войны должны быть согласованы с планом развертывания военной промышленности, а этот последний план не может не быть составной частью общегосударственного промышленного плана в целом.

Длительный, скажем, пятилетний план развития вооруженных сил естественно распадается, в свою очередь, на ряд частных планов, по родам оружия, главным и вспомогательным. Необходимо тщательно проработать эти частные планы в рамках указанной выше бюджетной прогрессии, целесообразно распределенной между внутренними потребностями и нуждами армии и флота.

Мы упомянули о главных родах оружия и о вспомогательных. Особенностью нашего времени является, однако, то, что вспомогательные роды оружия быстро выдвигаются на первую линию. Это относится, прежде всего, к авиации и химии. Авиация не имеет самостоятельных способов истребления: она прибегает либо к динамиту, либо к пулемету, придавая им новую сферу действия. Химия же есть вполне самостоятельный род оружия: она отравляет. Мы подходим к вопросу не с гуманитарной точки зрения. Что человечнее: простреливать человека, взрывать его, зарубать, прокалывать, топить и отравлять—этот вопрос мы всецело предоставляем на размышление Лиге Наций и епископу Кентерберийскому. Последняя война достаточно показала, что все ханжески-гуманитарные ограничения отпадают после первого пушечного выстрела, как шелуха. И впредь до перемены нынешнего положения вещей, то-есть впредь до крушения буржуазного господства, у Советского союза не может быть в деле обороны других правил поведения, как: око за око и газ за газ.

Первое место в наших технических заботах должна занять авиация. Эта задача облегчается тем, что авиация имеет вполне самостоятельное и притом огромное хозяйственно-культурное значение, чего нельзя, к сожалению, сказать ни о гаубицах, ни об удушливом газе. Сопрячь военную авиацию с гражданской—значит, прежде всего, согласовать программу Главвоздухфлота с программой Общества Друзей Воздушного Флота и Добролета. Начало тому положено. Было бы в корне неправильным пытаться втиснуть гражданскую авиацию в рамки военных типов и схем, но необходимо заранее обеспечить стык между ними, достигнув без ущерба для хозяйственных и культурных потребностей—максимальной однотипности самолетов и согласованности всей летной организации. Гражданская авиация должна стать резервом для военной. Мы не будем здесь, по вполне понятным причинам, детализировать вопрос. Общее направление предстоящих мероприятий ясно из сказанного выше. И прежде всего ясно, что обо-

рона Советского союза находится в прямой и непосредственной зависимости от упрочения и развития государственной промышленности.

«План—прекрасное дело,—возразят иные, в том числе и план военного и военно-промышленного строительства, рассчитанный на пять лет. Но как быть в случае, если неприятельский удар обрушится на нас до истечения этого срока? Как быть в случае внезапной войны? Не нужно ли принять заранее исключительные меры для того, чтобы обеспечить на случай внезапного нападения минимум подготовки?» Такие и подобные рассуждения представляют собою, по существу, замаскированное отклонение плана. Существо плановой работы состоит в поддержании и развитии необходимой пропорциональности составных элементов военного дела. Совершенно очевидно, что когда бы ни обрушился на нас удар войны, мы окажемся наилучше подготовленными, если предшествующая наша работа велась по плану. Нарушить план подготовки—не только военный, но и общехозяйственный—придется, разумеется, с начала войны. Но нарушить придется один план—во имя другого. Ибо нам необходимо иметь в резерве план мобилизации промышленности всего вообще хозяйства страны на случай большой войны, а новая война, если она разразится, не сможет не быть большой войной.

V.

Красная Армия и национальный вопрос.

Военное строительство наше должно отныне считаться в несравненно большей степени, чем до сих пор, с тем фактом, что страна, которую Красная Армия призвана защищать, есть не страна, а целый континент, что государство наше не национальная республика, а союз национальных республик. В грохоте и огне гражданской войны этот факт мало замечался, и выводы, из него вытекающие, нередко по необходимости (а иногда и по злой воле) игнорировались и даже попирались. Ныне Советский союз с бивуачного положения переходит на более устойчивое и оседлое. Взаимоотношения независимых и автономных республик и областей в рамках союза получают более оформленное и точное выражение. Конституция советской государственности получает ясно выраженный союзный характер. Армия есть наиболее материальное, резко законченное и неоспоримое выражение государственности. Если бы в строении армии или в ее настроении оказалась несогласованность со строением советского государственного союза, который, в свою очередь, отражает соотношение классовых и национальных элементов населения, то такая несогласованность, а тем более противоречие имели бы самые тяжкие последствия, прежде всего, для армии, а затем и для государства. Наша армия—не великорусская армия; это армия великого союза, сердцевину которого составляет Великороссия. Пролетариат Великороссии имеет наибольший опыт революционной борьбы и государственного строительства, в том числе и военного. Это налагает на него большие обязанности, но не дает ему больших

прав. Все другие национальности союза, угнетавшиеся ранее царизмом и буржуазией, охотно принимают и будут принимать товарищеское содействие великорусского пролетариата, его идейную и материальную помощь, его советы и указания. Но они не хотят великорусской команды. Даже оттенок команды раздражает, ибо напоминает о совсем еще недавнем угнетении. Если это верно в отношении государственного аппарата вообще, то это в сто раз резче проявляется на армии. Малейшая фальшь, малейшее неравенство, малейшее нарушение товарищеских отношений и взаимного доверия в отношениях между армией и ее частями, с одной стороны, и национальными частями Советского союза, с другой, имели бы гибельный характер. Это совершенно ясно, если подойти к делу даже только с точки зрения военной обороны. Великорусское ядро союза окружено почти что замкнутым кольцом национальных республик, советских и не-советских, образовавшихся на территории бывшей «единой и неделимой», которая и погибла отчасти потому, что упорствовала в единости и неделимости. Возможная внешняя угроза будет, следовательно, уже в силу логики географического положения направлена, прежде всего, на периферические национальные республики и области Советского союза. Если бы между народными массами национальных республики Красной Армией установилась отчужденность,—мы уже не говорим о враждебности,—оборона стала бы невозможной, и Красная Армия начала бы морально загнивать от периферии к центру. Мы видали это во время империалистской войны на опыте Австро-Венгрии и параллельно—на опыте царской России. Тут одного советского переименования и переряживания, на что надеются некоторые тупицы и карьеристы, совершенно недостаточно: нужны радикальнейшие изменения самой сущности отношений и связей. Какой же к этому путь?

Во-первых, нужно теперь же приступить к подготовке условий для создания национальных частей и армий. На этом пути стоят бесспорно большие трудности, коренящиеся в различиях хозяйственного и культурного уровня разных частей Советского союза, в сложном иногда переплете национальных группировок внутри отдельных республик и, наконец, в отсутствии у некоторых национальностей какой бы то ни было военной подготовки в прошлом. Через эти затруднения перескочить нельзя. Но нужно их систематически преодолевать. Нужно начать с правильной сети военно-учебных заведений, вполне приспособленных к национальных и местным условиям и способных в плановом порядке обеспечить будущие национальные войска вполне подготовленными кадрами. Одновременно надо, отказавшись от шаблона, тщательно изучать условия и формы привлечения туземного населения к несению воинской повинности. Незачем говорить, что эта работа должна производиться не через головы национальных республик, а в теснейшем контакте с ними и через посредство их государственного и партийного аппарата. В частности, Революционный Военный Совет Республики должен превратиться в Революционный Воен-

ный Совет Союза Советских Социалистических Республик—и не только по имени, но и по существу, т. е. по составу и по методам работы. Развитие милиционной системы даст возможность обеспечить подлинную и неразрывную связь армии с населением во всем его национальном многообразии.

Но это процесс длительный. Параллельно должна итти напряженная работа по воспитанию, довоспитанию и перевоспитанию нынешней Красной Армии, по развитию у нее ясного сознания того, что она является вооруженной силой Союза национальных и автономных республик. Надо систематически, настойчиво, твердо, неутомимо,—а где нужно, и беспощадно,—изгонять национальные предубеждения, наследие шовинизма, высокомерия, великодержавничества. Надо, чтобы части Красной Армии, и прежде всего, их политический и командный состав, знали характер, особенности и историю тех национальностей, в среде которых они размещены. Военная централизация, поскольку она вытекает из неотвратимых потребностей военного дела, должна проводиться так, чтобы местное население и, прежде всего, его руководящие слои ясно понимали деловую необходимость централизации. А для этого нужно, чтобы само военное ведомство отдавало себе отчет в допустимых пределах централизации. Всякие административные излишества надо беспощадно изгонять; всякие остатки аракчеевщины, хотя бы самой «советской», даже «коммунистической», надо выжигать железом, накаленным до-бела. Под этим углом зрения необходимо произвести серьезнейшую чистку военного аппарата в национальных республиках, изгоняя щедринских ташкентцев и их духовных сынков. Военные администраторы, комиссары, командиры, которые проявили злую волю в национальном вопросе, должны, после соответственного разбирательства и гласного суда, изгоняться из Красной Армии с волчьим паспортом. Наша армия—великая революционная школа. Она должна стать школой также и в национальном вопросе. Другими словами, она должна изо дня в день, на практике, учить, как трудящимся разных национальностей общими усилиями, дружно, без столкновений и перебоев, строить здание социализма.

Возможные наши враги сильнее нас техникой. Это свое капитальное преимущество они сохранят еще на годы (если они продержатся еще годы). Мы, как уже сказано, сделаем все для того, чтобы уменьшить существующее в этой области неравенство. Но как ни важна машина, решает в последнем счете человек—тот самый, который эту машину строит и ею управляют. Здесь перевес окончательно и полностью за нами. Мы приступили к переводу части нашей армии на положение территориальной милиции. Из рабочих, не прерывающих работы на заводе, из крестьян, продолжающих обрабатывать землю, мы строим дивизии, способные в любой момент сняться с места и, бок-о-бок с полевыми дивизиями, принять или дать бой. Два года тому назад мы не могли еще решиться на такой опыт. Ныне мы приступаем к нему с полной политической уверенностью, нимало, разумеется, не закрывая глаз на организационные трудности, кото-

рые предстоит еще преодолеть. Через два-три года наши милиционные опыты займут виднейшее, может быть, решающее место в обороне страны. Ни одна из крупных капиталистических стран Европы не решится на такой шаг, так как правящий класс рисковал бы при этом создать армию против себя,—еще меньше сможет буржуазия решиться на это через два—три—пять лет, ибо углубление классовых противоречий в буржуазном мире идет своим чередом. Мы же становимся сильнее. Вот почему мы с твердой уверенностью встречаем грядущий день. Армия состоит из человека и из машины. Насчет машины они сильнее, но по части человека сильнее мы,—а в последнем счете решает человек.

18 мая 1923 г.

«Военная Мысль и Революция», 1923 г., кн. 2-я.

II.

ПРИКАЗЫ, ЦИРКУЛЯРЫ, ТЕЛЕГРАММЫ и др.

Приказ

Председателя Революционного Военного Совета Республики по Политическому Управлению Реввоенсовета Республики

5 августа 1921 г., № 254, г. Москва.

Имеется много оснований считать, что политическая работа в частях Красной Армии чрезвычайно отстает от требований жизни. В этом пришлось снова убедиться при посещении Ходынского лагеря и при обозрении дивизионной школы младшего комсостава, 322-го учебно-кадрового полка, образцового полка округа учебно-артиллерийской бригады.

1. Начать с того, что газеты распространяются и распределяются неправильно и неравномерно. Коллективные чтения не организованы и все предоставлено случайности. На вопрос относительно газет почти все без исключения отвечали: «кое-когда читаем». Газеты Московского Округа «Красный Воин», предназначенной в первую очередь для московских частей, большинство не видало в глаза, меньшинство читало один-два номера.

2. В самой газете не видно отражения жизни гарнизона. Это вина не только редакции, но и комиссаров и политруководителей частей. Нужно, чтобы каждая часть сама пролагала себе дорогу на столбцы газеты.

Приведу примеры.

Среди красноармейцев 36-й дивизии много украинцев. Из них значительное число побывало долгое время в плену у польской буржуазии. Обращение в плену было ужасающее. Бывшие пленные сразу оживляются, когда заговорят о своем плене. Необходимо посвятить в газете этому вопросу одну-две-три статьи. Для этого нужно привлечь к делу журналиста или просто владеющего пером товарища, который со слов красноармейцев запишет наиболее яркие факты и представит их без прикрас читателям «Красного Воина». Такой фельетон будет иметь большое военно-воспитательное значение.

Из опрошенных солдат-украинцев большинство не знало, кто такой гетман Скоропадский. Между тем один из красноармейцев ясно и отчетливо охарактеризовал работу гетмана, палачи которого поставили

в деревне этого красноармейца виселицу и вешали там крестьян за захват помещичьего имущества. События сейчас развертываются быстро; за время революции подросло новое поколение, которое не знает своего вчерашнего дня. Между тем Скоропадский—не только вчерашний день, но и живая опасность доколе существует мировой империализм. Красноармейцы—украинцы должны твердо знать, кто такой Скоропадский, и притом не из шаблонных фраз, а из живого рассказа одного-двух украинцев, у которых политическая память покрепче. Все это должно найти отражение на страницах газеты.

3. Политотделы обращают теперь много внимания на вопросы земледелия. В «Красном Воине» сельскому хозяйству посвящено много статей. Красноармейцев водят из лагеря в Петровскую академию, где им даются агрономические разъяснения. Все это, разумеется, прекрасно. Но досадно, что политотделы не обращают достаточного внимания на то маленькое сельское хозяйство, которое имеется у самих частей. Состояние огородов частей московского гарнизона и московского округа не находит пока никакого отражения на страницах «Красного Воина». Между тем было бы правильно посвятить этому вопросу больше внимания, воздать хвалу тем частям, которые подняли и поставили хорошие огороды, и пристыдить тех, которые не приложили к делу должного внимания и труда.

4. Вопрос о бережном обращении с предметами воинского обмундирования также не находит достаточного освещения в агитации и вообще в политической работе. Хозяйственную пропаганду надо начинать с красноармейских сапог и портянок, а не с электрофикации. Обуви почти никто не чистит: то мази не получили, то не выдали, то мазь плоха... А главная причина та, что об этом не думают и не заботятся.

Необходимо величайшее внимание комиссаров и политотделов к вопросам хозяйства, и в том числе к самым мелочным. Без тщательного и настойчивого внимания к мелочам не строится ничто, а меньше всего армия.

5. Условия для более успешной политработы — налицо. Порядок в лагере вполне удовлетворительный. Есть забота о чистоте. В образцовом полку перед палатками приятные для глаз украшения из цветных камешков. Видна забота и виден интерес. На этом фундаменте можно строить. В строевом и тактическом отношении, в деле обучения стрельбе есть успехи. Хозяйственная и политическая сторона отстают.

Как сущность тактики состоит в приспособлении к местности, так сущность политического воспитания состоит в приспособлении к людям и условиям. Нельзя довольствоваться шаблоном, рутиной, повторением одних и тех же фраз, которые не задерживаются больше в голове. Нужно извлекать из самих красноармейцев, из их вчерашнего, из их сегодняшнего дня материал для политических бесед, для общений, для статей. А для этого нужно стать как можно ближе к красноармейской массе, не учить ее сверху, а помогать ей учиться снизу.

6. В частности, предлагаю поставить на очередь вопрос об особой неделе, достоянию красноармейца: обмундированию, обуви, винтовке и пр. Нужно подобрать для этого наличные приказы, свести их в ясную, точную инструкцию, распространить ее везде и всюду; нужно сосредоточить на этих вопросах внимание командного и комиссарского состава, политотделов и красноармейской печати. Политическое воспитание красноармейца должно начинаться с правильной смазки сапог и заканчиваться самыми высокими вопросами Коммунистического Интернационала. Только тогда все будет стоять на своем месте.

Приказ

Председателя Революционного Военного Совета Республики

5 сентября 1921 г., № 259, г. Житомир.

4 сентября мною произведен смотр войскам Житомирского гарнизона и артиллерийским батареям 44 стрелковой дивизии, прибывшим на смотр походным порядком из пунктов квартирования.

Бодрое настроение войск, хорошая выправка и стройные движения; удовлетворительное обмундирование и снаряжение, а также крепкий, рослый и втянутый в работу конский состав артиллерии ясно показали, что войска являются вполне сколоченными, обученными и хорошо снабженными боевыми единицами, готовыми во всякую минуту встать на защиту Советской Украины.

За отличное представление на смотру объявляю благодарность всем красноармейцам, командному составу и комиссарам, во главе с начальником 44 стрелковой дивизии тов. Дубовым, ревностно работающим более 2-х лет над созданием мощной и преданной рабоче-крестьянской власти дивизии.

Приказ

Председателя Революционного Военного Совета Республики

5 сентября 1921 г., № 260, гор. Киев.

Произведя сего числа смотр войскам Киевского гарнизона, я счастлив констатировать, что части этого гарнизона представились отлично сплоченными войсковыми соединениями, с прекрасной воинской выправкой.

Бодрость и уверенность в себе красных частей, как в развернутом строе на месте, так и при движении в колоннах, являются непреложным свидетельством того, что сердце Украины—город Киев в лице своего красного гарнизона имеет крепкий оплот против всяких покушений со стороны врагов нашей Советской Республики.

За отличное состояние частей на смотру считаю революционным долгом выразить благодарность красноармейцам, командному и комиссарскому составу частей гарнизона и желаю красным войскам дальнейшего преуспеяния в военном деле на защиту завоеваний революции и укрепления мощи нашей молодой Республики.

Приказ

Председателя Революционного Военного Совета Республики

10 сентября 1921 г., № 262, ст. Затишье.

Сегодня я произвел смотр кавалерийскому полку 51-ой Красного Знамени пехотной стрелковой дивизии.

Полк встретил меня в развернутом строю, имея на правом фланге взвод полковой школы и трубачей.

Уверенный и одухотворенный вид красных кавалеристов, в связи с отличным равнением по фронту и в рядах произвел самое отрадное впечатление.

Смотр заключался в решении тактической задачи и полковом учении.

Как то, так и другое было проделано полком с видимым искусством со стороны красноармейцев и комсостава.

Общее состояние оружия в полку удовлетворительно.

Все это свидетельствует о том, что работа в полку поставлена на должную высоту.

Славный кавалерийский полк проникнут подлинным революционным рвением и в тяжелых боевых испытаниях сумеет постоять за независимость и достоинство Федеративной Советской Республики.

Желая полку дальнейшего успеха и процветания в его службе, я от лица Красной Армии приношу сердечную благодарность за блестящее состояние полка красноармейцам, комсоставу, командиру полка тов. Белову и военному комиссару тов. Коваленко.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики

по Красной Армии и Красному Флоту

11 сентября 1921 г., № 263, ст. Бар.

Больше внимания инвалидам гражданской войны!

Жестокая борьба со сменявшими друг друга врагами вырвала из рядов Красной Армии большое число жертв убитыми, ранеными и искалеченными. В стране имеются тысячи и тысячи инвалидов гражданской войны. В период величайшего боевого напряжения, когда у нас было несколько боевых фронтов, Советская Республика не имела возможности уделить достаточно внимания заботе об инвалидах гражданской войны. Ныне необходимо восполнить это упущение. Величайшие хозяйственные затруднения Республики в ближайшее время препятствовали созданию вполне благоприятных условий для воинов гражданской войны, полностью или частично потерявших в боях свою трудоспособность. Тем не менее, многое может быть сделано в этом отношении при надлежащем внимании и дружных усилиях. Сама Красная Армия должна взять на себя значительную долю забот о своих, выбывших из строя, воинах, а также помочь обеспечить вдов и сирот погибших в боях. По всей Республике действует сеть домов и убежищ для инвалидов. Красная Армия должна взять на себя реальную помощь этим учреждениям, заботу не словом, а делом о том, чтобы инвалидам жилось в них как можно лучше, сытнее, чище. Забота об определенных убежищах должна быть возложена на определенные части, в зависимости от района расположения. В повседневном труде для своей воинской части не должны забываться и нужды учреждений для инвалидов. Испытывают ли они недостаток в топливе, запущена ли просветительная работа, не хватает ли сил для обработки огорода, воинская часть должна придти на помощь. Представитель воинской части должен быть постоянным активным членом дома инвалидов и местного Отдела Наркомсобеза. Можно и должно помочь организовать для инвалидов и полуинвалидов мастерские, поделиться с ними оборудованием и инвентарем, дать хотя бы временного инструктора, и, наконец, использовать труд самого инвалида, чтобы он почувствовал себя не лишним человеком, а необходимым членом трудовой семьи. На многочисленных хозяйственных предприятиях армии труд инвалидов может найти достаточно широкое

применение. Многие тысячи инвалидов не только не лягут тяжестью на воинские части, но, наоборот, окажутся ценнейшими работниками по сельскому хозяйству, огородничеству и проч., если проявить надлежащую инициативу и дать им работу по силам и способностям.

Предлагаю командному и комиссарскому составу в округах и губерниях войти в немедленные сношения с органами социального обеспечения и с местными комитетами помощи инвалидам войны для выработки немедленных практических мер помощи тем нашим собратьям, которые имеют самое неоспоримое право на нашу помощь.

Приказ

Председателя Революционного Военного Совета Республики по войсковым частям, участвовавшим на смотру

18 сентября 1921 г., № 264, ст. Котюжаны.

Товарищи красноармейцы! После обхода ваших заслуженных рядов я на этот раз лишен был возможности обратиться к вам с устным словом привета. Вы были представлены в слишком большом числе и перегруппировка неизбежно вызвала бы задержку и утомление в ваших рядах. В то же время простуда мешала мне говорить с вами таким образом, чтобы быть услышанным всеми или, по крайней мере, большинством. Я прибег на этот раз к исключительной мере: созвал вокруг себя командный и комиссарский состав и просил передать вам привет и твердо и отчетливо выяснить вам два вопроса.

Во-первых, вопреки вою наших врагов, наш маневр имеет учебно-воспитательную цель. Ложь, будто мы собираемся на кого-либо нападать. Это опровергается всем нашим прошлым. Но если некоторые авантюристы, находящиеся на службе иноземного капитала, и в союзе с русской буржуазно-помещичьей реакцией, еще раз убедятся на факте этого маневра, что мы представляем собой несокрушимую силу, — тем лучше для дела мира, тем лучше для обеих сторон.

Во-вторых, командный и комиссарский состав тщательно и внимательно обсудил в сегодняшнем заседании под моим председательством все недочеты, ошибки и нехватки, обнаружившиеся в маневре. Об этих недочетах мы говорим с тем большей откровенностью, что в общем и целом наши красные части за последний год совершили—по общему свидетельству участников разбора — огромный шаг вперед. Было бы, однако, недопустимо останавливаться на достигнутом этапе. Нужно итти дальше и дальше, поднимать тактическое обучение красноармейцев и командного состава, улучшать аппарат снабжения, органы политического воспитания и пр. и пр.

Не сомневаюсь, что к следующему испытанию мы сделаем новый не менее решительный шаг вперед. Еще раз сожалею, что мне не удалось высказать эти мысли лично перед каждым из вас.

Да здравствует Красная Армия!

Дело красноармейца Козлова.

I.

Приказ
Председателя Реввоенсовета Республики
Начальнику поезда
5 сентября 1921 г., № 256.

Сегодня во время совещания с тов. Раковским и Фрунзе у дверей кабинета на посту стоял тов. Козлов. Этот последний, т.-е. тов. Козлов, пропустил на совещание постороннее лицо, не спросив на то моего распоряжения и не имея решительно никаких данных относительно права этого лица участвовать на совещании. Предлагаю предать тов. Козлова Революционному Военному Трибуналу, подвергши его немедленному аресту.

II.

Почто-телеграмма
Председателю Ревтрибунала КВО тов. Забельскому.

Не имея возможности присутствовать на разбирательстве дела тов. Козлова для дачи необходимых показаний, считаю необходимым в письменном виде изложить трибуналу мотивы, побудившие меня предать тов. Козлова суду.

5-го сентября тов. Козлов стоял на посту у дверей комнаты, в которой я имел совещание с несколькими лицами. В один из моментов совещания в комнату вошел тов. Николаенко, председатель Губисполкома. Выйдя к тов. Козлову, я спросил его, с чьего распоряжения он пропустил тов. Николаенко на совещание. Козлов ответил мне приблизительно следующее: «он сказал, что он председатель Губисполкома и что ему нужно в его кабинет». Разумеется, такое объяснение в корне неправильно. Если у тов. Козлова были сомнения о том, пропустить ли или не пропустить, ему нужно было открыть дверь и спросить у меня распоряжения.

К характеристике тов. Козлова должен сказать, что он честный и добросовестный работник, преданный делу революции и на моих глазах доказывал эту преданность не раз. Но в то же время у него не хватает серьезного отношения к своим повседневным обязанностям. Он гораздо скорее совершит геройский поступок, чем правильно выполнит мелкое поручение. Эта беда—недостаток внутренней дисциплины—к сожалению, еще довольно широко распространена у нас в армии, и не только в одной армии.

В этом вопросе имеется очень важная принципиальная сторона, которая и была для меня решающей в вопросе о предании тов. Козлова трибуналу. Дело в том, что в советских республиках и даже среди их ответственных работников не всегда наблюдается правильное отношение к часовым, их правам и обязанностям. Гарнизонный устав говорит, что часовой есть лицо неприкосновенное. Выполняя свою ответственнейшую задачу, часовой слишком часто попадает в положение, когда ему необходимо было бы применять оружие. Почему? Именно потому, что многие ответственные работники не считаются с правилами, определяющими караульную службу, и сплошь да рядом требуют, чтобы часовой пропустил их вопреки всем правилам. Авторитет лиц, требующих от часового нарушения гарнизонного устава, неизбежно колеблет внутреннюю дисциплину караульных красноармейцев, а также их командного и комиссарского состава. Такое положение совершенно нетерпимо. Оно уже принесло много вреда и грозит еще в дальнейшем тяжелыми последствиями. Нужно закрепить в общественном мнении советских республик и, прежде всего, в их руководящих кругах мысль, что часовой есть лицо неприкосновенное. В этих целях я обращаюсь к авторитетному содействию трибунала [32].

13 сентября 1921 г.
Киев.

Приказ

Революционного Военного Совета Республики

11 октября 1921 г., № 2252, г. Москва.

Неделя заботы о достоянии красноармейца.

Неделя заботы о достоянии красноармейца ни в каком случае не должна иметь только агитационный характер. Задача недели—практически воспитательная: словом, призывом, примером, показом и приказом нужно побудить красноармейцев проявить активное внимание к окружающей их квартирной обстановке, к их собственному обмундированию и вооружению. В такого рода неделе не было бы надобности, если бы красноармейцы во все остальные недели года проявляли бы то отношение к казарме, к сапогам, и шинели, к винтовке, к лошади, какого требуют наши уставы. Этого пока еще нет. Но это должно быть и это будет.

До революции русскому человеку свойственно было безразличное, пренебрежительное и враждебное отношение к казенному добру. За время войны огромные богатства уничтожались и истреблялись в короткий срок, и это затрудняло воспитание в духе бережливости. Несомненно, однако, что и во время войны возможна была бы огромная экономия сил и средств, если бы воинская масса была более воспитана в духе внимательного отношения к своему достоянию и к своим мелким повседневным обязанностям.

Ныне, с наступлением мирного периода, на Красную Армию ложится задача исключительной важности: воспитать себя самое в духе социалистической гражданственности, научиться не на словах, а на деле понимать и чувствовать, что нынешнее «казенное» добро есть мое—рабочего и крестьянина—добро, отсюда мой долг—охранять воинское достояние от порчи и разрушения.

Для того, чтобы достигнуть практического воспитания красноармейцев в духе гражданственности и хозяйственности, необходимо, чтобы этими началами глубоко проникся комиссарский и командный состав. Если комиссар неряшлив и неаккуратен, то речи его о бережливости и опрятности могут давать только отрицательные результаты. Но если командир и комиссар изо дня в день тщательно следят за хозяйственной жизнью своей части, входя во все ее мелочи, то они и без больших агитационных речей достигнут необходимого хозяйственного воспитания красноармейцев.

Путем длительной упорной борьбы мы достигли того, что армия стала враждебно относиться ко всякой партизанщине. Дезертир и трус пользуются в общественном мнении Красной Армии заслуженным презрением. Теперь нужно достигнуть того, чтобы общественное мнение Красной Армии беспощадно карало неряху и расточителя воинского достояния.

Пусть же «неделя» послужит тому, чтобы в плоть и кровь обратились слова торжественного обещания, даваемого каждым молодым гражданином, принимающим на себя высокое звание Рабоче-Крестьянской армии: «Перед лицом трудящихся классов России и всего мира я обязуюсь носить это звание с честью, добросовестно изучать дело и, как зеницу ока, охранять народное военное имущество от порчи и расхищения».

Письмо

в редакционную коллегию военно-научного журнала XI Петроградской стрелковой дивизии.

Дорогие товарищи!

Позвольте вместо статьи высказать несколько мыслей по поводу затеваемого вами военно-научного журнала. Я полагаю, что вы не имеете в виду поставить военное издание общего характера, т.-е. такое, в котором рассматривались бы все теоретические и практические вопросы военного дела в их общегосударственном и даже мировом объеме. Поставить такой журнал силами дивизии не было бы, разумеется, никакой возможности. При молодости Красной Армии, при недостатке в ней теоретически и практически подготовленных работников мы могли бы только в общегосударственном масштабе создать военно-научный орган, действительно способный освещать все вопросы военного строительства.

Военно-научный журнал при дивизии может быть полезен и даже очень полезен лишь при одном условии: если он не ставит себе широких общих задач, а сразу поставит себе целью осветить опыт своей собственной дивизии, историю ее возникновения, ее бои, удачи и неудачи, ее сильные и слабые стороны и пр. Если статьи будут заключать в себе фактический материал, хотя бы из жизни одного только полка, тем более целой дивизии, они, эти статьи, будут несравненно дороже бесплодного теоретизирования и пересказов военных учебников. Поменьше отвлеченности, побольше конкретности, побольше своего, пережитого, передуманного и перечувствованного! Поменьше общих мест, побольше внимания к живым деталям, к частностям, мелочам обихода XI-й дивизии! У нее богатое прошлое—нужно его осветить. У нее ответственное настоящее—нужно его идейно оплодотворить. У нее славное будущее—нужно его подготовить.

Пусть же ваш журнал будет верным и надежным орудием XI-й дивизии!

21 октября 1921 г.

Приказ

Революционного Военного Совета Республики

1 ноября 1921 г., № 2458, г. Москва.

1. Установленную приказом РВСР 1921 г. № 2252 «неделю заботы о достоянии красноармейца» сделать также и «неделей служебной книжки красноармейца и арматурного списка».

2. В течение этой недели командирам, комиссарам и административно-хозяйственному составу лично или посредством особо назначенных комиссий в частях войск, управлениях, учреждениях и заведениях военного ведомства, произвести поверку, все ли красноармейцы снабжены «служебной книжкой красноармейца», правильно ли внесены требуемые сведения и соответствуют ли записи фактически выданному и состоящему на красноармейце вещдовольствию и вооружению.

При отсутствии у красноармейца книжка—немедленно выдать таковую и внести в нее требуемые сведения о выданных предметах вещдовольствия и вооружения.

При несходстве же записей в книжке с действительностью, таковое соответственно устранить.

3. Политотделам, командирам и комиссарам, путем руководящих приказов, циркуляров и личных разъяснений, внедрить в сознание каждого красноармейца всю важность и знание сведений, внесенных в книжку, и в частности учета, выданного красноармейцу казенного имущества, и объяснить ему необходимость бережного хранения книжки, как основного документа по прохождению военной службы, так и документа, без которого он не может получить причитающегося ему разного рода снабжения ни в своей части, ни при переводе в другую часть по месту новой службы.

Каждый красноармеец должен знать № своей книжки, время ее выдачи и следить, чтобы записи соответствовали действительным выдачам и в случае несоответствия записи заявлять об этом немедленно для исправления. Последующие заявления красноармейца, что он того или другого предмета не получил при наличии записи о выдачи его в служебной книжке или арматурном списке, приниматься не будут. Отсутствие выданного предмета будет рассматриваться, как растрата казенного имущества, а виновные будут арестовываться и привлекаться к законной ответственности.

Все выдаваемые на руки красноармейцу казенные вещи должны быть при самой выдаче занесены в служебную книжку. Выдачу какого-либо

довольствия без предъявления получателем служебной книжки, а в необходимых случаях и арматурного списка, не производить. Виновные в несоблюдении сего правила подвергаются как материальной, так и уголовной ответственности, как лица, расходующие народное достояние не по назначению.

4. По окончании указанной недели, каждый красноармеец, где бы он не находился, безоговорочно обязан всегда иметь при себе служебную книжку, а убывающий из части войск по разным случаям (кроме кратковременного отпуска и командировки) обязан иметь еще и арматурные списки, без каковых документов он не может получить ни одного предмета снабжения, хотя бы таковое ему и полагалось.

5. После этой недели и не реже, чем раз в месяц, командующим войсками округов и фронтов наряжать в каждую войсковую часть и учреждение специальные комиссии из групп содействия РКИ другой части для фактической поверки наличия у всех красноармейцев служебных книжек и занесения в них всех положенных сведений. Комиссиям акты поверок представлять непосредственно командующим войсками, а копии передавать командиру поверенной части для принятия соответствующих мер.

6. Всем начальствующим лицам, инспекторам и разного рода инспекционным комиссиям, при каждом посещении войсковой части или учреждения, независимо от цели посещения, обязательно поверять на выдержку, хотя бы и не во всех ротах (эскадронах, батареях, командах), наличие у красноармейцев служебных книжек и правильность занесения в них всех сведений, сверяя таковые со строевой и хозяйственной отчетностью части или учреждения, а также с наличием у красноармейцев выданных им предметов снабжения.

7. При обнаруживании после «недели служебной книжки» отсутствия таковых на руках у красноармейца или невнесения в них требуемых сведений, начальникам, командирам и комиссарам налагать на виновных максимальные взыскания в пределах представленной им власти или предавать суду.

Всем начальствующим лицам объявлять широко в приказах результаты поверок, а также и о тех мерах наказания, кои явились следствием обнаруженных недочетов.

8. Во всех случаях отправления красноармейца из части войск, управления, учреждения и заведения военного ведомства, а равно при выписывании из военно-лечебного заведения, на всех сопроводительных документах, частью, выдавшей таковые, под личной ответственностью лиц, подписывающих документы, обязательно указывать в тексте сопроводительных документов о наличии у убывающего красноармейца служебной книжки и, в необходимых случаях, арматурного списка, с указанием номера и времени их выдачи, без чего проездного документа не выдавать.

В случае обнаружения непроставления в документах красноармейца этих отметок, учреждениям, коими обнаружен такой случай, немедленно

сообщать комвойсками соответствующего округа для предания суду командира и комиссара части, как лиц, способствующих расхищению народного достояния.

9. В случае утраты «служебной книжки красноармейца» или «арматурного списка», утративший таковые обязан тотчас же сообщить об этом по команде, а при нахождении в пути или вне местонахождения своей части—ближайшему коменданту или лицу, его заменяющему, указав № книжки, откуда и когда выдана, о чем комендант или лицо, его заменяющее, выдает утерявшему удостоверение и уведомляет о том часть, выдавшую книжку.

10. В случае утери книжки в месте нахождения части, красноармейцу немедленно дается дубликат таковой, а на виновного налагается арест в дисциплинарном порядке. Красноармеец, утерявший служебную книжку вне своей части, подвергается тому же взысканию по возвращению в часть.

11. В случае обнаружения умышленного сокрытия книжки или арматурного списка с целью получения неположенных по закону предметов довольствия, виновный немедленно арестовывается и предается суду, как за покушение на расхищение народного достояния.

12. Настоящий приказ вывесить на видном месте в помещении всех без исключения рот, эскадронов, батарей и команд Красной Армии.

13. Ввести в действие по телеграфу.

Приказ

Революционного Военного Совета Республики

28 февраля 1922 г., № 515, г. Москва.

Почти одновременно с созданием Красной Армии началась в рядах ее борьба с тяжелым наследием старого строя — неграмотностью красных бойцов.

Не взирая на тяжесть походной и фронтовой жизни, в армии ни на минуту не прекращалась эта борьба, давшая крайне ценные результаты. Если в старой царской армии насчитывалось до 85% неграмотных, то в Красной Армии, после принятия соответствующих мер, было уже 85% грамотных. К концу 1920 года, армия приблизилась вплотную к моменту полного разгрома не только последнего крупного наемника иностранного капитала, барона Врангеля, но также и другого злейшего врага трудящихся масс—неграмотности, т.-е. полной тёмноты.

Но только с того времени, когда армия перешла на мирное положение, представилась возможность вполне планомерной борьбы с неграмотностью. В настоящее время в некоторых частях, особенно в связи со свежими пополнениями, имеется еще довольно большой % неграмотных красноармейцев.

Таких не должно быть.

Нужно поставить задачей ликвидировать в армии, во что бы то ни стало, безграмотность ко дню военного праздника пролетарской солидарности всего мира, к 1-му мая 1922 года и праздник Первого Мая сделать в этом году праздником поголовной грамотности в армии.

Предлагается всем командирам, комиссарам и политработникам с величайшей энергией повести кампанию по борьбе с неграмотностью в частях неуклонно, и со всей настойчивостью, проводя в жизнь положения приказа РВСР 1921 г., № 2915. [38]

В развитие названного приказа и в дополнение пункта третьего его приказывается:

1. Немедленно же под ответственностью командиров и комиссаров частей произвести тщательную поверку состояния грамотности в частях и результаты учета неграмотных сообщить в соответствующую инстанцию по команде.

2. Не нарушая налаженной работы в действующих к моменту издания настоящего приказа красноармейских школах грамоты и повышенного типа,

всех неграмотных в полках выделить в особые школьные роты, эскадроны, в прочих отдельных частях — в особые школьные команды.

3. Там, где окажется недостаток в опытных учителях специалистах, а также в тех частях, по роду службы коих (крайняя разбросанность частей и проч. условия) невозможно полностью провести выделение неграмотных в отдельные школьные команды, — провести обучение неграмотных красноармейцев методом товарищеского взаимообучения, по возможности под руководством опытных школьных инструкторов и специалистов учителей.

Для этого неграмотных красноармейцев разделить на группы, числом не более 5-ти человек, прикомандировывая к каждой группе лиц из комсостава или хорошо грамотных красноармейцев, которым поручить под руководством специалистов школьных работников заниматься с неграмотными красноармейцами.

4. На школьные занятия отвести ежедневно возможно большее число часов.

5. Освободить неграмотных красноармейцев, привлеченных к школьным занятиям, от всех нарядов и командировок, за исключением внутренних нарядов по команде, и лишить права отпусков на все время обучения.

Означенную меру распространить также на тех красноармейцев, которые будут привлечены к занятиям с неграмотными в качестве учителей.

6. Распоряжением начальников дивизий и лиц, равных им по власти, в конце апреля произвести поверку состояния грамотности во всех подчиненных им частях, выделив наиболее отличившихся из них для представления к наградам. Окончившим курс обучения выдать аттестат грамотности.

7. Командирам и комиссарам, по выяснении результатов работы представить по команде к награде наиболее отличившихся учителей, каковую выдать по усмотрению командующих войсками округов.

8. О наиболее отличившихся частях в работе по ликвидации неграмотности объявить в приказе по округу (фронту) и донести в РВСР.

9. С возможно большей торжественностью организовать праздник поголовной грамотности в армии, который в нынешнем году должен совпасть с пролетарским праздником 1-го мая.

10. В целях лучшей организации кампании по ликвидации неграмотности в частях Политотделом Красной Армии следует обращаться за помощью к органам Наркомпроса на местах.

11. Главполитпросвету и органам Наркомпроса на местах (Губоно, Губполитпросветам) предлагается оказывать всемерную поддержку Красной Армии.

12. Уполномоченному РВСР по обслуживанию Красной Армии и Флота предметами и пособиями культурно-просветительного характера

принять срочные меры по снабжению школ грамоты необходимыми пособиями (букварями, задачниками, писчебумажными принадлежностями и методическими руководствами).

Управлению снабжения Наркомпроса оказать всемерное содействие в получении необходимых вышеперечисленных предметов в распоряжение уполномоченного РВСР.

13. Настоящий приказ ввести в действие по телефону и прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, командах и судах.

К вопросу о военной пропаганде.

I.

Почто-телеграмма тов. Полонскому, копия тов. Склянскому, Главкому, Начальнику Штаба РККА 16 марта 1922 года.

Нам надо выпустить книжку — сборник «Образцовый Отделенный». Цель книжки — поднять значение отделенного, как в его собственных глазах, так и в глазах над ним и под ним стоящих. Сборник мог бы состоять из нескольких статей, характеризующих роль отделенного, как воина, организатора, воспитателя — начальника, боевого командира. Отделенный должен сочетать в своем лице командира и комиссара, т.-е. военного начальника и политического руководителя. Опираясь на такого отделенного, мы перейдем постепенно к единоличию во всем строении армии.

К книжке могли бы быть приложены наиболее существенные приказы и инструкции, касающиеся отделенного командира, а также — указатель наиболее важных для отделенного командира учебников и пособий. Я бы написал к этому сборнику предисловие (после ознакомления с рукописями статей сборника). Думаю, что книжка должна быть не более 3-х, максимум 4-х печатных листов; каждая статья — не больше 8-ми страничек. Статьи должны быть тщательно обработаны, просто и отчетливо написаны. За эти статьи следовало бы уплатить высокий гонорар.

Прошу двинуть это дело ускоренным темпом [34].

Из архива.

II.

Почто-телеграмма тов. Полонскому, копия т.т. Склянскому, Каменеву, Лебедеву 24 марта 1922 года.

Что, если нам попытаться для красноармейцев и низшего командного состава издать книжку на-манер суворовской «науки побеждать», но, разумеется, без неправильного названия «науки», ибо военное дело не наука, а искусство (не в обиду будь сказано нашему толстому журналу, который называется «военной наукой»)? Задачи книжки дать в кратких, простых и выразительных, по возможности образных формулах ответ на важнейшие задачи военного дела, хорошо бы даже (опять-таки по-суворовски) с на-

глядными символическими рисунками и чертежами так, чтобы запоминалось крепко.

Разумеется, такую книжку нельзя писать, как газетную или журнальную статью. Ее должно писать тщательно, любовно. Может быть, она могла бы явиться продуктом коллективного труда (путем предложения разных вариантов, их обсуждения и согласования). Окончательное редактирование в центре могло бы придать такой книжке необходимое единство. Книжка должна быть небольшая, страниц в 16—32.

Вот это был бы более правильный подход к единой «военной доктрине», т.-е. выработке программы воспитания и обучения, чем повторение общих мест насчет маневренности и революционности, что у нас в большом ходу.

Оглушить себя и других общей формулой — самое легкое дело. Просто, деловым порядком (а по возможности и образно) изложить отделенному сущность задач Красной Армии, — дело очень трудное, и вовсе не с точки зрения формы, а, именно, с точки зрения содержания: если нет ясных законченных конкретных мыслей, то это беспощаднее всего обнаруживается, когда пытаешься выразить их просто и ясно, в качестве учителя.

Мы все говорим о пересмотре уставов, — вещь полезная и необходимая и поставленная уже на очередь, кажись, больше двух лет тому назад. Но уставы вещь объемистая, со многими деталями, и самый пересмотр может утонуть во второстепенных вопросах. А вот, если попытаться дать самое краткое изложение сущности обязанностей, задач, приемов и методов Красной Армии, то эта работа может оказаться архивоспитательной прежде всего, для тех руководящих элементов, которые в ней примут участие. Если эту работу одолеем, то пересмотр уставов пойдет гораздо легче.

Может быть, сообщить это же предложение округам? Может быть, от округов пойдут отдельные счастливые предложения (по мысли и по формулировке)?

Прошу Редакционный Совет обсудить и дать на отзыв отдельным компетентным товарищам. Прошу также заключения по моему предложению относительно сборничка для отделенного [35].

Из архива.

Военные Академии и беспартийные.

Письмо в редакцию „Известий ВЦИК".

В номере втором петроградского журнала «Военное обозрение» в корреспонденции из Москвы говорится:

«В декабре состоялась в Москве конференция комячеек военно-учебных заведений; на этой конференции тов. Петровский произнес обстоятельную речь о международном положении и вытекающих из него задачах военно-учебных заведений. Далее, на конференции, тов. Троцким был поднят вопрос о приеме в высшие учебные заведения и не партийных работников (прием нынешнего года в Военные Академии был произведен исключительно из числа коммунистов); тов. Троцкий находит, что в виду большого количества лиц командного состава, не принадлежащих к партии РКП, следовало бы допустить прием в Академии наиболее способных из числа беспартийных. По этому вопросу на конференции происходили оживленные прения, но окончательно вопрос не был решен».

В этих строках дается совершенно ложное изображение дела. Я не ставил и не мог ставить на разрешение конференции комячеек вопрос о том, допускать ли или не допускать в Военные Академии беспартийных. Я лишь разъяснил на конференции, что РВСР широко открывает двери всех Военных Академий способным, трудолюбивым и добросовестным командирам как партийным, так и непартийным. Заявление автора, будто «окончательно вопрос не был решен» свидетельствует лишь о том, что автор не знает, как решаются подобные вопросы: не на конференциях комячеек, а соответственными государственными органами, — в данном случае Революционным Военным Советом Республики.

Двери Военных Академий открыты перед всяким добросовестным и преданным Красной Армии военным работником. Коммунистической партии совершенно чужда мысль требовать по отношению к Военным Академиям монополии для своих членов.

31 марта 1922 г.
«Известия ВЦИК», № 71.

Письмо красноармейцу.

Друг красноармеец!

Я пишу тебе ко дню Первого Мая. И ты читаешь мои строки. Грамота связывает нас воедино: в этом ее великая сила.

Все, что тысячи человеческих поколений до нас видели, испытали, совершили, записано в книгах. Записано все, чему люди научились до сих пор. И раз ты грамотен, тебе все это ныне доступно.

Тебя научила читать Красная Армия. Я тебя братски поздравляю с этим великим успехом: ибо теперь у тебя в руке ключ, которым открывается дверь науки.

Но не останавливайся на полдороге. Тот, кто малограмотен часто забывает грамоту. Надо утвердиться в чтении, а потом и в письме. Надо научиться читать бегло, легко, свободно, без усилия и запинки. Упражняйся в чтении всякую свободную минуту.

Сколько есть на свете прекрасных стихотворений, песен, рассказов, исторических и научных книг. Целый океан мысли человеческой. А сколько еще будет создано книг, более прекрасных, чем все ныне существующие. Ведь люди не стоят на месте, а идут вперед. Как только мы залечим раны нашей страны, поднимем хозяйство, улучшим и украсим жизнь, — все население у нас освободится и двинется вперед.

Смотри же, друг, не отставай. Учись, не теряй времени. Равняйся по передовым!

«Красноармеец», № 47, май 1922 г.

Привет славной дивизии!

Телеграмма 16-й дивизии имени Киквидзе.

Приветствую старейшую славную дивизию Красной Армии в день ее четвертой годовщины. На полях Украины, Дона и Польши записана ее славная история. Героический дух ее отца и вождя Киквидзе реял над нею в часы тягчайших испытаний. Молодые бойцы 16-й дивизии, равняйтесь по старикам, вдохновляйтесь заветами Киквидзе![36]

«Известия ВЦИК»,
17 мая 1922 г., № 108.

Приказ

Революционного Военного Совета Республики

20 мая 1922 г., № 1247, г. Москва.

Благодаря энергии и настойчивости, проявленной командным и комиссарским составом сверху донизу, и особо усердной и вдумчивой работы политпросветработников и учителей кампания по ликвидации неграмотности в Красной Армии и Флоте по приказу Реввоенсовета Республики 1922 г. № 515 дала к установленному сроку очень значительные и ценные результаты.

В систематическую школьную работу были втянуты десятки тысяч неграмотных красноармейцев и моряков, и в день первомайского праздника неграмотные красноармейцы были весьма редким исключением. Командующие войсками округов и армий, комиссары и командиры дивизий, бригад, полков и проч. частей сделали все для выполнения боевого задания.

Пуокры, Поармы, Подивы и политпросветработники и учителя сумели поставить дело обучения в школах так, что вызвали у красноармейцев горячее стремление к обучению грамоте и повышению своего культурно-политического уровня, оживив тем самым остальные виды политпросветработы в Красной Армии и Флоте.

В работу были вовлечены партийные и советские организации (Парткомы, Исполкомы, органы Наркомпроса на местах и органы Профсоюза работников просвещения).

Во многих местах существенную поддержку Красной Армии и проводимой кампании оказали шефы.

Благодаря энергичным и своевременно принятым мерам органами снабжения, как в центре, так и на местах, школы грамоты были удовлетворены всеми школьными пособиями, необходимыми для ликвидации неграмотности.

Но достигнутый успех, как и на всяком боевом фронте, не может считаться полным, если не будут закреплены завоеванные позиции: врага нужно не только разбить, но и добить, уничтожив его до конца. Темнота, невежество, неграмотность трудящихся являются не менее опасным и упорным врагом, чем контр-революционеры и белогвардейцы всего мира. В некоторых частях, вследствие различных непреодолимых препятствий, к 1-му мая не удалось ликвидацию неграмотности закончить на 100%. Наскоро обученным красноармейцам грозит опасность рецидива (возврата) неграмотности.

В виду этого, в целях дальнейшей успешной борьбы с неграмотностью и малограмотностью красноармейцев и военморов, а также во избежание рецидива безграмотности приказываю:

1) В целях закрепления знаний красноармейцев, окончивших школы грамоты к 1-му мая с. г. сохранить команды неграмотных и малограмотных сошкольным аппаратом так, чтобы каждый красноармеец, окончивший 1-е отделение школы грамоты, мог закрепить и расширить полученные знания и навыки во 2-м отделении школы грамоты, в объеме программ, опубликованных приказом Пачпур'а за № 104.

2) Продолжить кампанию по ликвидации неграмотности и малограмотности в Красной Армии и Флоте до 15-го июля с. г.

3) Прибывших в части неграмотных из командировок, отпусков, госпиталей и т. д.—немедленно привлечь к школьным занятиям.

4) Сохранить ответственность за успешное ведение занятий в школьных ротах, эскадронах и командах за командирами и комиссарами частей.

5) Не нарушать установившейся связи с партийными и гражданскими организациями, Главполитпросветами и его органами на местах.

6) При проведении занятий руководствоваться приказами РВСР 1921 г. № 2915 и 1922 г. № 515, причем действие последнего приказа продлить до 15-го июля 1922 года.

7) Настоящий приказ ввести в действие по телеграфу и прочесть во всех ротах, эскадронах, командах, батареях и на судах.

Приветствие главнокомандующему С. С. Каменеву.

8 июля 1922 г.

Дорогой Сергей Сергеевич!

Сегодня три года Вашей службы Революции на посту Главнокомандующего. Годы были тяжкие, и служба была тяжкая. А результаты налицо: Рабоче-Крестьянская Россия ограждена, и Красная Армия учится на прошлом и готовится к будущему. Крепко желаю Вам здоровья и бодрости, ибо впереди еще долгий путь революционной службы и борьбы.

Сердечно жму Вашу руку.

Преданный Вам Л. Троцкий.

Приказ

Революционного Военного Совета Республики

25 июля 1922 г., № 1761, г. Москва.

Герою карандаша и кисти.

В первый период гражданской войны, когда положение Республики было особенно тяжким, и русская интеллигенция в подавляющем большинстве снова поддерживала врагов Советской власти или выжидательно жалась в сторонке, одним из первых отдал свой талант на служение Революции художник Моор (Дмитрий Стахиевич Орлов).

Непрерывно работая в военном ведомстве с начала 1919 г., т. Моор оказал громадные услуги Красной Армии своей яркой кистью и острым карандашем.

Товарищи-красноармейцы помнят его революционные плакаты, подымавшие боевой дух и освещавшие пути борьбы.

За время своей трехлетней работы тов. Моор дал Красной Армии около 150 картин и плакатов, размноженных в миллионах экземпляров, и большое количество рисунков, помещенных в журнале «Красноармеец» и отдельных книжках.

Рабоче-Крестьянская Красная Армия ценит таких самоотверженных друзей, и РВСР, отмечая заслуги т. Моора перед революцией, объявляет ему благодарность за геройскую работу по роду его оружия: карандаша и кисти.

Приказ

Председателя Революционного Военного Совета Республики по Красной Армии и Красному Флоту

24 октября 1922 г., № 273, г. Москва.

Допризыв 1901 года закончен!

Товарищи красноармейцы и военморы!

Допризыв 1901 года закончен, и он подтвердил вновь, что за Красной Армией стоит вся страна рабочих и крестьян. Допризыв прошел везде с большим подъемом и завершился полным успехом. [37]

В иных губерниях наряд намного превзойден. Значителен приток добровольцев.

Призывники являлись на сборные пункты стройными рядами, с красными знаменами и революционными песнями.

Красноармейцы-старослужащие! По-братски встретьте новичков. Пусть найдут новую семью, временно покидая родной угол. В Красной казарме— им дружное товарищество и красная школа.

К 1-му января все новобранцы перейдут на положение старослужащих. Среди них не должно быть неграмотных. Они должны твердо усвоить начатки военной учебы. Ваша задача помочь им в учебе, подготовить себе равных.

Красные командиры, комиссары, политруки!

Страна послала вам в учебу своих детей, чтобы сделать из них твердых, надежных бойцов—сознательных граждан. Обязанность ваша высока и ответетственность велика. Срок службы краток, за работу!

Пусть через три месяца с полным сознанием своего долга и полной готовности к честной службе каждый новобранец убежденно повторит за вами слова Красной присяги:

«Я, сын трудового народа, гражданин Советской Республики, принимаю на себя звание воина Рабоче-Крестьянской Красной Армии».

Приказ

Председателя Революционного Военного Совета Республики по Красной Армии и Красному Флоту

24 октября 1922 г., № 274, г. Москва.

Занятие Владивостока.

Сегодня, 25 октября, в 4 часа дня, войска Дальне-Восточной Республики, составляющие нераздельную часть Рабоче-Крестьянской Красной Армии, вступили во Владивосток, очищаемый японскими и белогвардейскими оккупантами. Россия вернула себе свой выход в Тихий океан.

Поздравляю Красную Армию и Красный Флот! Слава рабочим, крестьянам и воинам нашего Дальнего Востока! [38]

Телеграмма

Реввоенсовету Черноморского Флота.

Посетил дивизион истребителей. Несмотря на трудные условия, достигнуты значительные успехи в деле возрождения Красного Флота. Отныне шаг за шагом, уверенно, настойчиво и систематично будем продвигаться вверх. Реввоенсовет Республики будет прилагать все усилия к тому, чтобы улучшить положение военных моряков и в частности командного и комиссарского состава. Тяжкие условия свели наш флот к минимуму. Тем важнее и тем необходимее, тем обязательнее сделать его образцовым во всех отношениях. Да здравствует Красный Флот!

**«Известия ВЦИК»,
29 октября 1922 года, № 245.**

Приказ

Председателя Революционного Военного Совета Республики

9 ноября 1922 г., № 275, г. Москва.

Приказом Реввоенсовета Республики за № 515 от 28 февраля 1922 г. неграмотность в Красной Армии и Красном Флоте была полностью ликвидирована к празднику первого мая. Летом шла настойчивая работа по обучению малограмотных и по укреплению полученных знаний. Отпущенные в бессрочный отпуск в города и деревни старые возрасты стали там в значительной мере носителями просвещения и сплочения трудящихся масс. Но державшаяся царским правительством в темноте и невежестве рабочая и особенно крестьянская масса населения еще долго не сможет давать армии вполне грамотных красных солдат.

На смену отпущенным домой пришли свежие пополнения и снова с большим числом неграмотных.

Красная казарма должна стать для них школой. Всех их надо во что бы то ни стало обучить грамоте и притом в самый короткий срок, чтобы они могли лучше изучить военное дело и научиться отличать, где друзья и враги рабоче-крестьянской власти.

Предлагаю всем командирам, комиссарам, политработникам и учителям повести настойчивую работу по ликвидации неграмотности среди пополнений, руководствуясь приказом Главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики от 25 сентября 1922 г. за № 25. [39]

1) Немедленно, под ответственностью командиров и комиссаров частей, произвести проверку состояния грамотности в частях;

2) Всех неграмотных в частях для удобства обучения выделить в отдельные команды на трехмесячный срок обучения;

3) Закончить ликвидацию неграмотности среди пополнений к 1 февраля 1923 г.

Ко дню празднования годовщины основания Красной Армии, т. е. к 23 февраля 1923 г., поголовно грамотная армия должна уметь прочесть текст своего торжественного обещания.

4) Лицам из командиров, политработников, красноармейцев и учителей, среди наиболее отличившимся в работе по ликвидации неграмотности пополнений, выдать награды по усмотрению командующих войсками округов.

5) Настоящий приказ ввести в действие по телеграфу и прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, командах и на судах.

«Известия ВЦИК»,
9 ноября 1922 г., № 253.

Приказ

Революционного Военного Совета Республики

21 декабря 1922 г., № 2846, г. Москва.

IX Всероссийский Съезд Советов, отметив значение Рабоче-Крестьянского Красного Флота в деле защиты морских границ Советской Республики, возложил на военных моряков трудную и ответственную задачу строительства Красного Флота.

Год неустанной работы лучшей части революционных моряков дал положительные результаты.

Установление шефства ЦК РКСМ над флотом положило начало участию широких рабоче-крестьянских масс в деле его строительства.

Для дальнейшего укрепления его мощи и усиления связи военных моряков с трудящимися массами Советской Республики с 15 по 22 января 1923 года будет проведена «Неделя Красного Флота».

В эту неделю, каждый красноармеец, командир и политработник должен уяснить значение военного флота для Советской Республики и достигнутые успехи в деле его строительства.

Реввоенсовет Республики приказывает:

1) В базах Красного Флота устроить морские парады, на которых флотам принять шефские знамена от Российского Коммунистического Союза Молодежи. Сухопутным войскам всех родов оружия участвовать в парадах по указанию старших войсковых начальников.

2) Политическому и командному составу армии и флота использовать кампанию для установления тесной связи и взаимного сближения красноармейцев и краснофлотцев, помня, что защита сухопутных и морских границ Советской Республики есть дело всех трудящихся нашей страны.

Приказ

Революционного Военного Совета Республики

23 декабря 1922 г., № 2848, г. Москва.

I

Сила Красной Армии и ее глубочайшее отличие от буржуазных армий — в ее моральной сплоченности и в товарищеской спайке, которые выражаются единством великой революционной цели.

Командир есть старший, более опытный товарищ. Начальник есть авторитетный руководитель и воспитатель. Дисциплина основана на сознательности и неразрывно связана с уважением к человеческому достоинству каждого красноармейца. Дисциплина может быть строгой, даже суровой, но не унизительной. Беспощадно должно искореняться все то, что прямо или косвенно разрушает или подрывает единство Красной Армии. А такие факты — наследие рабского прошлого — продолжают встречаться в некоторых частях.

Грубость в отношении подчиненных, тыканье, цуканье, брань — этим проявлением сословно-кастовой военщины не место в Красной Армии. За пьянство подчиненных отвечают прежде всего комиссар и командир части. Наконец, случаи нанесения ударов подчиненному, свидетельствующие о том, что крепостнически-рабские навыки дожили до нашего дня, такие случаи, как бы единичны они ни были, должны вызывать к себе величайшее внимание, строжайше расследоваться и беспощадно караться. Виновных в рукоприкладстве — под суд Реввоентрибунала!

II

Комиссия РВСР, под председательством Помначпур'а тов. Павловского, установила в 33 пехотной стрелковой дивизии крайне нездоровые, а отчасти и прямо преступные явления.

1. В 99 полку и артдивиколе за последние два месяца имело место несколько случаев организованного пьянства командного и политического состава.

2. Это пьянство производилось на глазах подчиненных и притом на экономические и полученные от шефов средства данной части.

3. В 98 полку высший командный состав попустительствовал появлению пьяных политработников и командиров на торжественном заседании в день годовщины Октябрьской Революции.

4. Часто наблюдалось грубое обращение с красноармейцами.

5. Установлены случаи рукоприкладства со стороны комсостава, причем виновные далеко не понесли должного наказания.

Приказываю:

1. Начальника и военного комиссара 33 дивизии с должностей сместить с преданием суду Реввоентрибунала за попустительство.

2. Командира и комиссара 99 полка, начальника и комиссара артдившколы—с должности сместить с преданием суду Реввоентрибунала за поведение, несовместимое с духом Красной Армии и долгом воинских руководителей.

3. Командира и комиссара 98 полка за дискредитирование Красной Армии с должностей снять с передачей в распоряжение Штаба и Пуокра.

4. Реввоентрибуналу следствием установить остальных виновных для наложения соответствующих взысканий.

5. Реввоентрибуналу возбудить судебное преследование против командиров, допустивших физическое оскорбление личности подчиненных.

Командованию Приволжского округа ставлю на вид непринятие своевременно должных мер и требую впредь большей бдительности.

Приказ огласить в печати и прочесть во всех отдельных воинских частях.

Приказ

Революционного Военного Совета Республики

6 января 1923 г., № 59, г. Москва.

Сокращение Красной Армии делает задачу военно-учебных заведений особенно ответственной. Они призваны дать Красной Армии вполне подготовленных кадровых командиров, стоящих на высоте современных требований военного дела.

Нормальная военная школа уже начала выпускать красных командиров, имеющих серьезную трехгодичную подготовку. Перед армией стоит задача выработать из этих красных командиров вполне достойных Красной Армии, опытных и твердых военных начальников. Подтверждая к неуклонному исполнению приказ Главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики за № 33 сего года [40], Революционный Военный Совет Республики предлагает командующим войсками округов озаботиться немедленной организацией правильных занятий в частях с молодыми красными командирами.

Военная школа может дать предварительную подготовку будущему командиру. Работа школы будет успешной лишь в том случае, если часть, в которую попадает краском, превратится для него в практическую школу, завершающую дело, начатое в военно-учебном заведении.

В целях обеспечения более нормальной работы военно-учебных заведений, Революционный Военный Совет Республики приказывает:

1) Привлекать курсантов к караульной службе только в той мере, в какой это необходимо для учебных целей.

2) Не отрывать курсантов для посторонних учебе задач и всемерно стремиться к освобождению ВУЗ от всяких работ по самоснабжению.

3) Окружить школу должным вниманием, чтобы обеспечить ей возможность правильного выполнения возложенных на нее исключительно важных задач.

Приказ

Председателя Революционного Военного Совета Республики

22 апреля 1923 г., № 278, г. Москва.

Командирам и комиссарам.

Красная Армия сжата численно до крайнего предела. Перестройки будут отныне производиться не так часто, как ранее. Кадровый состав все больше должен специализироваться и совершенствоваться в своей работе. А значит, что чем дальше, тем больше командиров и комиссаров будут сливаться в одном лице.

Причины двойственности в командном и административном аппарате Красной Армии известны всем: революционеры не знали военного дела, а военные люди не знали или не хотели знать революции. Революционному воину нужно не только обучение, но и воспитание, не только командование, но и политическое руководство. Вот почему во главе воинских частей и военных учреждений революция на ряду с командиром поставила комиссара. Без этого революция не победила бы, без этого мы не имели бы ныне Красной Армии, построенной по образцу и подобию самой революции.

Однако, организационная двойственность установлена не на вечные времена. Комиссарский кадр ныне не временный, как в первый период гражданской войны, а постоянный. Это значит, что каждый комиссар должен стремиться овладеть военным делом, чтобы стать со временем законченным начальником. С другой стороны, каждый командир, заслуживающий этого имени, должен быть не только инструктором, но и воспитателем, не только боевым начальником, но и революционным руководителем. Командир и комиссар должны с течением времени слиться в одном лице.

Но перейти к этому новому режиму сразу нельзя. Нужна большая осторожность, строгая постепенность. Нужно, чтобы нынешние комиссары стали командирами, а нынешние, по крайней мере, молодые командиры научились выполнять обязанности комиссаров, эту цель нужно себе поставить. Итти к ней надлежит осторожно, но твердо и уверенно.

Новый шаг в этом направлении сделан прежде всего применительно к центральным административно-хозяйственным управлениям и учреждениям. Мера эта, помимо общепринципиальных соображений, вызывается также необходимостью дальнейшего сокращения штатов.

Кое-где, как сообщают, соответственный приказ Революционного Военного Совета Республики был понят в том смысле, что предстоит уже в ближайшем будущем полная ликвидация корпуса комиссаров, и что этому предшествует отодвигание комиссара на задний план. Если приказ был так понят, стало быть, он плохо формулирован. Ныне Революционным Военным Советом Республики даны необходимые разъяснения. Основная наша задача не в том, чтобы подчинить комиссара командиру, а в том, чтобы в одном лице слепить эти две функции, одинаково важные, одинаково необходимые. Во всех тех случаях, где это еще не осуществимо, и до тех пор пока это не осуществимо, командир и комиссар работает попрежнему рука об руку; их права и обязанности, их взаимные отношения остаются теми же, какими были до сих пор.

Приказ

Председателя Революционного Совета Республики

23 апреля 1923 г., № 279, г. Москва.

Демьян Бедный, меткий стрелок по врагам трудящихся, доблестный кавалерист слова, награжден ВЦИК — по представлению РВСР — орденом Красного Знамени.

За все время гражданской войны Демьян Бедный не покидал рядов Красной Армии. Он участник ее борьбы и ее побед.

Ныне Демьян в бессрочном отпуску. Пробьет час—и армия призовет его снова.

Узнав о награждении своего поэта, каждый Красный воин скажет: «Спасибо Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету. Награда по заслугам!»

Письмо

2-му Всероссийскому Совещанию военморов-коммунистов.

Дорогие товарищи! Я до последней степени огорчен тем, что спешная и неотложная комиссионная и редакционная работа, связанная со съездом, не дает мне никакой возможности посетить вашу конференцию. Я ни мало не сомневаюсь, что вторая конференция военморов-коммунистов явится новой вехой на пути упорядочения, улучшения и укрепления нашего Красного Флота.

Мы все отдаем себе, разумеется, полный отчет в том, что развитие Красного Флота может совершаться лишь медленно и постепенно. Тем важнее и необходимее ввести в эту работу **строгое единство замысла и плана**. В области Красного Флота, как и Красной Армии, нам нужна строго продуманная перспективная программа, рассчитанная не менее, как на 5 лет. Только в рамках такого рода перспективы мы сможем правильно и последовательно использовать государственные кредиты и обеспечить Красный Флот действительно обученным и воспитанным человеческим материалом. Разработка такого рода пятилетней программы должна совершаться не канцелярским только путем, но в живом обмене мнений передовых элементов флота, с учетом уже накопившегося опыта в каждой его живой единице. За истекшее пятилетие мы всей обстановкой были вынуждены работать без системы, без плана, приспособляясь изо дня в день к обстоятельствам. Оправданием этому героическому и хаотическому периоду является то, что мы победили наших врагов, при чем Красный Флот в борьбе и победах занимал виднейшее место. Но второе пятилетие не будет похоже на первое. Мы отвоевали себе возможность более систематично работать и мы накопили серьезный опыт. Нам нужно ныне строить Красный морской флот не изо дня в день, а по более широко рассчитанному чертежу, разумеется, строжайшим образом согласованному со всей системой нашей обороны. В то же время в практическую работу сегодняшнего дня нам нужно ввести как можно больше точности и детальности. Работать по более широкому чертежу, более тонким инструментом, таков, на мой взгляд, лозунг того периода, в который мы вступаем.

От души желаю вам успеха.

Ваш **Троцкий**.

«Правда»,
25 апреля 1923 года, № 90.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора по Красной Армии и Красному Флоту

26 мая 1923 г., № 280, г. Москва.

Состоявшийся на днях 2-й Всероссийский Съезд по ликвидации безграмотности очень сочувственно и горячо отметил работу Красной Армии в деле борьбы с безграмотностью. Привет работников-просветителей нам очень дорог, но не должен побуждать нас к самообольщению. Неграмотность в Красной Армии ликвидирована только вчерне. Большинство красноармейцев вернется в безграмотную деревню, и там недоучившимся грозит неизбежная опасность разучиться вовсе. А нам необходимо достигнуть того, чтобы каждый красноармеец, вернувшись в свою деревню, стал активным борцом с безграмотностью. Для достижения этой цели, помимо правильной, организованной, плановой работы всего военного аппарата необходимо еще постоянное воздействие более грамотных, более сознательных, более культурных красноармейцев на отсталых. Нужно, чтобы неграмотность и полуграмотность почитались в Красной Армии позором, от которого каждый стремился бы избавиться как можно скорее.

Борьба с безграмотностью лишь первый шаг к великой борьбе с нищетой, грубостью и всем прочим наследием рабства. Будем же об этом помнить каждый день и час.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Союза Советских Социалистических Республик и Наркомвоенмора

29 октября 1923 г., № 281, г. Москва.

Красная Армия и Красный Флот приветствуют красную молодежь с пятилетним существованием ее союза. Вооруженные силы Советской Республики росли и крепли параллельно с ростом пролетарских и крестьянских организаций, и в частности — Коммунистического Союза Молодежи. Повторные мобилизации молодежи в трудные часы являлись одним из вернейших путей к обеспечению победы.

Освобождая из своих рядов старшие возрасты, армия и флот тем теснее и плотнее примыкали к молодежи. Шефство Комсомола над военно-морским флотом сыграло крупную роль в возрождении наших морских сил. Активное внимание Союза к воздушному флоту является залогом его развития. Неоценимо значение организационно-воспитательной работы Союза в деле допризывной подготовки, которая должна стать и станет в ближайшие годы основой нашей обороны.

Доколе рабоче-крестьянская молодежь будет вдохновляться идеями Коммунистического Союза Молодежи, никакие бури и испытания не сломят и не потрясут нас.

От имени Красной Армии и Красного Флота Революционный Военный Совет Союза Советских Социалистических Республик вручает Центральному Комитету Коммунистического Союза Молодежи знамя, как выражение привета, благодарности и братства.

Приказ

Революционного Военного Совета СССР

8 декабря 1923 г., № 2656.

Сегодня, 8 декабря, Военная Академия РККА празднует свою пятилетнюю годовщину.

Этот день достоин быть отмеченным не только в календаре армии, но и в календаре Республики.

Пять лет тому назад приказ Реввоенсовета призвал к жизни Красную Академию. Она строилась в исключительно трудных условиях, не унаследовав от прошлого ни аппарата управления, ни готового кадра профессуры, ни даже необходимого имущества. Все приходилось создавать заново в обстановке острой гражданской борьбы и тяжелых материальных невзгод.

Прошедшие годы были для Академии периодом величайшего напряжения. Они теснейшим образом переплетаются с жизнью Красной Армии, с ее боевой работой, невзгодами, успехами, временными поражениями и конечной победой.

В эпоху великой гражданской борьбы слушатели Академии, а также часть нынешней профессуры, сочетая научно-учебную работу с боевой, мужественно боролись за Советскую Республику, что и было ознаменовано в свое время награждением орденом Красного Знамени как самой Академии в целом, так и значительной части ее личного состава.

Период наступившего затишья полон упорного труда, напряженных исканий и достижений. Стремясь проложить новые пути в научно-учебной работе, Военная Академия неуклонно продвигалась вперед по дороге живого творчества, единого с целями и задачами Красной Армии.

Уже три волны красных военных работников высокой квалификации влились из Академии в ряды армии; три новых волны набираются сейчас сил, знаний и умения в Академии.

Впереди еще много работы. Надо совершенствоваться, итти вперед и вести за собой других.

Единство полей сражения в прошлом, общность целей и интересов связывают Военную Академию с трудящимися всех народов Союза и Красной Армией.

Народы Советского Союза всегда с особым вниманием, заботой и любовью относились к своей Красной Академии, лаборатории организаторской военной мысли и практических достижений.

Горячо приветствуя Краснознаменную Военную Академию в день ее пятой годовщины, Реввоенсовет СССР благодарит ее за тяжелую и полезную службу и уверен в дальнейшей дружной и плодотворной работе всего ее состава для укрепления мощи нашего Союза и его Красной Армии.

КРОНШТАДТСКИЙ МЯТЕЖ

Мятеж б. генерала Козловского и корабля „Петропавловск".

Правительственное сообщение.

Уже 13 февраля 1921 г. в парижской газете «Утро» появилась телеграмма из Гельсингфорса от 11 февраля о том, что будто бы в Кронштадте произошло восстание моряков против Советской власти. Французская контр-разведка только несколько опередила события. Через несколько дней после указанного срока действительно начались события, ожидавшиеся и несомненно подготовлявшиеся французской контр - разведкой. В Кронштадте и Петрограде появились белогвардейские листки. Во время арестов задержаны заведомые шпионы. В то же время правые эс-эры начали усиленную агитацию среди рабочих, пользуясь трудным продовольственным и топливным положением. 28 февраля в Кронштадте начались волнения на корабле «Петропавловск». Была принята черносотенно-эсэровская резолюция. 1-го марта волнения на «Петропавловске» продолжались. На общем собрании вновь была принята та же резолюция. 2-го марта с утра уже открыто появилась на сцену группа бывшего генерала Козловского (начальник артиллерии). Бывший генерал Козловский с 3 офицерами, фамилии коих еще не установлены, открыто выступили в роли мятежников. Под их руководством были арестованы комиссар Балтфлота тов. Кузьмин, председатель Кронштадтского Совета тов. Васильев и ряд других должностных лиц. Таким образом, смысл последних событий объяснился вполне. За спиной эс-эров и на этот раз стоял царский генерал.

В виду всего этого Совет Труда и Обороны постановляет:

1) Бывшего генерала Козловского и его сподвижников объявить вне закона, 2) город Петроград и Петроградскую губернию объявить на осадном положении, 3) всю полноту власти в Петроградском укрепленном районе передать комитету обороны гор. Петрограда.

Москва, Кремль, 2 марта 1921 г.
«Правда», № 47.

Последнее предупреждение.

К гарнизону и населению Кронштадта и мятежных фортов.

Рабоче-Крестьянское правительство постановило: вернуть незамедлительно Кронштадт и мятежные суда в распоряжение Советской Республики.

Посему приказываю:

всем, поднявшим руки против социалистического отечества, немедленно сложить оружие. Упорствующих обезоружить и передать в руки советских властей. Арестованных комиссаров и других представителей власти немедленно освободить.

Только безусловно сдавшиеся могут рассчитывать на милость Советской Республики.

Одновременно мною отдается распоряжение подготовить все для разгрома мятежа и мятежников вооруженной рукой.

Ответственность за бедствия, которые при этом обрушатся на мирное население, ляжет целиком на головы белогвардейских мятежников.

Настоящее предупреждение является последним.

5 марта 1921 г. 14 час.
Петроград.

О событиях в Кронштадте.

Интервью, данное представителям иностранной печати.

Совпадение кронштадтского мятежа с моментом предстоящего подписания мира с Польшей и торгового соглашения с Англией, разумеется, не является случайностью. Слишком большие силы, не столь многочисленные, но политически могущественные, не только во Франции и русской эмиграции, но и в Польше и в Англии, заинтересованы в том, чтобы сорвать мирный договор и торговое соглашение.

Вам, вероятно, известно, что в ряде иностранных газет, в том числе и в «Матэн», сообщение о восстании в Кронштадте появилось еще в середине февраля, то-есть в то время, когда Кронштадт был совершенно спокоен. Чем это объясняется? Очень просто. Центры контр-революционных заговоров находятся за границей. Между этими русскими эмигрантскими центрами и известными группировками европейского империализма и европейской прессы имеется самая тесная связь, разумеется, отнюдь не платонического характера. Русские контр-революционные организаторы обещают своевременно устроить мятеж, а нетерпеливая бульварная и биржевая печать уже пишет об этом, как о факте.

На основании сообщения «Матэн», я послал предупреждение в Петроград своим морским сотрудникам, при чем сослался на то, что в прошлом году в заграничной печати появилось совершенно неожиданно для нас сообщение о перевороте в Нижнем-Новгороде и об образовании там правительства Чернова—Спиридоновой: и, действительно, приблизительно через месяц после появления этого известия в Нижнем произошла попытка переворота.

Таким образом, империалистическая печать не только сообщает о России, и при том вполне сознательно, огромное количество небылиц, но и, время от времени, с известной точностью предсказывает заранее попытки переворота в определенных пунктах Советской России. Газетные агенты империализма «предсказывают» то, что другим агентам того же империализма поручено выполнить.

Кронштадт была выбран, как пункт наиболее близкий к Европе и Петрограду. Так как при нынешнем международном положении Республики Балтийский флот не мог играть сколько-нибудь активную роль, то он неизбежно оскудел и в смысле личного состава. Огромное число революционных моряков, сыгравших крупную роль в октябрьской революции

1917 года, переведено за истекший период в другие области работы. Выбывшие были заменены в значительной мере случайными элементами, среди которых было довольно много латышских, эстонских и финских моряков, относящихся к своей службе, как к временному занятию, и в большинстве безучастных к революционной борьбе. Это обстоятельство, разумеется, облегчило организаторам заговора их работу. Они использовали частный конфликт, раздвинули его рамки так, что для части моряков уже не было отступления. При пассивности гарнизона и населения, которые не успели даже разобраться в том, что происходит, мятежники завладели могущественной артиллерией крепости и двух кораблей.

Сообщения о перевороте в Петрограде, как и о бомбардировке Петрограда из Кронштадта, являются вздорным вымыслом. Петроград столь же недосягаем для контр-революционного переворота, как и для кронштадтской артиллерии.

Если ликвидация кронштадтского мятежа несколько затянулась, то это объясняется тем, что при проводимых нами мерах нам приходилось и приходится не только оберегать от излишних жертв наши части, но и всячески щадить мирное население и не участвующий в мятеже гарнизон Кронштадта. Наши потери от кронштадтской артиллерии до настоящего момента совершенно ничтожны.

Я забыл упомянуть, что открытыми организаторами мятежа выступили эс-эры, но из-за их спины сейчас же выдвинулись более серьезные фигуры: контр-революционных генералов, связи от которых ведут через Финляндию и Эстонию к империалистическим центрам. Думать, что эс-эры (или меньшевики) способны создать правительство в России, значит, иметь о внутреннем и международном положении страны идеи мистера Пикквика. Историческое назначение эс-эров и меньшевиков состоит в том, чтобы пытаться посадить в седло русскую контр-революцию в качестве агента мирового империализма.

До тех пор, пока Россия окружена буржуазными странами, в которых имеются могущественные клики, не останавливающиеся ни перед чем для нанесения ударов рабочей республике,—события, подобные кронштадтскому мятежу, совершенно неизбежны и повторятся, вероятно, не раз и в будущем.

У нас нет основания сомневаться в том, что рабочая революция справится со всеми этими покушениями, как справлялась с ними до сих пор.

«Правда»,
16 марта 1921 года, № 57.

Кронштадт и биржа.

Чрезвычайно поучительные отголоски кронштадтских событий мы находим в Парижской финансовой и экономической газете «Информация» (L'Information). Этот орган наиболее непосредственно и полно отражает французскую и международную биржу. Кронштадтские события нашли свое выражение не в политических статьях и не в каких-либо «лозунгах», а в сухих отчетах о настроениях биржи и об ее сделках. В номере от 8 марта «Информации» мы находим сообщение из Брюсселя от 5 марта. Приводим выдержку дословно: «Известия, правда еще не официальные, относительно крупных беспорядков в России против диктатуры Советов оказали свое веское влияние на улучшение рынка. Все понимают, какие последствия имело бы во всем мире крушение советского режима в России... Можно было бы в близком будущем надеяться на установление в старой империи царя разумной экономической организации, отвечающей потребностям после-военного времени. Это означало бы надежду на восстановление многих бельгийских промышленных предприятий в России и одновременно прямой удар большевистским проискам в Бельгии и за границей вообще».

Таким образом, брюссельская биржа совершенно не интересовалась вопросом о том, в чем лозунги эс-эра Петриченко отличались от намерений генерала Козловского и исторической философии меньшевика Дана. Биржа достаточно умна, чтобы понимать, что дело не в этих оттеночках и словесных пустячках. Биржа прекрасно понимает, что в России возможны два режима: либо диктатура Советов, руководимых коммунистической партией,—единственной исторической партией, способной руководить революцией,—либо диктатура французского, бельгийского или иного капитала через посредство русской контр-революционной агентуры. Петриченко, Дан, Козловский, Чернов, Махно, — это только маленькие винтики в механизме, который должен вырвать власть из рук пролетарской диктатуры и передать ее в руки империализма.

В номере от 9-го марта в той-же «Информации» мы находим бюллетень Парижской биржи за 8 марта. В начале констатируется, что биржа переживала до последнего времени «свою обычную агонию» (бездеятельность, слабость, вялость), но за последние дни она пришла в движение,— прежде всего благодаря «благоприятным сведениям» о том, что в России идут широкие волнения, которые угрожают господству большевизма. «Все отделы биржи более или менее воспользовались оживлением. Но наибольшее внимание привлекла к себе русская группа бумаг по причинам, ко-

торые представляются все более и более солидными». Дальше приводится курс русских ценностей на Парижской бирже.

Язык этих цифр гораздо яснее, точнее, убедительнее, серьезнее тех лозунгов, которые измышляются ревельскими эс-эрами, берлинскими меньшевиками (Мартовым и Абрамовичем) и махновскими анархистами — их союзниками. Махно требует (или, вернее, требовал) вольных народных советов. Мартов и Дан требуют независимых профессиональных союзов и всемерного смягчения диктатуры. Петриченко хочет советов без коммунистов. Чернов выдвигает учредилку. Генерал Козловский не спешит говорить о монархии, и предлагает только свои услуги для стрельбы по большевикам. Милюков в своей парижской газете тоже не интересуется пока что теми лозунгами, какие выдвигают Петриченко с Даном, а дожидается своего часа и собирает (увы, с запозданием) среди русских капиталистов и финансистов за границей миллионы в пользу восставших. Тем временем европейская биржа отмечает спокойно с карандашем в руках: «В Петрограде зашумели меньшевики, акции Путиловских заводов повышаются в цене на 10 франков. Чернов обещает открыть учредилку,—накинем еще пятачок. В Кронштадте заговорила артиллерия во имя Советов против коммунистов, — стало быть бельгийские капиталисты вернут себе свои донецкие заводы и шахты,—накинем 20—30 франков»...

Если подобрать бюллетени европейской, особенно французской биржи за февраль и март месяцы и нанести движение русских ценностей на диаграмму, то можно совершенно точно установить, что белогвардейские, меньшевистские или эс-эровские лозунги котируются (покупаются—продаются) на бирже по совершенно одинаковой и притом ничтожной цене. Но как только эти лозунги соединяются с артиллерией, их цена сразу поднимается довольно высоко.

Контр-революционные прохвосты, эс-эровские болтуны и простаки, меньшевистские пройдохи и анархистские сорви-головы,—они все, сознательно или бессознательно, с хитростью или с придурью, выполняют одну и ту же историческую роль: содействуют всем попыткам установления неограниченного господства бандитов мирового империализма над трудящимися и над всеми естественными богатствами. Хозяйственная, политическая, национальная независимость России возможна только под диктатурой Советов. Хребтом этой диктатуры является коммунистическая партия. Другой нет и не может быть.

Вы хотите сломать этот хребет, господа эс-эры и меньшевики? Стало-быть, опыта четырех лет революции для вас недостаточно? Попробуйте! Попробуйте! Мы готовы ваш опыт дополнить.

23 марта 1921 г.

«Правда», № 63.

Речь

на параде в честь героев Кронштадта

3 апреля 1921 г.

Кронштадтские события, — это звено в той стальной цепи, которую куют против Советской власти империалисты всех стран.

Под лозунгом исправлений Советской власти, Советской власти без коммунистов, хотела буржуазия отечественная и международная сплотить рабочих и крестьян против Советской власти.

Парижская и финская биржа сразу правильно учла значение Кронштадта, и ее верный выразитель Милюков повторял: «Не надо запугивать, нельзя против Советов. Нужно лозунгом беспартийных Советов убить Советскую власть».

Часть матросов поддалась на эту удочку. Мы ждали, пока было можно, чтобы ослепленные товарищи матросы воочию увидали, куда их ведет мятеж. Но мы очутились перед опасностью таяния льда и были вынуждены нанести сухой, короткий и четкий удар.

Небывалым героизмом, неслыханным в военной истории подвигом, наши курсанты и вдохновляемые ими красноармейские части взяли штурмом первоклассную морскую крепость.

Без единого выстрела, по льду двигались, погибали, побеждали и победили верные революции сыны рабоче - крестьянской России. Их не забудут трудящиеся России и всего мира.

Я верю, что никогда никаких пятнышек не падает на это знамя. И в часы трудные, когда мелькнет в душе усталое сомнение, вы вспомните Кронштадт и это знамя, и бодро пойдете вперед к победе.

«Известия ВЦИК»,
5 апреля 1921 года, № 73.

БАНДИТИЗМ И ГОЛОД

I. Речи, статьи.

II. Приказы.

I.

РЕЧИ, СТАТЬИ.

Голод и мировое положение.

Речь на заседании Моссовета

30 августа 1921 г.

1. Почему голод поставил Россию в центре мирового внимания?

Товарищи, наш голод и Советская Россия вообще стоят сейчас в центре внимания всего цивилизованного человечества. Везде говорят, пишут, рассуждают по поводу помощи голодающим Поволжья. Наиболее энергичную, искреннюю и страстную агитацию за помощь трудящимся массам России ведут рабочие организации и издания и, прежде всего, коммунисты. Это вполне понятно. Горячая симпатия и все возрастающая поддержка трудящихся масс Европы и всего мира являлись и являются главным условием сохранения Советского режима. В основе мировой пролетарской помощи нам лежит полное единство интересов.

Гораздо менее понятным является тот факт, что вопрос о помощи так живо захватил сейчас господствующие классы и правительства всех буржуазных стран. Даже 3 года тому назад, непосредственно после завоевания нашим рабочим классом власти, Советская Россия не стояла в такой мере в центре мирового внимания, как сейчас. Министры, промышленники, биржевики, газетчики, депутаты ужасно интересуются вопросом о помощи голодающим. Это уже, согласитесь, несколько менее понятно. Разумеется, о, разумеется, никто из нас не сомневается в том, что у биржевиков, промышленников и министров очень добрые сердца, но эти сердца не мешали им обрушиваться на нас кровавой и опустошительной интервенцией и обложить нас колючей проволокой блокады. Совершенно очевидно, что помимо гуманности, человечности и прочих высоких, но невесомых материй, должны быть какие то другие, материальные, вполне весомые причины и силы, которые заставляют властителей Вашингтона, Лондона и Парижа принять столь близко к сердцу, положение голодающего населения Поволжья и делить свое внимание между ирландским вопросом, японскими морскими вооружениями, греко-турецкой войной, с одной стороны, и черной нуждой казанского и самарского мужика — с другой. Без

такой, более глубокой причины, совершенно непонятно то, что творится ныне на белом свете. Газеты полны статей, министры произносят речи, парламентские комиссии совещаются, радио-телеграфы работают по всем направлениям, — и все говорят об одном, все думают одну думушку: как помочь Казанской и Самарской губерниям, которые очень немногие из господ министров могли бы указать на карте.

Разумеется, правительства, промышленники и биржевики вынуждены считаться с тем бескорыстным и все более могущественным стремлением помочь России, которое идет с низов, но настоящая суть дела все - таки в том, что под видом вопроса о помощи голодающим фактически производится новая, повидимому, решающая попытка поставить в полном об'еме и практически разрешить вопрос об отношении к Советской России, о включении ее в мировой хозяйственный оборот.

Голод в России совпадает с небывалым по глубине торгово - промышленным кризисом во всем мире. Международный капитализм сейчас расплачивается—только приступил к расплате—за разрушения и опустошения империалистической войны. В форме этого жесточайшего кризиса капиталистическое хозяйство отдает себе отчет в том, что оно потеряло, что разрушило, чего ему не хватает. Этот подсчет мирового хозяйственного инвентаря не менее грозен для буржуазии, чем та революционная волна, которая прокатилась по Европе, как непосредственное последствие войны. Тут дело идет о самом фундаменте буржуазного господства. Если в течение последних одного—полутора лет буржуазия политически оправилась, восстановила свой государственно-полицейский аппарат, то в экономическом отношении она теперь только видит вполне ясно ту пропасть, которая разверзлась под ее ногами. Оборот международной торговли за первые 6 месяцев текущего года едва достигает половины международного оборота за первую половину прошлого года. Между тем, уже первое полугодие прошлого года было глубоко захвачено кризисом, который разразился в марте (Япония, Соединенные Штаты). Наконец даже 1919 г. — год искусственного, мнимого, фиктивного торгово - промышленного подъема — обнаружил чрезвычайный торгово-промышленный упадок по сравнению с довоенным временем. Естественно, если главной заботой вождей буржуазии является восстановление капиталистического хозяйства на основе правильных международных отношений, т. е. на основе мирового разделения труда. Главным вопросом на этом пути является Советская Россия. Без ее включения в мировую хозяйственную жизнь, без поднятия ее производительной и покупательной силы капиталистический мир уже не видит выхода из своих затруднений. Но скажут и говорят: да ведь нельзя же забывать, что Советская Россия — социалистическое государство; во главе ее стоит коммунистическая партия, мысль которой направлена на ниспровержение капитализма во всем мире; руководители Советской России на 3-м Конгрессе Коммунистического Интернационала снова подтвердили свою незыблемую веру в неизбежность крушения капиталистического общества. Какой

же смысл буржуазии восстанавливать экономические сношения с Европейской Россией? Так ставят вопрос, с одной стороны, некоторые, наиболее закоснелые доктринеры буржуазии, а с другой—по совершенно иным, конечно, мотивам—некоторые крайне левые и архи-левые критики Советской России.

Противопоставлять неизбежность пролетарской революции в Европе торговым сношениям Европы с пролетарским государством, Советской Россией—значит не понимать реальной механики развития. Прежде всего, буржуазия вовсе не признает неизбежности своей гибели, она собирается бороться; более того, при помощи торговых сношений она собирается преобразовать Советскую Россию, подчинить ее своему режиму. Следовательно, отношения между мировым капитализмом и Советской Россией, в том числе и «мирные», торговые отношения — являются составной частью, одним из этапов в борьбе между буржуазным режимом и тем, который идет ему на смену. Да и не только это: если отдельный купец, который теоретически вполне признает неизбежность своей личной смерти, вовсе не отказывается поэтому торговать и покупать и до последнего издыхания наживать барыши—тем более не может отказаться от торговли и барышей класс, если б он даже согласился нам поверить, что его историческая гибель неизбежна...

Но оставим в покое философию. Факт таков, что, не отказываясь с нами бороться, буржуазные государства заключают с нами соглашения. Факт таков, что, не отказываясь нас ненавидеть, они заключают с нами договоры и некоторые—на очень длительные сроки. Это вовсе не значит, что такого рода договоры запрещают истории вмешаться, в качестве непредусмотренной третьей стороны, и ликвидировать путем революции одного из контр-агентов. С историей договора еще никто не заключал; когда мы подписываем тот или иной договор, то это значит, что мы отвечаем только за себя. Вопреки вздорным утверждениям желтой печати, мы выполняем все наши договоры с полной добросовестностью — не из симпатии к другой стороне, а из сознания наших собственных интересов. Но за историю мы не отвечаем...

2. Филантропия и расчет.

Не может быть—я возвращаюсь к своей основной мысли—никакого сомнения в том, что под прикрытием филантропических организаций, группировок Красного Креста и пр. происходит новая ориентировка капиталистических правительств по отношению к Советской России. Именно в обстановке нового голодного испытания более проницательные вожди империализма яснее всего убеждаются, что, кроме советского режима и руководящей коммунистической партии в России нет другой силы, которая могла бы с какой-нибудь надеждой на успех взяться за организацию порядка и хозяйственное возрождение страны.

Ллойд-Джордж сказал на заседании Верховного Совета [43] — если правильны сообщения некоторых газет,—что вопрос о России и ее голоде не

есть вопрос филантропии; что по существу дело сводится к установлению таких экономических взаимоотношений с Советской Россией, при которых было бы обеспечено ее экономическое возрождение. В этом отношении Ллойд-Джордж безусловно прав. Филантропия может иметь лишь паллиативное значение, да и то с очень ограниченным действием. С точки зрения мирового капитализма вопрос сводится к тому, чтобы вложить в Россию капитал, который обеспечивал бы в дальнейшем достаточно высокую прибыль.

Правда, в нынешнем движении помощи принимают большое участие заведомые буржуазные филантропы, как например, американские квакеры [44] и др. Но и они — не только филантропы, и они выполняют известную функцию в борьбе своего класса за самосохранение и господство. Как овладение колониальными странами начиналось сплошь и рядом с посылки туда миссионеров, за которыми следовали купцы и солдаты, так и восстановление торговых сношений может очень хорошо начаться с филантропической помощи. Независимо от воли отдельных лиц, которые могут при этом действовать совершенно бескорыстно, филантропия в данном случае выполняет работу широкого разведывания, создания опорных пунктов и благоприятной сочувственной атмосферы, без которой не может быть и торговых сношений. Этим я вовсе не хочу опорочить те или другие филантропические начинания. Наоборот, очищенные от взмылков сентиментальной фразы и лицемерных условностей эти начинания получают наибольшее значение в наших глазах. Они знаменуют наступление нового этапа во взаимоотношениях между нами и капиталистическим миром.

Повторяю, наиболее проницательные элементы буржуазии поняли или начинают понимать, что в нынешней России после мировой империалистской войны, после революционных гражданских войн, после ряда иностранных интервенций и блокады нет организованной силы, которая могла бы в этих небывало трудных условиях выполнить ту работу, которую выполняем мы, ибо факт, что голод никакого хаоса не создал, советский порядок ненарушим, и первая помощь и самопомощь — озимый засев поволжских пашен—обеспечен нами самими из собственных средств. Отсюда этот неожиданный на первый взгляд результат, что голод, то-есть новое тяжкое испытание Советской России, превращается в политический фактор, толкающий буржуазные правительства к экономическому сближению с нами.

Но на ряду с этим есть и другой результат.

3. Новые надежды на интервенцию (новое вмешательство) и русская белогвардейщина.

Голодный кризис, переживаемый Советской Россией, до последней степени возбудили энергию тех элементов, которые с окончательным утверждением советского режима теряют все или слишком много. Это прежде всего эмигрантская белогвардейщина и во второй линии те группы и

клики мировой буржуазии, которые в прошлом слишком тесно связали себя с политикой интервенций, блокады и других форм удушения Советской России. Мы тут видим второе парадоксальное, т. е. не объяснимое на первый взгляд явление: наряду с явным усилением тенденций к экономическому сближению с Советской властью мы видим параллельное усиление тенденций к низвержению Советской власти. Тут противоречия нет; наоборот, одно дополняет другое. Русская контр-революционная эмигрантщина, которая связана в Европе с очень сильными и влиятельными империалистскими центрами, отдает себе вполне ясный отчет в том, что если будет упущен нынешний момент, если не достигнуть новой интервенции теперь, если дать возможность Советской власти справиться с голодом, да еще укрепить свои международные хозяйственные отношения,— это значит поставить крест на всех планах и надеждах восстановления старой России. «Теперь или никогда!» — говорит себе помещичья и капиталистическая эмиграция. «Может быть, действительно теперь?»—спрашивают себя некоторые французские и иные интервенционисты.

Какие же пути к низвержению Советской власти? Пороху тут не выдумает никто. Все эти пути испробованы. Новый поход Врангеля—через Бессарабию, через Кавказ или через Дальний Восток; движение Петлюровских, Савинковских и иных банд; крестьянские восстания внутри страны; террористические акты—все это сочетать с «помощью голодающим», с комитетом общественных деятелей,[45] как «могущественным» центром, который опирается на все виды борьбы против Советской власти и пользуется поддержкой всех международных организаций помощи и стоящих за ними правительств. Таким образом, знамя помощи становится, с одной стороны, прикрытием новой ориентировки в отношении к Советской России в смысле экономического сближения с нею; с другой стороны, то же самое знамя используется, как прикрытие планов военной интервенции, для которых голод послужил долгожданным моментом.

Русская эмиграция, которая еще несколько месяцев тому назад понемногу засыпала и усыхала, теперь пробудилась, проявляет горячечную активность, мечется бешено по всем направлениям, телеграфирует, интервьюирует, звонит по всем телефонам, лжет и клевещет. «Теперь или никогда»—восклицают ее лидеры всех направлений от черносотенных монархистов до левых социалистов-революционеров, одни хриплым басом, другие визгливым фальцетом. Именно такое впечатление — разноголосого, но в основе согласованного лая—производит сейчас эмигрантская печать.

4. Эмигрантская печать о России.

Товарищи, за отсутствием времени я не имею возможности, как и подавляющее большинство из вас, правильно следить за русскими белогвардейскими газетами, издающимися за границей. Но у нас в военном ведомстве есть учреждение, которое по долгу службы обязано следить за тем, что говорит заграничная печать вообще, русская белогвардейская

в частности, относительно Красной Армии, наших военных задач и нашей политики. Из этого учреждения я получил вчера вот эту объемистую тетрадь выдержек из русских эмигрантских изданий за последние недели. Было бы, может быть, полезно напечатать эту тетрадку целиком, так как она дает очень яркое представление как о тех, кто издает эти газеты, так и о тех, для кого они издаются. Что газеты по самой природе своей сообщают не всегда точные сведения, что они часто преувеличивают и вынуждены преувеличивать — с этим приходится мириться. Но одно дело неизбежно тенденциозное подчеркивание и преувеличение, а другое дело бешеная вакханалия измышлений, лжи и клеветы. Заранее извиняюсь в том, что вынужден спуститься вместе с вами на много ступенек вниз и продержаться несколько минут на уровне, который... ниже всякого уровня.

Главная задача эмигрантской прессы за последние недели—доказать, что мы готовим новый поход. Против кого? Против всех, кто нас окружает. Агентству Рейтера сообщают во второй половине июля из Гельсингфорса, что Советское правительство предписало произвести всеобщую мобилизацию. «Предполагают, что мера эта направлена против Эстонии, Латвии и Литвы, или же имеет целью поддержку кемалистов против греков». Телеграмма обходит всю белогвардейскую печать. Нет сомнения, что к агентству Рейтера она попала из того же эмигрантского источника и затем рикошетом вернулась назад, обогащенная авторитетом официозного английского агентства.

Из Варшавы сообщают через русское пресс-бюро, что «большевики готовят новые авантюры, намереваясь двинуть вновь сформированную литовскую армию для занятия Вильно». Казалось бы, что об авантюрах, связанных с Вильно, не следовало бы упоминать именно в Варшаве—по той же причине, по которой в доме повешенного избегают говорить о веревке. Это, однако, нисколько не мешает варшавской телеграмме обойти всю заинтересованную печать.

Неделю спустя из Лондона, сообщают, что в Советской России объявлена мобилизация всех военнообязанных до 48-ми лет. На этот раз «военные мероприятия большевиков предпринимаются с целью нападения на Польшу». При этом сведения уточняются: «Железнодорожные баталионы сосредоточены в районе Гусятин — Шепетовка — Новоград-Волынский — Коростень—Подволочиск, что свидетельствует—слушайте! слушайте!—о том, что Троцкий и Бухарин не отказались от своих воинственных замыслов»... Всем вам известно, что железнодорожными баталионами у нас заведует тов. Бухарин.

Далее идет в различных вариантах сообщение о том, что «проекту Троцкого о нападении на Румынию в Советских кругах придается серьезное значение, так как по мнению большевиков завоевание Румынии даст необходимый Советской России хлеб»...

Что эти бессмысленные сообщения, на каждом шагу противоречащие друг другу, десятками печатаются ежедневно в парижском «Общем Деле»,

это еще куда ни шло. Редактором «Общего Дела» является Бурцев, а те из нас, кто прожили долгие годы в эмиграции, знают, что Бурцев всегда имел твердую репутацию, в качестве настойчивого и неутомимого—как бы это выразиться?—не-мудреца. Мы все и всегда знали, что Бурцев не только не выдумает пороха, но что он по складу своей мысли является противоположностью тем людям, которые выдумывают не только порох, но и более скромные вещи. Если Бурцев выдвинулся почти что в лидеры наиболее оголтелого крыла воинствующего русского национализма, то это в порядке вещей. Однако, те же сведения, точка в точку, печатаются и в газете Милюкова, который не случайно занесен в историю, как изобретатель кадетского пороха, и хотя этот порох не всегда давал надлежащие политические эффекты, тем не менее Милюков не чета Бурцеву.

В одном из только что дошедших до нас номеров парижской газеты Милюкова «Последние новости» от 16-го августа сообщается из Ревеля или будто бы из Ревеля дословно следующее: «В Москве поднята отчаянная кампания против балтийских окраинных государств. На улицах расклеены воззвания, в которых население натравливается на Латвию и Эстонию, где «амбары ломятся от хлеба». Воззвание заканчивается призывом: «к оружию! спасайте гибнущих жен и детей! все в поход на белые балтийские государства!». Как известно, в Москве сейчас имеются официальные представители прибалтийских государств, имеются многочисленные иностранные корреспонденты, и я просил бы тех и других как следует быть осмотреть стены и заборы Москвы, и найти хотя бы одно из таких воззваний.

Далее, в моей тетради идут сведения о состоянии Красной Армии. Это центральная тема для белогвардейской эмиграции. У нее по отношению к Красной Армии две задачи, которые, правда, противоречат друг другу, но обе являются одинаково насущными: во-первых, нужно доказать, что Красная Армия есть колоссальная опасность, есть самая могущественная вооруженная сила, которая непосредственно угрожает безопасности Европы; во-вторых, нужно доказать, что военная интервенция против Советской России есть самое простое и легкое предприятие, ибо Советская власть умирает, ибо Красная Армия распадается и уже почти не существует. И нужно сказать, что русская эмигрантская печать с поразительной решимостью решает обе задачи, давая ежедневно на одних и тех же столбцах сведения как о возрастающем могуществе Красной Армии, так и об ее окончательном разложении.

Я приведу только несколько свежих данных, касающихся первой конной армии, или «армии Буденного», которая приобрела и за границей широкую популярность, и именем которой чаще всего пользуется эмигрантская печать, чтобы устрашать или обнадеживать европейскую буржуазию.

Вот одно из сообщений за последние две—три недели: «по вполне проверенным сведениям—эти люди пишут не иначе, как по вполне проверенным сведениям—две конных дивизии первой армии Буденного, рас-

положенные в Ставропольской губернии, восстали против большевиков и коммунистов и взяли Ставрополь». Затем, через день или через два «Тан» передает сообщение из Москвы о том, что «армия Буденного» отказалась подчиниться приказу о демобилизации. Нижние чины предпочли остаться на службе, т.-е. продолжать грабить и получать повышенные пайки». Нужно только отметить, что та же печать изо дня в день отрицает производимую нами демобилизацию армии, и, если, как видно здесь, признает ее, то только для того, чтобы сообщить, что кавалеристы не желают демобилизоваться. Еще через несколько дней читаем в тех же газетах: «казачьи части армии Буденного уходят в конном строю с оружием и целыми отрядами переходят на сторону повстанцев». Таким образом, те самые кавалеристы, которые не хотят демобилизоваться, уходят из армии целыми отрядами на сторону повстанцев...

Но послушаем дальше: «В Екатеринославе погрузились 1-я и 2-я конные армии Буденного, которые, снабженные в изобилии пулеметами и орудиями, были направлены на помощь к Кемалю. 20 мая эта армия прибыла в Трапезунд, чтобы оттуда следовать через Ангору на Смирнский фронт». Овладела ли армия Буденного Ставрополем по пути из Екатеринослава в Смирну или в другое время, об этом наши источники ничего не говорят. Но маршрут армии Буденного не исчерпывается приведенными сведениями. Из Риги или будто бы из Риги белогвардейские газеты сообщают: «Конная армия Буденного собрана вместе, приведена в порядок и укомплектована как бойцами, так и конским составом, и переброшена в Белоруссию. В настоящий момент ее части расположились от Чернобыля вверх по Днепру до Могилева: занимает уезды Мозырский, Речицкий и Бобруйский».

Я вас попрошу взглянуть на карту: Смирна находится достаточно далеко не только от Екатеринослава, но и от Ставрополя, и вот оказывается, что та самая конная армия, которая не хотела демобилизоваться и которая в то же время разбрелась в виде повстанческих отрядов—она укомплектована, снаряжена конским составом и всем необходимым, приведена в полный порядок и в то время, как левый фланг ее, пройдя Трапезунд, подходит к Ангоре и Смирне, почти угрожая Индии, правый фланг ее упирается в Бобруйский уезд, непосредственно угрожая Польше. Я еще раз извиняюсь, что вынужден ввести вас на несколько минут в сферу белогвардейской эмиграции, где балаган сочетается с сумасшедшим домом. Но обойти этого нельзя. Русская эмиграция есть крайний фланг в мировой мобилизации общественных сил, какая сейчас происходит по поводу русского голода. Эмиграция и интервенция это одно и то же. Нужно поэтому знать, какими средствами эти люди орудуют. Имеющиеся в моих руках данные неисчерпаемы. Я готов охотно предоставить господам иностранным журналистам копии этих цитат с точным указанием источника, если они возьмут на себя довести об этом до сведения европейского общественного мнения.

Вот две телеграммы, характеризующие внутреннее состояние Советской России,—одна от 27 июля, другая от 7-го августа. Первая гласит: «во время рабочих волнений в Петрограде 19-го и 20-го июня 618 рабочих, отказавшихся стать на работы, были расстреляны. Кроме того, на улицах много убитых киргизами и до полторы тысячи раненых. Киргизы потеряли 4-х убитых и 31 раненого». Вторая телеграмма десять дней спустя сообщает: «во время кровавых событий 19 и 20 июля в Москве было расстреляно 628 человек и ранено свыше 1500. Войска потеряли 4 убитых и 21 раненых». Таким образом, в одни и те же числа 19-го и 20-го, в Москве в июне, в Петрограде—в июле были кровавые волнения, [о которых мы с вами не знали, но о которых были самые точные сведения у гельсингфоргского корреспондента газет господина Милюкова и многих других. В Петрограде было в эти дни убито 618 рабочих, в Москве 628, и там и здесь было 1500 раненых, и там и здесь войска потеряли 4 убитыми и 21 ранеными. В Петрограде действовали киргизы, национальность московских войск остается неизвестной. И это повторяется изо дня в день и по поводу этих сведений пишутся негодующие статьи!..

Из того же Гельсингфорса сообщают в начале августа, что красные войска «пускают в ход удушливые газы, чтобы воспрепятствовать вторжению голодающих крестьян в Москву». Это в газете господина Милюкова!. Там же—«на улицах Москвы дерутся за кусок хлеба. Еженощно слышны револьверные выстрелы. Почти все доктора перебиты». И, наконец, «командующим всеми советскими войсками против голодающих назначен генерал Зайончковский».

А! Мы видим отсюда этих людей, которые столь много потеряли и которые готовы какой-угодно ценой вернуть себе хоть часть того, чем они обладали в результате столетий насилия и грабежа! Мы видим отсюда этих помещиков, фабрикантов, царских министров, адвокатов и профессоров, которые вдруг прониклись пламенной симпатией к волжским крестьянам. Мы их знаем, этих филантропов, по их делам и по делам их отцов и детей. Если бы сейчас в руках этих господ был конец фитиля, при помощи которого можно было бы взорвать на воздух девять десятых рабоче-крестьянской России, чтобы подчинить и закабалить им последнюю десятую часть, они, эти испытанные друзья человеческого рода, Врангели, Кривошеины, Рябушинские, Милюковы и их слуги Савинковы, Авксентьевы и Черновы,—они все, не задумавшись ни на минуту, поднесли бы зажженную спичку к фитилю. Но этого фитиля нет в их распоряжении. И вот почему их задыхающееся бешенство находит себе исход в этом потоке разнузданной лжи.

Чтобы покончить с белогвардейской печатью, вдохновляющей крайних европейских империалистов, я приведу сообщение из последнего дошедшего до нас номера газеты Милюкова от 17-го августа, сообщение, касающееся Сибири, которую белогвардейская печать населяет нескончаемыми восстаниями и переворотами, хотя там царит полное спокойствие. Вот

что говорит парижская газета: «телеграмма Гаваса из Токио сообщает о взятии бароном Унгерном Читы и падении Советской власти в Иркутске». Весть, как видите, высокой важности! Барон Унгерн—крупная карта дальневосточной интервенции. Он посягал на Монголию и угрожал Дальне-Восточной республике. Теперь нам сообщают, что он овладел Читой и опрокинул Советскую власть в Иркутске. Я должен признать, что в этом сообщении есть действительно, в отличие от других, крупица правды: барон Унгерн сейчас действительно западнее Читы. В моем распоряжении имеются свежие официальные донесения нашего сибирского командования, которые, подтверждая в указанной части телеграмму из Токио, в другом отношении вносят в нее очень существенные поправки. Я позволю себе одно из этих донесений огласить: «22-го Августа в 12 часов сводным отрядом Щетинкина (далее идет перечисление частей) с боем захвачен в плен генерал Унгерн с личной охраной в 90 человек монголов во главе с монгольским князем. Генерал Унгерн доставлен в штаб в 10 часов 23 августа, где он был опрошен. На все вопросы генерал Унгерн отвечает охотно, мотивируя тем, что все равно карта бита. Новых сведений о мелких разрозненных частях генерала Унгерна не имеется». Таким образом, барон Унгерн пленен и препровождается под конвоем западнее Читы. Его армия уничтожена. Таким образом, и эта карта дальневосточной интервенции бита [46].

5. Позиция английского правительства.

Каковы, однако, возможные шансы интервенционистов и каковы, прежде всего, возможные формы интервенции? На самостоятельное военное выступление какой-либо из крупных европейских держав не надеются, в сущности, и русские эмигранты. Но они ждут со стороны капиталистических правительств, особенно французского, с одной стороны, активной помощи более мелким противникам России, а с другой стороны—предъявления Советскому правительству определенных политических требований в связи с помощью голодающим.

Начнем с этой последней идеи. Ее абсурдность совершенно очевидна. Условия—и при том в виде ультиматума—нам уже ставились. Они были отвергнуты. Последовала эпоха военных интервенций и блокады. Мы устояли. Логикой вещей капиталистические государства оказались вынуждены вступить с нами в переговоры. Мы пошли навстречу. Торговое соглашение с Англией было подписано обеими сторонами, при чем Ллойд-Джордж, сделавший выводы из прошлого опыта, и не подумал предъявлять нам какие бы то ни было условия, касающиеся внутреннего строя России. Неужели же можно думать, что этот же Ллойд-Джордж решился бы выдвинуть политические требования в связи с вопросом о филантропической помощи?. Нелепая мысль. Если даже допустить на минуту невероятное, именно, что на смену Ллойд-Джорджу придет ярый сторонник Милюкова, Бурцева и Кусковой и предъявит нам свои политические усло-

вия,—совершенно очевидно, что это могло бы закончиться для него только большим конфузом. Разумеется, мы по существу отклонили бы всякие переговоры на этой почве. Мы сделали бы это обстоятельство, вежливо и твердо,—вы знаете с какой обстоятельностью и вежливостью наша дипломатия отвергает иногда очень несостоятельные и очень невежливые требования. Мы вступили бы даже в диалог. Мы разъяснили бы другой стороне, т.-е. той, которая обратились бы к нам с предложением ввести у себя режим так называемой демократии: наша теория признает полную несостоятельность демократии в деле разрешения борьбы между пролетариатом и буржуазией. Демократия есть режим, приспособленный для замаскировывания и поддержания диктатуры буржуазии, которая может быть опрокинута только диктатурой пролетариата. Но если демократия непригодна для разрешения основного вопроса настоящей эпохи—классовой борьбы пролетариата и буржуазии—то эта же демократия может иметь известную историческую ценность и прогрессивное применение, например, при разрешении вопросов национальной самостоятельности целых народов, особенно таких, в среде которых новые классовые антагонизмы не достигли еще высокого развития. Так, мы считали бы исторически и политически вполне правильным предоставление Индии, Египту, Турции, Алжиру, Тунису и ряду других стран возможности демократическим путем, т.-е. всеобщим голосованием разрешить вопросы их национальной судьбы: согласны ли они оставаться колониями или же желают жить жизнью самостоятельного национального государства? На эту тему наша дипломатия—как она уже это делала не раз—могла бы написать очень учтивую и очень убедительную ноту, убийственную для другой стороны. Мы не сомневаемся, что другая сторона такого диалога не начнет.

6. Инициатива Гувера.

Может быть, русская эмиграция надеется на инициативу Америки? Мы это считаем мало вероятным. Приезд сенатора Франса и филантропическая инициатива Гувера являются на наших глазах симптомом того сдвига, который произошел в общественном мнении американской буржуазии. Для такого сдвига имеются серьезные основания: небывалый в Соединенных Штатах торгово-промышленный кризис и возростающий антагонизм с Японией по одной линии, с Англией—по другой. В переговорах с г. Гувером мы зашли очень далеко в смысле уступок и предоставлении всяких льгот американской организации помощи [47]. При этом мы считались—и на это прямо указали—с теми предрассудками, в плену у которых находится общественное мнение американской буржуазии и даже ее руководящих верхов. Но, делая большие уступки предрассудкам и политической неосведомленности, мы начисто отклонили те притязания, которые походили на политические условия, на попытки протянуть руку к суверенитету Советской Республики. Эти условия были взяты Гувером назад. Соглашение было подписано. И мы думаем, что оно даст в результате не

только увеличенное питание миллиону детей, но и послужит хозяйственному сближению обеих стран.

Мы, однако, не закрываем глаза на то, что есть элементы—и не только в среде русской эмиграции,—которые связывают с организацией Гувера контр-революционные замыслы. Для них дело идет не о том, чтобы открыто предлагать или «диктовать» условия Советскому правительству, а о том, чтобы внедриться во внутреннюю жизнь России, создавать свой аппарат под видом помощи и использовать его для содействия контр-революционному перевороту. Считать такие планы невероятными было бы неосновательно. На этот счет есть кое-какие прецеденты. Как раз организатор помощи от имени Гувера в Венгрии, некий капитан Грегори является интересным примером и поучительным предостережением. Этот господин рассказал в американском журнале «Уорльд Уорк» о своем ближайшем, чуть ли не руководящем участии в низвержении Советского правительства в Венгрии. С этой целью представитель г. Гувера сблизился с некоторыми предателями в составе самого венгерского правительства и затем, с благословения британской военной миссии и итальянского дипломатического представительства, приступил к своей работе, которая оказала содействие установлению в Венгрии царствования преступнейшей банды адмирала Хорти. По словам самого Грегори Гувер дал ему инструкцию держаться вне политики. Но, как видим, Грегори не брал этой инструкции всерьез. Может оказаться, товарищи, что и среди уполномоченных г. Гувера в России найдутся люди, которые решат, что инструкция о невмешательстве в русскую политику не должна пониматься буквально, и которые соблазнятся примером капитана Грегори,—тем более, что в организацию помощи могут проникнуть прямые русские белогвардейцы, которые решат, что стоит им побриться на американский манер и обуться в американскую обувь, чтобы обеспечить своей заговорщической работе полную неприкосновенность. Эти господа просчитаются. Мы будем твердо следовать духу и букве договора с Гувером и примем все необходимые меры к тому, чтобы обеспечить американской организации беспрепятственное выполнение своей филантропической работы вне всякого вмешательства в политику. Мы не сомневаемся, товарищи, что все местные Советские органы в соответствии с духом и буквой договора проявят настоящую бдительность и развернут серьезный политический контроль на местах с тем, чтобы исключить самую возможность для авантюристов и пройдох строить на крестьянском голоде опыты контр-революционного переворота в России.

7. Франция и планы интервенции.

Может быть Франция рискнет вопрос о помощи связать с вопросом о политических условиях? Мало вероятно. Насколько известно, главным условием Франции является уплата долгов, но эта уплата—условие не столько политическое, сколько ростовщическое. Правда, французские официозы и французские министры позволяют себе время от времени разма-

шистые суждения о России, покровительственно хлопают по спине русский народ, противопоставляя его Советскому правительству и проч. и проч. Но эта банальная болтовня, занимающая вообще большое место в политических нравах Франции, не имеет никакого политического содержания. Русский народ, как он живет, работает, страдает, голодает, борется и надеется, сейчас представлен своей Советской властью, и помимо Советской власти у французского правительства дороги к русскому народу нет и не будет. Понимание этого проникает и во французскую буржуазию. Целый ряд органов и политических деятелей требует восстановления сношений с Россией. Но колебания в правящих кругах еще очень велики и, повидимому, допускают решения и в ту и в другую сторону.

Небезызвестный румынский министр иностранных дел, который гораздо чаще выполняет роль дипломатического курьера Франции, г. Тако Ионеску—по словам некоторых румынских газет—заявил 10-го августа на заседании румынского совета министров, что «о помощи со стороны Франции голодающим России не может быть и речи, так как Франция лишь ждет удобного момента с целью нападения на Россию для реставрации буржуазного строя». Это сообщение не кажется нам совершенно безосновательным. Уже с самого начала я сказал, что явный и, может быть, решающий сдвиг в сторону экономического сближения с Советской Россией дополняется оживлением планов военного вмешательства. Чаще всего эти две тенденции резко борются одна с другой. Но они могут и уживаться вместе. Не исключена, например, возможность того, что французское правительство, чувствуя необходимость окончательно отказаться от колючей изгороди г. Клемансо, которая превратилась в бутафорию—как и многое другое из наследства этого политика,—искушается в то же время желанием в самый последний раз еще раз попробовать, насколько прочно Советское правительство. А что, если оно, как утверждают Врангель, Кривошеин, Милюков, Керенский и Мартов, находится накануне падения? А что, если нужно проявить политическую выдержку только еще четверть часа? А что, если попытаться сократить историческую четверть часа при помощи новой интервенции? В прошлом интервенции не удавались, но, может быть теперь удастся? А если сорвется и на этот раз, то можно будет уже окончательно сесть за зеленый стол и поторговаться на счет долгов и процентов. Такие настроения вполне возможны во Франции. Более того,—они очень вероятны.

8. Святая Троица французских филантропов.

Достаточно на самом деле остановить свое внимание на тех персонажах, которые намечены Францией в состав международной комиссии помощи голодающим России. Вы знаете, что такая комиссия создана или создается по решению Верховного Совета. Ее цель весьма туманна. Она имеет, кажется, своей задачей обследовать условия создания Комитета по изучению вопроса о лучших путях и методах возможной помощи голодающим России. И вот в эту весьма предварительную комиссию Франция

назначает 3-х лиц: генерала По, который известен в качестве ярого монархиста гораздо больше, чем в качестве полководца, и который был тесно связан с царскими придворными сферами; бывшего французского фабриканта Жиро, нажившего в Москве состояние на нещадной эксплоатации рабочих и работниц, и, наконец, последнего французского посланника в России г. Нуланса. Кандидатура последнего особенно символична. Нуланс был вдохновителем и банкиром организованного Савинковым Ярославского восстания в 1918 году. Нуланс стоял в центре заговора, имевшего своей целью разрушить все железнодорожные пути вокруг Петрограда, чтобы путем голода вызвать в Петрограде государственный переворот. Таким образом Нуланс является патентованным специалистом по вопросам голода. Он считал голод своим союзником еще в 1918 г. Он сам пытался при помощи динамитных взрывов обречь на голод петроградских женщин и детей—в высших интересах цивилизации и гуманности. Кому же другому сейчас, как не Нулансу, представлять биржевую Францию в ее бескорыстном пламенном порыве помочь голодающему казанскому и самарскому мужику! В 1918 году имя Нуланса было одним из самых популярных в России. Сейчас оно, может быть, померкло несколько в памяти русских рабочих и крестьян. Ваша задача, товарищи, восстановить в памяти трудящихся это имя во всем его блеске.

Голодающие дети Петрограда, крестьяне и крестьянки Поволжья, примите благую весть: биржевая Франция посылает к вам Нуланса на помощь.

9. Польша и интервенция.

Но злой воли Нуланса недостаточно. Для того, чтобы в самый последний раз испытать устойчивость Советского правительства, нужна военная интервенция, а для интервенции нужна армия. О том, чтобы двинуть на это дело французские войска, как это было в эпоху Одесской оккупации, сейчас не может быть и речи. Остается единственный путь: действовать через вассальные государства малой Антанты.

Не так давно главным орудием Франции против Советской России была Польша. Но сейчас положение изменилось. Польша нелегко пришла к Рижскому миру. Вы помните, что мы многократно и тщетно предлагали ей мирные переговоры прежде, чем польское правительство, под давлением Франции, довело дело до большой войны. В результате жестоких, изнурительных и разорительных для обоих сторон боев Польша получила мир,—менее выгодный, чем тот, который мы ей предлагали до войны, но все же очень выгодный по существу. Нет никакого основания опасаться, что после этого тяжелого исторического урока польские правители решатся вторично, по требованию Франции, открыть военные действия против России.

Внутреннее экономическое и политическое положение Польши отнюдь не таково, чтобы облегчать широкие военные замыслы. Одна из польских газет «Курьер Поранны» пишет следующее: «государство, в котором стоят железные дороги, в столице которого водопровод и городские больницы

обслуживаются при помощи солдат, где рабочие и служащие находятся в распре с правительством, истощенная казна беспомощна, спекуляция и эксплоатация свирепствуют во-всю, отдельные партии яростно борются за власть»,—государство в таком состоянии не может, очевидно, предоставить свою армию в распоряжение тех наследников Клемансо, которые, прежде чем приступить к переговорам, хотят еще раз поставить на поле войны азартную ставку—ставку чужой крови.

Торгово-промышленные круги Польши, повидимому, решительно выступают против фантазерства мелко-буржуазных шовинистов. И это понятно. Европейские рынки недоступны Польше. Ближе всего ей старый привычный русский рынок. Польский капитал надеется работать не только за собственный счет, но и в качестве посредника европейского капитала. В этом расчете нет ничего неосуществимого. Географическое положение Польши содействует ему. Но первым условием осуществления расчета является сохранение мирных отношений с Советской Россией. Что касается нас, то на заседании Московского Совета нет надобности говорить, что, вопреки белогвардейской лжи, мы не допускаем и мысли о возобновлении войны с Польшей. Лучшим доказательством наших лучших мирных намерений является прогрессивное сокращение нами численности Красной Армии. Этот факт прекрасно известен в польском штабе, как и в других штабах.

10. Отношения с Румынией.

Значительно иначе обстоит дело с Румынией. Тут я должен напомнить, хотя бы в беглых чертах, историю наших отношений с Румынией, так как в наше быстро текущее время даже важные события скоро сглаживаются из памяти. Во время империалистической войны Румыния была союзницей царской России и имела с ней общий фронт против Австро-Венгрии и Германии. Эти отношения сохранились и после мартовской революции 1917 года. Но они резко нарушились после ноябрьской революции и установления Советской власти. Румынское правительство воспользовалось теми преимуществами, какие создавало для нее единство военного фронта, вторглось в Бессарабию и установило в ней свою фактическую диктатуру.

21 февраля 1918 года итальянский дипломатический представитель Фашиотти от имени всех союзных представителей при румынском правительстве сделал советскому правительству следующее заявление по поводу захвата Бессарабии: «Что касается Бессарабии, то появление в ней румынских войск есть военная операция, лишенная всякого политического характера и предпринятая, в полном согласии с союзниками, с очевидно гуманитарной целью обеспечить продовольствием русские и румынские войска, а также гражданское население».

Между советскими и румынскими войсками произошли, однако, серьезные военные столкновения, в результате которых румынское правительство 5 марта 1918 г. подписало с Россией соглашение, в первой статье

которого заключалось обязательство Румынии очистить Бессарабию в двухмесячный срок.

Я напоминаю об этом вовсе не потому, что считаю бессарабский вопрос стоящим в порядке сегодняшнего дня. Но совершенно очевидно, что эти факты бросают ясный свет на странные, неуместные, прямо-таки чудовищные заявления некоторых ответственных румынских государственных деятелей о том, будто между Румынией, Россией и Украиной никогда не прекращались «добрососедские отношения». Если придавать добрососедским отношениям такое расширенное толкование, тогда воистине исчезает разница между войной и миром, и мирные договоры лишаются всякого значения. Недаром румынское правительство так упорно уклонялось от мирных договоров в течение, по крайней мере, полутора лет. Я не буду здесь вспоминать все эпизоды этих мирных и добрососедских отношений, как, например, убийство румынскими военными властями на румынском фронте советского представителя т. Рошаля, или как нападение Румынии на союзную с нами советскую Венгрию.

С начала 1920 года советское правительство делает непрерывные усилия с целью добиться мирных переговоров с Румынией—прежде всего для того, чтобы и на этой границе создать условия безопасности и устойчивости. За последние дни я перечитывал, товарищи, ноты и другие документы, характеризующие отношения между Москвой и Харьковом, с одной стороны, Бухарестом, с другой, с начала прошлого года, т. е. с того времени, как после освобождения Украины советская федерация непосредственно столкнулась с территорией, на которую распространяется фактически власть румынского правительства. Собранные воедино ноты Чичерина и Раковского производят огромное впечатление. Непрерывный ряд настойчивых обращений к господину Таке Ионеску, Войда-Воеводе, снова к Таке Ионеску, господину Авереску с одним и тем же предложением: обсудить вопрос об установлении мирных отношений между Румынией и Советской Федерацией.

С другой стороны, собранные воедино ответы румынского правительства поражают своей уклончивостью и противоречивостью. Сперва в Бухаресте соглашаются и предлагают условиться о месте переговоров. Потом, в силу странной рассеянности и забывчивости румынское правительство одностороние назначает местом переговоров Варшаву—столицу государства, которое в тот период находилось с нами в состоянии открытой войны. Когда наша дипломатия с характеризующей ее спокойной настойчивостью популярно и обстоятельно разъясняет это недоразумение, Бухарест умолкает. В качестве объяснения фактического отказа от мирных переговоров он начинает ссылаться на будущую конференцию в Лондоне и в то же время информирует через печать румынское общественное мнение в том смысле, будто Советское правительство ничего не ответило на ноту о месте переговоров. Наша дипломатия спокойно и настойчиво разоблачает и это новое «недоразумение». Дальше, казалось бы, уклоняться невозможно. Нужно

просто назвать место переговоров. Но тут румынское правительство прибегает к новому неожиданному ходу: оно требует, чтобы союзные советские правительства заранее, т.-е. до открытия переговоров, сообщили ему, каких собственно вопросов должны касаться переговоры? Румынское правительство, видите ли, всегда жило с Советскими Республиками в дружбе и поэтому не видит основания для мирных переговоров. Дальше этого в дипломатической эквилибристике зайти нельзя.

А между тем неурегулированность отношений сказывается на всем: на пограничной страже и ее постоянных стычках, на судоходстве на Днестровском лимане, на рыболовстве на Днестре...

11. Опасность новой авантюры.

Уклоняясь от переговоров, вводя в заблуждение румынское общественное мнение, создавая искусственные недоразумения и затруднения на пути переговоров, румынское правительство, спасаясь от создаваемой им же тревожной неопределенности на Днестре, создает себе дополнительные гарантии в виде петлюровских банд. Со своей стороны французские интервенционисты, нащупав линию наименьшего сопротивления, всячески нажимают на Румынию с целью помешать переговорам с нами. Когда Таке Ионеску заявлял, что Франция ждет лишь удобного момента для нападения на Советскую Россию, то это совершенно неверно, если ожидать, что Франция сама откроет наступление. Но это вполне верно в том смысле, что очень влиятельные круги Франции изо всех сил стремятся толкнуть в наступление Румынию, чтобы посмотреть за тем, что из этого выйдет.

Разумеется, речь не идет об открытии военных действий со стороны регулярной румынской армии. Нет. Предполагается более скромное начало. Военные действия должны быть открыты сосредоточенными для этого в Бессарабии петлюровскими бандами. Румынские регулярные части стоят во второй линии, подпирают петлюровцам тыл и выжидают.

Этому плану посвящена была нота Раковского и Чичерина от 13 августа. Нота говорит не все: почти девять десятых имеющихся в наших руках сведений не могут быть сообщены по соображениям военной тайны. Но и та десятая часть сведений, которая опубликована в ноте, с избытком достаточна для того, чтобы обрисовать действительное положение дел на Юго-Западной Советской границе. Поистине дело идет не о дипломатических хитросплетениях и не о словесной эквилибристике с понятием «добрососедских отношений». Дело идет также не об истории наших взаимоотношений с Румынией, даже не о вчерашнем дне этой истории. Дело идет о сегодняшнем и завтрашнем дне.

В Румынии, Буковине и Бессарабии продолжается подготовка враждебных действий против Советских Республик. В Бендерах, в румынском штабе сидит уполномоченный петлюровских повстанческих банд. Главным украинским военным уполномоченным при румынском правительстве состоит некий Гуляй-Гуленко, который вхож во все румынские штабы и чувствует себя

в них, как у себя дома. Задачей формируемых и снабжаемых в Бессарабии банд является захват Каменец-Подольского и Могилевского уездов, как базы для дальнейших военных операций. Ближайшей задачей является срыв продовольственной работы на правобережной Украине. Чичерин и Раковский в своей ноте требуют именем Советской Федерации, чтобы этому был положен конец.

На это г. Таке Ионеску отвечает в том стиле, который нам уже знаком, что когда нота Чичерина и Раковского была доложена в румынском совете министров, она вызвала величайшее изумление: там, видите ли, ничего не знают о подобных фактах. Они не знают. Но мы знаем! Мы очень твердо знаем — людей, организацию, штабы, связи, вооружение, суммы и источники сумм. И когда г. Таке Ионеску говорит нам, что он этого не знает, то мы можем ему лишь порекомендовать справиться получше в румынских штабах, начиная с Бендер и кончая Бухарестом: там знают, ибо там действуют.

Докладывая об этом Московскому Совету, как я докладывал правительству, я прошу вашего величайшего внимания к этому тревожному вопросу. Я ни в каком случае не хотел бы быть понятым так, будто нам со стороны Румынии грозит неизбежная война. О такой неизбежности, насколько я понимаю обстановку, не может быть и речи. Но давлением французских интервенционистов и логикой своей собственной ложной политики Румыния может зайти гораздо дальше, чем она этого хочет сама. Она начинает с маленького. Она группирует вдоль нашей границы петлюровские банды, создает для них управление и связь, т. е. продолжает совершать действия, которые стали привычными в кровавом хаосе последних лет, но мы хотим на юго-западной границе нашей федерации спокойствия и устойчивости, а не продолжения кровавого хаоса. Еще раз говорю: речь идет сейчас не о счетах за вчерашний день, а об обеспечении завтрашнего дня. Если Таке Ионеску говорит об изумлении своего правительства, которое не знает опасностей, угрожающих завтрашнему дню, то мы отсюда можем сделать только один вывод: на ряду с официальным правительством, которое ведет переговоры, выражает изумление, и «не знает», существует другое—неофициальное, которое знает и делает.

Что означало бы осуществление этого плана? Правобережная Украина сейчас самая благодатная часть Советской Федерации: там собран прекрасный урожай, который может и должен облегчить голод в Поволжьи. Если бы на правобережную Украину двинулись петлюровские банды, о которых не знает Таке Ионеску, это значило бы, что Правобережье стало бы театром самой изнурительной из войн, — именно той, которая бывает между регулярными войсками и партизанскими бандами. Это значило бы, что по селам, амбарам и пашням украинских крестьян Правобережья прошел бы и раз и два страшный каток гражданской войны. Это значило бы, что вооруженные на румынский счет петлюровские банды, о которых не знает Таке Ионеску, уничтожили бы на Украине

хлеба в 5—10 раз больше, чем нам собирается дать объединенная филантропия всего буржуазного мира. И здесь, товарищи, от имени этого авторитетнейшего органа местной Советской власти, как и от имени рабочих и крестьян всей России, мы скажем правительству Англии, правительству Франции и всем правительствам Антанты: «Вы говорите о том, чтобы нам помочь. Вы собираетесь обследовать нужду поволжских крестьян;—обследуйте первым долгом пограничную с нами полосу Бессарабии и Румынии. Нет ли там бандитов и поджигателей, от которых пожаром может заняться Правобережная Украина, что тягчайшим образом ударило бы по голодающим крестьянам Поволжья».

Мы не ждем, товарищи, немедленного ответа от Антанты, но мы хотим и будем готовы к обеспечению нашей границы и нашего достояния собственными силами. Как ни тяжко теперь, когда мы хотели бы все силы и средства целиком отдать прежде всего на дело помощи голодающим и наряду с этим на основное дело, на возрождение нашего хозяйства в целом,—мы не можем отводить наших глаз от Юго-Западной границы. Судьба поволжского крестьянина и его детей решается сейчас не только на самой Волге, куда мы посылаем и пошлем еще тысячи работников и работниц для помощи на месте,—судьба его решается также и на тех участках наших границ, где мировой империализм еще не отказался от мысли подвергнуть последнему испытанию Советскую власть. После всего опыта, который мы приобрели, после всех бедствий, которые мы испытали, после 4-х почти лет, в течение которых мы боролись и побеждали, мы чувствуем себя достаточно твердо, чтобы, не ослабляя хозяйственной работы, отстоять неприкосновенность Советской Федерации везде и всюду, где ей посмели бы угрожать, несмотря на нашу искреннюю и открытую готовность к миру со всеми соседями. Мы готовы с прежней силой и решимостью раздавить внутри страны всякую попытку использовать новый трудный перевал для контр-революционного переворота. Товарищи, не для того мы в ноябре 17 года брали власть, не для того рабочий класс нес жертвы без имени и без числа, чтобы теперь на новом перевале споткнуться и сдать—нет, расчеты наших врагов окажутся ложными и на этот раз. Мы устоим, мы преодолеем, мы победим, мы закрепимся, мы пойдем вперед!

Стенографические отчеты Моссовета 1921 г., № 6.

Привет Украинскому Правобережью!

Замена продовольственной разверстки налогом означает огромный поворот в жизни деревни. При разверстке крестьянину оставалось лишь строго необходимое, а все, что сверх того, отходило к государству. При налоге крестьянин отдает государству только строго определенную часть своего урожая; все остальное остается в распоряжении хозяина и его семьи. Введение продовольственного налога было целиком продиктовано интересами и нуждами крестьянского хозяйства.

На Правобережьи введение налога совпало с прекрасным урожаем. В то время, как на юго-востоке Советской Федерации, по Волге, небывалая засуха выжгла хлеба, и миллионы крестьян, крестьянок и детей переживают сейчас ужасающие муки голода,—здесь, между Днепром и Днестром, хлеба уродились в этом году на славу. Правобережный крестьянин часть своего урожая, в виде продовольственного налога, должен передать в руки государства. Эта часть пойдет на содержание Красной Армии, охраняющей земли украинских крестьян от русских, польских, румынских и иных помещиков; на городских рабочих, которые должны дать крестьянину орудия сельско-хозяйственного труда, и наконец, на помощь голодающим братьям на Волге.

Правобережный крестьянин должен внести—и внесет—свой налог полностью и во-время. У него есть, что внести. Только бесчестный, своекорыстный кулак может противиться внесению справедливого продовольственного налога, который идет не на панов, а на помощь своим же братьям—рабочим, крестьянам и красноармейцам. Подавляющее большинство крестьян Правобережья и, в частности, Киевской губернии уже приступили к выполнению своего долга по отношению к Рабоче-Крестьянскому государству. Насколько знаю, киевские крестьяне идут в первом ряду. Это значит, что петлюровские атаманы и прочие бандиты уже не могут больше сбить с толку киевских крестьян; они поняли, что нынешний хороший урожай может стать началом хозяйственного возрождения и подъема Украины, если деревня будет очищена от бандитов и громил, если города получат хлеб для развития промышленности.

Киевские крестьяне идут сейчас в отношении продовольственного налога в первом ряду. Крестьяне других губерний будут по ним равняться.

Хлеборобы Правобережья! Ваши голодающие братья с Поволжья приветствуют вас и взывают к вам. Они надеются твердо, что вы не оставите их. Вы выполните ваш долг до конца. Вы внесете ваш продовольственный налог в срок и даже раньше срока, — как верные сыны Рабоче-Крестьянского отечества!

2 сентября 1921 г.
Киев.
В пути, № 142.

Речь на заседании Житомирского горсовета

5 сентября 1921 г.

Сегодня в Житомире, во время военного смотра, мне пришлось высказаться по самому жгучему вопросу нашей международной политики — по вопросу о том, будем ли мы в ближайшее время воевать или же будем иметь возможность посвятить наши главные силы хозяйственной и культурной работе. Уже самый приезд наш сюда, в города и пункты, лежащие близко к границе, вызвал предположение о том, что ожидаются крупные военные события. Одни говорили о войне с Польшей, другие о войне с Румынией. Я счел поэтому своим долгом сегодня на парадном смотру ясно и отчетливо сказать красноармейцам, что эти предположения, слухи, надежды или опасения совершенно неправильны. Не произошло решительно никаких событий, которые могли бы нас побудить изменить нашу основную линию, т.-е. линию мира, наоборот — все события, какие имели место, и самое большое из этих событий — голод в Поволжьи, заставили увеличить наши усилия по проведению и осуществлению мирной политики.

У нас есть основание надеяться, что мы успешно отстоим эту политику в ближайший период. Правда, мы сейчас выбиты из колеи, как во внутреннем, так и в международном отношении, фактами, которые нарушают, — нельзя сказать, равновесие, ибо его не было, — но тот режим, который приближался к временному равновесию. Страна наша все время почти не выходила из состояния полуголода. Сейчас же мы переживаем острый кризис голода, охвативший десятки миллионов человеческих существ, и этот голод снова ставит под знак вопроса наши завоевания в области наших международных отношений. Приходится снова спросить: как же будет дальше? Американская буржуазия, которая от военных интервенций, от оккупации Одессы, Архангельска и Мурмана, от поддержки Врангеля, перешла к торговым с нами отношениям, останется ли она на пути этих торговых отношений, или же сделает попытку к новой военной интервенции? Французская буржуазия, — какую будет она вести политику по отношению к нам? — это все сейчас основные вопросы. То, что мы переживаем, является новым тяжелым знамением устойчивости Советской власти, с одной стороны, и испытанием отношений к Советской власти других государств и их правящих классов — с другой стороны.

Когда мы ставим себе этот вопрос о новой группировке сил, то, прежде всего, бросается в глаза тот факт, что голод в Поволжьи является сейчас центральным вопросом в международной политике. Возьмите любые

газеты европейской и американской буржуазии, вы увидите, что главные статьи посвящены голоду в России. В речах министров, во всех статьях, в заседаниях парламента обсуждается только вопрос о голоде в России. Это понятно, когда речь идет о наших друзьях, о рабочих. Их этот вопрос чрезвычайно интересует, так как у них являются опасения за устойчивость Советского правительства в России. Совсем иначе ставится этот вопрос буржуазией и ее правящими кругами.

Каковы причины того, что правительства капиталистических государств, министры, депутаты и газетчики сосредоточивают такое большое внимание на вопросе голода в Поволжьи, причем этот вопрос обсуждается с точки зрения помощи? Когда был создан у нас комитет общественных деятелей с Прокоповичем, Кусковой и Кишкиным и другими эс-эрами и меньшевиками, этому в высокой степени скромному комитету были посвящены многочисленные статьи. Нет никакого сомнения, что буржуазные министерства на закрытых заседаниях обсуждали этот вопрос. Американский министр Гувер, который был одно время диктатором продовольствия, а сейчас является министром торговли и промышленности, обратился к нам с предложением помощи голодающим. Он вступил с нами в длительные переговоры, которые закончились успешно. Обе стороны подписали договор. Бывший французский министр Нуланс также обратился к советскому правительству со своими условиями и предложениями. Общее впечатление на первый взгляд таково, как если бы у Европы и Америки не было другой более коренной и насущной заботы, кроме заботы о русском голодающем мужике. Один этот факт должен нас настроить, если не тревожно, то критически, ибо мы отдаем себе отчет в том, что раз этот класс не может непосредственно интересоваться и сочувствовать голодным рабочим и крестьянам России, как это могли бы делать рабочие, то чем же объясняется тогда постановка вопроса о голоде в центре всех дискуссий.

Это объясняется именно тем, что буржуазия Европы и Америки сейчас заново решает у себя вопрос о своем отношении к Советской России. Она спрашивает себя: устоит ли в России советский режим, не будет ли голод последним решающим толчком к его свержению. Если, говорит буржуазия, советский режим устоит теперь при этом голоде, стало быть необходимо признать этот режим имеющим жизненные формы; необходимо окончательно закрепить с ним экономические, дипломатические и всякие иные отношения. И, чтобы заручиться известной симпатией со стороны советских республик, она прибегает к филантропии.

Но есть группы буржуазии, которые рассуждают иначе: если в результате голода, этого большого внутреннего потрясения, советское правительство может пасть, то, очевидно, незачем вступать с Советской Россией в экономические, а может быть, и дипломатические отношения,— лучше подождать результатов голода.

Таким образом, голод снова поставил вопрос об отношениях буржуазии к советской республике. И насколько сейчас, прежде чем этот

политический процесс определился, можно отдать себе отчет в его направлении, можно сказать без всякого оптимизма, без всякой казенной официальной жизнерадостности, что в общем и целом большинство руководящей политикой буржуазии, повидимому, признает не только тот факт, что голод не свалит Советскую власть, но и то, что в России нет другой силы, другого класса, другой партии, другого возможного режима, кроме советского режима и его руководящей коммунистической партии. Если в такой разоренной стране, как Россия, стране истощенной и глубоко потрясенной, голод, захвативший десятки миллионов людей, не привел советский аппарат к состоянию полной беспомощности, если Советская власть с самого начала стала делать энергичнейшие усилия, чтобы обеспечить обсеменение Волжского озимого клина и достигла первых больших успехов на этом пути, если аппарат работает безостановочно при этих чрезвычайно тяжелых условиях,—это доказывает буржуазии, которая частью и до голода начинала это понимать,—что Советская власть не есть переходящее и временное явление, а фактор, с которым придется считаться в течение определенного количества лет. Английская буржуазия, повидимому, поняла это достаточно полно. Английская буржуазия вообще наиболее проницательная: про нее давно сказано, что она мыслит столетиями и континентами. Английская буржуазия в течение столетий выковывала свое могущество, привыкла заглядывать далеко вперед, и во главе ее стоят политики, которые весь прошлый опыт своего класса сосредоточили в своем сознании. И в этом вопросе они проявляют большую проницательность и политическую чуткость.

Ллойд-Джордж сказал: «Дело идет не о филантропии, дело идет о том, чтобы вернуть Россию к хозяйственному равновесию, а это можно сделать посредством установления правильного экономического союза с Советской Россией». Ллойд-Джордж надеется, что правильные торговые экономические отношения с нами приведут нас к восстановлению нашего хозяйства и считает, что свалить нас голодом так же невозможно, как военной интервенцией. Таким образом, здесь мы имеем как бы парадокс: голод, этот глубоко отрицательный факт, не ослабил нас в смысле нашего международного положения, а скорее даже укрепил. Буржуазные газеты пишут: «Да, эта власть имеет жизненные корни, она устояла перед ударом голода, надо с этим считаться, рядом с ней нет никого, кто бы мог ее сменить». Стало быть, если бы даже эта власть пала,—это означало бы период смерти, средневекового варварства и хаоса. Европа не могла бы надеяться на восстановление внутреннего хозяйства и нельзя было бы ожидать, что через несколько лет Россия получит возможность покупать продукты, а европейская промышленность получит возможность сбывать их. А это Европе необходимо до зарезу, ибо сейчас за войну она расплачивается ценой ужасного экономического кризиса.

Но если голод послужил толчком для одной части буржуазии для того, чтобы понять, что Советская власть незыблема, то с другой стороны,

он толкнул другие группы буржуазии на путь надежд на свержение советского строя. Это особенно заметно в среде нашей собственной буржуазии за границей. Речь идет о двух миллионах фабрикантов и помещиков, которые стоят не особняком: европейский и американский капитал полагает, что эта русская буржуазия, вернувшись в Россию, станет агентурой иностранного капитала по эксплоатации России. С другой стороны, мы слышим, что в целом ряде стран, и прежде всего во Франции, влиятельные правительственные круги в течение 3—4 лет непрерывно обнадеживали свою буржуазию относительно нашего неизбежного падения; они затрачивали миллионы золота на вмешательство в наши дела, и отказаться от надежды на наше свержение, значит для них отказаться от своей карьеры. Наконец, та часть французской буржуазии, которая в свое время вложила большие капиталы в русскую промышленность, не может махнуть рукой на старые барыши, во имя получения новых барышей от торговых сношений с Россией и Украиной.

Буржуазия в своем отношении к Советской России всегда представляла собой два лагеря, но эти два лагеря сейчас определились еще ярче, еще резче. Наиболее влиятельная буржуазия, повидимому, окончательно сдвинулась в сторону признания Советской власти. Это относится к Англии и Америке. В Америке все время шла коренная борьба, были многочисленные запросы в сенате, при чем одна треть сената еще несколько месяцев тому назад высказалась за возобновление сношений с Россией. К нам, в Москву, явился представитель, который сейчас ведет большую агитацию за возобновление торговых отношений. Финансовый делец Вандерлип тоже приезжал к нам и т. д.

Одним из наших наиболее активных врагов является Гувер—нынешний министр торговли и промышленности Америки. Он вместе с тем является председателем могущественной филантропической американской организации помощи голодающим. В Америке филантропия очень сильно развита. Американская буржуазия самая богатая; там большую роль играет секта квакеров,—очень благодетельная группа, что не мешает ей делать большие дела и получать большие барыши. Значит, с этой стороны совершенно беспокоиться не приходится, но свою филантропию они используют в двояком смысле: с одной стороны она обеспечивает им беспрепятственный вход в царство небесное, а сейчас она должна создать им симпатии и рекламу среди голодающих масс.

И Гуверу—я не знаю, является ли он квакером или он только им служит,—но он является министром торговли и промышленности—поэтому ему очень сподручно соединить одно дело с другим. То обстоятельство, что наш заклятый и наиболее непримиримый враг обратился к нам, можно истолковать двояко: или он убедился, что мы несокрушимы, и решил вступить с нами в соглашение; или он полагает, что мы накануне падения и решил нам немного помочь в этом отношении. И то и другое теоретически, практически и политически одинаково возможно. Переговоры, кото-

рые велись с ним и закончились договором, касались исключительно помощи голодающим. Договор сводится к тому, что его организация—это администрация помощи, которая обязуется давать продовольствие и часть одежды одному миллиону голодающих детей России. Мы же обязуемся предоставлять железные дороги и проч., и не вмешиваться в благотворительное распределение этой помощи. В этом заключается их автономия. Они являются филантропами и могут этим делом распоряжаться. Эта филантропия должна быть вне политики. Это тоже оговорено. Агенты Гувера не вмешиваются в политическую жизнь страны. Правда, может быть, здесь есть и задний умысел, так могут сказать те из нас, которые очень подозрительны, но так как я подписал договор с Гувером, я не могу быть подозрительным. Но, исходя из той точки зрения, что Гувер хочет приобрести популярность в Советской России на почве подачек и использовать всю эту филантропию для контр-революционного переворота,— можно сказать: да, возможно, что есть такие планы, но это не могло помешать нам заключить с ним договор. Для этого у нас существует контроль и революционная бдительность. Если бы мы получили одновременно американское конденсированное молоко и американский план контр-революционного переворота, то мы постарались бы задушить переворот после того, как голодные дети получили бы конденсированное молоко.

Я это говорю для того, чтобы ваше внимание направить на двойственный характер буржуазии. Но есть элементы, которые действительно искренно колеблются и не знают, избегать нас или нет.

Таково положение, в котором мы сейчас находимся. За последнее время многочисленные белогвардейские газеты за границей находятся в судорожном состоянии. Наша белогвардейщина понимает, что если мы теперь переживем этот период, если мы не только накормим, но полунакормим голодных и завяжем связь не только с Ллойд-Джорджем, но и с благочестивыми американскими квакерами, то Советская власть уже ни в коем случае не может ждать военного удара со стороны европейской буржуазии. Вот почему для нас вопрос о помощи голодающим есть новый повторный смертный приговор для отжившего класса буржуазии. Вот почему она сейчас мобилизует всю ложь и клевету, на какую она способна. Некоторые цитаты, которые я приводил из газет эс-эров и Бурцева, вызвали гомерический хохот на наших собраниях по своей чудовищной наглости и преувеличенности. Но они характеризуют момент, они указывают, что сейчас решается судьба Советской России и Украины уже может быть в последней инстанции. До самой окончательной инстанции—европейской революции. Но между этим решением, т. е. между победоносной революцией европейского пролетариата и сегодняшним днем остается еще некоторый промежуток времени. Сколько он будет длиться, этого мы все не знаем; он может длиться месяцы, он может длиться годы. Многое говорит за то, что пролетарская революция на самом деле явится скорее, чем мы теперь ее ждем; но никаких точных данных относительно этого у нас не

может быть, и я говорю о том периоде, который отделяет нас от международной революции в Европе.

Что касается организации Гувера, то если бы мы пошатнулись внутри страны, если бы мы стали падать, то Гувер принял бы в этом активное участие, как он это сделал в Венгрии. Мы не имеем никакого права обвинять Гувера во враждебных действиях по отношению к советской стране, которой он оказал свою помощь. Но Гувер подписал договор о помощи Венгрии, и его уполномоченный капитан Грегори в 1919 году рассказал в американских журналах, какое он принял участие в заговоре против Советского правительства в Венгрии. Несмотря на инструкции, которые ему дал Гувер, от отдал все продовольствие контр-революции. Поэтому мы скажем, что если Гувер сам не будет вмешиваться в наши дела, то в его организации найдется кто-нибудь, кто попытается вмешаться, и тогда мы уже на основании договора можем каждого такого Грегори взять за шиворот. Здесь вопрос стоит, как вопрос борьбы революции с контр-революцией. В данном случае американский контр-революционный прохвост ничем не отличается от русского. У нас есть определенные меры борьбы, и они остаются во всей своей силе по отношению к тем элементам, которые попытались бы сделать какой-нибудь переворот.

Зародыш такой политики—комитет помощи голодающим, в котором сидели Прокопович, Кускова и Кишкин, или, как их в Москве называли «Прокукиш»—организация полу-контр-революционная. Нет сомнения, что вокруг этой организации имеются действительно контр-революционные заговорщики. Контр-революционеры сделали попытку использовать комитет помощи голодающим, и этот комитет, воображая, что он уже есть почти что без пяти минут неофициальное правительство России, мысленно опирался на поддержку общественного мнения Европы и Америки и вступил в переговоры с некоторыми заграничными группами. Хотя по существу это был маленький «Прокукиш», но для того, чтобы дело, во-первых, поставить на надлежащую точку, во-вторых, чтобы не поощрять контр-революционеров, он был распущен после первого предупреждения.

Если мы возьмем Францию, то в ее лице мы получим группировки, несомненно более серьезные, более опасные. Во Франции сконцентрировались все русские эмигранты и наш комитет общественных деятелей был той организацией, через которую они думали действовать. Франция была более связана с политикой военных интервенций и ее буржуазия потеряла много миллиардов на этом деле, так что для них низвержение Советской власти есть предприятие, в которое вложен колоссальные капитал. Этот капитал может дать проценты только после падения Советской власти. Вот почему она вынуждена продолжать с нами беспощадную войну и даже те группы французской буржуазии, которые понимают и ощущают на своей собственной экономической деятельности абсолютную необходимость для Франции переменить свою политику,—говорят о том, что, если положение таково, что нужно подождать еще 15 минут (во Франции во время войны

с Германией вошли в поговорку такие слова: «нужно подождать еще 15 минут»),– имеет ли смысл сейчас восстанавливать с Россией экономические сношения, может быть весь советский режим стоит накануне падения.

И поразительное дело, что французское правительство в центре организации помощи голодающим в России поставило поистине классическую тройку: бывшего посла Нуланса, Жиро и генерала По. Вокруг этих трех фигур в ближайшие дни будет множество разговоров, и эти фигуры я рекомендую вам запомнить. Нуланс был последним посланником французской республики в России. Он был организатором ярославского восстания, он был организатором и банкиром чехо-словацкого заговора и восстания на Волге и Урале. И этот Нуланс, который голодом хотел вызвать контр-революционный переворот, который считал голод лучшим союзником, теперь назначен председателем международной комиссии, которая должна из себя выделить международный комитет и послать в Россию комиссию для изучения вопроса помощи голодающим. В центре организации Нуланс, ему в помощники поставлен генерал По, который известен, как монархист, и бывший московский фабрикант Жиро, который исполнен жгучей ненависти к Советской России и желает вернуть свои потерянные фабрики.

Вы видите, как собирается помогать нам французская буржуазия. Означает ли это, что она собирается объявить нам войну? Нет, часть французской буржуазии хочет вступить с нами в сношения, но она несколько колеблется, а другая часть, которая хочет нас свергнуть, надеется, что эта комиссия может быть аппаратом для контр-революционного переворота. Но можно не опасаться того, что Франция сейчас способна двинуть против нас свои войска. Во Франции мы не имеем таких проявлений недовольства масс, как в Германии, но внутренний революционный процесс развивается с последовательностью и систематичностью. Тот факт, что революционные элементы имеют уже половину всего состава во французской организации профсоюзов, показывает развитие французского пролетариата. Что же касается расчетов на победу, то они уже убедились, что даже ужаснейший грабеж Германии не спас Францию от того разорения, которое ей нанесла война. Все это создает в рабочих массах жажду уже не национального, а классового реванша.

Итак, во Франции коммунистическая партия учится на опыте Российской революции и на опыте войны с Германией. Все это отнимает у французской буржуазии охоту бросить против нас свои войска. Наиболее непримиримой, ненавидящей нас части французской буржуазии рабочий класс не позволит выступить против рабочего класса Советских Республик. Это сейчас не агитационная фраза, не лозунг, это самый революционный живой факт.

Но у французской буржуазии имеются государства малой Антанты. Эти государства следующие: Польша, Румыния, Чехо-Словакия и др. Стало быть, интервенционистская политика французской буржуазии могла бы найти свое выражение не в каком нибудь новом походе Франции против

нас, а в попытке толкнуть против нас Румынию и Польшу. Вероятно ли, возможно ли это? Товарищи! из того, что я говорил, вытекает, что есть много данных против этого: неудача военной интервенции, банкротство политических эмигрантов, именно теперь, в глазах европейской буржуазии— все эти данные являются серьезными доводами против повторения военных авантюр. Если оценивать в процентах, то я сказал бы, что больше 70% за то, что Польша и больше 50% за то, что Румыния не решается на преступную авантюру новой войны с Советской Россией. Внутреннее положение Польши очень близко к катастрофе. Она экономически разорена, ее финансы в отчаянном положении. Правда, и у нас советские финансы тоже в отчаянном положении, но у нас есть растущий и укрепляющийся аппарат планомерной социалистической организации хозяйства. Поэтому для нас низкое состояние нашей валюты не является таким катастрофическим, как для буржуазных государств, где все основано на рынке, а, следовательно, на конкуренции. В Польше рабочий класс часто устраивает стачки, и борьба там так обострилась, как некогда борьба между разными кликами старого польского дворянства. Промышленная буржуазия приходит все больше к тому выводу, что хозяйственное спасение Польши состоит в том, чтобы восстановить тесную связь с российским рынком, ибо польская промышленность не может мечтать об американском или европейском рынке. Вот почему значительная часть польской буржуазии враждебно относится к тем авантюристам и романтикам, которые в Польше играют еще огромную роль. Низкое состояние польской валюты, банкротство шовинистов, состояние рабочих масс,—все это дает серьезные данные, почти уверенность, что польское правительство, по крайней мере в ближайший период, не станет на путь военного вмешательства в наши дела.

В Румынии дело обстоит несколько иначе. Румыния до сих пор удерживалась от оформления своих отношений с Украиной и Россией. Я не буду повторять историю этих отношений. Тов. Раковский сделает это лучше меня, как Народный Комиссар Украины по иностранным делам,—он в этих переговорах играл руководящую роль. Эти переговоры начались с того момента, когда Румыния повернула фронт против нас. Румыния использовала тот факт, что она была союзницей старой России и России Керенского. Когда же власть захватили в свои руки рабочие и крестьяне— Румыния повернулась против них. Антанта тогда заявила Советскому Правительству, что временная оккупация Бессарабии имеет своей задачей только прокормить русские и румынские войска. Никаких выводов в смысле аннексии Румынское правительство не делало. И после того произошли столкновения между румынскими и советскими войсками, Румыния подписала договор об очищении Бессарабии в двухмесячный срок. Когда затем после очищения Украины от белогвардейщины наша дипломатия предложила Румынскому Правительству мирные переговоры, тогдашний министр-президент (это было в начале прошлого года) Войда-Воевода ответил на это положительно. Все мы ожидали, что через несколько недель предста-

вители России, Украины и Румынии встретятся для того, чтобы выработать условия мирного договора. С этого момента начинается со стороны Румынии политика страуса, политика обмана. Румынское правительство назначило местом для переговоров—Варшаву в тот момент, когда мы с Польшей находились в состоянии открытой войны. Затем, на наш протест дипломаты румынского правительства заявили нам, что это недоразумение. Румынские рабочие запросили правительство, почему нет мира, на это румынское правительство ответило, что мира нет потому, что Россия не отвечает на мирное предложение. Они ссылались на то, что до них не дошли какие-то радио. Словом, мелкая жалкая политика, которая продиктована внутренней нерешительностью. Именно потому, что румынское правительство уклоняется от переговоров, оно склонно к тому, чтобы создавать для себя какую то неприкосновенность своей границы, но не нашей. Это приводит к ряду покушений со стороны Петлюровских банд на наши западные границы и, прежде всего, на границу Украины. Это есть угроза для всей советской федерации в целом. В последнее время работа этих банд получила наиболее грозный характер.

В этом году в значительной части Правобережной Украины урожай довольно хороший. Это придает исключительное значение Правобережью в наших общих экономических задачах. Продналог на Правобережьи составит очень важную часть ресурсов всей страны. Потому французские интервенционисты требуют от Польши и от Румынии, если не сразу наступать на нас регулярными войсками, то выдвинуть против нас бесчисленное количество банд Петлюры и других, для того, чтобы свалить нашу продкампанию.

Таким образом, мы сейчас не стоим перед опасностью военного наступления со стороны Франции, ни даже со стороны Польши и Румынии, но стоим перед фактами частичных отдельных действий банд, действий, которые по своей логике могут привести к очень серьезной кровавой развязке. И здесь, на нашей ближайшей границе,—один из концов той мировой политики по отношению к голоду в Советской России, которую я пытался охарактеризировать.

Нас сейчас не занимает вопрос о Бессарабии, хотя мы не считаем этот вопрос решенным. Такие вопросы не решаются без воли того населения, о котором идет речь. Но принимая во внимание, что захват Бессарабии был захватом насильническим, противоречил всем нормам буржуазии, я беру на себя смелость прямо и открыто сказать, что это—величайшая несправедливость.

Но мы надеемся на развитие революции, которая все это ликвидирует и, как я говорил красноармейцам сегодня, на то, что Бессарабия перестанет быть яблоком раздора между Россией и Румынией, а станет звеном между Советской Россией и Украиной. Вот почему мы не ставим сейчас своей задачи военным путем, с мечом в руках разрешить бессарабский вопрос. У нас сейчас есть волжский вопрос, у нас сейчас есть вопрос

о восстановлении нашего хозяйства, и для этого нам нужна уверенность, спокойствие наших западных границ. Эти границы являются теперь местом последних судорог западно-европейской буржуазии, ибо каждая банда, которая проникает из Румынии и Польши, есть не что иное, как отряд тех сил мирового капитала, которые не потеряли надежду на свержение нашей власти. И если мы подписываем соглашение с Гувером, мобилизуем все наши силы на помощь Поволжью и собираем из наших нищих средств материал для посева на Поволжьи,—то мы в том же порядке должны обеспечить нашу западную границу.

Вот почему нас послали сюда, нас послали эту границу осмотреть, эту границу проверить; она должна перестать быть решетом, через которое от нас уходит хлеб и через которое к нам просачиваются банды. Мы готовы иметь, мы хотим иметь ворота, двери, окна, через которые мы будем сноситься с нашими соседями, но на договорных началах. И если наши соседи не захотят за дипломатическим столом урегулировать этот вопрос, то мы, не провоцируя их,—что было бы несчастьем для нас и для них,—найдем в себе мужество, силу и выдержку, чтобы обеспечить неприкосновенность нашей границы.

На вас, товарищи, как на руководящих наших работников одной из пограничных губерний, ложится ответственность не только перед Украиной, но и перед Советской Федерацией. Необходимо во что бы то ни стало установить определенный ясный режим, чтобы никакие неурядицы администрации не помогали тем, кто не прочь взять то, что плохо лежит. Необходимо укрепить границу, необходимо в этом деле стоять всем усилиям профессиональных и партийных органов. Необходимо пробудить в красноармейских частях сознание, что они сейчас выполняют ответственную миссию не только по отношению к голодающим братьям на Волге, но и по отношению ко всей Федерации. Мы здесь в Житомире на глазах двух границ говорим, что мы хотим мира, основанного на прочном договоре. До тех пор, пока один из наших соседей нам этого мира не дал, а другой не точно выполняет его, пользуясь нашими границами для беспорядков, мы тройным замком замкнем все нелегальные выходы и входы в Советскую Украину и Россию. Мы скажем: «кто приходит к нам для договора—честь и место, у нас легальные договоры. Кто хочет к нам проникнуть со взломом, тот столкнется с оружием. Для взломщиков и погромщиков другого выхода нет».

Из архива.

Биржевая республика и ее Нуланс.

Нуланс—это знамя. Назначение Нуланса председателем комиссии международной помощи России представляет собой исключительно меткий шаг французского правительства. Тут оно само рекомендует себя сразу и целиком. Всякое другое имя оставило бы место неясности, сомнениям, предположениям. Имя Нуланса создает сразу полную отчетливость положения. Нуланса в России знают и помнят. Его знают также и на Украине. Этот тупой, ограниченный и жадный буржуа представлял 3-ю республику при царском дворе. Разумеется, он сохранил свои полномочия при Керенском. И, разумеется он стал сразу бешеным врагом Советской власти. Нуланс—типичный французский политик в том смысле, что это разбогатевший мелкий буржуа: капитал большой, а кругозор маленький.

Российская революция обрушилась на этот плоский череп, как неожиданный удар грома. Нуланс ничего не понял. Впрочем, одно он усвоил хорошо: именно, что вместе с ним многие разбогатевшие мелкие буржуа теряют на русской революции свои миллиарды. И вот этот тупой политический лавочник решает опрокинуть революцию русского рабочего класса. У него есть для этого связи с белогвардейцами—придворными, либеральными, эс-эровскими, и других мастей, а главное, у него есть золото. Нуланс приводит в движение все свои рычаги. Этот жалкий и трусливый мещанин, под влиянием обуревающей его жадности, решается на самые крайние авантюры. Нуланс вступает в сношение с Петлюрой и открывает ему кредит. Нуланс организует через посредство многочисленных агентов мятеж чехословацкого корпуса на Волге. Нуланс нанимает Савинкова и поручает ему поднять мятеж в Ярославле. Наконец, Нуланс совместно с английским уполномоченным Локкартом организует обширный заговор против Петрограда. Их план прост: взорвать вокруг Петрограда железнодорожные пути и мосты, лишить Петроград продовольствия, огня и воды, довести его голодом до отчаяния, взять его измором, поднять над ним белое знамя контр-революции. Нуланс видел в российском голоде своего союзника в 1918 году, как фабрикант Рябушинский надеялся на костлявую руку голода в 1917 году. Но Нуланс не просто надеялся на голод,—он деятельно стремился ускорить его пришествие. Он стремился стать организатором голода. И вот, этого разоблаченного, обличенного специалиста по голоду французское правительство ростовщиков выдвигает в председатели комиссии международной помощи голодающей России. Немудрено, если увядшая было несколько память о Нулансе снова вспыхнула у нас ярким светом. Нуланс—это знамя, это программа, это символ французской буржуазии и ее правительства.

Руководящая французская газета «Тан»—та самая, которая была на содержании у царской дипломатии, а впрочем, и у многих других—прави-

тельственная газета «Тан», проникнутая тем же духом, что и Нуланс, т.-е. духом разбогатевшего мелкого буржуа, пишет, что нужно не только оказать материальную помощь России, но и освободить ее одновременно от «варварского» правительства большевиков, дав ей другое — «народное», «свободное» правительство.

Это голос Нуланса. Это голос ростовщической французской буржуазии,—самого жадного, велеречивого, корыстного и самого реакционного класса во всем мире. По отношению к странам центральной Европы, ко многим десяткам миллионов людей, буржуазная Франция является подлейшим палачем. Она угнетает десятки миллионов колониальных рабов—чернокожих и желтокожих, в то же время вооружая их против рабочих Германии и своих собственных. Имя буржуазной Франции ненавистно во всех частях света. Нет ничего отвратительнее кровожадного ростовщика, который декламирует о демократии. Нет ничего гнуснее международного палача, который собирается создавать «свободное» правительство для русского народа.

Нуланс-филантроп—это символ французской биржи, как насадительницы демократии. Бриан уже не раз говорил, что единственным условием соглашения с Советской Россией является признание ею царских долгов. Никакие принципы демократии не мешали парижским ростовщикам давать царю деньги взаймы, а демократам из «Тан» получать царские подачки из этих денег. Обжегшись на интервенции, в которой биржа поддерживала самых черносотенных монархистов, Бриан потребовал от Советской власти признания долгов. Уплата процентов есть единственная гарантия, нужная бирже. Демократия—это только псевдоним процентов. Такова уже натура разбогатевшего мелкого буржуа в политике: он обнаруживает свою жадность до дна, а затем спохватывается и начинает декламировать о праве. И в качестве декламатора он еще более отвратителен, чем в качестве обнаженного Шейлока.

Худшая, наиболее реакционная, наиболее оголтелая международная биржевая чернь, представителем которой является Нуланс, воображает или прикидывается, будто голод открывает ей какой то путь к русскому народу—помимо Советской власти. Пускай пробуют! Именно бедствие голода особенно ярко обнаружило, что Советская власть есть организованная самопомощь трудящихся, как война обнаруживала не раз, что Советская власть их вооруженная самооборона. Новые бедствия только закаляют государственную организацию труда. Нуланс, руководивший заговорами и интервенциями, был раздавлен. Он пытается воскреснуть как филантроп. Нуланс—это жадность, лицемерие, предательство, трусливый удар из-за угла. Нуланс—это французская биржа и ее республика. Путь революции идет не по розам. Ей приходится брать с бою препятствия, меряться смертельным оружием с врагами, отбиваться от живых собак и переступать через дохлых. Революция переступит и через господина Нуланса.

7 сентября 1921 г.
Одесса.
«В пути», № 145.

Этому надо положить конец.

7-го сентября, в 6 час. утра, между станциями Фастов и Кожанка [48] произошло крушение продовольственного поезда, вследствие разборки рельс одной из петлюровских банд, которые систематически выбрасываются на территорию Украины из-за польской и румынской границ. Поезд вез продовольствие для рабочих Донецкого бассейна—около 44 тысяч пудов столь драгоценного в наше время ржаного зерна. Крушением уничтожено все: паровоз, вагоны, зерно и значительная часть людей. На протяжении десятков сажен осколки досок, металл, зерно, мускулы и кровь смешались с землею.

Петлюровцы начали, как партия националистической мелкобуржуазной демократии. По мере того, как они теряли в трудовых низах почву под ногами, они превращались в вооруженные отряды кулаков. Но и этот период ныне закончился. Многочисленные отряды, доходившие нередко до нескольких тысяч бойцов, ныне разбиты, уничтожены, разгромлены. Руководители и их штабы давно перебрались за ближайшие границы и включились в штабы соседних государств. На Правобережьи остались лишь ничтожные по численному составу шайки, непригодные для каких бы то ни было военных действий и сведшие свою предательскую работу к так называемому «вредительному» шпионажу в пользу иностранных буржуазно-помещичьих правительств. Идейные петлюровцы отшатнулись от этой каиновой работы и с покаянными головами пришли в стан Советской власти. Остались в шайках развращенные отбросы. Их наниматели, организаторы и инструктора сидят за ближайшей пограничной линией. Оттуда шайкам доставляются оружие и пополнения, туда они возвращаются на отдых и оттуда снова появляются для своих отвратительных и бессмысленных преступлений.

Эту тактику—разрушение наших железных дорог с целью вызвать голод населения—пытался в 1918 году применить в широком масштабе французский посланник Нуланс. Он и ныне не прочь бы приложить свои руки к этому делу, но Париж далеко, и рукам Нуланса не дотянуться до Советской границы.

Кишинев и Львов ближе. Отсюда идут банды, оплаченные французскими деньгами, отсюда нарушаются наш покой и наш труд.

На протесты нашей дипломатии правительства соседних государств отвечают лицемерным изумлением или ссылками на революционную работу Коммунистического Интернационала. Но никаким изумлением господ мини-

стров нельзя устранить того факта, что румынские и польские штабы непосредственно руководят разбойничьей работой петлюровских, савинковских и иных банд. Эта работа, ее методы, ее организация с полной детальностью установлены показаниями десятков самых ответственных румынских и польских агентов из числа русских и украинских белогвардейских офицеров, занимавших в свое время высокие посты.

Безобразным лицемерием является также ссылка на Коммунистический Интернационал. Конечно, это—братская нам организация, конечно, мы оказываем ей гостеприимство. Но это—организация международная. Она существует во всех странах. Только жалкие идиоты могут думать, будто бы такое движение может быть искусственно вызвано или искусственно поддерживаемо.

В какое же сравнение могут итти с Коммунистическим Интернационалом, мировой организацией рабочего класса, вооруженные савинковские и петлюровские банды, созданные специально для нанесения вреда Советской Украине и Советской России?

Цинично-грубое лицемерие! Дело ведь идет не об «идейных» центрах российской контр-революции, не о газетах и комитетах монархической, эс-эровской и иной контр-революции, которыми кишмя-кишат города Румынии и Польши. Не о том мы ведем речь. Тесную связь изгнанных российских помещиков и ростовщиков с помещиками и ростовщиками Польши и Румынии мы понимаем и с ней считаемся, как не отрицаем и своей тесной идейной связи с трудящимися Румынии и Польши. Но ведь отсюда еще далеко до переброски вооруженных отрядов через границу. Не питая ни малейшей симпатии к помещичье-капиталистическому строю Польши, мы, однако, намерены строго соблюдать условия подписанного с Польшей договора, ибо мы хотим мира. Не питая ни малейшей симпатии к боярско-чоконскому *) строю Румынии, мы готовы, однако, заключить с ней договор и мы намерены этот договор соблюдать. Со стороны же наших соседей мы видим непрерывную игру с огнем. Они с нами не воюют. Они только время от времени бросают ком зажженной пакли под крышу нашего дома. И они изумляются, когда мы негодуем.

Весь мир говорит о помощи голодающей России. Одни лицемерно, другие—искренне. Но и те, которые лицемерят, свидетельствуют своим лицемерием, что невозможно оставаться безучастными перед лицом таких ужасающих бедствий. И вот, в то время, когда из Америки и Англии, из Норвегии и Германии идут скромные продовольственные грузы, имеющие задачей хоть несколько смягчить муки голода крестьянских и пролетарских семей, выбрасываемые из Польши и Румынии банды жгут наши продовольственные склады, убивают десятками продовольственных работников, уничтожают продовольственные поезда...

---

*) Чоком—выскочки, новые помещики и капиталисты.

Этого нельзя терпеть. С этим нужно покончить. Разумеется, если бы думать, что наши соседи решили во что бы то ни стало драться с нами, то не оставалось бы ничего, как готовиться к отпору. Но такой вывод был бы неправилен. На самом деле и там, и здесь больше легкомыслия, чем серьезного плана. Поддерживаемые французскими империалистами, которые при этом слишком малым рискуют, авантюристы Польши и Румынии играют с огнем.

Нельзя сомневаться в том, что последние ноты нашей дипломатии побудят подавляющее большинство не только трудящихся Польши и Румынии, но даже и буржуазию, твердо и решительно напомнить авантюристическим элементам этих стран, что игра с огнем есть опасная игра и что ей нужно положить конец.

«Правда»,
16 сентября 1921 г., № 206.

Речь

на заседании пленума Московского Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов

20 сентября 1921 г.

Товарищи, около 3-х недель тому назад, я выступал перед Московским Советом с сообщением по вопросу о нашем международном положении в связи с вопросом о голоде. Если вы помните тогда в центре моего сообщения стоял вопрос об отношениях к нам Польши и Румынии, причем в виде предположения, которое всем нам казалось безусловно правильным, мы говорили о том, что за спиной Польши и Румынии стоит французский империализм, который пытается их натравить на нас, чтобы проложить путь к новой интервенции и новому военному вмешательству, оставив полуоткрытыми ворота через нашу юго-восточную Бессарабскую границу. То, что тогда было для нас предположением хотя внутренне твердо обусловленным, то стало теперь фактом, известным всем. Вы, конечно, читали ноты т. Чичерина и Раковского Польше и Румынии и ноту, разоблачающую политику Франции в этом деле [49].

В тот же самый день, когда мне пришлось выступать в Московском Совете, я, по поручению Советского Правительства, выехал на Украину, в связи с теми событиями и вопросами, которые вызывали и продолжают вызывать сильную тревогу, т.-е. в связи с поведением наших ближайших западных соседей—Польши и Румынии.

Вопросы, которые подлежали рассмотрению на Украине, сводились к тому—в какой мере обеспечены наши западные и юго-западные границы от дальнейшего вторжения банд, ибо, как вы помните, это тоже было предметом моего сообщения. Для нас не было сомнений в том, что ни Польша, ни Румыния не собираются, по крайней мере серьезно, в ближайшее время двинуть против нас регулярные войска. Речь шла о попытке прощупать нас при помощи савинковских и петлюровских нерегулярных партизанских банд и только в случае, если бы оказалось, что мы ослабели, вследствие голода в Поволжьи и хозяйственных затруднений, если бы оказалось, что организм советского государства перестал пружинить и давать отпор, и чаяния их и надежды подтвердились,—тогда они вслед нерегулярным бандам, вероятно, имели бы намерение направить регулярные войска.

Вопрос о границе, вопрос о состоянии, самочувствии и настроении наших войск вдоль этой границы и, прежде всего, вопрос о поступлении продналога в пограничной полосе в зависимости от нападения банд—вот те вопросы, которые составляли предмет моих ближайших наблюдений. Что касается границ, то самый факт возможности того, что отдельные банды большей или меньшей численности—они преимущественно очень маленькие—проникают к нам, этот самый факт свидетельствует, что охрана границ не стоит еще на достаточной высоте. Это связано со всем прошлым Украины с характером украинского правобережья, с недостаточной численностью там пролетариата и вытекающей отсюда относительной слабостью советского аппарата. Тем не менее, основной вывод, к которому я пришел в результате своей поездки на основании не только своих, все же очень беглых, наблюдений, но прежде всего- на основании знакомства с положением через посредство гораздо более осведомленных товарищей,—состоит в том, что советский аппарат, советские учреждения и идея рабоче-крестьянской власти сделали на Украине, и в том числе на правобережье,—огромный шаг вперед. Это бросается в глаза. Украина, которая представляла не так давно хаос, особенно Правобережье с огромным числом банд и бандитов,—эта Украина сейчас дает картину несравненно более устойчивую. Я к этому сейчас перейду и приведу некоторые цифры, но сперва я позволю себе отклониться в сторону к вопросу о нашей армии на Украине.

Армия, хотя бы она была в своем составе и из других частей страны, в чрезвычайно высокой степени отражает настроение окружающего его населения. До тех пор, пока дух Петлюровщины, кулачества, шовинистического господства царил на Украине, пока бандитизм имел широкий политический характер—до тех пор наши красные войска в некоторых частях Украины, преимущественно правого берега, попадали в атмосферу враждебности и это не могло не оказывать на них разлагающего влияния. Сейчас от этой эпохи почти не осталось и следа. На Правобережьи, именно потому, что там технически советский аппарат менее совершенен, чем на Левобережьи, продовольствование войск происходит в значительной мере за счет местного крестьянского населения—отсюда, естественно, нужно было ожидать недовольства крестьян на местах. Между тем, по общим отзывам, — здесь я допрашивал не только командиров — комиссаров, но и местную гражданскую власть и рядовых красноармейцев, — сколько-нибудь заметного и ощущаемого недовольства крестьян тем фактом, что армия кормится в значительной мере за счет местного населения—сейчас нет. Объясняется это не только обильным урожаем на Правобережьи, но и новой, по существу, ориентировкой правобережных крестьян. Сейчас не только нет симпатий в широких кругах крестьянства к бандам, но даже и у верхов деревень, которые были всегда за них, не осталось и следа от петлюровской ориентировки.

Петлюровщина перестала на Правобережьи быть политическим течением, которое охватывало деревенские верхи и через них деревенского середняка, сплошь и рядом увлекая за собой и деревенские низы. Так называемые комнезаможи, т.-е комитеты деревенской бедноты явились организационным орудием классового расслоения, дифференциацией, расщеплением крестьянства. Они сыграли огромную роль и, в последние месяцы, низы украинской деревни переживали свое девственное приобщение к Советской власти. У них, само собой разумеется, будут те или иные недоразумения с Советской властью, те или другие колебания настроений — это мы знаем, это в значительной мере неизбежно связано, как с характером хозяйства, так и с характером переходной эпохи,—но первое грубое приобщение крестьянства к Советской власти, к его духу, методам, задачам происходит на Украине только теперь—этот факт переродил Украину совершенно, он создал в высокой степени благоприятную обстановку для нашей Красной Армии во всех отношениях.

Я видал там, между прочим, и вашу N-ую дивизию и могу вам передать сердечный привет от нее. Эта дивизия является, бесспорно, одной из лучших дивизий нашей N-ой армии.

Для вас, вероятно, не секрет, что на Правобережьи происходили военные маневры, которые наделали очень много шуму в заграничной печати, шуму, конечно, не доброжелательного, а злостного и тенденциозного. Дело изображалось так, что Советская власть сосредоточивает невероятные по численности войска на Правобережьи, имея в виду наступление на соседние страны и проч. Разумеется, это чистейший вздор. Маневры имели военное значение. Я не скрою того, что в наше намерение входило напомнить тем, кто как будто забыл об этом, что наша Красная Армия еще существует. Казалось бы, что в этом не было бы надобности, но если, товарищи, вы на минуту войдете в психологию наших врагов,—французских империалистов и их агентов, то вам станет понятно, что эти люди, жаждущие нашего падения, принимают свои мечтания за осуществляющиеся факты. И вот теперь, в недели острого голода и связанных с ним политических затруднений, они утешают себя иллюзиями того, что у нас все распадается.

В предыдущем своем докладе, я вам читал ряд цитат из их газет, где говорилось о том, что Красная Армия распадается и генерал Зайончковский назначен главнокомандующим на фронт борьбы с голодающими. При такой способности верить самой чудовищной бессмыслице, наши ближайшие соседи, разумеется, могли увлечь себя мыслью, что в кровавый хаос, в который они погрузили Советскую Россию, погружена и Красная Армия. Поэтому представлялось необходимым и полезным напомнить им на таком расстоянии, на котором позволяют видеть хорошо увеличенные стекла, что Красная Армия не распалась, а существует, и что, стремясь к миру не менее, чем вся страна, она все же способна ее защитить, когда этого потребуют обстоятельства.

Товарищи, я вас просил бы не считать того, что я говорю официальным сообщением, которое я делаю в силу занимаемой мною должности. Наши недостатки были всегда открыто провозглашаемы, поэтому я сейчас не боюсь, что мои слова будут поняты в их прямом смысле.

Наша армия сделала крупные успехи. После маневров, которые были довольно сложными и имели свои недочеты, происходил разбор маневров при участии всего командного состава и на этом разборе можно было, так сказать, пальцами осязать, какая сила выросла в армии. Оглядываясь назад, даже не только на тяжелый период нашей партизанщины, но на эпоху борьбы с Деникиным и даже борьбы с Польшей в лучшем ее периоде, можно сказать, что армия наша, после болезненного перелома во время Кронштадтского мятежа, когда весь перелом сказался в надломе одной ее части, сделала за последние месяцы огромный шаг вперед. То, что характеризовало эти маневры прежде всего (там были две группы, одна—синих, другая—красных) —это чрезвычайный наступательный порыв, чрезвычайный боевой подъем. Несмотря на то, что переходы в маневрах совершались страшно форсированно, и усталость была очень велика, настроение войск было превосходное. А я должен вам сказать, не делая из этого секрета, что наши красноармейцы думали, что дело идет не о маневрах, и в этом отношении и красные, и синие держались одного и того же взгляда (ибо синие тоже очень хорошие красные).

Все мы на собраниях и митингах должны были не раз повторять, что Советское правительство ни в коем случае не желает войны, и я замечал, как в это время, красноармейцы переглядывались друг с другом, как бы показывая, что они дипломатию понимают, и словно говоря: «мы де знаем, что тебе по должности надо говорить». Более того, когда в Одессе я выехал на пограничную полосу и посетил передовые батареи, то там с первых слов меня буквально встретили словами: «когда же?», даже не объясняя, о чем идет речь, предполагая, что я должен понять это с полуслова. Вот, товарищи, каково настроение армии. Когда я об этом рассказывал на заседании Одесского Совета и произнес слово: «когда же?», ко мне обратились красноармейцы с таким же вопросом и раздалась буря аплодисментов и возгласов одобрения по адресу Красной Армии и по адресу той мысли, которая заключается в этом вопросе. Я, признаюсь, оторопел и спросил: «Неужели Одесский Совет, или вообще какое-либо другое советское учреждение, может желать для нас в настоящих трудных условиях военного конфликта?»—Разумеется, резолюция, которую принял Одесский Совет, вполне отвечала общему характеру нашей политики.

Если я привожу эти факты, то не для того, чтобы бряцать оружием или кого-нибудь запугивать по ту сторону границы, а исключительно для того, чтобы обрисовать неустойчивость положения на нашей границе и настроение, какое создалось в очень широкой пограничной полосе.

Вместе с тем эти факты характеризуют дух армии. Мы хотим мира, но армия, раз мы ее создаем, вооружаем, воспитываем, должна быть всегда

готова в бой. Армия наша, безусловно боеспособна. После наблюдения наших частей в большой массе, в их маневрах на Правобережьи, в этом не может быть никакого сомнения.

Есть и крупные недочеты, о чем я здесь не намерен умалчивать, так как в Совет входят и красноармейские депутаты. Эти крупные недочеты относятся, прежде всего, к нашему хозяйственному аппарату, или точнее к хозяйственному воспитанию красноармейцев и в том числе командного и комиссарского состава.

Армия наша давно уже в организационном и оперативном смысле покончила с партизанщиной, но того воспитания, которое мы должны дать каждому красноармейцу в хозяйственном отношении, у нас еще нет. Чтобы сразу осветить вам этот вопрос, я его формулирую так, как сформулировал перед командным и комиссарским составом после маневров: у нас почти каждый красноармеец, не говоря уже о комиссарах и командном составе, готов погибнуть за Советскую Россию, но у нас очень мало красноармейцев, которые правильно и регулярно смазывают сапоги, а это, товарищи, имеет огромное значение. Несмазанный сапог износится вдвое скорее, чем смазанный сапог. А что такое сапог, помноженный на число ног нашей армии, что он означает в нашем хозяйстве—это понятно без дальних слов.

А затем здесь я прямо скажу,—даже в Кремле, у наших прекрасных курсантов вы не найдете на ногах аккуратно, своевременно смазанного сапога, и бывают, товарищи, части, где и винтовка не всегда как следует быть прочищена и смазана. Это означает двойное расходование винтовок, это означает расточение средств Советской республики, и теперь, когда мы имеем армию, кадры которой закалены в бою, армию с большим опытом, с боевым командным и комиссарским составом, одухотворенную одним чувством сверху донизу,—это безусловный факт, а не преувеличение,—теперь, товарищи, мы должны открыть новую эпоху. Как мы в свое время боролись с партизанщиной и истребляли ее, так теперь должны начать новую эпоху в жизни Красной Армии: смазывай аккуратно сапоги, чисти винтовку, смазывай винтовку, береги шинель, пришивай к ней пуговицы во-время,—у тебя башмак не зашнурован, от этого он кривится на-сторону, от несмазывания осенью он перегорит в три недели, когда потребуется отмахивать по 30 верст в сутки в мокрую погоду. Наш лозунг по отношению к Красной Армии:—«пришивай пуговицы и смазывай сапоги». Это не пустяк—это есть вопрос воспитания, не только в хозяйственном, но и в военно-хозяйственном смысле каждого красноармейца, каждого отдельного бойца.

Наша армия с ее идейной традицией, с ее революционным и боевым закалом, когда она в то же время научится пришивать пуговицы, хорошо зашнуровывать и смазывать сапоги, будет самой непобедимой армией, которая когда-либо существовала.

Товарищи, я обещал вернуться к вопросу о бандитизме на Украине, к вопросу, который имеет огромное значение. Я дам некоторые факты и цифры, хотя, разумеется, цифры могут иметь только приблизительный

характер. В отношении бандитизма, как и в отношении всех остальных вопросов—хозяйственных, политических и военных, Украина делится на части: левобережную и правобережную. Правобережная гораздо более кулацкая, гораздо более шовинистическая и поэтому гораздо менее организована в советском смысле, чем левобережная. Правобережье было всегда базой бандитизма, преимущественно, петлюровской окраски. На Левобережьи же бандитизм имел в значительной мере анархическую окраску, связанную с именем Махно. Если мы возьмем силы бандитов, то тут приходится считать как кадры их постоянного состава, так и численность временно группирующихся вокруг них сил, потому что у бандитов есть свой переменный состав и от соотношения между постоянным и переменным составом и зависит сила бандитизма.

Когда петлюровщина была господствующим течением на Правобережьи, тогда переменный состав у бандитов был гораздо многочисленнее постоянного кадрового состава, потому что кулацкий и середняцкий элементы деревни непрерывно вливались в их ряды. По мере того, как петлюровщина в качестве политического течения утрачивала значение, ряды эти все более и более сжимались и сводились к их кадрам. Из политического явления, охватывавшего широкие массы населения, петлюровщина превращалась в довольно многочисленные военные отряды, при помощи которых Петлюра или его начальники старались завоевать Украину. И вот, за последние месяцы происходит выжимание из этих отрядов переменного состава и их сведение к узким бандитским шайкам. У меня здесь есть схема группировок этих партизанских отрядов, очень точная. С июня и до настоящего момента места их расположения оставались приблизительно теми же, но численность их чрезвычайно уменьшилась.

На Правобережьи кадровых бандитов насчитывалось шесть с половиной тысяч человек. Сейчас их насчитывается едва ли многим более двух, двух с половиной тысяч. Самое интересное явление в истории бандитизма состоит в том, что за этот период целые бандитские шайки, и главным образом, идейные бандиты, то есть петлюровцы, не просто разбойники, а петлюровцы-националисты из бывших сельских учителей, из промежуточной мелкобуржуазной интеллигенции и полуинтеллигенции, приходят, все чаще с повинной головой и сдаются добровольно под влиянием того, что деревня их выбирает из своей среды. Они теряют уже всякую надежду на установление петлюровского режима и сдаются Красной Армии.

На Левобережьи, как я уже сказал, мы имеем преимущественно махновствующие банды, и к 1-му июня мы насчитывали, опять-таки ограничиваясь кадром, около двух с половиной тысяч человек.

С июня месяца начинается правильная, систематическая борьба с бандитизмом в том смысле, что на широком фронте проходит Красная Армия и производит чистку. В июне месяце сдались видные главари Правобережья Украины: Лисица, Морделевич и часть банды Орлика и Струпа с атаманом Замогильным. В Таращинском и Чигиринском районах сдались атаманы

Цветковский и Пономаренко с 45 бандитами и три главаря из группы Хмары, при чем Родченко, видный главарь, убит. Конечно, эти имена нам ничего не говорят, вы их не знаете, но я должен сказать, что они в буквальном смысле царьки уездов и даже губерний, где они господствовали, наводили террор и учиняли суд и расправу. Затем был убит атаман Рапчинский.

С июня месяца бандитизм заметно стал ослабевать. В течение июля борьба продолжается и переносится на август. В августе сдались очень видные атаманы Мартынов, Дергач и Грозный. В Чигиринском районе, за август, добровольно сдались атаманы Бойко, Шапошников, Бык и Петренко. В Таращинском районе—Мартыновский и другие. В Овручском—Дергач и Грозный.

Разложение в этот период коснулось уже руководящих бандитских органов: в Чигиринском районе сдался один из главарей местного областного Холодноярского повстанческого комитета, кроме того, в этом же районе, была разгромлена банда Овчаренко, который был убит. В Киевском районе захвачен петлюровский организатор—генерал Галкин. В Фастовском районе раскрыта подпольная петлюровская организация, арестовано до 500 соучастников. Взято много оружия. Вообще раскрытие подпольных организаций, в этот период, стало несравненно легче, чем раньше, потому что масса не прикрывает их, а выжимает их. Я обращаю ваше внимание на то, что генерал Галкин, агент Петлюры, прибыл из Галиции, потому что Галиция имеет некоторое отношение к Польше, а Польша имеет некоторое отношение к тем бандитам, которые переходят к нам через границу. Оживление деятельности бандитов в августе месяце замечается в Киевском районе и цель их сорвать продналоговую кампанию путем нападения на складочные пункты, на продпоезда и т. д. Так, в Бердичевском районе было сожжено бандитами 7 тыс. пуд. ржи, у Фастова бандитом Даевола было устроено крушение продовольственного поезда, при чем во время крушения погибло около 40 тыс. пудов хлеба, который смешался с землей и человеческой кровью.

Если ясно себе представить историю вырождения украинского бандитизма, то вывод получится оптимистический для советского режима на Украине. Раньше петлюровщина была как бы захватывающей широкие слои населения партией. Это было политическим движением страны, в которой преобладает мелкобуржуазное население. Затем наступает классовая борьба, и петлюровцы превращаются из массовой политической партии в более узкую, но все же довольно многочисленную:— в военный отряд, опирающийся преимущественно на деревенские кулацкие элементы. Затем процесс распадания петлюровцев выражается в том, что мелко-буржуазные петлюровцы теряют из своей среды крестьян и у них остается только кадр, который к счастью также распадается, вступает в междоусобную борьбу и разбивается в конце концов на мелкие шайки.

Первый период петлюровщины выражается в надежде изнутри овладеть Украиной. Второй период:—военным порядком завоевать ее и третий нынешний период:—это период распада многочисленных бандитских банд на мелкие шайки. Цель их—своей работой отомстить за обманутые надежды. В первый период петлюровцы уходили в деревню и захватывали даже города, особенно такие, в которых преобладал мелкобуржуазный элемент. Во второй период петлюровцы имели еще все же под собой почву на самой Украине, и, наконец, третий период характеризуется тем, что петлюровцы, не имея уже базы на самой Украине, переносят целиком свою базу за границу. Вожди петлюровцев сдаются либо Советской власти, либо уходят за границу и там вливаются в Румынские и Польские штабы. В соответствии с этим мелкие шайки петлюровщины перестают быть выражением украинской национальной идеи, а становятся органами иностранных штабов, имеющих целью нанесение нам технического военного вреда.

Шпионаж, по теории этого печального дела, распадается на две части: на расследовательский и на вредительный шпионаж, и эти вырождающиеся петлюровские шайки стали органами вредительного шпионажа. С точки зрения укрепления Советской власти на Украине процесс вырождения бандитизма есть огромное завоевание, огромный шаг вперед, но с точки зрения безопасности наших продовольственных поездов, наших продовольственных складов, наших продовольственных работников—это безусловная опасность, с которой необходимо быстро и беспощадно бороться.

Совершенно естественно, что мы не можем мириться с таким положением, когда базой для мелких разбойничьих шаек, является соседняя страна, которая не ведет с нами войны. Это относится одинаково как к Польше, так и к Румынии. Три недели тому назад я говорил о наших опасениях относительно Румынии, ибо с ней отношения у нас не урегулировались. Правда, Таки Ионеску уверял нас, что добрососедские отношения с Румынией не прекращались, но я считаю, что с его стороны это неуместная шутка, которая не могла успокоить нас ни на одну минуту. Мы тогда же сказали Румынскому правительству, что мы знаем, какие пути ведут из Бухареста в Париж, что потом и подтвердилось документально.

Относительно Польши мы в тот период были склонны все считать благополучным даже несмотря на ряд происшедших острых недоразумений, именно в этом самом бандитском вопросе, ибо это есть сейчас вопрос всех вопросов и ключ ко всем им. Несмотря на все опасения, какие возникали после польской войны, после Рижского договора, не могло быть и речи о каком-нибудь потрясении наших отношений с Польшей. И теперь я, товарищи, думаю, что мирные отношения сохранятся, только я должен сказать, что недоразумения, которые наблюдаются сейчас, гораздо тревожнее, чем это было три недели тому назад.

Здесь у меня есть оригинальные документы, которые я взял с собой. Они все очень мелкие, вам трудно их видеть, это фотографические снимки

и документы, характеризующие бандитскую работу савинковской организации, носившей название раньше русского политического комитета, а затем эвакуационного комитета, при чем эти документы свидетельствуют с полной несомненностью, что польские военные власти, польский генеральный штаб и прежде всего, его второй отдел принимают прямое непосредственное участие в организации банд, выбрасываемых на нашу территорию, в организации заговорщических покушений, террористических актов и т. д. и т. п. Об этом Савинков открыто говорит в своих газетах. На съездах савинковцев появляюся польские официальные лица. Об этом Чичерин в своей точной, красноречивой ноте сказал достаточно полно. Но на все это польское правительство отвечало, что оно ничего не знает. Есть у них эмигранты, есть органы печати, но правительству ничего не известно о вооруженной деятельности, направленной против нас. Нам трудно даже понять сейчас эту психологию лжи. Единственное объяснение ей в том, что в Польше, вокруг правительства происходит сейчас ожесточеннейшая борьба разных групп, лиц, партий и клик, а в ожесточеннейшей свалке не всегда наблюдаются перспективы и не всегда даются ответы, в которых есть внутренний здравый смысл.

И когда Савинков хвалится своей дружбой с Бельведером (Бельведер это место, где живет начальник польского государства Пилсудский), он имеет в виду, конечно, не швейцара в Бельведере, а лицо, занимающее более высокий пост. На съездах савинковцев-террористов, не скрывающих своего белогвардейского ремесла, появляются лица (они названы по именам) из банд, переходящих через соответственные пограничные военные пункты Польши, при посредстве 2-го отдела штаба или какого-нибудь другого, потому что каждый из них имеет свою савинковскую, или балаховичскую агентуру. Мы захватили несколько таких агентов с соответствующими удостоверениями и предложили польским властям собраться в комиссию, где мы покажем все эти документы в оригиналах.

Вот, некий Павловский. Об этом Павловском Балахович сообщал, что он его арестовал, как погромщика. Это офицер старой русской армии. Савинков его выпустил и сделал своим доверенным лицом. У нас есть оригиналы, не копии, а оригиналы писем Павловского к обоим братьям Савинковым. Вот письмо к Виктору Савинкову. Павловский в нем так говорит: «Мы здесь сидим в лесу и работаем помаленьку. Дела, слава Богу, пока идут: там мост сожжем, там расположение и численность части узнаем»... и т. д.

Вот более невинного содержания письмо — Павловский в нем пишет, что у него есть брат в Египте, которого надо освободить. Для этого он занимается шпионажем, посылает сводку, которую предлагает продать французам подороже. И просит прислать фотографический аппарат. Затем говорит: — «когда будет вообще восстание — сообщите». Чтобы, значит, Савинков ему не забыл сообщить, когда он даст команду организовать в России всеобщее восстание.

Другому брату Савинкову Павловский пишет: «Будьте добры, если получите от французов деньги за сводку, передать тысяч 30 жене полковника С.».

И третье, — коротенькая записка: «Пришлите мне 12 револьверов, патронов, штук десять маленьких гранат, яду, кинжалов»... и т. д. Вот то оборудование, которое нужно невинному савинковскому агенту на советской территории. Вот еще записка: «Сообщите шифром несколько адресов В. Г. С. в Москве. Павловский».

Тут же ряд удостоверений для других агентов, подписанных Савинковым и являющимся сплошь такими:

«Предъявитель сего такой-то... Нименов, действительно командирован мною от русского политического или эвакуационного комитета, из Польши в Совроссию, для работ». Так и сказано—«для работ». Подписано—Савинков и Рудин (его бывший адъютант, ныне начальник канцелярии). Далее: «Полковнику Суевскому.— С получением сего предлагаю вам выехать в Рубежевичи для объединения в вашем руководстве всех отрядов и организаций, находящихся на участках Раков, Рубежевичи, Несвиж».

Вот, еще я имею счет № 4. У меня есть и № 5—для русского эвакуационного комитета Польши (этот комитет есть переименование политического комитета. Эвакуационный комитет — звучит более невинно) насчет израсходования сумм: «За один штатский костюм израсходовано: 3.000 марок, на довольствие людей, отправившихся в Совроссию на работу поднятия всеобщего восстания крестьянства — 110.000 марок. — Итого: 113.000 польских марок». Значит на вооруженное всеобщее восстание вместе со штатским костюмом израсходовано—113.000 марок. Я не знаю цену костюма, высока ли она, не берусь судить, но за восстание заплачено не очень дорого — всего 110.000 марок.

Идут ли эти деньги через польский комитет или непосредственно из французских источников, но факт тот, что это делается непрерывно на польской территории. Вы читали ряд нот по этому поводу. В последние дни польская пресса, насколько мы можем отсюда за ней следить, как будто бы, так сказать, расчленилась в своем отношении к политике польского правительства, но одна часть ее определенно выполняет приказ, данный из Парижа.

Вы помните, что 3 сентября французское правительство приказало польскому предъявить нам ультиматум [50]. Французский посол в Польше Панафье и генерал Ниссель, которого мы видели в Совроссии и который фактически сидит верхом на польском генеральном штабе, считают, что момент сейчас благоприятный для низвержения Советской власти. Это и побудило французское правительство издать свое приказание. Польское правительство, как мы знаем, вначале колебалось. На этой почве произошел кризис министерства Витоса и это крестьянское, крупнобуржуазное демократическое министерство, более или менее пацифистское, — пало.

Борьба там сейчас ведется между 3-мя группами: между мелкобуржуазными пацифистами, т.-е. партией Желиховского и примыкающих к ней групп, между сумасшедшими мелкобуржуазными авантюристами, которые занимают в Польше ответственные места и, наконец, между крупной буржуазной партией Народной Демократии. Эта партия, которая пользуется заслуженной ненавистью рабоче-крестьянской массы, и стремится теперь получить от Франции разрешение или приказание взять в свои руки государственную власть, готова для этого объявить войну Советской России.

Таким образом, с одной стороны хочет войны небольшая авантюристская и бешеная часть мелко-буржуазных шовинистов, с другой стороны—крупная помещичья и промышленная буржуазия, которая хочет власти, готова эту власть купить ценой войны с нами. Но в то время, как мелкобуржуазные шовинисты, которые хвалятся близостью к Бельведеру, хотят войны с помощью последнего, Народная Демократия хочет войны, чтобы опрокинуть Бельведер... и взять власть в свои руки.

Вот эта борьба сейчас и раздирает Польшу внутри. Как она разрешится, сейчас трудно предсказать, но вот, что говорят польские газеты, которые имеют для нас очень большое значение в эти несомненно тревожные дни. «Речь Посполитая» (это орган небольшой сравнительно, если не ошибаюсь, группы народного объединения во главе со Скульским—голос, который можно назвать голосом здравого смысла) говорит: «С одной стороны Советское правительство утверждает, будто мы поддерживаем «Союз защиты родины и свободы», с другой стороны польское правительство утверждает, что при помощи Советской власти в Польше ведется коммунистическая агитация. Обострение отношений путем обмена новыми нотами и путем ультиматума, не представляет никакой выгоды ни Польше, ни России. Польша заключила мир с Советской Россией потому, что ей мир с Советской Россией нужен, сил же для свержения Советской власти в России и введения там нового социального порядка, у ней недостаточно. Иначе говоря, Польша не может и не должна заниматься такого рода операциями. Точно в такой же мере и Советская власть нуждается в мире. Причина несогласия известна. Необходимо было ее тщательно расследовать, мы предлагали бы создать комиссию, которая бы все пункты недоразумений расследовала»...

«Польша,—продолжает «Речь Посполитая»,—не может изгнать русских, которые пользуются правом убежища. Однако, Польша может и должна устранить всякие подозрения относительно поддержки организаций, действующих против Советов. Со своей стороны Советы должны отказаться от поддержки большевиков в нашей стране. Этот вопрос необходимо немедленно разрешить».

Газета «Час» пишет: «Что касается, так называемых, белогвардейских организаций в Польше, то они существуют только в буйном воображении... советских шпиков в Варшаве. Неужели господин Карахан допускает мысль, что Польша откажется от права убежища, принадлежащего каждому суве-

ренному государству, и удалит из своих пределов спокойно живущих русских только потому, что они действуют на нервы советских комиссаров»?..

Таким образом, товарищи, вот как поставлен вопрос — мы, моя, говорим, что вы, т.-е. польское правительство, поддерживаете монархистов и контр-революционеров, а они говорят: «а вы поддерживаете коммунистов». «Речь Посполитая» считает, что мир, однако, необходим и возможен, но говорит: вы не смеете от нас требовать, чтобы мы удалили из наших пределов мирно живущих русских. Какие, подумаешь, у нас чувствительные нервы: люди спокойно живут, время от времени требуют немножко бомб и гранат, немножко яду, предъявляют счета не только на платья, костюмы, но и на организацию восстания и по этому поводу имеют совещания в Польше в контакте с майором генерального штаба, который доставляет яд, гранатки и все такое. И вот, говорят, это действует на нервы, не можем, говорят, этого выносить, что касается нас, то тут секрета нет, что мы имеем некоторое отношение к Коммунистическому Интернационалу—этого дипломатия советская скрывать не собирается, ибо в этом, мы полагаем, смысл нашего политического, идейного существования. В этом Интернационале (я не буду вдаваться в философию истории и разъяснять, что Интернационал есть мировое движение рабочего класса), мы участвуем и этим самым его поддерживаем. Но разве мы идем хотя бы до такой черты, чтобы требовать, например, закрытия в Польше всех монархических или кадетских газет?

Конечно, фактом нашего существования и нашей сознательной активностью мы поддерживаем коммунистов, но это одно дело, а вот если бы мы организовали отряд, дали бы ему гранатки и яд и послали бы его в польский «Бельведер» и военное министерство—это было бы другое дело. Организовывали ли мы на своей территории красные коммунистические отряды под знаком Интернационала? Конечно. Когда мы с Польшей воевали, мы это делали и у нас был орган, который формировал их, и вооружал, и посылал, и говорил: «работайте лучше», и давал им не гранатки, а гранаты большого размера. Но ведь мы заключили мир и сделали это серьезно, не по сентиментальным симпатиям, а по деловым и глубоким соображениям, желая оградить Советскую Республику. Мы сказали, что прекращаем враждебные военные действия, что и сделали. Мы не требуем, наконец, чтобы они высылали из Польши Мережковского или госпожу Гиппиус, которая ежедневно пишет против нас и требует истребления всех большевиков, оптом и каждого по-именно. Это есть, с позволения сказать, идейное течение, но Павловский, вооруженный бомбами и ядом и для тактики посылаемый в Москву, — это явление назвать явлением мирным никак нельзя.

Павловский—бандит, вооруженный на средства польского народа через посредство авантюристских, империалистских, враждебных нам элементов польского правительства. Это факт.

Мы предложили польскому правительству смешанную комиссию для обсуждения всех вызывающих недоразумения вопросов. Польское правительство отказалось, и пресса Польши угрожала нам ультиматумом. При чем в этот конфликт и Франция, и часть польских верхов пытались вовлечь и Румынию.

Относительно Румынии у нас были наибольшие опасения, она с нами, действительно, не воевала, как Польша, но у нее есть беспокойство относительно Бессарабии. Она не ориентируется в наших намерениях и планах, боится удара через Днестр, пугаясь, посылает банды петлюровцев, это положение может заставить итти ее дальше, чем этого хочет менее авантюристская часть ее правительства. Вот почему, повторяю, мы с опасением глядели на румынскую границу.

Я вам говорил о настроении на границе, где наши артиллеристы береговых батарей спрашивают: «когда же поход через днестровский лиман и через Днестр?» Такое настроение страшно опасно само по себе, ибо в такой атмосфере, ружья не раз уже сами начинали стрелять. Поэтому, проведя ряд мер по укреплению границы, мы, вместе с тем, приняли все меры к тому, чтобы обеспечить с нашей стороны на границе такое поведение, которое исключало бы самую мысль о том, что мы хотим наступать на Румынию из-за Бессарабии. Мы хотим лишь обеспечить нашу юго-западную границу. Как и когда будет подводиться итог бессарабскому и другим вопросам, это, конечно, очень важно, но во многих вопросах мы ждем и ждем терпеливо. Мы ждем развития событий в мировом масштабе, и ждем их терпеливо, и на последнем конгрессе Коминтерна, именно мы, русские коммунисты, показали, что у нас никакого лихорадочного нетерпения нет. Мы можём спокойно ждать, как и на какой этап будет отдалено разрешение вопроса о Бессарабии. Чтобы мы по собственной инициативе подняли войну еще из-за одной губернии,—это абсолютно невозможно.

Мы все время добивались мирных переговоров с Румынией. Теперь они, как будто бы, начинаются. Господин Фал—представитель Румынского правительства, выехал из Бухареста в Варшаву для переговоров с т. Караханом, при чем Таке-Ионеску, который три недели тому назад говорил в Совете министров, что с Россией не может быть мирного договора, потому что Франция только и ждет момента для нанесения ей последнего удара, сейчас говорит гораздо более приемлемым языком. Он говорит корреспонденту иностранной газеты: «мы должны убедиться в том, что мы находимся в мире с Советской республикой и что она признала этот факт». Да, вот именно в том задача и состоит, чтобы убедиться в Варшаве, что мы находимся в мире, а это значит, что мы не перебрасываем друг другу банды и не угрожаем самым основам мирного существования. Точно так же Таке-Ионеску в беседе с сотрудником «Фигаро» (это все свежие телеграммы) говорит: «относительно России надеюсь, что все будет спокойно. Во всяком случае наше поведение будет вполне лойяльным и предупредительным». Предупредительность даже несколько неожиданна. С нас было бы

совершенно достаточно лойяльности без предупредительности, и так как в Варшаве мы прежде всего потребуем не сведения счетов за прошлое, а гарантии для будущего то, я, с своей стороны, не сомневаюсь, что при минимуме деловой лойяльности, даже без предупредительности, мы в Варшаве достигнем заключения мира с Румынией.

Но вот именно в тот момент, когда из Бухареста заговорили языком даже предупредительности, польское правительство предъявило нам вчера нечто в роде ультиматума. Вы знаете, в чем состоит вопрос? Вопрос состоит в том, что Польша требует выполнения договора с нашей стороны, т.-е. по части реэвакуации польского имущества, известного материального возмещения, вопросов репатриации польских граждан и т. д., что мы дадим в зависимость от выполнения пунктов договора со стороны польского правительства относительно прекращения борьбы с нами при помощи партизанских банд.

Наша дипломатия говорит: «договор есть документ не односторонний, а двухсторонний. Он налагает обязательства на оба правительства, подписавшие договор. У нас к вам есть серьезные претензии, которые находят свое отражение в этих документах, в этих фотографических снимках. У вас есть претензии материального характера? Мы обязуемся претензии удовлетворить, параллельно с тем, как вы посмотрите и удовлетворите наши!

Польское правительство после колебания, повидимому, пришло к тому, что решило выполнить приказ французской биржи от 3-го сего сентября. Этот приказ, как вы знаете, гласил: «предъявить Советской республике ультиматум со всеми вытекающими отсюда последствиями», при чем, в обоснование этого приказа, французский посол, в Варшаве, Панафье, говорил: «мы во Франции (т.-е. французские биржевики) оцениваем хозяйственное положение Польши, как безнадежное. Спасти Польшу может только широкая помощь Франции. Эту широкую помощь Франция сможет оказать, только урегулировав заново свои отношения с Россией». Франция, как заявил Панафье, уже урегулировала свои отношения с Германией. Руки ее развязаны и она должна заняться пересмотром своей политики по отношению к России. Для этого ей необходима Польша и Румыния, как орудия военного давления на Советскую Россию. Если Польша вместе с Румынией эту роль выполнят, если задушат или придушат Россию, то Франция этим самым урегулирует свои отношения с русским народом и только тогда поможет погибающей Польше. Я почти дословно передал вам смысл того заявления, которое сделал французский посол Панафье в объяснении приказа французской биржи от 3/IX. И вот, после ряда колебаний и внутренней борьбы, в Польше складывается ситуация в пользу предъявления нам ультиматума, который и предъявлен вчера. Иначе как ультиматумом назвать этого нельзя. Если я не ошибаюсь, срок для выполнения дан до 5/X.

Несомненно, т.т., что этот шаг в высокой степени серьезный. У нас с Польшей были и раньше недоразумения, и мы пытались все время ула-

дить их мирно. Мы предлагали условия, гораздо более благоприятные, чем те, которые потом Польша получила по Рижскому договору. Польша отвергла наши предложения и это привело к затяжной войне, которая причинила величайшие жертвы обоим сторонам. Итог был подведен в Риге, где были продиктованы обязательства для двух сторон и мы эти обязательства до сих пор поддерживаем в полном объеме. Польша снова, в лице победивших, я думаю временно, групп, пытается придать этому договору односторонний характер. И так как Польше предложен приказ от 3/IX от французской биржи, то Варшава, т.-е. соответствующая часть Варшавы пытается приказ предъявить нам и вместо деловых переговоров о взаимных претензиях предъявить нам односторонний ультиматум. Подоплека этой политики была формулирована французским послом Панафье. Он сказал польскому правительству, что «мы ваше хозяйственное положение рассматриваем, как безнадежное». И факт выполнения Польшей приказа французской биржи очень похож на политику безнадежности.

Т.т., до 5 октября еще осталось некоторое количество дней. Как эти дни скажутся на самочувствии руководящих кругов Польши, мы предсказывать не можем. Мы не сомневаемся, что наши дипломаты сделают все, чтобы не только в польском народе, но даже в польской буржуазии был бы перевес на ту тенденцию, которая хочет сохранения с нами мира и нормальных хозяйственных и государственных отношений. Сейчас, после того, как ультиматум, ничем не вызываемый, в грубой форме одностороннего приказа, предъявлен нам, наше стремление, наша воля к мирному улаживанию конфликта не ослабела, а наоборот усиливается. Но наладить конфликт можно только путем двухсторонних переговоров, когда и та, и другая сторона идут на уступки. И мы надеемся, что эти дни, которые остаются до 5 октября, принесут успокоение, разрядят атмосферу и такие голоса польской прессы, как «Речь Посполита», одержат верх и мы придем к соглашению, ибо только о соглашении может быть речь. Надо сказать, что мы не находимся по отношению к Польше и ее правительству в таком положении, в каком находится польское правительство по отношению к Франции. Если обнаглевшая, зарвавшаяся, жадная парижская биржа пытается нагло диктовать свою волю польскому и румынскому народам, то мы, несмотря на голод и трудности и другие бедствия, мы, все-таки не находимся в таком положении, при котором, кто бы то ни было имел бы право нам указывать. И мы говорим отсюда, что мы не теряем хладнокровия даже при виде дерзкого ультиматума. Мы готовы вести переговоры на деловой основе и говорим кругам польской буржуазии: «призовите и вы кое-кого к порядку». Мы говорим польским рабочим, что если их буржуазии не удастся призвать авантюристов к порядку, то задача рабочих и крестьян Польши призвать к порядку польскую буржуазию и заставить ее сделать то, что от нее требуется.

Стенографические отчеты Моссовета, 1921 г., № 8.

II.

ПРИКАЗЫ.

Приказ

по Волынской, Подольской и Одесской губерниям

5 сентября 1921 г., № 257, г. Житомир.

В настоящих условиях, когда союзные правительства России и Украины прилагают все силы к победе над голодным бедствием, постигшим губернии Поволжья, и к возрождению хозяйства братских Советских Республик на западных границах Украины и России нередко происходят явления, приносящие величайший вред государственным и, в частности, хозяйственным интересам России и Украины. Контрабанда и спекуляция прокладывают себе через границы тайные пути и при помощи обмана, подкупа и спаивания спиртными напитками извлекают за границу значительную часть хлеба, который ныне столь необходим для самих Советских Республик.

С другой стороны, из-за границы с территории соседних с нами государств на советскую территорию время от времени выбрасываются преступные банды петлюровцев, савинковцев и других наемников иностранного капитала. Путь этим бандам прокладывают шпионы и предатели, проникающие сквозь щели наших западных границ.

Такие явления угрожают спокойствию и благосостоянию населения прежде всего пограничных губерний Советской Украины и России.

В виду этого союзные правительства Украины и России, приняв необходимые меры по укреплению охраны западных границ, доводит сим до сведения населения нижеследующее:

1) Долг не только всех без исключения советских органов и учреждений—военных и гражданских—в пограничной полосе, но также и всех местных граждан оказывать всемерное содействие правительству в деле охраны наших границ от агентов спекуляции и бандитизма.

2) Волостные, уездные и губернские исполкомы в пограничной полосе обязуются тщательно обсудить и на деле принять дополнительные меры местного характера достижения той же цели.

3) Как отдельные граждане, так и в особенности представители Советской власти, которые окажутся виновными в прямом или косвенном содействии преступной пограничной спекуляции или бандитизму—путем ли небрежности, халатности, потакательства или прямых преступлений—будут предаваться Революционным Военным Трибуналам и будут судиться

со всей суровостью, отвечающей государственной важности тех интересов, которые они своими действиями нарушают.

4) Настоящий приказ довести за личной ответственностью Председателя Губисполкома и Начальника губернского участка в кратчайший срок до сведений уездных и волостных исполкомов, а также как можно шире распространить его по всей губернии путем раздачи, расклейки и устного оглашения в публичных местах.

Приказ

Председателя Революционного Военного Совета Республики по Красной Армии и Красному Флоту

10 сентября 1921 г., № 261, г. Одесса.

Сообщаю ноту Народного Комиссара по иностранным делам правительствам Антанты по поводу назначения господина Нуланса председателем международной комиссии, имеющей своею задачей будто бы помощь голодающей России [51]. Смысл назначения Нуланса, заклятого врага российских трудящихся масс, председателем комиссии помощи понятен всем и каждому. Преступник, место которому на скамье уголовного суда, Нуланс вообразил, что нужда трудящихся масс России и голод поволжских крестьян дают ему возможность и право разговаривать с Трудовой Республикой голосом хозяина, подвергать ее своей верховной инспекции и диктовать ей волю клики биржевиков. Нотою тов. Чичерина Рабоче-Крестьянское Правительство положило конец этим наглым притязаниям. Красная Армия должна из этого примера снова убедиться, с каким ожесточением подстерегают нас на каждом трудном перевале наши непримиримые враги. Вместе с тем Красная Армия может с удовлетворением сказать себе, что, благодаря ее героизму и победам, Советское Правительство, поддерживаемое миллионами трудящихся, имеет ныне возможность давать решительный отпор всяким империалистским попыткам вмешательства в наши внутренние дела.

Ноту Наркоминдела тов. Чичерина и настоящий приказ распространить и разъяснить во всех частях Красной Армии и Красного Флота.

Приказ

Председателя Революционного Военного Совета Республики по Красной Армии

13 сентября 1921 г., № 265, г. Киев.

Прочесть во всех ротах, батареях, эскадронах, командах.

На Украине снова совершено кровавое преступление, — одно из наиболее отвратительных по своей бессмысленной жестокости. 7 сентября на перегоне Кожанка—Фастов Киевской дороги, вследствие злоумышленной разборки рельсов, потерпел ужасающее крушение продовольственный маршрутный поезд, предназначенный для рабочих Донецкого бассейна. Паровоз и вагоны разрушены и разбиты, 27 человек убитых, 31 раненых.

Кто разобрал рельсы? Ответ ясен: те, кто разбирал их уже десятки раз,—бандиты-петлюровцы, наемники румынских и польских помещиков и капиталистов. Кому нанесен был этим удар? Украинским рабочим и крестьянам. Среди убитых имеются представители голодных донецких рабочих, командированные для сопровождения маршрута. 61 вагон зерна, собранного крестьянами для рабочих, уничтожено, разбросано, перемешано с землей и человеческой кровью.

Сперва петлюровцы надеялись обмануть трудящиеся массы Украины лживой агитацией. Их обман был разоблачен; они потеряли политическое влияние. Тогда они решили завоевать Украину при помощи отрядов, вооруженных на французские, румынские и польские деньги. Эти отряды были разбиты и раздроблены. Надежды завоевать Украину у петлюровцев больше нет. Им остается только мстить рабочим и крестьянам, которые их отвергли. Разбитые петлюровские отряды стали мелкими шайками. Бандиты стали гадами. Их единственная цель—мстить, наносить вред, проливать кровь украинских рабочих и крестьян.

Нужно как можно скорее очистить Украину от гадов для того, чтобы она могла все свои силы направить на мирный труд. Украина должна стать благоустроенной, богатой, счастливой.

Многочисленные жертвы бессмысленно-кровавых петлюровских злодейств требуют от нас: кончайте скорее с петлюровскими гадами!

Красноармеец! Раздави гада сапогом!

Приказ

Председателя Революционного Военного Совета Республики по Красной Армии и Красному Флоту

10 ноября 1921 г., № 267, гор. Москва.

Прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, на судах и командах.

Новая провокация польской военной клики.

Красная Армия только недавно пережила вместе со своей страной несколько недель острого политического напряжения: решался вопрос о том, быть или не быть миру с Польшей. Благодаря чрезвычайной выдержке и миролюбивой настойчивости советской дипломатии было достигнуто соглашение: польское правительство обязалось выслать из Польши тех белогвардейцев, которые на польской территории открыто формировали банды и подготовляли террористические действия против Советской власти в России. Но едва соглашение было скреплено с обоих сторон, как Польша выбросила на нашу территорию несколько новых значительных банд, связанных общим планом и руководством того самого петлюровского бандита Тютюника, который подлежал высылке из пределов Польши [52]. Неслыханно провокационный характер этого нового нападения заставил всю армию встрепенуться и спросить себя: доколе же?

Несомненно, что с точки зрения так называемого международного права буржуазных государств последняя белогвардейская провокация есть прямой вызов на войну. Но так как советское правительство не хочет войны, то оно и не спешит принять вызов. Оно твердо рассчитывает на то, что польский народ одернет и призовет к порядку преступных авантюристов.

Каждый красноармеец должен, однако уяснить себе действительное положение дел. В Польше не одно правительство, а два. Одно—официальное, гласное, выступающее в парламенте, ведущее переговоры, подписывающее договоры. Другое — негласное, опирающееся на значительную часть офицерства, с так называемым начальником государства Пилсудским во главе. За спиной тайного правительства стоят крайние империалисты Франции. В то время, как официальное польское правительство под давлением не только трудящихся, но и широких буржуазных кругов, вынуждено стремиться к миру с советской Россией, провокаторы польского Штаба изо всех сил стремятся вызвать войну.

Какие для нас выводы? Ни в коем случае не облегчать работы провокаторов, а наоборот, по-прежнему проявлять величайшую выдержку в отстаивании мирных отношений. Но в то же время мы должны твердо помнить о раздвоении воли правящего класса Польши. Мы не знаем, победят ли в Польше этой зимой или ближайшей весной сторонники мира или преступные поджигатели. Мы должны быть готовы к худшему.

Красная Армия снова раздавит петлюровские банды, выброшенные к нам польскими авантюристами. Красная Армия удвоит свою работу по боевой подготовке. Никакой поворот событий не застигнет Красную Армию врасплох!

Приказ

Председателя Революционного Военного Совета Республики по Красной Армии и по Красному Флоту

11 декабря 1921 г., № 268, г. Москва.

На Дальнем Востоке войска генерала Каппеля открыли враждебные действия против тесно с нами связанной Дальне-Восточной Республики [53]. Отряды Каппеля—это остатки бывшей армии Колчака. Ныне каппелевцы состоят на службе у японского правительства, грабительски захватившего дальневосточное побережье и не желающего выпускать его из рук.

В борьбе с Советской Республикой мировые хищники ссылаются нередко на то, что в России нет «демократического» правительства, выбранного на основе так называемого всеобщего избирательного права. Но Дальне-Восточная Республика — не республика советов, а демократия. Ее правительство организовано на началах всеобщего избирательного права. Частная собственность в Дальне-Восточной республике не отменена. Трудящиеся массы этой республики знают преимущества советского строя и хотят полного объединения со всей советской федерацией. Но именно для того, чтобы не дать японским и другим хищникам повода к нападению, они терпят в своей стране частную собственность и тесно связанную с ней «демократическую республику». Однако, и это не помогает. Против демократической республики империалисты выдвигают черносотенных монархистов, организующих при помощи японских денег и японского оружия государственный переворот.

На Дальнем Востоке, как и на Западе, одна и та же картина. С одной стороны, трудящиеся массы нашей страны, с целью добиться спокойствия и мира, идут на величайшие уступки вплоть до признания царских долгов и в то же время втрое сокращают Красную Армию. С другой стороны, вооруженные нападения на нас не прекращаются. При помощи французского, японского и иного золота и оружия неприкосновенность нашей территории и развитие нашего хозяйства непрерывно нарушаются вероломными ударами из-за польской, румынской, финляндской границ и с берегов Тихого Океана. Под лицемерные речи капиталистических дипломатов в Вашингтоне о разоружении множатся тревожные признаки.

Вывод ясен: чтобы отстоять свою независимость, нам недостаточно быть уступчивыми,—нам нужно быть сильными. У Красной Армии ответ

на последние события один: удвоить усилия по обучению и сплочению своих рядов. Военная промышленность и вся страна не замедлят притти нашей армии на помощь.

Будь на чеку, красный воин России!

Стой на страже, воин Сибири!

Приказ

Революционного Военного Совета Республики по Красной Армии и Красному Флоту

11 февраля 1922 г., № 365.

Прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, командах, на всех судах.

Братское спасибо!

Советская Карелия очищена красными полками от белых банд, организованных финляндским офицерством на средства финляндской и иной буржуазии[54]. В тягчайших условиях севера, в пустынных холодных пространствах, иной раз по пояс в снегу, под которым не замерзает вода,—солдаты революции снова выполнили свой долг до конца.

Преступление правящих классов Финляндии и ее покровителей дало трудовым массам России новые лишения и жертвы и внесло в историю Красной Армии новые подвиги героизма.

Красная Армия и Красный Флот гордятся своим карельским отрядом и провозглашают ему восторженное братское спасибо.

Революционный Военный Совет Республики примет все меры к тому, чтобы отметить и наградить подвиги наиболее выдающихся героев и закрепить в сознании Красной Армии всю историю этого сурового похода.

Северо-западная граница Советской Федерации снова восстановлена ценою крови. Красная Армия и Красный Флот твердо рассчитывают на то, что рабоче - крестьянское правительство сумеет обеспечить нашу границу с Финляндией от новых хищных и предательских покушений.

Да здравствует Советская Карелия! Слава красным воинам—защитникам и освободителям трудового карельского народа.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Фронтов нет — опасность есть.

Доклад на IX Съезде Советов 26 декабря 1921 г.[55]

Сокращение армии.

Товарищи делегаты, год тому назад, на 8-м Съезде Советов, вы постановили приступить к систематическому сокращению Красной Армии и Красного Флота. Вы предуказали в общих чертах направление и темп этого сокращения. По тем расчетам, которые вы одобрили в прошлом году, мы должны были сократить Красную Армию так, чтобы к середине истекающего теперь года она составляла бы не более половины того, чем она была год тому назад перед VIII-м Съездом Советов. Я докладывал уже в прошлом году, что в момент своего наивысшего численного развития Красная Армия достигла 5 миллионов 300 тысяч человек. Сокращение вдвое означало сведение ее приблизительно до 2 миллионов 700 тысяч человек. Международная обстановка и потребность облегчения военной ноши для трудящихся Советской Федерации заставили усугубить эту программу сокращения Красной Армии. В настоящее время те законные рамки, в которые укладывается Красная Армия вместе с Красным Флотом, вместе с частями внутреннего назначения и всевобучем, выражаются в количестве 1 милл. 595 тыс. душ. Если отвести флот, крайне у нас немногочисленный по личному составу, и если исключить части местного и специального назначения, если отвести этапные пункты, если взять армию в собственном смысле слова, то мы получаем уже сейчас не более 1 милл. 370 тыс. душ. Другими словами, армия сократилась более, чем втрое.

Эта работа сокращения была не легка. Многие из вас, делегаты армии, знают это не хуже меня. Это работа незаметная, в ней не было героических эпизодов, привлекающих к себе внимание всей страны, но это работа величайшего напряжения всех нервов военного организма.

Мы старались, чтобы сокращение как можно меньше ударило по активной части армии, по ее дивизиям и полкам. Сокращение так называемых тылов было произведено на 70%. В результате, нынешняя армия насчитывает, примерно, 34%, приходящихся на центральные и местные учреждения, и около 66% на активную часть. Соотношение гораздо более благоприятное, чем было год тому назад. Передвижку от тылов к активной части мы произвели за этот год на 13%.

То, что было военной тайной,—общая численность армии и общие формальные рамки ее, то теперь, с переходом на мирное положение, перестает быть военной тайной. Сейчас наша армия мирного времени заключает в своем составе, в переводе на бригадную единицу, 95 стрелковых бригад и 49 конных. Это—те общие рамки численного строения нашей армии, которые я считаю и возможным, и необходимым дать, и полагаю, что если Съезд Советов теперь найдет нужным узнать более детально структуру армии, он найдет для этого свои пути.

Сокращение армии означало удаление из ее состава старших возрастов. Мы начали с родившихся в 1885 году и более старых годов, которые были мобилизованы частично. Затем мы перешли к 1886 году, 1887 и 1888 г.г., и в результате в течение этого года демобилизовали 13 полных возрастов, от 86 до 98 г.г. включительно. В армии сейчас у нас три возраста: 1899, 1900 и 1901 г.г. 13 возрастов, не считая мобилизованных частично, освобождены. 3 возраста остаются в армии, не считая специалистов, не считая тех красноармейцев, которые связаны с более квалифицированной работой армии.

Вопрос об отпуске 1899 г. стоял на очереди. Укомплектование армии в численном отношении было бы возможно из двух годов, но те тревожные обстоятельства, о которых будет еще речь впереди и которые требуют величайшей бдительности Красной Армии, заставили приостановить дальнейшее увольнение в бессрочный отпуск, чтобы придать армии максимальную устойчивость и сохранить, в рамках указанной численности, в ее составе 1899 год, как наиболее опытный и обученный.

Процесс сокращения был процессом сжатия и процессом труднейшей реорганизации.

Процесс демобилизации армии есть болезненная операция, означающая потерю крови и неизбежное временное ослабление организма. Эта операция ныне вчерне закончена. От вас зависит приказать сокращать армию дальше или остановиться на том числе, которого мы достигли. Но если вы спросите нас, военное ведомство, то я думаю, что я выражу мнение и всех делегатов армии, здесь находящихся, если скажу, что армия сейчас мечтает больше всего о том, чтобы процесс реорганизации был закончен, чтобы получить устойчивость, твердость, прочные штаты и чтобы взяться вплотную за повседневную работу подготовки и обучения.

Улучшение быта армии.

Если мы оглянемся на этот год напряженной демобилизации и спросим себя, как жила Красная Армия, то я скажу, что она жила тяжело. Природе нашей политики соответствует говорить правду, не прикрашивая ни на каких и прежде всего на таких высоко авторитетных законодательных собраниях, как настоящее, голос которого разносится по всему миру. Да, армия наша в истекший год жила тяжело. Она жила тяжело потому, что ее аппарат, в том числе аппарат довольствующий, был ослаблен непре-

рывным потоком демобилизации. Армия жила тяжело потому, что материальная демобилизация неизбежно влечет за собою демобилизационные духовные настроения в стране. Мы были свидетелями этого неизбежного временного состояния, когда общественное внимание нашей страны переставало пристально приглядываться к нуждам и потребностям армии, которая, закончив свою очередную работу, переходила на оседлые квартиры и непрерывно сокращалась.

В области продовольствия, в вопросе квартирном, в вопросе топлива, тесно связанном с квартирным вопросом, в области вещевой наша армия в этот год терпела тяжелые лишения, тем более тяжелые, что ее собственное внимание раздваивалось между теми, кого она отпускала по домам, и между теми, кого она сохраняла в своих рядах. И сейчас, когда мы сократили армию втрое, основная задача — и это я, надеюсь, Съезд закрепит в сознании каждого из нас, — состоит в том, чтобы полностью обеспечить армии снабжение, без которого она не может в полном объеме проводить свою подготовительную работу. Надо сделать казарму более уютной, надо сделать ее, прежде всего, чистой, светлой и теплой. И мы просим, чтобы Съезд Советов приказал, при нашей бедности, которая известна всем, дать все же немного больше уюта, тепла и света нашим молодым красноармейцам. (Аплодисменты). И надо учиться прежде всего, ибо армия состоит ныне из трех младших возрастов. Их еле задели испытания гражданской войны и в своей массе они нуждаются в обучении и воспитании.

Тот факт, что армия состоит ныне только из трех возрастов, в основе своей является огромным преимуществом, ибо обеспечивает ей однородность настроения, однородность переживаний, однородность военной школы. Но это также и минус с точки зрения предшествующей военной подготовки, и этот минус нужно наверстать. Наверстать его можно только при помощи напряженной работы руководящего состава нашей армии — ее командного и комиссарского персонала.

Командный состав.

Сокращение армии не внесло каких-либо резких перемен в наш командный состав. Он попрежнему ведет свое происхождение из разных источников. Тут и рабочие, и крестьяне, поднявшиеся в пылу гражданской войны с низов без всякого военного обучения; тут и бывшие унтер-офицеры старой царской армии, тут рабочие и крестьяне, прошедшие наши современные военные школы, тут и старые кадровые офицеры царской армии, бывшие военные чиновники и, наконец, в довольно высоком проценте, офицеры военного времени той же царской армии.

Я приведу вам примерное соотношение этих основных групп. Без военного образования,—а мы считали здесь не с отделения, а со взвода, т.-е. по старому понятию «офицеров» — без военного образования у нас 43,4% всего командного состава. Так было осенью—в сентябре и октябре.

Процент огромный, который какому-либо квалифицированному военному иностранцу может дать представление о нашей армии, как об армии слабой, как об армии в военном смысле невежественной; мы же с вами, знающие нашу армию, ее сильные и слабые стороны, говорим: у этих 43,4%, не прошедших никакого военного образования, есть нехватки. Мы их знаем прекрасно, но это — ядро, это — основа нашего командного состава. Это — подлинные красные офицеры революции, это — подлинные представители ее духа. Они вышли из завода, они вышли из деревни, которым угрожала колчаковщина и деникинщина. Они вели других, еще менее опытных, еще менее знающих, чем они сами. Они в боях этот опыт приобрели. И это — тот командный состав, на котором мы строим. Мы создаем для них повторительные курсы, они восполняют на курсах пробелы своего формального военного образования; мы надеемся провести большинство наших «самодельных» командиров через эти курсы в течение ближайшей зимы.

Бывших унтер-офицеров у нас—13%, т.-е. слишком мало. Мы слишком сильно растеряли этот драгоценный материал. Нужно будет снова приложить руки к тому, чтобы его подобрать и включить в наш командный состав.

Красных командиров, прошедших советскую военную школу, у нас около 10%.

Итого этих трех категорий, наиболее демократических, наиболее низовых—66,3%, т.-е. две трети. Офицеров военного времени старой армии 22,1%, военных чиновников—6%, кадровых офицеров 5,6%. Итого 33,7%.

Товарищи, я привел эти категории не для того, чтобы противопоставлять их друг другу. Я сказал, что ничего бы не сделала Красная Армия, если бы не было в ней этой драгоценной закваски — неквалифицированных в военном смысле, но высоко-квалифицированных в боевом смысле рабочих и крестьянских красных офицеров. Но та армия, которая перед нами живет и готова бороться сегодня, она в своем котле расплавила разный человеческий материал—путем приливов и отливов, путем трагических испытаний, даже отдельных и групповых измен и жестоких кар за эти измены, путем противопоставления Красной Армии другим армиям и правды Красной Армии — лжи других армий... Мы отобрали и закрепили командный состав из различных источников. Но это теперь в массе своей единый командный состав. Эти 5,6% старого кадрового офицерства занимают свое место в общем строении нашей армии, и они нам нужны. И они понимают и знают, что мы их ценим. И они сами многому научились. Я позволю себе привести здесь отзыв одного из кадровых офицеров старой школы, который занимал до Советской власти очень высокий пост. Это бывший военный министр правительства Керенского, тогда генерал-майор Верховский, который в своей книжке «О задачах военно-учебных заведений» — он занимает одно из ответственных мест в организации наших военно-учебных заведений—пишет:

«Наиболее серьезным движущим мотивом в борьбе, нами пережитой, было **стремление рабочих и крестьян отстоять свою жизнь и достаток**, а также достигнутое во время революции положение и захваченную землю от покушений старых свергнутых классов. Это основание, которое вело на борьбу массы. Лучшие передовые, наиболее идеалистически настроенные люди, шли во имя идеи в борьбе за социализм, за новый мир освобожденного труда, и **энтузиазм** этих людей был организующей силой, вокруг которых сплотилось все сопротивление республик силам контр-революции.

Это создало **ту волю к победе**, которая сковала Красную Армию и, несмотря на страшно тяжелые лишения, несмотря на поражения, завершило борьбу крупно-исторической победой».

Может быть, из нас многие сказали бы это другими словами, сказали бы это иначе, но ясно, что здесь устами или пером Верховского говорит, можно сказать с уверенностью, почти весь наш старый кадровый командный состав, который растворился в армии и составляет ее необходимую составную часть.

Если мы возьмем командный состав по его социальному происхождению, то картина в общем повторится. Сейчас крестьян у нас,—слушайте, товарищи делегаты-крестьяне, и расскажите это в деревнях, — крестьян среди нашего красного офицерства 67,3%. Рабочих—12%, их много у нас вернула к себе промышленность и советские учреждения, и прочих—около 20%. Рабочих и крестьян вместе у нас в командном составе 80%.

Позвольте еще затронуть здесь вопрос, который имеет значение и для Съезда Советов, и притом не последнее значение, ибо он касается роли в командном составе той партии, которая занимает у нас руководящее политическое положение в стране. По источным сведениям, у нас до чистки, до последнего сжатия партии, путем устранения тех элементов, которые, по мнению партии, не могут в ней иметь место, около 20% командного состава приходилось на долю коммунистов. Теперь менее 20%. Что касается числа коммунистов во всей армии, не только в командном составе, то оно составляет теперь менее 10%. Эти цифры имеют очень крупное значение. Что они говорят? Коммунистическая партия, которой рабочие и крестьяне вверяют руководство в нашей стране, является воплощением исторического политического опыта трудящихся масс. Но цифры, вместе с тем, показывают, что партия вовсе не является вместилищем всего военного, технического, хозяйственного, производственного и торгового опыта трудящихся масс. Партия, как партия, доверием трудящихся сохраняет политическое руководство. Но где дело касается командования, там коммунисты-командиры рука об руку с беспартийными командирами, делают одно и то же дело. Партии вверена трудящимися массами революционная монополия руководства нашим государством среди рифов и отмелей труднейшей обстановки. Но партия вовсе не претендует, не может и не хочет претендовать на монополию военного, технического, научного

и всякого другого руководства. Этот вопрос для нас тем важнее,— я его открыто поднимаю здесь,— что партия, которая есть добровольный союз единомышленников, в течение последних месяцев устранила из своих рядов довольно большое число лиц командного состава. О тех, кто устранен за поступки, несовместимые с гражданской честью, говорить не буду. На них ставим крест. Но не мало устранено потому, что партия нашла, что по своей психологии, по своему воспитанию и по своим навыкам мысли они не подходят к жизни нашего партийного коллектива. Партия сказала им: вы безусловно честные революционные воины, но вы не можете требовать для себя права влиять на нашу партийную программу и на нашу тактику, ибо все прошлое не подготовило вас для этого. И таких командиров, которым партия сказала, что она не может сохранить их в своей среде, но которым ни она, ни власть, ею руководимая, не отказали в праве на уважение и на ответственные посты, таких командиров немало. И мы должны им сказать, что факт устранения их из партии, разумеется, лишает их партийных прав до тех пор, пока они,—путем внутреннего усилия, перевоспитания, сближения с трудящимися массами, изучения и работы над собой, если они найдут это нужным,— не побудят партию открыть им снова свои двери. Но поскольку партия и Советская власть не нашли в их поведении ничего несовместимого с достоинством революционного воина, постольку эти командиры, ставшие вне партии, вместе с беспартийным командным составом вообще будут и впредь пользоваться всем необходимым командным авторитетом при поддержке органов Советской власти и — скажу—не в последнем счете и при поддержке всей коммунистической партии.

Военно-учебные заведения.

Обновление командного состава требует развития сети военно-учебных заведений. На эту сторону мы обратили величайшее внимание. Но именно эта работа, как и работа самого командного состава, требует прежде всего минимума материального благополучия, который дает возможность прилагать свои силы на трудном и ответственном деле обучения других и изучения военного дела. Товарищи, я говорил, что нам нужно улучшить материальное положение армии, и нам нужно и должно улучшить очень тяжкое положение нашего командного, комиссарского и административно-хозяйственного состава. Военные делегаты это знают прекрасно. Если спросят, почему я выделяю этот вопрос о командном составе — молодой красноармеец может, имеет право поставить этот вопрос, а враждебная нам иностранная печать пытается играть на этом вопросе,—то я отвечу: у нас армия — самая демократическая, какая когда-либо была в мире, и лучшее доказательство этому—43,4% командного состава, выдвинутые самой массой. стихийно, и $^2/_3$ командного состава, вышедшие из низов. Но есть разница между положением красноармейца-рядового и положением красноармейца-командира: один в армии временно (а мы должны притти к определенному

сроку его службы, как только установим более точно численный состав и ежегодный контингент—мы к этому уже идем), а другой — профессионал, специалист своего дела, и мы хотим, чтобы он всю свою жизнь или по крайней мере лучшую часть своей жизни отдавал армии. Стало быть, в одном случае временная военная повинность, в другом — постоянная профессия, которая должна дать возможность работать и содержать семью. Вот почему вопрос об элементарнейшем и скромнейшем обеспечении командного состава является важнейшим вопросом, на ряду с вопросом о материальном обеспечении военно-учебных заведений, которые должны стать источником постоянного оплодотворения, одухотворения нашей молодой армии.

Наша сеть военно-учебных заведений имеет 3 слоя: нормальную школу первой ступени, которая должна нам дать молодого, подготовленного командира в результате 3 лет изучения пехотного дела.

Мы хотим достигнуть того,—мы к этому идем и в ближайшее время надеемся притти,—чтобы каждый красный командир, сойдя со школьной скамьи начал свою командную работу не со взвода, а с отделения. Таким образом, мы имеем в виду постепенно свести на-нет ту старую градацию, в силу которой командиром отделения был унтер-офицер, карьера которого на этом и останавливалась, тогда как офицер начинался только с командира взвода. Весь характер, вся природа нашей армии противоречат этому искусственному водоразделу. У нас маршал революции начинается с красноармейца, и в нашей армии нет никаких непроницаемых переборок. Весь вопрос только в достаточном развитии сети военно-учебных заведений. В ближайшем марте наши военно-учебные заведения потребуют от рабочих и крестьян новых слоев, новых групп молодых курсантов. Мы просим, мы настаиваем, — и я думаю, вся страна этого требует, — чтобы местные учреждения и все организации трудящихся позаботились о том, чтобы в наши военно-учебные заведения вошел цвет молодежи рабочих и крестьян.

Вторая ступень военного обучения состоит из более узкого круга учебных заведений, которые подготовляют командиров более высокой формации. Третья—это наши военные академии. В этом году наша военная академия, бывшая академия генерального штаба, выпустила первую группу, первую сотню офицеров генерального штаба. Это—большое завоевание Красной Армии, ибо создание молодого генерального штаба есть увенчание всего нашего строительства. Но, разумеется, мы этого увенчания еще далеко не достигли. Первая группа состоит из работников, которые честно дрались и честно учились, но у них есть, однако, еще много пробелов и прорех, и эти пробелы и прорехи будут восполняться на практике работы, и мы не сомневаемся, что им удастся выработать из себя тип законченного, всесторонне квалифицированного военного руководителя.

Одной из задач воспитания командного состава—не обучения, а воспитания,—является привитие нашим командирам психологии и сознания сынов руководящего, господствующего, правящего класса. Это не столь простая

задача. Ваши сыновья, товарищи крестьяне и товарищи рабочие, являясь в военно-учебное заведение, не приносят с собой того духа, который был свойствен сыновьям дворянства и буржуазии, которые, являясь из своих эксплоататорских семей, приносили в школу твердое убеждение, что они должны властвовать, руководить, командовать, приказывать и побеждать. Там это все было на основе эксплоатации и гнета, но выраставший на этом дух властвования помогал им держать армию в своих руках. Наша армия основана на революционной самодеятельности трудящихся масс. И командному составу нашей армии, которая вела и будет вести борьбу с суровым врагом, нашему молодому командному составу надо воспитать в себе, претворить в свою кровь, суровое убеждение в том, что рабочий класс стоит в нашей стране у власти непоколебимо, что он построил себе армию для борьбы не на жизнь, а на смерть, и что никто другой этой власти в руки не возьмет, что сломлена будет всякая сила, которая вздумает покуситься на неприкосновенность власти трудящихся в этой стране. И с этим вопросом связан психологический вопрос — о черте излишней доброты, я бы сказал, иногда простоватой доброты рабочего человека. Офицер правящего класса знал, что, когда идет борьба с врагом, надо доводить борьбу до конца. Никогда не считай врага слабым! Слабый враг плюс твои ошибки могут дать в результате сильного врага. Большой враг или малый — отнесись к нему со всем вниманием, не упускай из виду никакой мелочи, и, когда борьба началась,—доводи ее до конца. Частный успех,—а тут-то и есть слабая сторона нашего низшего командного состава,—частный успех никогда не должен усыплять и останавливать, как это бывает нередко. Откуда это у нас? Это от добродушия рабочего человека пролетария и крестьянина. Нам же надо воспитать рабоче-крестьянский командный состав, который, повторяю, претворит в кровь свою убеждение, что раз враг бросил вызов, и борьба началась,—доведи ее до конца. Если есть частный успех, напрягай силы вдвое, успех будет вдвое, бей втрое, доводи до конца, до полной победы, до полного сокрушения врага!

Страна ближе знакомится с армией.

Обучение и воспитание нашей армии приобретает сейчас непривычный для нас характер, благодаря нашему переходу на оседлые квартиры, благодаря тому, что мы получим впервые возможность свести Красную Армию и страну лицом к лицу. Товарищи делегаты, вы приветствовали нашу армию не раз у себя в губерниях, на годовых Съездах, после ее побед и испытаний, также и после ее поражений, ибо связь ваша с нею не прерывалась никогда. Но, если мы спросим, знаете ли вы вашу армию, мы должны ответить: нет, вы ее не знаете. Вы немного знаете конную армию. Почему? Потому, что конная армия, эта драгоценнейшая часть нашей армии, была одна, и она закрепила на себе ваше внимание. Вы об ней знали. Но вы почти не знали пехоты. Вся наша армия не была создана в мирное время, когда полки открыто занимают известные квар-

тиры, имеют свои номера и наименования. Наша армия строилась в боях. военная тайна скрывала ее от вас, вы читали в военных сообщениях о том, что такой-то N полк, или N дивизия имели такой-то успех или такую-то неудачу. Теперь армия временно возвращается «домой». Она прикрепляется к местным Советам, к рабочим организациям, к губерниям и городам. Армия наша от анонимности, от неизвестности переходит в полосу яркого света. Она будет под стеклянным колпаком. Мы будем знать наши дивизии, бригады и полки, — вы будете их знать и будете за ними следить, и, если для конной армии постоянным возбудителем ее энергии является тот факт, что страна знает ее и следит за нею, то не меньшим возбудителем энергии для всех частей нашей Красной Армии будет тот факт, что местные Советы и вся Советская Республика будут о них знать. Отныне наша Красная Армия в целом и каждая из ее дивизий, и каждый из ее полков смогут открыто записать свою краткую, но уже богатую и яркую историю. У нас есть не только армия, у нас уже есть традиции революционной армии. Эти традиции мы должны записать, закрепить и запечатлеть в сознании молодых красноармейцев. Та связь между дивизиями и местными Советами, пример которой дали Московский и Петроградский Советы, и которая теперь все шире распространяется по всей Советской земле, является в высокой степени важным и ценным явлением. У каждого полка должен быть свой шеф, но не личный шеф, а коллективный,—местный Совет или другие органы Советской власти, на основах теснейшей духовной и материальной связи.

Техника.

Вопрос о технике нашей армии есть труднейший вопрос. Наши враги на этом вопросе строили и строят главную часть своих надежд. Они знают про нас, что у нас необъятные пространства и необъятная численность, но слабая техника. И это верно. Техника армии в общем и целом отражает производственную технику страны. Но в то же время техника армии может в известных пределах опережать производственную технику страны, а раз может, то и должна. У нас сейчас наблюдаются только первые симптомы оживления нашего хозяйства. Мы не сомневаемся в том, что эти симптомы превратятся уже в ближайшие месяцы в бесспорные факты развития нашего хозяйства. Мы должны одновременно прилагать все силы к тому, чтобы строить нашу военную технику, чтобы обеспечить армию необходимыми орудиями борьбы. Прежде всего это относится к авиации. Нам необходима сильная авиация. Нам нужны броневые силы. Нам необходимо,—и вы это прикажете,—чтобы хозяйственные органы точнее подсчитали свои плюсы и минусы в области авиации, чтобы военное ведомство, с своей стороны, выдвинуло наиболее пригодные квалифицированные элементы для летного дела, чтобы армия получила авиацию, которая отвечала бы задачам и потребностям предстоящих испытаний.

Хозяйственная работа армии. Караульная служба.

Хозяйственная работа нашей армии потерпела крупнейшие изменения. В прошлом году самостоятельная хозяйственная работа армии занимала большое место. Теперь об этом не может быть и речи. Так называемые трудовые части—постановлением СТО—отсечены от Красной Армии и переданы в Народный Комиссариат Труда и подлежит расформированию. Армия сократилась численно, и она должна быть, прежде всего, направлена на ту работу, для которой она существует, т.-е. на работу самоподготовки для охраны границ и независимости страны. Хозяйственное применение армии, помимо борьбы со стихийными бедствиями, как снежные заносы, половодье и проч., по необходимости ограничивается самообслуживанием, но и в деле самообслуживания применение трудовой силы красноармейцев допустимо в тех пределах, в каких это не нарушает задач обучения и воспитания. Есть две области, где армия выполняет важные, хотя и далеко не одинаковые хозяйственные функции: одна область—это область воспитания самой армии в духе хозяйственного, добросовестного, честного отношения к народному достоянию вообще и к тому народному достоянию, которое вручается Красной Армии, в особенности. Точный учет, тщательный уход, чистка, починка, снова учет и снова уход—вот где хозяйственная работа Красной Армии, как таковой. Вторая и главная хозяйственная роль Красной Армии состоит в том, чтобы со штыком в руках охранять хозяйственную работу русских рабочих и крестьян от всяких покушений извне.

В мирное время важнейшую часть службы армии составляет ее караульная служба. Позвольте сказать об этом два слова. У нас роль часового, охраняющего учреждения, склады, достояние Республики, далеко еще не всегда и не везде понимается, как должно—это есть результат неуложившихся и несложившихся отношений. Между тем, товарищи, если вы хотите—а вы этого хотите—иметь армию, которая сознает свое высокое призвание до конца уже в мирную эпоху, начинайте с караульного, начинайте с часового. Когда пензенский молодой крестьянин, 19-ти лет, стоит на часах, то, как говорит наш гарнизонный устав, он есть лицо неприкосновенное, он—выражение высшей воли нашего государства, и поэтому необходимо полное внимание к нему, он должен быть окружен атмосферой поддержки, уважения, чтобы он себя чувствовал в трудные часы несения караульной службы не просто рядовым Ивановым, а воплощением воли Рабочего Государства, которое он отстаивает с винтовкой в руках.

Красный флот.

Я бы, товарищи, мог многое из того, что сказал, распространить на наш Красный флот. Но у него есть также своя особая судьба, и я о ней скажу в нескольких словах. Судьба Красного флота глубоко трагична. У нас был за эти годы океан земли, и на этом сухопутном океане мы маневрировали. Мы

наступали и отступали, мы строили Красную Армию. Нам нехватало океана воды,—отрезали у нас эту воду. Флот наш оказался запертым в теснейших пределах. Вспомните, каким входил наш флот в октябрьскую революцию, сколько авангардных, наиболее мужественных, решительных борцов военные моряки дали из своих рядов,—много сухопутного командного состава, много рядовых борцов вышло из морской среды. И сколько их полегло на всех фронтах нашей гражданской войны! Они дали во всех частях страны превосходных работников Советской власти. Флот ослабел, когда отрезали у него воду, когда замкнули его в тесные пределы, и когда руки контр-революции, прежде всего, опустились на это сложное военное орудие. И руками русской белогвардейщины, и руками иностранного империализма нашему флоту был нанесен ряд жестоких, беспощадных ударов. Нередко у наших военных моряков, у лучших из них, в душе говорит чувство горькой обиды на то, что флот как бы временно забыт,—говорят о Красной Армии, но слишком мало, слишком редко говорят и думают о Красном Флоте. Мы не будем здесь заниматься пророчествами. Мы не знаем, как пойдет мировая история, и мы не знаем, в какую сторону и когда потекут ее океаны и моря. Но мы знаем одно, что нам нужно сохранить человеческое и техническое ядро нашего флота для обороны наших берегов. Возрождение флота в этих оборонительных пределах есть сложная задача. Она может и должна быть разрешена на основе возрождения хозяйства страны в целом. Я здесь повторяю то, что сказал о технике Красной Армии. Советская власть должна будет приложить все силы к тому, чтобы сохранить и укрепить основное человеческое ядро Красного Флота и вооружить его в необходимых пределах техникой для охраны морских подступов к Советской Федерации. В этих пределах (не сомневается никто)—флот выполнит свою ответственную задачу.

Всевобуч.

У нас есть важный орган армии,—орган всеобщего военного обучения. Мы ожидали перехода более быстрого и прямого к милиционной системе. Этого не получилось. Переход оказался более медленным, в силу всей мировой обстановки. Сокращение армии тяжело ударило по Всевобучу. Но, товарищи, Всевобучу в принципе вручена огромная задача, которая будет развиваться,—это допризывная подготовка молодых поколений. Это—развитие путей для перехода к милиционной системе. Это—развитие в стране спорта, в связи с военным делом и в связи с трудом. И мы скажем товарищам Всевобуча: «Сейчас в трудных условиях вы переживаете черные дни, но дайте стране чуть-чуть свободнее вздохнуть, дайте получить чуть-чуть больше материального благополучия, и Всевобуч разовьет огромную военно-воспитательную работу в стране».

Бандитизм и новая экономическая политика.

Применению Красной Армии в деле охраны революционного порядка или борьбы с контр-революционным бандитизмом я должен посвятить зна-

чительную часть своего изложения. Я перехожу, таким образом, к той части моего доклада, которая тесно связана с внутренней политической и экономической жизнью страны. Первое полугодие отчетного года было временем небывалого развития бандитизма. Год открылся Кронштадтом, Тамбовом, бандитскими движениями в Сибири, на Кавказе, в Закавказье, на Украине. Второе полугодие отчетного года внесло радикальное, коренное изменение в эту обстановку. Сейчас, разумеется, кое-где остаются еще бандитские шайки, но именно шайки. Бандитизм, как широкое социальное явление, как вооруженные отряды широких кулацких и отчасти середняцких масс в разных районах, отошел в прошлое. Это мы наблюдаем во всех частях страны. Стало быть, это нечто большее, чем заслуга военного ведомства. Это целый социально-политический перелом, и это тесно связано с переломом нашей хозяйственной политики. Если бы у нас здесь шло сейчас обсуждение вопроса о нашей экономической политике, если бы под углом зрения моего доклада мне поставили вопрос: наша новая хозяйственная политика означает ли плюс или минус, шаг вперед или шаг назад, движение к коммунизму или отступление? Если бы спросили: чем была наша прошлая экономическая политика, ошибкой или необходимостью? (На этот счет можно формулировать очень большое количество очень замысловатых, очень заковыристых вопросов). На это я сказал бы: у нас на заре этого года был Кронштадт и Тамбов, а теперь их нет и, мы уверены, что не будет. Есть ли экономическая политика шаг вперед или шаг назад? Ликвидация бандитизма не только военная, но и политическая его ликвидация, есть самое яркое, самое отчетливое, непосредственное, военно-заостренное доказательство того, что наша военная политика есть огромный шаг вперед. Правда, можно сказать, что по сравнению с идеей всепланового всесоциалистического всестроительства, во всех концах и областях, на каждом квадратном вершке нашей территории, наша новая экономическая политика есть шаг назад. Но по сравнению с Кронштадтом и Тамбовом это есть огромный шаг вперед. Была ли старая политика ошибкой и в каких пределах? Это вопрос сейчас академический, на который можно предоставить ответить историку. Но что Советская власть правильно и своевременно переменила политику, когда это ярко и отчетливо потребовалось самой обстановкой, что она создала этим новую лучшую атмосферу и самой Красной Армии, новые отношения в ней, это— факт, и на этом факте мы ныне строим.

История нашего бандитизма—это история контр-революции,—помещичьей и буржуазной. Бандитизм — это ее выражение и орудие. История бандитизма—это история ее отступления от московского сердца к окраинам. Но отступая к окраинам, бандитизм долгое время оставался обширным движением деревенских верхов и отчасти городского мещанства, и это особенно относится к Украине. Петлюровщина на Украине началась, как национально-демократическое движение. В дальнейшем она выразилась в вооруженные отряды кулацких верхов и под конец она раздробилась и пре-

вратилась в банды и шайки, которые потеряли опору даже у верхов украинской деревни и теперь должны иметь свои базы за границей Украины, больше всего в Польше и Румынии.

Бандитские шайки и иностранный капитал.

Возьмем «классический», с позволения сказать, бандитизм — именно, украинскую махновщину. В мои руки попал только вчера чрезвычайно интересный документ. Должен сказать, что благодаря разложению среди эмиграции всех оттенков, мы получаем необъятное количество документов, исходящих от всех этих русских министерств, украинских министерств,— они проживают на разных улицах Парижа, Праги, Вены, Берлина и проч., и проч., сносятся друг с другом, излагают свои планы, «государственные соображения» и проч., и проч. По обязанностям службы наше разведывательное управление должно их размножать в довольно большом количестве экземпляров, что тяжело ложится на нас при нашей бумажной бедности, которую вы знаете. И вот один из таких документов— (я боюсь ошибиться) это... петлюровский департамент иностранных сношений. Прошу не думать, что я ошибся, это учреждение так и называется: «департамент иностранных сношений». Я не могу сказать точно его адреса. Кто любопытствует, может это узнать в нашем разведывательном управлении. Этот департамент сообщает всем петлюровским посланникам во все центры Европы, о прибытии Махно и его банды в Румынию. Махно, как полагается в строго конституционном государстве, где вольности граждан и эмигрантов охраняются так, как они охраняются в классической стране свободы и конституции, в Румынии — встретил дружественный прием. Тут в докладе есть даже некоторые бытовые подробности о том, как были проданы 6 чистокровных лошадей, уведенных, разумеется, из Украины, на то, чтобы предоставить Махно возможность безбедного существования в Бухаресте. И вот он является в этот самый «департамент иностранных сношений» петлюровского правительства, где его подвергают опросу о том, что делается на Украине. Разумеется, он сперва отвечает в терминах преувеличенного собственного достоинства, но затем доклад говорит буквально следующее: «путем систематических выпытываний, судьба Махно представляется в таком виде: потеряв свое значение на Украине, после поражения Врангеля, махновская организация начала искать себе союзников. С этой целью она значительными своими отрядами перекинулась на Дон, где убедилась, что и на Дону нет значительных анти-большевистских сил и никакой помощи в борьбе с большевиками Дон дать не может. После этого они двинулись на восток для того, чтобы войти в контакт с Антоновым, но и там нашли то же самое, что и на Дону и на Украине. Оттуда они направились на Курск, где тоже убедились, что антибольшевистские силы незначительны и разбиты». Я должен сказать, что несколькими строками раньше доклад говорит, что все значение махновщины состояло в том, что Махно использовал борьбу

Врангеля с Советской властью и только в целях этой борьбы мог играть известную роль.

После этого,—продолжает доклад,—махновцы попытались переправиться в Польшу, но так как боялись, что красные перережут им дорогу, то направились в Румынию, где тоже считали себя в безопасности, и в этом они не ошиблись, ибо по отношению к русским контр-революционным бандам Польша и Румыния только две разные комнаты одной и той же квартиры.

У нас есть, товарищи, другой доклад о деятельности банд, которые время от времени выбрасываются на нашу территорию. Речь идет о «Черноморском комитете спасения России». (Россию спасают и на Черном море!). Во главе этого комитета стоят социалисты-революционеры. Разоблачения, которые имеют несомненное политическое значение, показали, что так называемое черноморское крестьянское ополчение, руководимое черноморским комитетом спасения России, финансируется армянскими и русскими промышленниками, за спиной которых стоят две группы: одна (мы можем их точно указать)—английская и другая—итальянская: английские нефтепромышленники и итальянские марганцепромышленники. Они, как видите, «заинтересованы» кровно в судьбах кавказской и закавказской демократии! Итальянские торговцы марганцем и английские ценители бакинской нефти,—они имеют свою боевую агентуру в спасательном комитете, созданном эс-эрами. Деятельность эс-эров выражается в организации оголтелых банд, вооруженных на деньги итальянских и американских промышленников, избивающих русское население и разрушающих русские железные дороги.

Рыцарям Второго Интернационала.

Вот живая реальность, и в свете этой реальности я вспоминаю, что английские социалисты из 2-го Интернационала, вроде гражданина Гендерсона и некоторых других, ветром подбитых демократов, хотя и пишут теперь в своих изданиях о необходимости юридического признания Советской власти (до каких страшных исторических высот эти люди поднялись!), но в то же время ставят свои условия: пусть де Советская власть уведет свои войска из Грузии, пусть она даст свободу самоопределения грузинскому народу, и тогда уважение к ней со стороны демократии всего мира поднимется до юридического признания Советской-власти в России. Великолепно, г.г. социалисты 2-го Интернационала, граждане Гендерсоны, подбитые ветром и другими легкими материями демократы, а позвольте вас спросить: ну, а что, если мы уберем красные войска, которые, кстати сказать, живут душа в душу с рабочими и крестьянами Грузии, если, допустим, грузинские рабочие и крестьяне сказали бы, что они согласны, чтобы мы убрали красные войска—даст ли нам в этом случае уважаемая демократия гарантию в том, что английские нефтепромышленники и итальянские марганцепромышленники не утвердят в Тифлисе и Баку власть комитета спа-

сения бакинской нефти от азербейджанских рабочих? Вот вопрос! Они требуют пустяков: они требуют разоружения Закавказья, а между тем тот самый доклад, который я вам цитировал, говорит, что в Праге (один из центров, где делается «русская» политика), в эмигрантских кругах Праги величайшим достижением считается факт, что Черноморский комитет спасения России заключил, наконец, соглашение с грузинским повстанческим комитетом для захвата Тифлиса. Черноморский комитет спасения России, т.-е. эс-эровская агентура английских нефтепромышленников и итальянских марганцепромышленников заключает соглашение с их грузинской меньшевистской агентурой. Если бы мы были так наивны, чтобы верить в подбитые ветром доводы этой самой лжедемократии и убрали бы наши войска, если бы потребовали этого грузинские рабочие, то через Батум явились бы так же, как японцы явились через Владивосток (англичане хорошо знают морские пути, они хорошие географы), через Батум явились бы в эс-эровском и меньшевистском или открыто монархическом облачении элементы, которые проложили бы иностранному захвату дорогу дальше на восток, к Баку.

Мы можем сказать 2-му Интернационалу: если вы хотите проверить могущество принципов демократии, так вы немножко отвратите ваши глаза от Закавказья и поглядите на Дальний Восток. У нас там тоже имеется республика,—вполне демократическая, где правительство выбрано на основе общего, равного, прямого, тайного избирательного права. Английское правительство заключило на-днях важнейшее соглашение с Японией, а Япония только третьего дня через посредство своих военных агентов, каппелевцев, забрала у нас Хабаровск. Хабаровск пал. Пал город в демократической республике под натиском монархических банд, вооруженных против демократии на средства иноземного империализма. Но, товарищи, прежде, чем сказать об этом подробнее, я должен остановиться на примере, который поближе.

Польша и бандитизм.

Я указал уже, что по мере того, как бандитизм, гонимый переломом внутренней политики, направленной к установлению более правильных отношений между рабочим классом и крестьянством, отступал к окраинам,—настал момент, когда бандитизм перешел за наши границы. Я мимоходом уже указал, что он перешел, главным образом, в две страны, которые вам всем достаточно известны. И если бы меня спросили, попытавшись застигнуть врасплох, почему мы не можем сокращать Красную Армию, я бы указал, товарищи, вот на помещенную здесь схему[56]. Эту схему можно назвать по-разному: можно ее назвать русско-польскими или советско-польскими отношениями, ее можно назвать «Рижский договор в действии», можно ее назвать «Торжество международного права» и еще можно ее назвать «Защита западной цивилизации от Советского варварства». Эта красная черта на карте, эта наша граница с Польшей, установленная по Рижскому миру. Эта пунктирная красная линия—граница, отделяющая

нас от захваченной у нас Бессарабии. Рижский мир был подписан 18 марта 1921 г., вот это (показывает на карту) его история. Я не знаю, достаточно ли она ярко здесь нанесена, достаточно ли видны, особенно далеко сидящим, эти стрелки,—я думаю, следовало бы эти невинные стрелки нарисовать поярче, поплотнее, так, чтобы они были видны во всех без исключения ложах этого зала. Эти стрелки разных цветов, но они имеют один и тот же смысл. Это банды, которые отсюда, из Польши (показывает по карте), направлялись сюда, через нашу границу. Эти стрелки разных цветов, потому что они относятся к разным срокам, но не потому, что они разного качества. Они одного и того же качества, а именно фабричной марки 2-го отдела польского генерального штаба. Некоторые из них меньше, некоторые больше. Это, однако, не зависело от доброй или злой воли польского генерального штаба, а только от его силы. Он делал, что мог, чтобы перебросить на нашу территорию как можно больше банд, чтобы причинить нам как можно больше вреда.

Вот поглядите снова—это граница с Польшей по Рижскому договору 18 марта. Вы видите, товарищи, как она вся истыкана, изрезана этими стрелками. Это не шутка, не материал для фельетона,—эти систематически организуемые банды, которые нарушают нашу хозяйственную жизнь, наше строительство каждый месяц и каждую неделю. Некоторые стрелки подлиннее, похожи на ядовитых змей, некоторые, короче, похожи на пиявок. Все это направлено в тело русского народа, в русских рабочих и крестьян. Все это, видите ли, по Рижскому договору. Если развернуть книгу наших переговоров с Польшей после Рижского договора, я уже не говорю о наших попытках мира с Польшей до войны, до Рижского договора,—то этой книге не будут верить здравомыслящие люди по истечении некоторого периода времени. Они скажут: не может быть, чтобы русские рабочие и крестьяне, хотя бы истощенные, хотя бы ослабленные, проявили такую невероятную выдержку, такую поразительную настойчивость в борьбе за то, чтобы отстоять мир и избежать кровавой войны. Вспомните все протесты Чичерина и Раковского по поводу савинковского и булаховичского бандитизма. Вспомните последний эпизод конца сентября, когда казалось что действительно наверху, в Польше, с нами хотят воевать во что бы то ни стало[57]. Меня тогда Совнарком послал посмотреть, что делается у нашей западной границы, каковы наши войска. Выезжал и главнокомандующий—это было в сентябре, а 6 октября мы получаем благую весть от т. Карахана, нашего посла в Польше: новое соглашение с Домбским подписано, банд больше не будет, всех активных контр-революционных громил вышлют из Польши. Это было 6 октября. А 25—26 того же октября, из той же Польши, были брошены вот эти (показывает на карту) — самые длинные стрелки—самые большие банды.

Я говорю на Съезде Советов, речи стенографируются, и я должен наложить на себя некоторое ограничение в выборе выражений. А это трудно, очень трудно.

Что же, товарищи, это значит? И можем ли мы жить в такой обстановке, когда нас постоянно подвергают набегам и ударам, можно сказать,— булавочным уколам? Но и булавочные уколы не такая невинная вещь. Медики скажут вам, что достаточно исколоть или изрезать часть кожи, чтобы обречь на гибель весь организм. Что же это такое, как не попытка под видом мира постоянно терзать, разрушать наружные покровы Советской России, чтобы такими мерами истощения довести нас до гибели? Я спрашиваю—можно ли в такой обстановке жить? Нельзя! И вот почему нам нужна Красная Армия. И вот почему мы должны ее строить и укреплять.

Румыния и бандитизм.

После этого остается немного сказать и о второй «комнате» той же самой квартиры, о Румынии, с которой у нас провизорная (временная) граница. Мы пытались договориться о постоянной границе и постоянных отношениях, но нам это не удалось, потому что Румыния фактически сорвала переговоры, не желая соблюдать нейтралитет в случае нападения на нас другого государства. Через эту пунктирную линию румыны переправляют банды совершенно тем же способом, как поляки через эту сплошную линию, и притом в одни и те же сроки.

Появление последних тютюнниковских банд на Украине было ликвидировано—они были разгромлены, отчасти отброшены назад. С точки зрения внутриполитической, самым важным фактом является то, что эти банды, последние банды Тютюника и Палия, не встретили решительно никакого сочувствия на месте, бродили окруженные пустотой и именно поэтому были в короткий срок ликвидированы, в большей своей части стерты в порошок. Кто стоит за этим, мы знаем: не только Польша и Румыния. Мы знаем, в конце концов, что второй отдел генерального штаба в Польше и штабы в Бендерах и Бухаресте являются только передаточными инстанциями для французского империализма. На этот счет у нас сомнений нет. И те вести, какие нам приносит телеграф о близких переговорах, которых мы долго ждали, которых мы ждем сейчас и на которые пойдем со всей готовностью, эти вести о близких переговорах насчет установления мира со включением Советской России станут для нас гораздо конкретнее и содержательнее с того момента, когда Франция перестанет субсидировать банды, нарушающие наш покой, наш труд, наши границы.

Дальний Восток.

Здесь, товарищи, я подхожу к вопросу, который имеет особенно актуальное значение,—к вопросу о Дальнем Востоке, где мы, повторяю, потеряли Хабаровск. Конечно, мы с вами временно теряли и затем крепко возвращали много городов, более важных, более крупных и более близких к Москве, чем Хабаровск—но тут борьба имеет глубоко поучительный характер, не только для нас, но и для всего мирового рабочего класса. Г. Бриан не раз, и в частности в Вашингтоне, говорил о том, что он

ждет не дождется, когда в России будет создано правительство, которое бы выражало национальную волю. Национальная воля на их условном языке, который мы считаем языком обмана трудящихся масс, означает правительство, искусственно сфабрикованное, при помощи давления сверху и гнета капитала под фикцией всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права. Но вот, товарищи, Дальне-Восточная Республика, что это такое? Это—русский мужик и русские рабочие. Почему она Дальне-Восточная, а не Российская, почему она существует отдельно, а не с нами? Почему там нет Советов? Кто там у власти? Коммунисты. На каких основах? На основах всеобщего избирательного права, демократии. Почему? Потому что дальневосточный мужик и рабочий сказали империалисту японскому, американскому, французскому: «Ты хочешь демократии, вот тебе демократия, я ее выбираю на основе всеобщего избирательного права. Ты обещаешь, что, если Россия будет демократической республикой, ты не тронешь ее, — вот тебе Дальне-Восточная Республика, как фланг этой советской федерации». Что же эта демократия, дальневосточная, пользуется она независимостью, неприкосновенностью. Может быть, громилы и бандиты всех наименований не рвут ее по частям, может быть, в мае этого года (в который уже раз), не был там произведен под руководством японских инструкторов военный переворот? Какое потрясающее разоблачение их насквозь лживого демократизма! Мы, товарищи, слишком мало распространили до сих пор воззвание народного собрания Дальне-Восточной Республики. Я не могу его прочитать целиком, к сожалению, послушайте, товарищи, крестьяне и рабочие делегаты, слушайте голос, который к нам доносится с Дальнего Востока, за 8—9 тысяч верст: «Уже 4-й год японский штык насилует волю русского народа. Япония начала высадку войск во Владивостоке. Теперь на 4-м году японской интервенции она фактически владеет всем русским побережьем Тихого океана. На русской территории устроены японские укрепления, окопы и проволочные заграждения. В русских речных водах заложены японские минные заграждения. Устье нашей главной реки Амура не только закрыто для наших торговых пароходов, но превращено в базу враждебных военных сил, откуда на нас будут устраиваться нападения, откуда Япония будет расширять и продолжать свой захват.

«Захватив низовья Амура, Япония столь же насильственно захватила русский Сахалин. Там хозяйничают, как на своей территории, японцы, распродавая наши леса и наши рыбные и горные богатства. На остров Сахалин и в низовья Амура не может проникнуть ни один русский без разрешения японских властей».

В конце этого призыва наш Дальний Восток говорит: «Народ русского Дальнего Востока неоднократно поднимал свой голос протеста против зла и насилий, творимых Японией. До сих пор никто не откликнулся на наш протест». Конечно, речь идет о капиталистических государствах, о «великих демократиях», о тех, что собрались в Вашингтоне, куда нас

не звали, но где без нас разрешали судьбы Тихого океана. Поглядите на карту. Тихий океан—это большая масса воды, на которой господствуют военные корабли Соединенных Штатов, Японии и Англии и вот эти государства, вместе с Францией, заключили соглашение о Тихом океане. Но этот Тихий океан упирается в два берега, один—американский, другой—азиатский. И на этом азиатском берегу многие сотни верст побережья замыкают владения русских крестьян и рабочих. А в Вашингтоне решают вопрос без нас. Мало того, после заключения соглашения 4-х империалистических государств, банды, которые имеют отправным своим пунктом Владивосток, усилившись, направились на север, в сторону Хабаровска, взяли Хабаровск, важный пункт на Амуре, и пытаются продвинуться на запад. Кто их вооружает? Япония. Трое остальных допускают это, значит, толкают на это. До нас доносится с Дальнего Востока голос протеста, голос призыва. И, конечно, Всероссийский Съезд Советов не может оставить без внимания голос далеких братьев, которые сейчас, в те часы, когда мы с вами обсуждаем этот вопрос, грудью своей отстаивают за 8.000 верст восточный фланг Советской Федерации. Ибо нет никакого сомнения в том, что Дальне-Восточная Республика есть только защитное образование, подсказанное государственным разумом дальневосточного трудового русского человека, который попытался таким путем задержать натиск восточного империализма.

Мы видим сейчас этот живой факт. Павший Хабаровск мы швыряем в лицо всей европейской лжедемократии. Мы швыряем его в лицо 2-му Интернационалу и говорим: вот ваш щит демократии,—он ничего не защитил. Может быть, вы прикажете нам и из Дальне-Восточной Республики удалить наши войска? Но горе в том, что их там слишком мало. Мы говорим, что если нашествие с востока на запад до сих пор не задержал демократический щит, то мы не сомневаемся в том, что месяцем раньше или позже это нашествие задержит красный штык. Мы, товарищи, уступали не раз и, вероятно, еще будем в нашей жизни не раз уступать. У нас есть терпение и выдержка. И поэтому через эти 8.000 верст мы отвечаем туда, на Дальний Восток, что, если мы не можем помочь так быстро и так решительно, как мы бы хотели, то помощь наша все же придет! Мы призываем дальневосточных рабочих и крестьян помнить, что ни судьба Хабаровска, ни судьба Владивостока не решена этими Четырьмя раз и навсегда. Кроме Четырех, есть еще Пятый, и это—Советская Республика и ее Красная Армия.

Банды в Карелии.

И, наконец, последний наш опыт по части демократии и по части международного права нанесен на другой, более скромной схеме [58], где изображена Карельская трудовая коммуна на запад от той границы, которую мы добровольно уступили Финляндии, приняв во внимание ее хозяйственные интересы и примирив их с нашими интересами. Направо от этой черты—

Карельская трудовая коммуна. Это пространство земли в два раза больше, чем Бельгия, с редким разбросанным населением в 150.000 человек, рассеянных на огромном, нередко непроходимом пространстве. В этой Карельской трудовой коммуне господствуют Советы трудовых карел. Здесь, по эту сторону, под фикцией всеобщего избирательного права господствует иноземный капитал, через посредство своих агентов, в лице финляндской буржуазии. во время мирных переговоров с Финляндией наша дипломатия в порядке информации сообщила, что Карелия получает автономию, как и все остальные части нашей многомиллионной федерации, которые этого пожелают. Но финляндский правящий класс недоволен классовым содержанием карельской автономии. Они предпочитают, они ставят выше свою форму государственного самоопределения. Мы это знали и тогда, когда подписывали с ними договор. Мы знали, что это договор между пролетариатом, организованным в свое государство, и между организованной в государство буржуазией, которая разбила свой пролетариат и задавила много и много тысяч рабочих. Мы это знали и подписали договор, зная заранее, что наша автономия будет отличаться от финляндской, как пролетариат и трудовое крестьянство отличаются от буржуазных эксплоататоров. В этом, ведь, и состоит мирный договор с Финляндией. И ничего неожиданного тут нет.

Но осенью этого года, когда на Поволжьи обозначился страшный призрак голода, когда враг считал, что близок час падения Советской власти, тогда началась подготовка и по этой границе осеннего натиска на нас. Они приурочивали его раньше к 28 августа, затем он был перенесен на сентябрь, затем на октябрь. И вот, товарищи, эти стрелы (показывает на карте) — это бело-финские банды, направленные из Финляндии в Карелию. Их численность показана здесь совершенно точно, как и их направление. Эти банды стали переправляться 24 и 25 октября. Почти в один и тот же день, что и банды Тютюнника-Палия, по одному и тому же плану.

У нас, в результате сокращения армии, в Карельской коммуне не оставалось совершенно войск. Мы ее очистили от единственной бригады, которая там была. Почему? У нас не было никакого основания сомневаться в том, что для утверждения внутреннего порядка там не нужно не только бригады, но и полка. Правда, мы просчитались в отношении нашего северо-западного соседа. Мы просчитались, и несомненно, как военное ведомство, должны нести за это ответственность. Мы не то, чтобы поверили фикции международного права,—конечно, не поверили,—но все же, при всем нашем недоверии к буржуазным фикциям, мы на этот раз придали букве договора слишком большое значение. Мы в этом повинны. Мы увели оттуда бригаду оставив только слабые пограничные части, годные для борьбы с контрабандой, но никак не для военных операций. И вот 24, 25 и 26 октября начинается переброска сюда банд из Финляндии. Пространства необъятные, дороги непроходимые. Пока мы сосредоточиваем сюда необходимое количество войск, банды эти утверждаются в пограничном районе. Вся буржуа-

зная Европа сообщает о том, что наши северные дороги перерезаны, что мы отрезаны от Мурманска, и т. д., и т. д. Ничего подобного! Банды до ж. д. не доходили ни разу. Они отделены от нее десятками верст. И что самое поучительное и даст ясное представление о них,—это то, что они боятся вообще подвигаться к востоку. Это не местные банды, как об этом лжет финляндская печать, и за ней иностранная печать, когда говорят о «восстании» в Карелии. В Карелии восстания нет, а есть вторгнувшиеся из-за финской границы белокарельские, эмигрантские и белофинские банды, под руководством финских офицеров, в частности, второй финской дивизии. Эти банды начали операции по соглашению с петлюровцами и савинковцами, через Виктора Савинкова, приезжавшего в Финляндию на предмет организации этих действий.

При этом финское правительство,—не поразительно ли?—обращается к Лиге Наций с жалобой, т.-е. с указанием на то, что в Советской Республике карельский народ имеет советское самоопределение. Лига Наций должна разрешить вопрос о самоопределении карел. Как себе это представляют финские политики, я не знаю. Разрешить вопрос о самоопределении трудового карельского народа иначе, чем он разрешен сейчас, можно только путем вооруженной силы. Это и пробуют сделать белые банды. Сила—есть аргумент. Против аргумента силы мы противопоставляем силу же. Но что должна сделать Лига Наций? В состав Лиги Наций входит Япония, входит Франция. С японским участником Лиги Наций нам приходится сейчас разговаривать где-то в районе Хабаровска и там разговор наших красноармейских частей и партизанских отрядов ведется не на дипломатическом языке Лиги Наций. Имеется ли в виду военное вмешательств Лиги Наций здесь, в Карелии? Если это так, то это значит, что Финляндия заключает с каким-то третьим государством соглашение на предмет военного вторжения в наши пределы. Ибо дипломатическая интервенция есть только расчистка пути для интервенции военной. Хочет ли этого Финляндия—нам неясно. Нам неясно, в какой мере финляндское правительство отдает себе отчет в том, что происходит, находясь под толчками не только нашей белогвардейской эмигрантщины, но и крайних элементов финляндского шовинизма и особенно иностранного империализма. Похоже на то, что финляндское правительство просто плывет по течению. Сперва оно пыталось сопротивляться, потом начало попустительствовать и окончило открытой поддержкой белогвардейских банд. Мы получаем сообщения, что в таком то месте Финляндии формируется отряд, и мы через неделю—две регистрируем в таком-то месте Карелии этот отряд. Финляндское правительство снабжает эти отряды необходимыми предметами воинского снаряжения. Наш главнокомандующий находится сейчас в районе Советской Карелии для того, чтобы посмотреть обстановку вблизи и дать необходимое направление тем операциям, которые там предстоят. Он сегодня утром сообщил мне следующее,—и я считаю возможным это опубликовать:

«Оценка настроения по волостям свидетельствует, что из всех 46 волостей бесспорно и активно на нашей стороне 26 волостей. В пассивном или неопределенном настроении—14 и таких, где белые встречают известное сочувствие—11» (из 46).

Прошу помнить, что пространство огромное и дороги трудно проходимые, поэтому там много волостей, настроение которых еще не выяснено.

«Однако, эта цифра, 11 волостей, явно преувеличена. Явления бандитизма, по всем собранным сведениям, наблюдались лишь в 7 волостях (Тунгусская, Ребольская, Вокноволоцкая, Тихтозерская, Ухтинская, Поросозерская и Маслозерская).

«Наиболее ярким доказательством лойяльного отношения жителей к Советской власти является тот факт, что уничтожение и порча населением наших проводов связи, никем не охраняемых на огромных пространствах, отмечены только в непосредственной пригpaничной полосе и то в единичном случае.

«Командный состав бандитских отрядов состоит либо из зарубежных финских элементов, офицеров финской армии, либо из тех местных элементов, которые служили в контр-революционной армии Миллера. Команда подается во многих отрядах на финском языке. Из 2 финской дивизии офицеры прибыли в Карелию.

«В перехваченных нами донесениях (например, подписанных финской фамилией Эккеля) приводятся статистические данныя о числе дворов в деревнях, что свидетельствует о пришлом характере банд».

Далее в донесении главнокомандующего идет прямое перечисление новых мелких банд, появившихся из-за-границы в последние дни, и указание на то, что во время боя банды эти пользуются ракетами для установления связи между собой и со своими зарубежными штабами.

«Данные нашей зарубежной разведки о формировании в Финляндии того или другого отряда всегда подтверждаются появлением новой банды на нашей территории в соответственном пункте.

«Отмечена на бандах финская морская форма. Установлены патроны финского изготовления фабрики Рихимяки.

«Банды явно боятся оторваться от своей заграничной базы. Все заграничные сообщения о Мурманской ж. д., о ее разрушении и т. д.— плод фантазии. Дорога цела.

«Обрастания банд за счет местных жителей совершенно не наблюдается. Везде, где мы находимся в соприкосновении с противниками, как на Ругоозерском направлении, приходится констатировать уменьшение, а не обрастание банд. Прирост сил происходит из-за-границы».

В то же время Финляндия, в лице своих активистов, т.-е. крайних шовинистов, и в своей шовинистической печати все более и более разнуздывается. Так, в руководящих финских газетах вы изо дня в день теперь читаете, что Советская Россия представляет собой невыносимое соседство. Фразеологию насчет того, что мы, мол, являемся барьером против совет-

ского варварства, знают не только прощалыги парижских бульваров, но и журналисты Гельсингфорса. Они пишут, что Россия представляет собой для них—видете ли—невыносимое соседство! Что же вы прикажете нам делать, господа из Гельсингфорса? Мы не можем нашу страну перенести в другое место. Мы живем там, где мы живем, и мы останемся там, где мы стоим. Им не нравится самоопределение Карелии, и им не нравится самоопределение Петрограда,—величина, покрупнее Карелии и совсем поблизости от финляндской границы. Они предпочли бы буржуазное самоопределение Петрограда, как мы—и мы не скрываем от них этого, ибо это не секрет—предпочли бы пролетарское самоопределение Финляндии, и мы об этом открыто говорим в наших газетах. Но одно дело высказывать свое предпочтение в газете, а другое дело направлять вот такие бандитские стрелки (показывает на карту). Таких стрелок мы в Финляндию не направляем, мы честно исполняем договор, к которому у нас душа совсем не лежит, но исполняем, ибо это диктуется государственным разумом.

Численный состав финляндской армии—35.000 человек. Финляндское население—я не знаю, правильно ли здесь вычтены убитые финляндской буржуазией рабочие,—насчитывает 3.300.000. В финляндской армии офицеры открыто бахвалились (и об этом говорит финляндская печать) тем, что Маннергейм,—вы его знаете [59],—пойдет скоро на Петроград. Пляска возле Петрограда происходила уже не раз, и финны принимали в ней коекакое участие. Многие и многие из нас и во дни Юденича, и во дни Кронштадта, когда финляндские Маннергеймы пытались установить контакт с мятежными частями крепости и флота, наблюдали все это вблизи. Дьявольская пляска вокруг Петрограда происходила не раз, и с нас этой пляски довольно. Как мы не хотим больше терпеть вот этого выполнения Рижского договора, так мы не можем терпеть этой постоянной постыдной угрозы по адресу пролетарского Петрограда!

Товарищи, на Съезде Советов, где собрались делегаты рабочих и крестьян, я не должен говорить о том, насколько мы искренно и честно хотим мира, но мир требует очищения Карелии от банд, и мы советуем, очень и очень советуем Финляндии за эту черту (показывает по карте) не высовывать ни локтей, ни рук, потому что мы в ближайшие дни здесь пройдемся. Мы, с полным сознанием ответственности, советуем финским полководцам не торопиться мерить расстояние от Гельсингфорса до Петрограда, ибо, если придется мерить,—а мы этого не хотим,—то окажется, что путь от Петрограда до Гельсингфорса короче, чем путь от Гельсингфорса до Петрограда.

Мы хотим мира.

После сказанного мною, мне нет необходимости доказывать Съезду Советов, что нам нужна сильная Красная Армия именно потому, что мы хотим мира!

Вы приехали из разных концов, в том числе из голодающего Поволжья, и наши голодающие и умирающие волжские крестьянин и

крестьянка, и крестьянский ребенок, умирающий на глазах у родителей, не хотят завоевания чужих земель, это ясно без дальних слов. И нужно величайшее тупоумие иностранных империалистских газетчиков, враждебных нам министров, парламентских болтунов, чтобы предполагать, что мы, залечивая теперь свои ужасающие раны в страшной хозяйственной разрухе, ставим перед собою военные наступательные задачи, что мы готовимся порабощать кого-то и на кого-то нападать. Неправда, клевета, ложь!

Да, мы содержим еще армию в 1.300.000 с лишним. Это верно. А наше международное положение, а империалистское окружение? А размеры нашей страны? Если сравнить по населению, то наша армия в два с лишним раза меньше французской, а если сравнить по территории, то наша армия в 18 раз меньше французской. А мы ведь должны охранять свою территорию, ту, которая находится под нашими ногами. А опасность мирового положения? В чем опасность положения Франции? Об этом говорил Бриан в Вашингтоне. Опасность положения Франции состоит в том, что если рука ее ослабнет, то те, которых империалистская Франция душит, попытаются с земли встать на коленки и, может быть, даже на ноги. Вот в чем опасность для Франции. А если наша рука ослабеет, то нас пригнут к земле и, вероятно, задушат. Если измерить пространство, население и опасность, то нам нужно иметь армию в 100 раз большую, чем во Франции—и тогда мы еще не сочтемся. Наша армия есть самая оборонительная армия из всех армий мира. Разве мы это не доказали, разве мы это не доказываем каждый день? Разве вся наша политика не была напряженной борьбой за мир, ценой тягчайших уступок? А недавнее наше заявление о признании нами царских долгов? Да, вы это знаете, это весь мир знает, что мы—гордая и победоносная революция, вырвавшая власть, отстоявшая себя от неисчислимых врагов, что мы согласны, на известных условиях, признать,—будь они трижды прокляты,—старые царские долги. Мы это заявили. Из-за чего? Из благоговения перед тем, что ростовщики всего мира считают священными обязательствами? Ничего подобного! Это—не расплата за прошлое, которое не было н а ш и м прошлым, но прошлым п р о т и в н а с,—нет, это откупная сумма на будущее. Мы говорим: если царские заимодавцы согласны в обмен на оплату нами царских долгов оставить нас в покое, дать нам возможность дышать, жить, работать, то мы готовы откупиться не ценою крови красноармейца, а ценою продукта наших трудов, ценою золота.

Сообщают, что английские и французские купцы и промышленники на бирже говорят: это еще не все; кроме государственных долгов, есть претензии обиженных частных предпринимателей. Тут принципиальной разницы для нас нет. Давайте разговаривать! Это наша дипломатия говорила не раз. Наша дипломатия самая терпеливая. Она привыкла к пропаганде и терпеливо, настойчиво, изо дня в день, когда ей предъявляют новые требования, говорит: давайте сядем за стол, обсудим и государственные, и частные претензии. И, разумеется, нет для нас никакой прин-

ципиальной разницы между теми и другими, все дело в условиях,—только и всего. Такого рода заявления, которые делались нами не раз, означают наше стремление **откупиться от войны**. Рижский договор был такой же попыткой. А что такое на этой карте каждая из стрелок? Провокация на войну,—именно каждая в отдельности, ибо они не совпадают во времени. А чем мы отвечали? Истребляли каждую банду в отдельности и производили расплату по условиям Рижского договора в тех частях, где мы должны были ту или другую расплату произвести.

Про нас, конечно, нельзя сказать, что мы—непротивленцы, склонные подставлять то одну, то другую сторону под удар. Нет, мы революционеры и умеем бороться. Но в борьбе за мир мы проявляем величайшую выдержку. **Однако, не без конца, а только до известного предела.** И, товарищи, есть опасность, что этот предел будет кос-кем перейден. С одной стороны, каждый день множатся телеграммы нашей печати о том, что признание Советской власти не за горами: вот соберутся в Лондоне или в Каннах, куда нас пригласят, и будут говорить твердо о признании Советской власти. Конечно, всюду, куда нас позовут вести переговоры об установлении мира, хотя бы и не того мира, который мы считаем справедливым и нужным, мы явимся и, надеюсь, договоримся. Но именно эта атмосфера надвигающейся перемены в международном положении заставляет всех наших заклятых врагов—белогвардейскую эмиграцию и крайних иностранных империалистов—сказать себе: куй железо, пока горячо, или пока вовсе не остыло. Последние месяцы—может быть, недели—остаются, и если сейчас нанести решающий удар Советской власти, то может быть, и все переговоры сорвутся. В связи с этим развивается политика империалистических клик Польши и Румынии, где к слову сказать, пост министра-президента занял вместо Авереску,—с которым у нас были свои счеты и который в 1918 году подписывал обязательство в двухмесячный срок вернуть нам Бессарабию, занял Таке-Ионеску, вся политическая заслуга которого состояла в бешеном натравливании румынской буржуазии на Украину и на всю Советскую Федерацию. В этих условиях нужна двойная, десятерная бдительность.

Освободите Марти и Бадина!

Отмечу один эпизод, который показывает, как близость признания Советской власти переплетается с кровожадной ненавистью ко всему, что фактически ведет к сближению с Советской Россией. Вы помните дни, когда Бриан произносил свою речь в Вашингтоне, речь, исполненную ненависти против Советской Республики, где он изображал нас, как народ, который стремится порабощать другие народы, угрожает цивилизации и проч. В эти самые дни и часы пролетариат Парижа выбрал в парижский муниципалитет двух каторжан—Марти и Бадина. Марти и Бадина—это два французских моряка. Они были на французских военных кораблях, которые действовали под Одессой на Черном море, и, когда был отдан

приказ бомбардировать советскую Одессу, Марти и Бадина подали сигнал к мятежу, французские моряки отказались бомбардировать Одессу, и корабли были уведены. Эти герои были арестованы. Марти и Бадина не были расстреляны только потому, что весь французский трудовой народ был против войны с Советской Россией,—они были приговорены к многолетней каторге. В тот день, когда Бриан, мнимый представитель французского народа, на основе всеобщего избирательного права, клеветал на Советскую республику в Вашингтоне, рабочие Парижа внесли поправку к речам Бриана, избрав в муниципалитет двух каторжан—наших друзей Марти и Бадина. По всей Франции прокатилась волна протеста с требованием свободы для Марти и Бадина. Чем ответило на это французское правительство, то самое, которое теперь как будто собирается с нами вести переговоры, и которое, стало быть, должно признать, что Марти и Бадина были правы, когда не хотели бомбардировать Одессу? Под видом помилования оно «освобождает» моряков из каторжной тюрьмы и направляет их в Африку, в Бириби, в дисциплинарный батальон, где под жгучим солнцем погибли сотни и тысячи мятежных французских граждан. И мы, товарищи, здесь на Съезде Советов скажем: «Господа, французские буржуа, вы хотите с нами заключать соглашение? Что касается царских долгов и других претензий—мы готовы с вами вести переговоры—мы готовы потому, что вы еще существуете, но если вы хотите, чтобы русские рабочие и крестьяне поверили вам, что вы желаете действительно с нами заключать соглашение, а не терзать нас дальше, как терзали до сих пор, — дайте нам маленький задаток под будущую уплату вам царских долгов, верните нам Марти и Бадина!

Наше революционное единство.

Правда, враждебная нам печать и враждебные нам политики говорят о том, что, может быть, Советское правительство действительно и склонно к миру, но есть в России военная партия, которая имеет великие честолюбивые замыслы и которая хочет наступательных войн и порабощения других стран. Поистине, они нас рисуют по образу и подобию своему. Мы знаем страну — и она находится от нас не за морями — в которой, когда министр иностранных дел подписывает договор, то глава страны и военной власти посылает в обмен на это банды. Такая страна есть. Мы говорим, что там наблюдается раздвоение воли правящих классов, и это самое опасное положение, потому что раздвоение воли приводит к некоординированным, т.-е. к неразумным и иногда бессмысленным действиям, и неразумные, некоординированные и неконтролируемые действия в международных отношениях приводят иногда к войнам там, где этого можно было бы вполне избежать при доброй воле и здравом смысле. Но, товарищи, если бы у нас, в нашей Советской Республике, которая за эти 4 года проделала столько перемен, которая боролась, лавировала и маневрировала, и на экономическом поле, и в области чистой политики, и на

военном поле, и на поле дипломатии,—если бы в нашем советском государстве был бы намек, хотя бы маленький намек на раздвоение правительственной воли, намек на борьбу партии мирной и партии военной,—мы имели бы случай сто раз погибнуть за эти 4 года. То, что составляет нашу силу, товарищи-делегаты, — и да будет это известно всем журналистам и дипломатам, как присутствующим здесь, так и тем, которые отсутствуют, — это наше непоколебимое революционное единство. Неправда,—ребяческое заблуждение или сознательная клевета, — будто у нас есть не то что партия, а хотя бы группы или отдельные лица, которые хотят войны. Если бы это было, то мы бы сказали, что на них нужно надеть смирительную рубашку. Но таких людей у нас нет. Войны у нас никто не хочет. Это доказывает вся наша политика. И руководящая наша партия и Советская власть говорят, что все мы хотим мира, но этого мира нам не дают. И поэтому мы должны быть готовыми к тому, что безответственные за свои действия группы и клики вне России могут опрокинуть на свой и на наш народ бедствия войны, несмотря на то, что можно было бы обеспечить все преимущества мира. У нас нет военной и мирной партии, но у нас есть деловое разделение труда. И я думаю, товарищи, что Красная Армия не меньше хочет мира, чем вся страна,—та самая Красная Армия, которая, если понадобится, будет драться и драться до конца.

Наша агитация не будет состоять в призывах к наступлению. Этого не нужно русскому крестьянину и рабочему. Он правит своей страной. Этот государственник-крестьянин и рабочий, он стоит у руля в лице своих Советов. Что ему нужно? Призывы? Нет. Ему нужно ясно понять международную обстановку, понять то, что есть, чтобы знать, куда повернуть корабль. Вся наша пропаганда и агитация в армии будет состоять в том, чтобы нашим младшим братьям, сыновьям и внукам объяснить то, что есть. Вот эту карту, эту схему мы покажем не только командиру, но каждому рядовому красноармейцу, и эту вторую тоже, и в течение всей зимы будем объяснять Красной Армии то, что есть. А что есть? Есть наша борьба за мир, с одной стороны, и есть неутомимая, нещадная провокация с другой. Но мы не являемся ни в каком случае манекенами международного терпения. И мы ни в коем случае не согласны, чтобы провокаторы разных стран изощряли на нашем теле свою доблесть или свою наглость. Опасность в течение последних недель наростала, а не уменьшалась, несмотря на вести об усиливающихся разговорах о нашем признании. Это мы скажем каждому командиру и комиссару, а комиссар и командир скажут это каждому красноармейцу. Мы будем следить и по данным нашей разведки и по передовым статьям польской, финляндской, французской и прочей печати, изо дня в день, насколько лихорадочно бьется пульс мирового империализма. И мы будем говорить нашему красноармейцу: готовься к худшему, ибо мы, коммунистическая партия, и весь мировой рабочий класс сегодня еще не можем обезопасить нашу страну от новых войн.

Этой зимой мы будем прилежно изучать военное дело и будем прилежно готовиться к весне и лету, ко всем тем опасностям, которые вырастают для нас из международной обстановки в ее неисчислимых противоречиях. Зимой мы более или менее ограждены от неожиданностей (кроме как со стороны Финляндии, так как финляндцы хорошо ходят на лыжах). Но за весной и весенней распутицей колесный путь открывает для нас—нельзя сказать, серию неожиданностей, потому что мы их отчасти ожидаем,—но тяжкие испытания новых кровавых поворотов истории. Это не исключено. Я не хотел бы, чтобы вы из моих слов представили себе опасность большую, чем она есть,—но горе нам, если мы представим себе опасность меньше, чем она есть. Лучше преувеличить опасность, чем недооценить ее. И мы войдем в весеннюю пору и в летнюю с нашим несокрушимым стремлением к миру, но вместе с тем войдем окрепшими, подтянувшись, обучившись, ничего не растеряв из опыта четырехлетней гражданской войны. И если последует удар против наших границ, нашей неприкосновенности и свободы, мы скажем: мы этого не хотели, расширяться мы не стремились, у нас слишком много работы под ногами, но раз вы этого хотели, тем хуже для вас. 1922 год это не 1918 и не 1919 год. В 1922 году мы готовы сохранить нынешние советские пределы, но если нас заставят, мы докажем, что в 1922 году легче расширять советские пределы, чем их урезывать и сужать.

Весенние происки врагов.

Речь на торжественном заседании Московского Совета в годовщину февральской революции 12 марта 1922 г.

Товарищи, задача моего доклада чисто деловая—предупредить, во-первых, кой-кого за пределами союзных и братских советских республик, а затем—и главным образом—трудящиеся массы в пределах нашей республики.

Отсрочка Генуэзской конференции.

Вот уже сколько недель мы переживаем период подготовки к Генуэзской конференции... Факт приглашения Советской Республики в Геную был нами всеми воспринят, как крупнейший политический факт, и все мы, каждый по своей должности, «по своему роду оружия», принялись за подготовку деловых серьезных предложений на конференцию, в которой должны были принять участие представители 40 государств. Конференция намечалась на начало марта (кажется, на 6-е или 8-е), а затем вокруг конференции началась сложная игра, в которой мы с вами участия не принимали, а играли другие—вокруг нас и против нас.

Франция в лице Бриана согласилась, в лице Пуанкаре потребовала отсрочки. Затем произошло профессиональное несчастье с парламентским министерством в Италии [60], и гостеприимная Италия попросила отсрочки. Англия утверждала, что отсрочки не будет; Ллойд-Джордж, инициатор предложения и, как говорят его противники (а может быть думают его друзья), с этим предложением связал судьбу своего министерства. Тем не менее, конференция оказалась отсроченной более, чем на месяц. Новая для нее дата—10-е апреля. Состоится ли она в этот срок, мы не знаем. Будем надеяться, что состоится. Тем не менее, самый факт отсрочки уже получил крупнейшее политическое значение, ибо конференция была назначена. Что Ллойд-Джордж не обращался к нам случайно, в результате личной импровизации, в этом был уверен весь мир: Ллойд-Джордж занимает слишком ответственный пост, чтобы шутить шутки с нами и тем более—с собственным народом...

Затем пошли слухи о колебании положения того или другого правительства, вынырнули ссылки на факт страстной недели и пасхи (как вы знаете, страстная неделя и пасха—это неожиданные космические события, которых никогда нельзя предвидеть по календарю),—разумеется, Ллойд-Джордж и другие не могли отвечать «за этот форс-мажор». И мы уже склонялись думать, что это дурная шутка. Вдруг оказалось, что в результате и некоторых других причин конференция отложена на месяц слишним...

Сейчас относительно апреля у нас нет даже той ограниченной уверенности, какая была в феврале относительно марта. Если падение Бономи отсрочило конференцию на месяц, то на какой срок будет отодвинуто международное совещание, если бы, например, случилось подобное же событие в самой Великобритании? Ведь нельзя же сказать, чтобы законы природы исключали возможность этого!..

Отсрочка Генуи и малые государства.

Эта борьба против Генуэзской конференции, превратившаяся в борьбу за отсрочку Генуэзской конференции, сопровождалась подготовительной политической военной работой в целом ряде государств, особенно государств, находящихся на западе от нас.

Когда французская биржа (точнее: крайнее крыло французской финансовой биржи) говорила, что ни в коем случае не вступит в переговоры с республикой Советов, то мы-то знали, что это означает попытку надбавить 5, 6, 10%, — нетрудно было разглядеть эту механику биржевика, торговца, в переводе на язык дипломатии, она бросалась в глаза всем серьезным, деловым и трезвым людям (а мы, революционеры, — трезвые люди). Другое дело — для мелкобуржуазных элементов, — а в таких государствах у власти стоят мелкобуржуазные, иногда двухвершковые политики, с малым опытом, с малым кругозором; этих обмануть серьезному закаленному биржевику, империалистскому дипломату—легкое дело.

И вот, когда мы читаем эту пальбу по Советской республике, мы уверены, что она предназначена не для нас или—лишь в последнюю очередь для нас, ибо мы думаем, что в Лондоне или даже в Париже, где политика руководится не такими претенциозными людьми, все же сознают, что мы эту систему понимаем. Между нами и Парижем и Лондоном залег ряд новых неопытных государств,—и вот там-то эти посылаемые по радио политические, дипломатические и финансовые ядра и застревают. Там они взрываются, там они распространяют удушливые газы и там они дурманят головы правящих групп; за одно с последними и российская белогвардейская эмиграция приняла отсрочку конференции, как прямой призыв, как прямой приказ еще раз попытать счастье в игре, еще раз попробовать разбить Советскую республику.

Опыт прошлого.

Мы помним, товарищи, один такой опыт в малом объеме. Это было в начале 19-го года. То же великобританское правительство взяло на себя инициативу созыва международной конференции с участием России—или с участием тех нескольких «Россий», которые тогда существовали: многие из вас помнят эту историю с Принцевыми островами, когда каждое правительство в пределах бывшей Российской империи, имевшее под ногами какой-либо кусок территории, приглашалось на Принцевы острова для выработки соглашения, имеющего задачу спасти Россию.

Чтобы освежить в своей памяти этот эпизод,—конференция была назначена на 15-е февраля 1919 года,—я попросил из Наркоминдела доставить мне соответственные документы. Мне прислали, между прочим, заявление «министра иностранных дел России» (а тогда наряду с народным комиссаром иностранных дел Чичериным был «министр иностранных дел» Сазонов), который заявил следующее: «В виду непризнания и проч. и проч., имею честь заявить, что ни Екатеринодарское, ни Омское правительства не примут участия в таких совещаниях, на которые будут приглашены большевики». Они, как видите, очень строго разговаривали—эти екатеринодарские и омские министры иностранных дел...

В Генуе, конечно, дело другое,—там были Принцевы острова, Генуя же расположена все-таки на полуострове, а не на острове, так что нас не так уже изолируют от Европейского материка... В связи с этим и положение несколько переменилось. Самые крайние наши враги пишут, что там будет Петлюра, там будет Савинков, туда будут приглашены грузинские меньшевики, а о том, что туда будет приглашен и Сазонов,—даже они не решаются заикнуться. И уж разумеется, если бы обстановка в настоящее время была такая, что господа Сазоновы оказались бы приглашенными на конференцию, где будут большевики, вряд-ли они теперь отказались бы, как отказались в начале 1919 года. Но не в них, конечно, дело.

Что же было после этого? Мы ответили согласием. «Согласны с Сазоновым на одной конференции»,—так ответил Чичерин. А дальше—что было? Назначенная первоначально на 15-е февраля, конференция сперва была отложена, затем—о ней перестали говорить, а затем, примерно, в апреле—мае, началось генеральное наступление Деникина на юге, наступление Колчака от Тобольска—и все это—поддержанное затем Юденичем на северо-западе. 1919 год был самым черным годом для Советской России. И Юденич, и Деникин и поняли это сперва приглашение, а потом отказ, как призыв к наступлению против нас, как заранее обдуманную попытку скомпрометировать Советскую республику в общественном мнении Европы, показать, что даже при доброй воле нельзя ничего сделать.

То-есть: приглашение создало благоприятные условия для нового контр-революционного набега. В 1919 году белогвардейцы уже пускали в обращение карту Советской России,—она вся сводилась почти к пределам старого Московского царства и походила на очертание... черепа. В 1919 году приглашение на конференцию превратилось в провокацию. Нам все равно, было ли это сознательно или нет, но мы этот факт твердо помним.

И сейчас не только в Финляндии, которая выступила первой и уже получила урок, но и в других окраинных государствах история с Генуэзской конференцией явилась историей о новой подготовке удара против нас. Чтобы это громко сказать, чтобы об этом предупредить, созван настоящий пленум Московского Совета,—и отсюда это должно, как предупреждение, разойтись по всей нашей стране.

Карельский опыт.

Мы здесь слышали доклад тов. Руднева относительно характера Карельского похода. Это, товарищи, звучит в рассказе, как красивая легенда— это уже становится живой героической легендой,—как люди, сверху запотевшие, снизу покрывшиеся ледяной корой, бьют и выносят удары... Там были сотни убитых и раненых, там были сотни обмороженных, которых приходилось эвакуировать. И все это из-за того, что у каких-то правящих классов, у каких-то правительств не оказалось простейшего глазомера. В свое время мы в самом этом зале предупреждали, чем это кончится; мы предупреждали, что метлой из колючей проволоки выметем вон тех, кого выбросили на нашу территорию. Результат: убитые, обмороженные, раненые, опустошения—и только... Там надеялись на лигу наций, надеялись на конференции, но лига наций, т.-е. комбинации буржуазной дипломатии, приходят и уходят, а территориальное соседство,—господа финляндские правители,—остается! И если Финляндия хочет, чтобы она была соседом и сотрудником, то она должна извлечь из карельской авантюры урок. Мы со своей стороны не можем и не хотим позволить ее повторения. Нам второго урока не нужно.

Польско-финляндский военный союз.

Вы знаете, что карельская авантюра вызвала протест из глубины финляндского народа. Вы знаете, что финляндское правительство ответило на это арестами и обвинениями в государственной измене. Вы знаете, что финляндский министр внутренних дел, вина которого состояла только в том, что он был противником этой авантюры, был убит крайними активистскими элементами Финляндии. И вы знаете, с другой стороны, что сейчас ведутся напряженные переговоры между Финляндией и Польшей о заключении польско-финляндского военного договора. Разумеется, этому договору пытаются придать внешне «оборонительную» форму.

Но от кого оборона? Кто же нападает или собирается нападать на Финляндию? Будем говорить на чистоту и открыто. Мы не считаем, что буржуазные правительства любой страны, в том числе и Финляндии, есть то правительство, которое имеет право на наши большие симпатии,—нет, мы желаем для всех стран рабочего правительства.

Так думает ли финляндское буржуазное правительство, что мы собираемся в Финляндии насаждать рабочее правительство штыком? Думает ли оно, что мы заинтересованы в территориальных захватах, и что у нас нет работы внутри нашей страны?.. Но ведь судьбы буржуазии европейской и мировой не будут разрешаться ни в Гельсингфорсе, ни в Ревеле, ни в Риге, ни (даже) в Варшаве или Бухаресте; они будут решаться в Париже, Лондоне, Берлине и Нью-Йорке. А когда революция победит (мы не знаем, конечно, когда это будет) в своих важнейших очагах—во Франции, Германии, Англии и т. д., тогда не будет вопроса о Финляндии, об Эстонии

или Латвии с точки зрения революции, ибо никто же не думает, что между пролетарской Европой и рабоче-крестьянской Россией удержится ожерелье этих буржуазных республик... Только самые жалкие, ограниченные, тупоумные мелкие буржуа могут думать, что в то время, как мы, считаясь с тем, что в Европе и во всем мире буржуазия стоит на ногах, и что в связи с этим мы вынуждены к торговым сношениям с нею, одновременно будем с оружием в руках заниматься «низвержением финляндской буржуазии». Только мелкий буржуа с его ограниченным политическим горизонтом может питать такие опасения.

Мы можем сказать финляндской буржуазии и всякой другой из окраинных государств: «У всех у вас есть патроны—французская или английская биржа или их комбинации. Так до тех пор, пока ваши патроны живут—и стоят, и действуют, т. е. пока рабочий класс соответствующих стран не взял в свои руки власти (а это, разумеется, не зависит от нас, и не может быть разрешено военным путем,—это зависит от внутреннего, классового сознания, что, в свою очередь, определяется законом истории), так, пока ваши патроны стоят, вы не имеете никаких оснований опасаться Красной Армии и Советской республики; а в тот момент, когда ваши патроны падут, у вас просто не останется времени, чтобы испугаться Советской республики».

В Финляндии, после карельского опыта, наблюдается некоторое расчленение буржуазного общественного мнения,—как будто первые буквы логической азбуки берут верх над шовинистическим угаром. Наш народный комиссар иностранных дел получил заверение, которое мы очень приветствуем, надеясь, что оно станет живым делом и фактом: финляндское правительство через своего представителя заверяет, что «беженцам» не будет позволено приступать к каким бы то ни было военным упражнениям против России. А мы как раз имели и имеем сведения о том, что карельские «беженцы» сосредоточиваются и под видом пограничной охраны занимаются военными упражнениями. Далее, нас уверяют, что «имеющиеся у военных властей РСФСР сведения о военных упражнениях карельцев лишены основания и что карельцев не принимали и не будут принимать в отряды пограничной стражи». Вместе с тем финляндское правительство заявляет, что «Финляндия желает добросовестно осуществлять заключенный в Юрьеве мирный договор»; тут же высказывается надежда, что «при последовавшем ныне со стороны Финляндии урегулировании отношений (я не уверен, урегулированы ли отношения именно со стороны Финляндии,—с нашей они отчасти урегулированы тов. Рудневым и теми, кто был с ним), «со стороны правительства РСФСР будет приступлено к быстрому осуществлению заключенного в Ревеле мирного договора, и что, следовательно: 1) начнется эвакуация, 2) работы центральной смешанной русско-финляндской комиссии будут немедленно возобновлены и 3) запрещение торговли с Финляндией отменено».

Все совершенно правильно—вполне в интересах наших и Финляндии,—как известно, запрещение торговли нашей с Финляндией фактически

уже отменено. Далее, Финляндия предлагает дело обеспечения неприкосновенности границ поручить той же центральной комиссии. Какая бы ни была эта комиссия, она должна будет разрабатывать схему мероприятий на основе нынешнего печального опыта. В основу ее работы надо положить очень простые принципы. Первый принцип: как на западной, так и на восточной сторонах нашей границы не должно быть нерегулярных частей. Пограничную охрану несут регулярные войска, и за нерегулярные войска отвечает регулярное правительство... если таковое существует. За банды, которые формируются справа и слева, отвечает правительство. Если банды из Финляндии переходят на нашу территорию, или с нашей—на финляндскую территорию (чего, конечно, не будет), они рассматриваются как регулярные части. Другими словами, после соглашения переход банд через пограничную черту значит и нам рассматривается, как открытое объявление нам военных действий со стороны правительства Гельсингфорса. Иначе нельзя регулировать отношений. И мы надеемся, что тут мы лучше добьемся этого урегулирования. Это соглашение защитит Финляндию несравненно лучше, чем военный, по существу наступательный договор с Польшей, или чем та попытка, которую делает Финляндское правительство (мы это знаем) — получить против нас военную помощь со стороны Румынии. Мы должны и хотим сейчас сказать Финляндскому народу, которому мы желаем спокойствия, мира и преуспевания, что мы заинтересованы так же, как и он, в том чтобы финляндский народ даже ни одного мизинца не давал кой-кому в Польше и Румынии по причинам, которые слишком понятны...

Военный союз Финляндии с Польшей и Румынией означает для нас, что мы должны опасаться удара по более длинной пограничной черте; это означает, что мы должны иметь 2—3 лишних дивизии на соответствующем расстоянии от западной границы. Это тяжело. Лишняя дивизия—это тяжелая вещь; но мы с этой лишней ношей справимся. Каждый из нас знает, что у нас не может быть ни территориальных, ни патриотических, ни революционных побуждений для объявления войны кому бы то ни было из государств, находящихся к западу от нас. Но военный союз Финляндии с Польшей есть опасность и для Финляндии; есть увеличение опасности для нас на известную дробь—на $^1/_{10}$, для Финляндии же опасность возрастает на дробные десять десятых!... Мы подождем, как развернутся события, но пока что мы с полным удовлетворением отмечаем заявление финляндского правительства, которое хочет соглашения, торговли мирных отношений и обеспечения границы.

За западной чертой Финляндии начинается Скандинавия... У нас со Швецией и с Норвегией договор более широкий, чем торгового характера,—и ни Швеция, ни Норвегия, с одной стороны, ни мы—с другой, не терпим от того. Из Швеции и Норвегии мы привозим паровозы, сельди и др. товары и уплачиваем за них золотом. Эта же, финляндская граница при нынешних настроениях допускает только два товара: банду и контра-

банду. Мы положительно приветствовали бы, если бы финляндское правительство приняло не польскую и французскую, а скандинавскую ориентацию. Это было бы выгодно и для Финляндии, и для нас, а также было бы полезней для развития культуры на всем северо-западе.

Отношения с Эстонией и Латвией.

Две другие страны, идущие южнее—Эстония и Латвия... Мы твердо рассчитываем (конечно, военные ведомства не могут быть такими же оптимистами, как дипломаты), что из Эстонии и Латвии нам не грозит никакой опасности, и что здесь торговые и мирные отношения будут развиваться и впредь. Хотя не скрою, что в намеченных относительно весны операциях есть пункт, касающийся Латвии и Эстонии: здесь говорится о предполагающемся походе на Псков и Гдов. Будем надеяться, что «Лига» примет необходимые меры к тому, чтобы эта часть контр-революционной стратегии на Псков—Гдов так и осталась на бумаге, ибо мы не можем иметь две границы — одну для регулярных войск, а другую для нерегулярных; мы не можем иметь несколько трактатов, одни для легального правительства и другие—для нелегального, и еще отдельно — для польского штаба! Мы же не можем вести такой двоякой дипломатической бухгалтерии; мы будем вынуждены вести для всех стран одну: и всякую банду, которая переходит на нашу территорию, мы будем рассматривать как регулярную армию данного государства, за которую данное государство отвечает полностью и целиком.

Отношения с Польшей.

Труднее дело с Польшей... Вы все еще помните то возбуждение, которое охватило рабочие массы осенью прошлого года. Сначала переговоры, затем соглашение, подписанное с нашей стороны Караханом и с той стороны Домбским, а затем одно из самых возмутительных по откровенности и цинизму нарушений этого соглашения—в виде петлюровского удара[61].

Теперь в тревожное время пред-генуэзских настроений снова и в полном объеме ставится вопрос о политике Варшавы относительно нас. Одна английская буржуазная газета («Вестминстергазет») задает польскому правительству следующий вопрос: правда ли, что Польша разрешила, так называемому, правительству Петлюры оставаться на польской территории? Польское правительство,—напоминает газета,—обязалось своей подписью выслать этих граждан со своей территории. Затем газета ставит следующий вопрос: от кого Петлюра получает субсидии, достигающие 30 миллионов марок в месяц? Кстати сказать, товарищи, это не такая колоссальная сумма,—дело идет о польских марках... «Польское правительство обязано дать исчерпывающий ответ на эти вопросы», задаваемые ему серьезной буржуазно-английской газетой.

Мы не беремся угадать, что ответит на это польское правительство, и не знаем, ответит ли вообще. Но в распоряжении нашего правительства имеются новые поучительные для России сведения.

Во-первых, нам известно, что Савинкову на смену явились другие— Петлюра и Тютюник, непременно желающие быть в Украине. В настоящее время Петлюра проживает в Варшаве, адрес его известен господину Скирмунту, польскому министру иностранных дел, который тоже проживает в Варшаве... Конечно, Петлюра и его компания сейчас же переменят свои адреса, потому что это «правительство» весьма портативно: все их имущество уместится в одном чемодане, и им очень легко, в случае опасности, переехать на другую улицу.

Нам известно, что петлюровцы во главе с Петлюрой, Вовно, Безручкой, Данильчуком и др. в «Польском отеле» устраивают свои «военные совещания» и ведут переговоры с врангелевцами (ген. Махров) по заключению договора о совместных действиях; такие же переговоры ведутся с представителями свергнутых ныне закавказских правительств. Далее, Балахович, этот генерал от большой дороги, хлопочет о предоставлении ему 10.000 человек для... лесных и сенных весенних заготовок. К этому мы можем добавить, что они уже приступили к заготовке этого «леса и сена»—в восточных областях Польши уже имеются дружины, приспособленные для... лесных и сенных работ, вооруженные винтовками и обучающиеся военному строю... И еще мы знаем, что инженер Путята, правая рука Балаховича, для этих «работ» получил 37 миллионов польских марок.

Вот как там готовятся к весенним полевым работам! Это должен знать каждый красноармеец.

Мы знаем, конечно, как важен в данном случае хороший фураж, и знаем, что он необходим в вполне достаточном количестве. Мы в свое время много страдали от недостатка фуража; естественно, что и польское правительство, приступая к своей кампании, должно запастись в достаточной степени этим фуражем, и оно усиленно сейчас ищет фуража... Но любопытно вот что: кто бы ни стоял сейчас там у власти (там тоже за последние дни произошли недоразумения), кто бы ни ведал там хозяйственными заготовками, кто бы ни делал эту «лесную и сенную» политику—почему то они ищут фуража поближе к границе . . . И нам приходится сказать своим красным кавалеристам: «Следите за тем, чтобы и у нас было достаточно фуража» . . .

С другой стороны, есть сведения о том, что французский генеральный штаб (или, может быть, у них есть «2-й отдел»—специально назначенный для этого?) в курсе всех этих предприятий, и что в Верхней Силезии накопляются дополнительные силы Франции, чтобы, в случае удачи, помочь и поддержать Польшу: оттуда идут танки.

Это, конечно, опасная часть нашей границы! Я сказал, что нам за польской границей искать нечего; но за ней—там еще не отказались от мысли о «границах 72 года» [62], да и Петлюра не отказался от Украины и польского над ней протектората. Самый воздух за польской границей отравлен шовинизмом. В том все несчастье Польши, что фактически правящая в ней клика находится в состоянии националистического бреда и совер-

шенно лишена возможности дать себе отчет об окружающей действительности. Мы же трезвые люди. Когда хотим оценить ту или другую политическую обстановку, мы прежде всего измеряем температуру; и если термометр показывает температуру выше 37 градусов, то мы заявляем, что прежде всего нужно принять порошок хинина — и только потом уже приступаем к тому или другому действию. Из продолжительных наблюдений над польским правительством, мы вынесли вполне определенное впечатление, что Польша политически управляется людьми, у которых температура все время держится на уровне 39—40 градусов. Это является величайшей опасностью для Польши, потому что, если там рискнут на опыты, вроде карельского, то это, смеем заверить, будут чрезвычайно тяжкие опыты.

Теперь в Польше новое правительство и мы теперь больше всего желаем, чтобы оно было достаточно трезвым, чтобы оно разумно управляло страной—и чтобы оно свою политическую работу производило при температуре не иначе, как в 37 градусов.

Тогда мы можем быть уверены, что на нашей польской границе осложнений не будет.

Отношения с Румынией.

Еще менее обнадеживающий характер имеют отношения с Румынией. У меня в руках доклад, сделанный в заседании «Верховного монархического Совета». Есть такой «совет» у нашей эмиграции. Доклад, разумеется, «совершенно секретный» (и потому мы его получаем с разных сторон — по крайней мере в десяти копиях)... Кстати отметить, что это общее явление; когда десять членов «Верховного монархического» или иного «совета» собираются, то потом каждый из них по двум адресам направляет свое предательство... Так вот что здесь: от 15/I за № 590/ВП докладывали: «Из Румынии получены сведения, что новое восстание на Украине приурочивается к началу Генуэзской конференции. Украинские формации получили предписание готовиться к наступлению. Формации Скоропадского будут принимать участие в этом наступлении. Главный удар ожидается со стороны Бендер. С начала января сюда постоянно прибывают небольшими группами украинские части. Замечена также артиллерия, около 30 орудий и несколько пулеметов. Между французской миссией, генералом Поповичем и украинскими представителями идут переговоры об избрании главнокомандующего экспедиционного корпуса. Разрешение этого вопроса представляет большие затруднения; французы настаивают на назначении генерала Грекова. Многие украинские части высказывались против Грекова, как руссофила. Заметны усиленные сношения с украинскими организациями в Польше. Дельвиг выезжает в Варшаву и Тарнов для координации действий... С 1-го января украинские офицеры получают такое же жалованье, как и румынские офицеры. Французская военная миссия подарила броневик «Марашешти». Это невинное название, товарищи, для нас трудно,— и, если нам придется его отбить, мы его переименуем.

С другой стороны, румынские социал-демократические газеты открыто сообщают о следующих фактах: в Румынии работает теперь комиссия «Украинской народной республики», во главе с Мациевичем, военный отдел ее находится в тесном контакте с румынскими военными властями; румынский арсенал выдал петлюровцам пушки, пулеметы и винтовки; румынской пограничной страже приказано облегчать петлюровцам, — т.-е. бандам,—переход через Бессарабскую границу. Как это делается,—у меня есть сведения: из Тираспольского района доносят, что 8-го марта были обстреляны с румынской стороны посты в районе Тарново (западнее Тирасполя).

Мы, конечно, не забыли еще про того часового на Днестре, который был убит румынской пулей с того берега,—про часового, воспетого в превосходной балладе Демьяна Бедного.

Так вот и сейчас Красная Армия просит вас не забывать, что по Днестру она несет охранную пограничную службу: по левому берегу реки шагают красноармейцы на страже против наших врагов, а с правого стреляют и одиночными выстрелами и залпом,—и время от времени падает наш часовой на Днестре, напоминая нам, что вопросы с Румынией еще далеко не обеспечены и разрешены, и что далее нельзя жить в таких условиях. Мы не хотим, чтобы Днестр оставался артерией банд; а если г.г. румынские правители думают, что Генуэзская конференция санкционирует такие отношения, то они ошибаются.

О румынских правителях нужно будет поговорить когда-нибудь особо. Мы их недурно знаем: весь свой облик, все свое прошлое они оставили в наших руках. К нашему сожалению, мы слишком были заняты (как французы говорят, у нас была необходимость сечь других шкодливых кошек) и мы не могли удосужиться использовать до сих пор богатейшие румынские архивы, которые эвакуированы были в свое время к нам и хранятся сейчас на советской территории. Виднейшие из г.г. румынских министров, генералов и политиков представлены здесь обстоятельными биографиями. А биография румынских министров не есть такая нравственная книга, чтобы ее рекомендовать для воспитания молодого поколения... Мы надеемся, что наше ведомство иностранных дел примет необходимые меры к тому, чтобы Генуэзской конференцией самое ценное из румынских архивов было извлечено. Если этой книги не следует давать в руки юноше лет 15—16, то дать ее в руки Ллойд-Джорджам и Пуанкаре будет в высокой степени полезно.

Положение в Закавказьи.

Есть, товарищи, данные о том, что наиболее острые опасности угрожают нам в Закавказьи. Это понятно. Пока мы все время находились в области национальных притязаний, шовинистических мечтаний малых государств, а на Кавказе—там нефть. Нефть дело в высшей степени серьезное и самые могущественные и ответственные биржи Европы и Америки не по-

боятся испачкать свои руки о бакинскую и кавказскую нефть. Вот почему, одновременно с воссозданием белогвардейских банд в окраинных государствах, в Париже происходит объединение бывших демократических и буржуазных кавказских правительств, под руководством давно знакомого нам Нуланса.

Я только на днях вспомнил из одной телеграммы, что Нуланс является председателем партии республиканцев-социалистов. Вы этому не поверите? Сам, забывши об этом, я тоже тому не поверил. Я тоже удивился. И только прочитав вторично:—«республиканец-социалист Нуланс—глава этой партии», вдруг вспомнил, что и у нас есть тоже революционеры-социалисты, или «социалисты-революционеры»... Вырождение старых радикальных мелко-буржуазных групп в орудие оголтелых и злобных биржевиков лучше всего видно из истории Франции. Кто захочет эс-эру объяснить его собственную историю, пусть скажет ему: «поглядись в Нуланса, как в зеркало, вот твоя собственная судьба».

Итак Нуланс—председатель партии республиканцев-социалистов является организатором бывших кавказских правительств—мусульманских муссавитистов, армянских дашнакцаканов и грузинских меньшевиков. Одновременно с этим Врангель берет на учет демобилизованное офицерство в Юго-Славии и Болгарии, и снова их газеты за границей и наши сведения сообщают о подготовляющихся десантах на Одессу, на Новороссийск, на Батум, на Сочи. Другое донесение тому же самому, если я не ошибаюсь, верховному монархическому совету говорит, что наступление на Белоруссию и на Украину предстоящей весной явится только демонстрацией: «самое серьезное начнется на Кавказе, где главкомом предполагается Николай Николаевич Романов. В район Сочи и Батума перебрасываются все имеющиеся силы В зависимости от обстоятельств, думают начать наступление с Кавказа в сторону Волги или Донецкого бассейна. Ходят слухи, что Николай Николаевич вошел в связь с американскими капиталистами» и т. д.

Планы франко-английской биржи.

Мы, товарищи, не собираемся преувеличивать значения этих подготовок, ибо мы знаем ограниченность их сил: последние не отвечают размерам их воли. Но мы сделали бы ошибку, если бы отнеслись к этой подготовке без достаточного внимания. План совершенно ясен. Он вытекает из кое-каких рассуждений французских газет; переговоры—с Россией, но Кавказ не Россия,—мы Кавказ в свое время признали, буржуазный Кавказ есть лучшая гарантия, К а в к а з е с т ь н е ф т ь...

Вот их речи. Для того, чтобы проложить дорогу к нефти, одинаково хороши и мусульманские муссаватисты [63], и грузинские меньшевики, и великий князь Николай Николаевич, и Церетелли. Биржа глубоко реалистична, она не полагается только на белогвардейские организации, с базой в Польше, в Румынии. Биржа считает, что для ее переговоров с ними в Генуе будет полезнее, если в это самое время на нашей западной границе нам будут

наноситься удары, которые будут нас ослаблять: ведь, это значит, что она получит большее число процентов и—как максимум—она рассчитывает на Закавказье, ибо Закавказье—это нефть!

Когда мы читаем французскую правительственную и полуправительственную прессу, то иной раз кажется, что эти люди лишены элементарного здравого смысла. На самом деле это не так,—они пишут для людей, которым, действительно, не хватает здравого смысла, но сами-то они хорошо знают, чего хотят... В план Франции входит,—пишут они,—чтобы Советское правительство явилось в Геную в той же роли, как немцы в Версаль; другими словами, они желают, чтобы на совещании представителей Советов и представителей великих держав были выработаны положения, которые будут предложены Советам в ультимативной форме. В главных чертах положения эти предполагаются следующие: роспуск III Интернационала, возвращение союзным державам их имущества, заводов и капиталов, оставшихся в России, наибольшего благоприятствования Франции и т. п. Нас пригласят в Геную, подготовят ультиматум и предъявят его нам. А если мы откажемся принять?...

И вот, в Гельсингфорсе, в Варшаве, в Бухаресте читают об этих планах—и говорят: «значит, можно еще пострелять в часовых на Днестре... Им предъявят ультиматум. Владыки Франции, Англии, Италии соберутся и, призвавших, прочитают им не более, не менее, как ультиматум»... Что же, пусть прочитают—а дальше что? Увы, они не смогут двинуть ни одним собственным солдатом против нас,—как было и до сих пор!.. Тогда они скажут польскому и румынскому правительствам: «Нападай, наступай ты, потому что они не выполнили нашего ультиматума».

Если так, то Польше и Румынии надо решать вопрос для себя проще—независимо от Генуэзской конференции; потому что Генуя им никаких материальных сил не прибавит, а у нас не убавит. Ибо как раз наоборот: если бы там попытались предъявить нам ультиматум, направленный на то, чтобы нас ослабить и закабалить, то от этого наша Красная Армия, конечно, не выросла бы численно, но зато сплотилась бы еще больше, а симпатии к нам рабочих масс неизбежно возрасли бы во всей Европе и всем мире.

В Праге, столице молодой Чехо-Словацкой республики, 6 марта состоялось совещание промышленников при участии правительства. Здесь формулированы были требования, имеющие быть нам предъявленными (господин Бенеш, пожалуй, должен был их знать): 1) принципиальное признание старых долгов, 2) восстановление частной собственности и частной инициативы, 3) возмещение убытков иностранцам, 4) предоставление каждому государству определенной территории для его деятельности, 5) право открытия в России отделений иностранных банков, 6) введение полного уголовного, коммерческо-гражданского судопроизводства и др.

Эта информация идет, казалось бы, из вполне солидного источника,—но не хочется верить, что чехо-словацких промышленников сбивает с толка

такого рода вздор... Если они или промышленники других стран надеются на что-нибудь подобное, то, разумеется, Генуэзская конференция, на которую мы идем со всем желанием добиться серьезных хозяйственных отношений, доставит им серьезные разочарования. В самом деле, к чему здесь все сводится? К тому, чтобы заменить советскую форму собственности капиталистической формой собственности, советское право—капиталистическим: они хотят нас сделать «беленькими» и затем обещают нас полюбить... Мы не претендуем, чтобы они полюбили нас «красненькими», ибо дело не в чувствах: но мы хотим, чтобы они считались с нами такими, какими мы существуем, — ибо меняться в цвете мы ради Генуи не собираемся нисколько. Мы показали, что мы можем и хотим создать условия сотрудничества с иностранным капиталом. Если нас оставят в покое и дадут нам возможность жить и развиваться, наше Советское право не будет, разумеется, тождественным с правом буржуазным,—к нему капиталисту нужно будет приспособиться, изучить и понять его, но в пределах Советского права и Советской законности капиталист сможет делать очень большие, выгодные для него хозяйственные операции. И уж, конечно, не для того рабочий класс России в течение десятилетий боролся под знаменем пролетарской революции и завершил ее, чтобы затем под угрозой ультиматума чехо-словацких или иных промышленников переделать право строющейся социалистической республики на достаточно хорошо известные какие бы то ни было буржуазные права.

Отношения с Англией.

Сегодня телеграф принес известия о том, что английское правительство вынесло постановление не оказывать помощи нашим голодающим. Телеграмма, повидимому, строго соответствует действительности: не то, чтобы Ллойд-Джордж серьезно рассчитывал на падение Советской власти, но это решение очень симптоматично. Значит, в буржуазных кругах опять разыгрались пред-генуэзские колебания, значит, Ллойд-Джордж, положение которого стало несколько менее устойчивым, чтобы застраховать себя и перед той частью буржуазного общественного мнения, которое против соглашения с нами, выбросил этим непримиримым капиталистам кость в виде постановления, которое само по себе, конечно, вполне «законно»: нельзя же заставить английское правительство помогать голодающим на Волге.

Но, с другой стороны, это постановление, в связи с комментариями некоторых официозных английских газет, получает полудемонстративный характер. Одна из газет, «Дейли-Кроникль», говорит, что, дескать, отказ английского правительства от помощи вызывается тем, что Советская власть еще содержит Красную Армию... Уж не намерено ли английское правительство предложить в Генуе разоружение или сокращение армий? Что касается нас, то помехи во всех тех мероприятиях, которые должны облегчить народам военную ношу, с нашей стороны ждать, разумеется,

не приходится... В то время, как идет подготовка по всей линии к новым весенним ударам против нас, в то время, как французский генеральный штаб через свои военные миссии преподнес петлюровцам такой «невинный» подарок, как танк, английское правительство, если верить «Дейли-Кроникль», изумляется, что мы сохраняем Красную Армию! Да, мы ее сохраняем уже по одному тому, что мы твердо помним (я с этого начал) опыт конференции на Принцевых островах: после несостоявшейся конференции на Принцевых островах мы пережили самый мрачный и тяжелый год.

Но мы тогда были в военном отношении несравненно слабее, чем теперь. Я очень жалею, что тов. Руднев здесь не упомянул о том, что сообщал мне на личном докладе: во время карельской кампании у нас в смысле снабжения, в смысле порядка наблюдались явления, каких не было раньше (тов. Руднев был в самом центре, в самой гуще военных операций). Вся эта кампания развернулась с превосходной правильностью, именно с тем качеством, которого нам больше всего до сих пор не хватало. Красноармейцы работали, как герои,—но это мы видели раньше и,—важно, что самый механизм, самый аппарат армии стал несравненно более четок, правилен,—а это, товарищи, есть величайшее завоевание. Мы себя критиковали достаточно откровенно и добросовестно—и можем, должны теперь отметить крупные успехи... Так вот эта армия с улучшенным аппаратом и будет сохранена до тех пор, пока остаются опасности.

И каждый голодный волжский крестьянин скажет, что армия нам нужна, хотя и сознает, что армия самым фактом своего существования отвлекает средства и продовольствие. Голод есть тягчайшее физическое бедствие, которое означает гибель сотен тысяч и миллионов человеческих существ; но если дать затянуть петлю на шее русского народа, это означает смерть всего народа—или рабство, которое хуже смерти... Вот почему голодный волжский мужик признает существование Красной Армии до тех пор, пока есть враги.

Голод и наши враги.

А враги есть. Разве факт самого голода не пытаются сделать отправным ударным пунктов против нас? Да само решение английского правительства разве не показывает, в какой мере голод является для широких буржуазных кругов не фактом народного бедствия, а лишь политическим фактом, плюсом для их дипломатии и для финансовой аристократии!..

Мы имеем помощь,—и получаем ее не только от рабочей массы, но также и от буржуазии,—напр., от такой полу-правительственной официозной организации, как АРА. Эта помощь развертывается все шире и, разумеется, она играет сейчас в нашей жизни огромную роль. Не ценить ее нельзя... Я получил справку от нашего уполномоченного при организации АРА и других организациях о размерах помощи. Эту справку я считаю долгом огласить здесь.

В августе месяце АРА обязалась кормить 1 миллион детей. В октябре она кормила уже 1.200.000, а сегодня она кормит 2 миллиона детей и до 30 тысяч коечных больных. В то же время мы должны получить из Америки 20 миллионов долларов в пользу голодающих России. Это значит, что через 2—3 недели мы сможем кормить 5 миллионов взрослых голодающих. Если сравнить помощь АРА с другими европейскими организациями, то окажется, что они все, вместе взятые, выполняют работу в 10 раз меньшую. Мы знаем, что героические усилия Нансена разбиваются о черствость Европы, затем мы знаем, что «Общество друзей»—квакеры кормят 180 тыс. детей и т. п. Эти организации являлись сюда со своим персоналом, и этот персонал выполняет очень тяжелую работу. Из 170 служащих АРА—15 человек прошли через сыпной тиф. Из Нансеновской организации погибло от сыпняка двое (англичанин д-р Фаррар и итальянец Гвидо Пардо), от Шведского Кр. Креста погибла сестра милосердия Каринг-Линсгок, и от Германского Кр. Креста погиб д-р Гертнер, погибли и две девушки квакерши: Печерсон и Вайолет Тиллард... Когда думаешь об этих жертвах, то хочешь сказать, что и в наше кровавое и в то же время героическое время есть люди, которые, независимо от своего классового положения, руководятся исключительно побуждениями человечности и внутреннего благородства! Я читал краткий некролог этой англо-саксонской женщины: Вайолет Тиллард—слабое хрупкое создание—работала у нас в Бузулуке, в самых ужасных условиях, пала на своем посту и там похоронена... Вероятно, она не отличается от тех других, павших на своем посту человеколюбия... Здесь мы насчитываем шесть таких могил. Может быть, будут еще,—даже вероятно—будут. Эти могилы являются как бы предзнаменованием тех будущих новых отношений между людьми, которые будут основаны на солидарности и не будут омрачены корыстью. Когда русский народ будет несколько богаче, он поставит (мы в этом глубоко убеждены) большой памятник этим погибшим героям—предвестникам лучшей человеческой морали, во имя которой мы и боремся. Да, если бы не было веры в то, что когда-нибудь люди будут относиться друг к другу, как сестры и братья, из из-за чего было бороться, строить баррикады, вести сражения.

Мы знаем, не везде и не всегда вместе с филантропией проходят исключительно бескорыстные чувства. Но мы все-таки констатируем, что великая заокеанская республика оказалась в десять раз щедрее, великодушнее всей Европы. Она перебросила к нам массу продовольствия,—правда, недостаточно большую, по нашей нужде, но все-таки абсолютно очень большую—она кормит и спасает от голода много русских крестьян, крестьянок и их детей.

Скажем же, во имя ясности, что наши чувства к Америке являются не «одноцветными», что они омрачены. Я спрашивал себя сам не раз: чем объясняется тот факт, что имя Нансена окружено в нашей стране таким ореолом, тогда как к организации АРА мы относимся только

с благодарностью? А это, несомненно, те чувства, какие эта организация могла бы вызвать в сердцах трудящихся масс, она не вызвала. Объясняется это тем, что мы не знаем, чего хочет по отношению к нам Великая Заокеанская Республика.

Мы нередко слышим и читаем о тех лицах, котовые играют руководящую роль в организации АРА, и эти имена как раз связываются с наиболее враждебными выступлениями против нас. Мы читаем, наприм., в газетах, что Врангель получил новую субсидию из влиятельных американских сфер, и кое-кто пытается эти «сферы» связать с теми сферами, которые прикосновенны к АРА (мы, правда, это различаем: не в самой АРА, а только «прикосновенны»). Мы хотим верить, что это не так. И мы глубоко заинтересованы в том, чтобы руководящие круги Американской Республики создали в этом вопросе полную и безусловную ясность. Для нас будет большим праздником тот день, когда в Вашингтоне и Нью-Йорке будет ясно сказано, что с них довольно опыта Вильсона—Колчака, что отныне они ни материально, ни морально не поддержат врагов русских рабочих и крестьян; и тогда роль АРА—огромная, великодушная роль—предстанет перед ними в полном своем величии. Тогда, наконец, отношение трудящихся масс будет не только отношением благодарности, но и станет отношением пламенного горячего чувства...

Могут сказать, что, оценивая таким образом обстановку, я отождествляю позицию советского правительства с позицией народа. Да, отождествляю и делаю это вполне сознательно,—и пока этого не поймут в Вашингтоне и Нью-Йорке, они ничего не поймут в судьбах русского народа. Наша революция пробудила и изощрила государственный инстинкт русского народа. Он уже из окружающей среды впитывает в себя политические внушения и делает выводы; он чувствует, что двойственность, которая как-то складывается в наших отношениях с АРА в той обстановке, которая сейчас существует, таит опасность...

Опасность есть.

Если шатание в вопросе о Генуэзской конференции поставило столько вопросов наших по отношению к другим государствам, то надо в первую очередь обратить внимание нашего народа на то, что делается сейчас в Париже, где произведен вполне определенный законченный маневр по отношению к нам. Эта наибольшая угроза Закавказью. Там на Кавказе существует опасность; там идет борьба за лже-демократические лозунги, захватывающая заинтересованные стороны,—которые, распевая Интернационал, играют роль агитационной пристяжки у коренника—английского нефтепромышленника.

Опасность есть, но ее не надо преувеличивать, потому что мы знаем состояние наших врагов. Мы знакомы с внутренним положением Англии, мы знаем, как обстоит у нее дело с Ирландией, мы осведомлены о собы-

тиях в Индии. Мы знаем положение Франции, от нас не тайна— ее замыслы, ее работа,—и мы ежедневно убеждаемся, что ни одна страна не шла с такой уверенностью к своей катастрофе, с какой идет Франция. Мы знаем и силы наших врагов: они создали единый фронт, начиная с Эстляндии, Латвии и доведя его до Черного моря,—и еще другой фронт должен пройти по Кавказу.

И мы предупреждаем трудящиеся массы и Красную Армию нашей страны, что опасность есть. Эта опасность меньше, чем была в 1919 г., но тем не менее она есть, а мы сильнее, чем были в 1919 году.

Наряду с этим производится, сплетается в некоторый определенный узел и контр-революция. Мы уже наблюдали, что в Петрограде производились взрывы, поджоги, идет подготовка к взрывам мостов, складов; но мы должны все же сказать, что контр-революционное движение перестало быть сколько-нибудь массовым: оно все теснее и теснее входит в русло подпольных организаций и выражается в налетах отдельных банд. Перейдя на положение мира, мы провели целый ряд мер, которые свидетельствуют о нашем твердом желании мира и мировой работы; мы сократили армию на третью часть и продолжаем это сокращение; мы упразднили Всероссийскую чрезвычайную комиссию и сократили полномочия органов борьбы с контр-революцией до последней степени. Там, за границей, меньшевики и эс-эры шутят шутки, будто мы «переименовываемся и причесываемся» к Генуэзской конференции. На самом деле—ничего подобного. Если гражданская война исчерпала себя, и мы завоевали для себя возможность мирных отношений, то само собой разумеется, что мы должны были перейти к другим формам. Если дела, которыми мы были так сильно заинтересованы раньше, мало-по-малу разрешаются, число их сокращается, и, наконец, они полностью переходят в архив,—то это значит, что мы считаем такое положение для себя необходимым. Мы должны сказать промышленникам, кулакам, купцам, торговцам: «Если вы больше не будете спускать своих цепных собак, которых вы подкупаете, если вы не будете мешать нашей мирной работе, то у нас будет мир. А раз вы зовете нас на мирные переговоры в Геную, то значит и вы сами хотите, вместе с нами, этого мира? Если вы нам дадите мир извне, то внутри у нас мир будет обеспечен,— и чрезвычайные меры революционного террора нам не нужны будут»... Революционный террор необходим, когда вынужден обстановкой, но если создаются и упрочиваются мирные условия, оружие террора слагается в арсенал, создается устойчивое советское право, вполне обеспечивающее сотрудничество наше с буржуазным миром. Но если эти господа захотят сделать еще раз—эн плюс первую попытку прощупать нашу устойчивость и прочность, если они снова спустят на нас савинковцев, петлюровцев, Скоропадского, армянских дашнаков, грузинских меньшевиков, эс-эров, бомбистов и прочих, и все это будет финансироваться из источников французской или американской биржи, то это будет означать следующее: капиталисти-

ческий мир, убедившись в том, что мы хотим с ним, главным образом, мира, убедившись в этом не из слов, а из фактов, все же пришел к выводу, что ему сношения с нами не по плечу, что он слишком слаб, чтобы сноситься с нами на поле хозяйства на равных началах. Но, если он, придя к этому самоубийственному выводу, вздумает выбросить на нас своих цепных собак, начиная от помещиков, чиновников и капиталистов и кончая бомбистами так наз. «левого» толка, Советское правительство в целом скажет: «Орудия и оружие красного террора рано еще сдавать в арсенал».

Товарищи, если враги наши захотят испробовать упругость нашей воли и крепость наших мышц, они найдут нас такими же, какими мы были в октябре 1917 г. Когда мы, ошельмованная, оклеветанная и нелегальная партия, из подполья Керенского выползли наверх, тогда весь мир встал против нас... Одни считали нас продажными агентами, другие— убийцами, но все были против нас... Теперь положение немножко другое. И, однако, от нас кто-то, лишенный всякого смысла, хочет потребовать, чтобы мы распустили не более и не менее, как Коммунистический Интернационал —распустить французскую, германскую коммунистические партии, распустить авангард всего мира! Нет, мы его не распустим. Мы, товарищи, оцениваем обстановку трезво, реально; мы предпримем все, что возможно, чтобы не иметь ни одного лишнего врага,—с Финляндией договориться во что бы то ни стало, с Эстонией, Латвией объясниться, дела с Польшей попытаться уладить, с Румынией—еще раз взять себя в руки и найти путь к соглашению. Мы ничего не упустим из виду; мы знаем, что эти страхи, которыми нас пугают, являются в значительной мере отражением тех опасностей, которых они сами пугаются, ибо положение Европы тяжело. И тем не менее мы не скрываем от вас, что ближайшие месяцы будут для нас месяцами нового испытания; тяжкая весна, голод, сокращение продовольственных рессурсов, шатание умов буржуазных классов Европы, оживление бандитизма, белогвардейщины. Возможное оживление внутренних заговоров,—создание против нас единого фронта от Ник. Ник. Романова и до Чернова. На этот единый фронт мы, как всегда, ответим единым фронтом у себя. У нас не должно быть ни шатания, ни колебаний, ни кружковых происков, ни внесения разлада в нашу работу, в среду. В эти ответственные недели и месяцы—полное единство пролетарского авангарда с широкими рабочими массами, полное единство республики с миллионами крестьян, полное единство рабочих и крестьян с их вооруженным отрядом— Красной Армией.

Пока существует этот наш единый фронт, мы не боимся никакого фронта, питаемого контр-революцией. Мы скажем: «В Геную, так в Геную... Мы, с своей стороны, все сделали. Но, если вы хотите снова меряться с нами на полях сражений, то Красная Армия выполнит свой долг».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. VIII Всероссийский С'езд Советов происходил с 22 по 29 декабря 1920 года. С докладом о внешней и внутренней политике выступал тов. Ленин. В порядке дня стояли вопросы об электрофикации (доклад тов. Кржижановского), о положении промышленности и мерах к ее восстановлению (доклад тов. Рыкова) о транспорте (доклад тов. Троцкого).

2. Сообщение о сокращении армии было утверждено VIII С'ездом.

3. Постановление о переходе к милиционной системе было вынесено IX С'ездом РКП, (см. прим. 40 к книге второй II-го тома стр. 454), но практически в жизнь не проводилось, в виду того что весною 1920 года началась война с Польшей, а ликвидация Южного фронта затянулась до конца 1920 года. Вопрос о милиционной системе встал вновь перед X-м С'ездом РКП. Началась дискуссия по этому вопросу, в которой принимали участие видные военные работники, т.т. Смилга, Фрунзе, Тухачевский и др., которые выступили с тезисами о милиционной системе. X-й С'езд РКП, происходивший во время кронштадтских событий, признал, что переход к милиционной системе целиком зависит от международной и внутренней обстановки, от продолжительности передышки, взаимоотношений города и деревни и пр. Он признал также, что агитация некоторых товарищей за фактическую ликвидацию нынешней Красной армии и немедленный переход к милиции является неправильной и опасной для настоящего момента Возможность частичных милиционных формирований С'езд счел необходимым допустить лишь по отношению к районам с наиболее сплоченным пролетарским населением (Петроград, Москва, Урал). Публикуемая речь на совещании в Екатеринбурге относится к периоду дискуссии перед с'ездом.

4. Жан Жорес. «Новая армия». (L'armée nouvelle).

5. Окончательное сформирование высших органов военного командования в Республике относится к концу 1918 года, когда после утверждения Реввоенсовета Республики были налицо: Полевой Штаб в качестве оперативного органа, ведавшего непосредственно руководством военных действий и Всероссийский Главный Штаб, обслуживавший весь тыл Красной армии и об'единявший в своем подчинении все внутренние округа Республики. Такая схема организации высшего аппарата управления армией сохранилась до окончания гражданской войны и лишь в декабре 1920 года назрел вопрос об об'единении, сокращении и упрощении аппарата управления армией. Приказом РВСР от 10/2 1921 года за № 33641 было произведено слияние двух названных штабов, путем переформирования их в единый «Штаб Рабоче-Крестьянской Красной Армии».

6. В сентябре 1921 года происходили маневры войск Киевского военного округа на украинском Правобережии. Разбор этих маневров происходил в районе станции Котюжаны, которое находится на линии Жмеринка — Могилев-Подольский. Помещаемая речь была издана отдельной брошюрой поездом Предреввоенсовета.

7. О Кронштадтском мятеже см. ниже примечание 40.

Тамбовский мятеж явился одной из попыток эсеро-кадетских групп взорвать Советскую власть изнутри, Бандитское движение в Тамбовщине возглавлял член партии с. р. Антонов (в 1918 году Начальник милиции Кирсановского уезда). Движение

это началось в августе 1920 года, при чем бандиты оперировали в нескольких группах по 150—200 человек. Выступали они с лозунгами Учредительного Собрания, создания союза трудового крестьянства, уничтожения коммунистов и т. д. До конца 1920 года в трех южных губерниях Тамбовской губернии Советская власть была совершенно ликвидирована и организованы повсеместно союзы трудового крестьянства. В начале 1921 года рост бандитских формирований был настолько силен (в то время их было до 25 тыс.), что они безнаказанно производили нападения на крупные села (Разсказово и др.), грабили Совхозы, разрушали средства связи и пути сообщения, а наши слабо организованныя части не могли вести с ними активной борьбы. Только с апреля 1921 года Советское Правительство и Главное Командование обратило должное внимание на борьбу с бандитизмом в Тамбовщине. Энергичная политработа, насаждение ревкомов, борьба за расслоение крестьянства все это соединилось с решительными мерами по подавлению живых сил бандитов. В середине июня был нанесен Антонову решительный удар; мобилизованные бандитами крестьяне начали целыми группами переходить на нашу сторону. Бандитизм к концу 1921 года был ликвидирован. (См. Схему № 1).

8. 18. сентября 1921 г. Польша пред'явила РСФСР ультиматум, содержащий в себе целый ряд требований, в связи с выполнением обязательств Рижского договора—возврата военнопленных, освобождения заложников, уплаты взносов и пр.—с угрозой в случае невыполнения их до 1 октября 1921 года отозвать польского представителя из Москвы.

9. 22 октября б. австро-венгерский император Карл прибыл в Венгрию и двинулся со своими сторонниками на Будапешт с целью совершить монархический переворот. Попытка его окончилась неудачей. Через несколько дней в сражении с войсками венгерского правительства под Будапештом карлисты были разбиты, и Карл был взят в плен.

10. Начало новой экономической политике было положено X С'ездом РКП, на котором 15 марта 1921 года в связи с докладом тов. Ленина, было принято постановление о замене продовольственной разверстки натуральным налогом.

11. Французская революция 1789 года побудила соседние с Францией государства, опасавшиеся распространения революции в Европе, об'единиться для военных действий против революционной Франции. 20 апреля 1792 года началась война между Францией и Австрией, к которой примкнула Пруссия, а затем германские государства, Испания, Сардиния и Неаполь. В результате этих войн, из которых Франция вышла победительницей, к 1798 году Франция образовала ряд самостоятельных, но находящихся под ее влиянием республик, — Батавскую (Голландия), Цизальпинскую (Ломбардия), Римскую (Партенопейскую) Неаполь, Лигурийскую (Генуя), Гельветическую (Швейцария).

12. 1-го ноября в Академии Генштаба состоялась дискусия об единой военной доктрине. См. речь тов. Троцкого на этой дискусии во второй книге III тома, в отделе «Военно-теоретические вопросы».

13. Окончание гражданской войны и уточнение мирной дислокации войск поставило вопрос о большей связи между частями Красной армии с местными советскими, партийными и профессиональными организациями. Ряд городов и районов в конце 1920 года из'явили желание взять на себя непосредственные заботы о дивизиях, расположенных в соответствующих районах, или особо отличившихся.

Таким образом, возникла идея «шефства». Реввоенсовет Республики, идя навстречу этому желанию постановил (приказ № 2797559) приписать ряд дивизий к разным городам и районам, присвоив им название этих городов. Первым были приписаны: 7 стрелковая дивизия к гор. Владимиру, 46 стрелковая дивизия к гор. Екатеринославу, 52 стрелковая дивизия к гор. Екатеринбургу, 26 стрелковая дивизия к гор. Златоусту, 51 и 56 стрелковые дивизии к Москве, 11 и 12 стрелковые дивизии к Петро-

граду и т. д. Подтверждение этой приписки и установление «шефства» имеется и в постановлении ВЦИК'а 17 ноября 1921 года. В период особенно тяжелого материального положения частей Красной армии, при восстановлении казарм, для устройства минимального уюта в помещениях—шефы проделали большую и ценную работу в Красной армии.

14. См. на стр. 164 приказ РВСР за № 2252 от 11 октября 1921 г. о неделе заботы о достоянии красноармейца.

15. Вторая Конференция Ком'ячеек Высших Военно-Учебных Заведений происходила с 10 по 12-ое декабря 1921 года. Кроме помещаемого заключительного слова тов. Троцкий сделал на этой конференции доклад, стенограммы которого, к сожалению, не сохранилось. Привожу отрывок отчета о нем помещенного в журнале «Красная Армия» № 9 за 1920 год. «ПредРВСР суммировал доклады с мест, указав, что командованием будут сделаны немедленно реальные шаги в сторону улучшения материального положения В.В.-У.З. Как одну из мер для улучшения быта В.В.-У.З. он предложил приписку последних к Петроградскому и Московскому Советам. Признавая необходимость реорганизации Высшей Военной школы, тов. Троцкий остановился на некоторых тенденциях, имеющих место по вопросу о комплектовании В.В.-УЗ. Здесь им была подчеркнута та мысль, что двери военной школы открыты для всех преданных революции командиров, в том числе и беспартийных, доказавших на деле свою преданность советской власти». По вопросу о приеме беспартийных в Высшие Военно-Учебные заведения (см. на стр. 175) «Военные Академии и беспартийные».

16. Статья «Военная доктрина или мнимо-военное доктринерство» в № 19 «Коммунистического Интернационала» и в № 2 «Военная Наука и революция» за 1921 г. См. эту статью во 2-ой книге III тома в отделе «Военно-теоретические вопросы».

17. О создании Международного генерального штаба см. книгу Тухачевского «Война классов» Госиздат. Москва, 1921 г. на стр. 59.

18. А. И. Верховский «Задачи В.У.З. в свете опыта войны». Приложение к № 19 журнала «Военное Знание» за 1921 год.

19. Речь идет о Вашингтонской конференции по морскому разоружению, происходившей в ноябре—декабре 1921 года, в которой принимали участие Соединенные штаты Сев. Америки, Англия, Франция, Япония, Италия, и др. На заседаниях конференции 21 и 27 ноября представитель Франции, Бриан, коснувшись русского вопроса, обвинял Россию в милитаризме, указывая на то, что Советская Россия готова в любой момент совершить нападение на Польшу, и что Красная Армия фактически насчитывает шесть миллионов человек и составляет угрозу миру в Европе.

20. Декларация о признании военных долгов была сделана 28 октября 1921 года. В ноте, адресованной правительствам Великобритании, Франции, Италии и Соединенным Штатам С. Америки, Наркоминдел тов. Чичерин заявил, что Советское правительство готово признать за собою обязательства перед другими государствами и их гражданами по государственным займам, заключенным царским правительством до 1914 года, при предоставлении льготных условий, обеспечивающих ему практическую возможность выполнения этих обязательств.

21. IX С'езд Советов происходил с 22 по 27-ое декабря 1921 г. Помещаемая статья с приложением постановлений совещания военных делегатов издана отдельной брошюрой в издательстве В.В.Р.С. (Госиздат) в 1922 г.

22. Текст торжественного обещания см. в I томе стр. 125.

23. XI С'езд РКП происходил с 27 марта по 2-ое апреля 1922 года. Во время С'езда происходило совещание военных делегатов, которое вынесло ряд постановлений по вопросу о Красной Армии. В резолюции, принятой С'ездом в связи с постановлениями совещания военных делегатов указывается на необходимость установления твер-

дой численности армии на 1922 год, установления твердого бюджета, приведенного в соответствие с численностью армии и потребностями военной техники, и решительного сокращения внешних нарядов, ложащихся на армию чрезмерным бременем. С'езд подтвердил также необходимость мобилизации коммунистов 1899, 1900 и 1901 г.г.

24. В начале 1922 года после произведенной демобилизации старших возрастов из Красной армии назрела необходимость пополнить ее ряды коммунистами и комсомольцами. В связи с этим и был произведен частичный призыв коммунистов и кандидатов РКП, родившихся в 1899, 1900 и 1901 г. В результате этого призыва было принято в армию около 20 т. человек.

25. На совещании военных делегатов С'езда 1-го апреля 1922 г. происходили прения по вопросу об единой военной доктрине. Инициатива дискуссии принадлежала т.т. Фрунзе, Ворошилову и Гусеву. Доклад делал тов. Троцкий. (См. во 2-ой книге III тома отдел «Военно-теоретические вопросы»), содокладчиком выступал тов. Фрунзе.

26. Пятый Всероссийский С'езд РКСМ происходил с 11 по 18 октября 1922 года. Помещаемая речь опубликована в книге речей и статей о молодежи тов. Троцкого «Поколение Октября», издание «Молодая гвардия» Москва, 1924 г.

27. Речь эта была произнесена в Московском Большом театре, где обыкновенно происходят С'езды Советов и торжественные заседания.

28. Эстония была первым государством, заключившим мирный договор с РСФСР. Мир был подписан 2-го февраля 1920 года в гор. Юрьеве, а ратифицирован ВЦИК'ом 4-го февраля 1920 года. В условие мира входила уплата РСФСР Эстонии 15 миллионов рублей золотом. Следующим государством, заключившим мир была Литва. Мир был подписан в Москве 12-го июля 1920 года, ратифицирован ВЦИК'ом 9 сентября 1920 года. РСФСР уплатила Литве 3 миллиона рублей золотом. Латвия заключила мир с РСФСР в Риге 11-го августа 1920 года, ратифицированный ВЦИК'ом 9-го сентября 1920 года. В счет имеющих быть возвращенными в Латвию ценностей, было уплачено авансом 4 миллиона рублей золотом.

29. Помещаемая статья «Перспективы и задачи военного строительства» вместе со статьей «Орудие будущего» (см. во 2-ой книге III тома главу «Строительство воздушного флота») издана отдельной брошюрой ВВРС, Москва, 1923 г. под заглавием «Перспективы и задачи военного строительства».

30. Имеется в виду известный ультиматум Керзона от 8 мая 1923 г.

31. XII С'езд РКП происходил с 17 по 25 апреля 1923 года.

32. Киевский Военный Трибунал, принимая во внимание смягчающие обстоятельства и чистосердечное раскаяние, об'явил Козлову строгий выговор и постановил обратится в Наркомюст с просьбой издать особое распоряжение об усилении наказания за невыполнение правил устава гарнизонной службы по отношению к часовому. Приговор Реввоентрибунала КВО был опубликован в приказе ПредРВСР за № 266, 28 сентября 1921 года.

33. Приказ РВСР № 2915 от 28 декабря 1921 года устанавливал правила по организации борьбы с неграмотностью. В этом приказе, между прочим, предписывалось выделять неграмотных в особые школьные роты и эскадроны. К нему приложено также положение об общеобразовательных школах Красной Армии и Флоте РСФСР.

Пункт 3, на который ссылается приказ № 515, гласит следующее: «В помощь заведующему командой, помимо учителей, положенных по штату и приглашаемых со стороны сверх штата, назначить для исполнения обязанностей командиров взводов и отделений особый состав преподавателей из командного состава части как высшего так и низшего, или хорошо грамотных и уже прошедших курс обучения красноармейцев, с таким расчетом, чтобы на одного обучающегося приходилось не менее 10 человек неграмотных».

34. Сборник «Образцовый отделенный» выпущен не был, в виду того, что представленные на эту тему работы не удовлетворили пред'явленным требованиям.

35. На тему «Как победить» ранее написана была т. Удзровым брошюра под этим же названием, изданная на Запфронте и переизданная в переработанном виде ВВРС. Брошюра эта не удовлетворяла требованиям, поставленным тов. Троцким. Самим тов. Троцким на эту тему написана «Красная памятка для воинов РККА и флота» (изд. ГВИЗ 1924 г.).

36. VI дивизия, получившая впоследствии наименование дивизии имени Киквидзе, была сформирована 16-го мая 1918 года под руководством тов. Киквидзе. Эта дивизия совершила много боевых подвигов. Она сражалась против Петлюры, немцев и против войск Краснова. Начдив. тов. Киквидзе был убит 11-го января 1919 года под хутором Зубриловым, Донской обл. С этого времени дивизия в честь своего начальника стала именоваться дивизией имени Киквидзе. После смерти тов. Киквидзе дивизия продолжала с успехом участвовать в боях на Южном фронте. Во время наступления Деникина дивизия сохранила свою боевую силу. В боях осенью 1919 года она разбила крупные части противника под Давыдовкой, Луганском, Лисками и др. Зимой 1920 года сражалась с противником по Батайском и Ольгинской. 2-го марта дивизия захватила Батайск. При отступлении Деникина бригада 16-ой дивизии первая вступила в Новороссийск, за что была награждена орденом Красного Знамени. В мае 1920 года дивизия была переброшена на Западный фронт, участвовала в прорыве польского фронта в июле 1920 года и в походе на Варшаву. Мир с Польшей застал дивизию в районе Минска.

37. Допризыв граждан родившихся в 1901 году, начался 5 сентября 1922 года и в массе своей закончился к 1 ноября 1922 года. Этот призыв был первым в условиях мирного времени. Несмотря на значительные организационные затруднения, призыв этот прошел с большим успехом и цифра призванных по всей Республике оказалась выше предположенной Штабом РККА.

38. Положение в Приморской области после поражения Колчака и эвакуации Сибири иностранными войсками представляется в кратких чертах в следующем виде:

К весне 1920 года красные партизаны заняли почти всю территорию русского Дальнего Востока, за исключением Забайкалья, где шла борьба с Семеновым. В Приморской Области образовалось Приморское правительство. Японцы, которые не желали выпускать из своих рук Приморскую Область, в ночь с 4 на 5 апреля 1920 года одновременно захватили Владивосток, Хабаровск и ряд других пунктов. После этого они пред'явили Приморскому правительству ультиматум, требовавший вывода русских войск, захваченных японцами, и установления 30-верстной нейтральной зоны между японскими и русскими войсками. В ноябре 1920 года собравшаяся в Чите конференция областных правительств постановила образовать на всей территории Дальнего Востока до Владивостока включительно Дальне-Восточную Республику, организованную на демократических началах. В феврале 1921 года было созвано Учредительное Собрание, которое избрало правительство Д.В.Р. Япония в это время продолжала поддерживать русских белогвардейцев Семенова, Каппеля и др. В конце мая 1921 года при поддержке японцев во Владивостоке образовалось правительство Меркулова. В июле 1921 года Япония предложила Д.В.Р. вступить в мирные переговоры. На конференции, состоявшейся в Дайрене в августе 1921 года, Япония пред'явила ДВР совершенно невыполнимые семнадцать требований, которые были отвергнуты делегацией ДВР. Переговоры тянулись очень долго. Вашингтонская конференция заставила японскую делегацию пойти сначала на некоторые уступки, но после окончания Вашингтонской конференции она пред'явила ряд новых требований по вопросам, по которым уже было достигнуто соглашение, и отказывалась указать срок эвакуации японских войск из Приморья. 16-го апреля 1922 года мирные переговоры

были прерваны. В ноте от 19 июля японское правительство заявило о готовности возобновить переговоры и произвести эвакуацию японских войск из Приморской области не позднее 1-го ноября 1922 года. Конференция с участием представителей Советской России открылась в Чан-Чуне 4-го сентября 1922 года. В Чан-Чуне Япония отказалась исполнить требование об эвакуации северной части Сахалина, и переговоры были опять прерваны. Неудача Чан-Чунской конференции усилила движение в самой Японии за эвакуацию Дальнего Востока. Японское министерство иностранных дел опубликовало декларацию о том, что эвакуация будет произведена до конца октября, несмотря на разрыв переговоров. Однако, японское военное командование медлило выполнить приказ об эвакуации. В середине октября войска народно-революционной армии под руководством тов. Уборевича разгромили белогвардейскую армию Дитерихса и заняли станцию Океанскую. 19-го октября в 9-ти верстах от Владивостока народно-революционная армия встретилась с японскими войсками. Тов. Уборевич предложил японскому командованию войти в переговоры об организованной сдаче города. В ответ на это японское командование, под угрозой возобновления военных действий заставило отойти народно-революционную армию к станции Угольной. Одновременно и японское министерство иностранных дел пригрозило приостановлением эвакуации в случае дальнейшего наступления народно-революционной армии. В это время во Владивостоке белые производили грабеж города и вывозили ценное имущество в иностранные порты и Манчжурию. По этому поводу тов. Чичериным и министром иностранных дел ДВР тов. Янсоном был послан протест японскому правительству. К 25 октября японские войска очистили Владивосток, и в город вступили войска ДВР. (См. схемы № 2 и № 6).

39. В приказе Главкома № 25, (он ошибочно поименован в тексте как № 25) от 25 сентября 1922 года излагалась программа занятий частей Красной армии на зимний период 1922 года. В этом приказе уделялось много внимания ликвидации неграмотности. К делу обучения грамотности и к школьным занятиям предлагалось привлечь командный и политический состав частей, а также вполне грамотных красноармейцев. К приказу прилагались и расписания занятий по ликвидации неграмотности в частях.

40. В приказе Главкома № 33 от 10 декабря 1922 года указывалось, что никакая школа не может выпустить командира с вполне законченной подготовкой. Войсковые части должны явиться прямым продолжением военной школы. В приказе отмечалась необходимость большего внимания к молодым краскомам со стороны строевого комсостава. «Недоброжелательство и недоверие подавляют энергию и убивают в зародыше те хорошие качества молодого краскома, которые могли бы быть широко развиты для пользы Красной армии, а критика полезна только тогда, когда она сопровождается обучением и воспитанием».

41. Волнения в Кронштадте начались 28 февраля 1921 года. 1-го марта в Кронштадте состоялся митинг, в котором принимали участие 12—14 тысяч красноармейцев, матросов и рабочих. На этом митинге присутствовали приехавший специально в Кронштадт Председатель ВЦИК тов. Калинин и комиссар Балтфлота тов. Кузьмин.

Под влиянием антикоммунистической агитации, была принята резолюция, предложенная матросом Петриченко с корабля «Петропавловск», содержавшая требования свободного переизбрания Советов, легализации социалистических партий и анархистов, упразднения Политотделов и Отрядов Особого Назначения, снятия заградительных отрядов, восстановления свободной торговли и освобождения политических заключенных.

2-го марта, на собрании делегатов от всех частей был образован Революционный Комитет под председательством Петриченко, захвативший власть в городе. Этот день можно считать началом открытого мятежа.

Положение мятежников, овладевших первоклассной морской крепостью, занимающей подступы к Ленинграду военными судами, было очень благоприятное. Общее их число доходило до 15 тысяч; в их распоряжении была тяжелая артиллерия.

пулеметы, бомбометы и пр. Основную массу их составляли матросы; сухопутный гарнизон и население держались пассивно.

Красное командование было застигнуто мятежом врасплох и первое время также держалось выжидательно, рассчитывая на перелом в настроении мятежников. В течение нескольких дней не было активных действий ни с одной стороны.

Положение изменилось с приездом в Ленинград около 13 час. 5-го марта тов. Троцкого, в сопровождении т.т. С. С. Каменева, Лебедева и Тухачевского В 14 час. того-же дня было выпущено обращение к «гарнизону и населению Кронштадта и мятежных фортов» с категорическим требованием немедленно сложить оружие. Командармом войск, действующих против Кронштадта, был назначен тов. Тухачевский, которому ПредРВСР приказал в кратчайший срок подавить восстание.

8-го марта в 5 час. началась общая атака Кронштадта. Наступление велось двумя группами: южной — в направлении Ораниенбаум — Кронштадт и северной — в направлении Сестрорецк—Кронштадт. Наступление южной группы окончилось неудачей: часть войск перешла на сторону мятежников, другая, часть, в которую входили полк Особого назначения и курсанты, ворвалась в город, но отступила под давлением численного превосходства мятежников. Точно также окончилось неудачей наступление северной группы.

С 9-го по 16 марта боевые действия не производились. В то-же время красным командованием были приняты решительные меры к усилению войск новыми частями-коммунистическими отрядами и курсантами. Кроме того были усилены тяжелая артиллерия и инженерные войска. С Х-го С'езда РКП прибыло 300 делегатов, которые вступили в ряды войск. В частях велась усиленная политическая работа.

Со своей стороны мятежники увеличили свои войска за счет перебежчиков и населения. 16-го марта у них насчитывалось 16.500 штыков.

15 марта был отдан приказ стремительным штурмом в ночь с 16-го на 17-е марта овладеть крепостью. После артиллерийской подготовки, начавшейся в 14 час. 16 марта, в ночь на 17-е началось наступление красных войск по льду на Кронштадт. После ожесточенного боя они ворвались в город, где начались уличные бои. Мятежники защищались отчаянно, их приходилось выбивать из отдельных зданий. После непрерывных боев к утру 18 марта весь город был занят красными войсками. К этому времени сдались дредноуты «Петропавловск» и «Севастополь». Часть мятежников бежала в Финляндию.

(См. дополнение к схеме № 1).

42. Неурожай 1921 года и возникший голод поразил следующие районы: Астраханскую, Царицынскую губернии, Коммуну области немцев Поволжья, Самарскую, Симбирскую губернии, Татреспублику, Чувашскую область, уезды Уфимской губернии, кантоны Марийской области, уезды Вятской губернии, Оренбургскую, Кустанайскую, Актюбинскую и Уфимскую губернии, Башреспублику и Калмыцкую область—с населением около 20 миллионов человек.

43. Верховный Совет Союзников, возникший после окончания Европейской войны, являлся органом Великих Держав победительниц, в задачи которого, входило разрешение вопросов, связанных с выполнением условий Версальского мира. В него входили представители Англии, Франции, Италии, Соединенных Штатов Северной Америки и Японии. В настоящее время Верховный Совет преобразован в Конференцию послов союзных держав.

44. Квакеры—религиозная секта, возникшая в Англии в XVII столетии.

45. Всероссийский Комитет помощи голодающим (Комитет Общественных деятелей) был образован 21 июля 1921 года. В него вошли Кишкин, Прокопович, Кускова, и др. общественные деятели. Комитет был распущен в конце августа. В правительственном сообщении о роспуске комитета указывается на то, что контр-революционные круги эмиграции имели в виду использовать Комитет для борьбы с Советской властью. Желая охранить деловую работу Комитета правительство пред-

ложило отложить предполагавшуюся поездку делегации Комитета за границу. Комитет настаивал на своем решении послать заграничную делегацию и заявил, что в случае отказа, принужден будет прекратить свою деятельность, после чего был распущен.

46. Барон Унгерн фон Штенберг явился одним из последних руководителей белогвардейско-офицерского бандитизма на Востоке. При содействии атамана Семенова, китайских и монгольских монархистов была организована армия (4—5000 сабель), в задачу которой входило овладение Монголией. В мае 1921 года Унгерн занял Ургу и повел наступление на территорию Дальне-Восточной Республики. В конце мая 1921 года войска монгольской революционной армии перешли в решительное наступление и 8/VIII после разгрома его частей, Унгерн с небольшим количеством своих «телохранителей» пытался бежать в Западную Монголию. В конце августа он был захвачен частями народно-революционной армии Монголии (см. схему № 2). 15/IX 1921 года состоялся публичный суд над Унгерном и он был приговорен к высшей мере наказания и, расстрелян.

47. Гувер, американский министр торговли и промышленности, предложил содействие своей организации в деле помощи голодающим. Переговоры с Американской Администрацией помощи (АРА) закончились 20 августа 1921 года в Риге подписанием договора об оказании помощи голодающим.

48. Об этом подробнее см. на стр. 265, приказ Председателя РВСР от 18 сентября 1921 года за № 265.

49. В сообщении Нар. Ком. по иностранным делам (Известия ВЦИК от 15 сентября 1921 года) указывается, что НКИД располагает точными сведениями, о том, что в течение последних недель французским правительством предприняты шаги к тому, чтобы вовлечь Польшу и Румынию в войну с Россией. Во французской ноте Польше от 3 сентября высказывается мысль, что голод создает удобные условия для того, чтобы Польша и Румыния пред'явили России максимальные требования в ультимативной форме, угрожая в случае неисполнения военными действиями.

50. О польском ультиматуме см. ниже, примечание 8. В ответной ноте Наркоминдела от 22 сентября на польский ультиматум от 18 сентября было указано на неприемлемость ультимативного характера польской ноты и выставлен ряд встречных требований—о высылке русских контр-революционеров из Польши и прекращения поддержки, оказываемой Польшей организации банд, при чем НКИД предлагал перенести срок исполнения требований с 1 октября на 5 октября.

51. В ноте НКИД, обращенной к державам Антанты, тов. Чичерин указывает, что в назначении во главе международной комиссии помощи голодающим Нуланса, участвовавшего в заговорах против Советской власти, и в решении этой комиссии вместо немедленной помощи голодающим заняться собиранием сведений о состоянии России, Советское правительство усматривает неслыханное издевательство над миллионами умирающих от голода.

52. О банде Тютюнника см. ниже, примечание 61.

53. Об общем положении в Приморьи см. выше, примечание 38. Наступление каппелевцев было организовано при всемерной поддержке Японии которая создала «приморский буфер» — правительство Меркулова. В конце ноября 1921 года каппелевские банды при поддержке японских бронепоездов и артиллерии повели наступление вдоль Уссурийской железной дороги и, оттеснив малочисленные части народно-революционной армии ДВР, 22 декабря заняли Хабаровск. В течение всего января 1922 года шла упорная борьба за Инские укрепления позиции; удержав последние, части народно-революционной армии перешли в наступление и 14/II Хабаровск был вновь занят красными частями. Дальнейший ход событий до занятия Владивостока можно проследить по примечанию 38 (см. схему № 6).

54. Уже осенью 1921 года в отдельных деревнях бездорожной Карелии началась усиленная агитация за отделение ее от России и за союз

с Финляндией. В октябре 1921 года в Карелию с Финской территории проникли две банды белых по 70 человек; 19-го ноября пришлая банда взорвала мост Мурманской жел. дор.; одновременно обнаружились волнения в Ухтинской волости. Организованное с помощью финнов Карельское правительство, получая значительную материальную помощь пыталось мобилизацией крестьянства пополнить бандитские ряды. Буржуазное Финляндское правительство обратилось к Лиге Наций с просьбой признать самоопределение «восставших» карел и заставить Советскую Россию отказаться от борьбы с бандами в Карелии. Уже к началу января 1922 года части бело-карелл вместе с мелкими партизанскими отрядами достигли численности до 5.000. Командование белых получало непосредственные указания и обильную поддержку от руководителей Финских шуцкорских организаций.

К концу декабря 1921 года для ликвидации этого выступления в Карелии были сосредоточены части 10-й, 11-й и 56-й стрелковых дивизий. Холодный климат, сильно пересеченная местность, проходимая зимой только на лыжах, слабое знакомство с краем—все это сильно затрудняло наши действия.

Карельское крестьянство, испытав на своей шкуре грабежи и реквизиции белофиннов—целиком было на стороне красных. С середины января наши части перешли в общее наступление и быстро разбив бело-карелл, оттеснили их на территорию Финляндии.

55. IX С'езд Советов (22—27 декабря 1921 года) в принятой по докладу тов. Троцкого резолюции заявляет «о полной готовности трудящихся нести необходимые жертвы на содержание Красной Армии, и одобряет принимаемые правительством меры, направленные на улучшение продовольственного, квартирного, вещевого и санитарного положения красноармейцев, а также на повышение их денежных окладов». В резолюции указывается также на то, что правительственным органам вменяется в обязанность принять меры к созданию для руководящего состава армии таких условий существования, которые облегчали бы командирам и комиссарам выполнение их в высшей степени ответственной работы по обучению и воспитанию красной армии. С'езд одобрил систему приписки воинских частей к местным и центральным советским органам и признал подлежащими дальнейшему развитию меры военного ведомства, направленные к тому, чтобы установить в армии более правильные организованные взаимоотношения, более строгий учет воинского достояния, более бережливое и хозяйственное к нему отношение, повысить на ряду с политическою сознательностью, хозяйственность, опрятность и точность, как командного и комиссарского состава, так и каждого рядового бойца.

56. Доклад—«Фронтов нет, опасность есть» и помещенный ниже доклад «Весенние происки врагов» выпущены отдельными брошюрами в изд. В. В. Р. С. Москва 1922 г. См. схему № 3.

57. Речь идет о польском ультиматуме от 18 сентября, о нем смотр. в 8 и 50 примечаниях.

58. См. схему № 4.

59. См. в I томе 25 примечание.

60. Вследствие недоверия выраженного итальянским парламентом кабинету Бономи, последний в середине февраля вышел в отставку. Открытие Генуэзской конференции в связи с этим было перенесено с 8 марта на 10 апреля.

61. Петлюровский удар в октябре—ноябре 1921 года был организован при непосредственном содействии Польши и Румынии.

Уже с середины августа 1921 года в кругах Петлюры отмечалось значительное оживление. Центр его формирований и местопребывание штаба переносится из Польши в Румынию. Туда были сосредоточены интернированные украинские солдаты, сюда же направлялось вооружение, обмундирование и снаряжение. Все это делалось при явном содействии польского офицерства и генерального штаба. Командующим повстанческой Украинской армией был назначен Тютюнник, который во главе своих частей, в конце

октября 1921 года перешел на Украинскую территорию и поднял восстание в Овручском и Коростеньском уездах. Кулацкое население правобережной Украины поддержало бандитское выступление и Петлюра, перебравшись поближе к нашей границе, уже мечтал о возвращении на Украину Между тем наши части вели неотступное преследование отрядов Тютюнника и 17-го ноября ядро его банды было окружено и почти целиком уничтожено в районе Звиздпль (35 верст юг.-вост. Овруча). Сам Тютюнник с небольшой группой приближенных скрылся на территорию Польши.

62. Имеются в виду границы 1772 г. перед 1 разделом Польши, в котором принимали участие Россия, Австрия и Пруссия. Границы эти в России доходили почти до Киева и Смоленска. Треб вание восстановления Польши в этих границах было лозунгом польских националистов.

63. Муссаватисты—правая социал-демократическая мусульманская (тюрко-татарская) партия, которая стояла у власти в Азербейджане до установления советского строя. Во время Генуэзской конференции муссаватисты вместе с грузинскими меньшевиками вели на Западе кампанию против советизации Кавказа.

Предметный указатель

(главнейшие военные вопросы).

СОДЕРЖАНИЕ

Страи.

Кронштадтский мятеж.

Бандитизм и голод.

I. Речи, статьи.

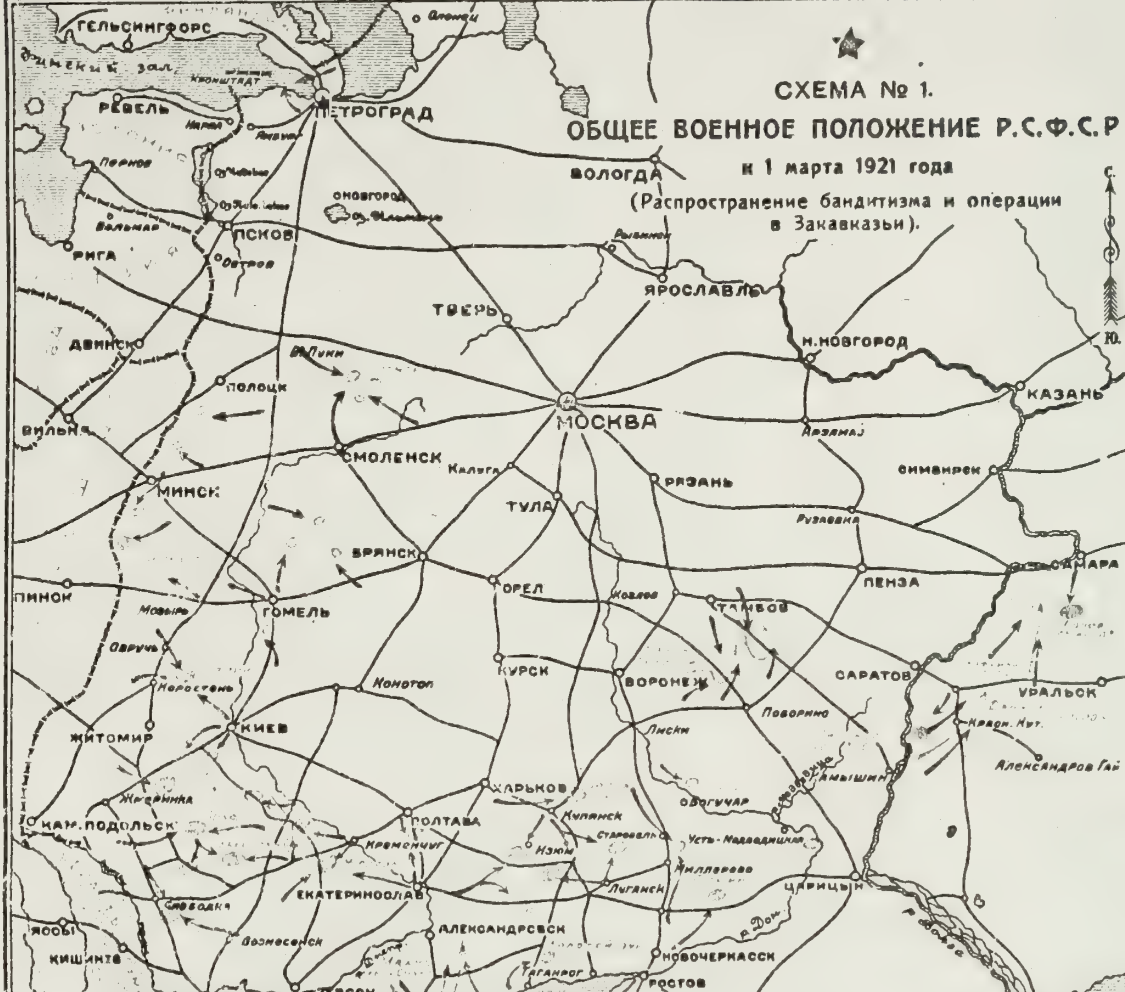
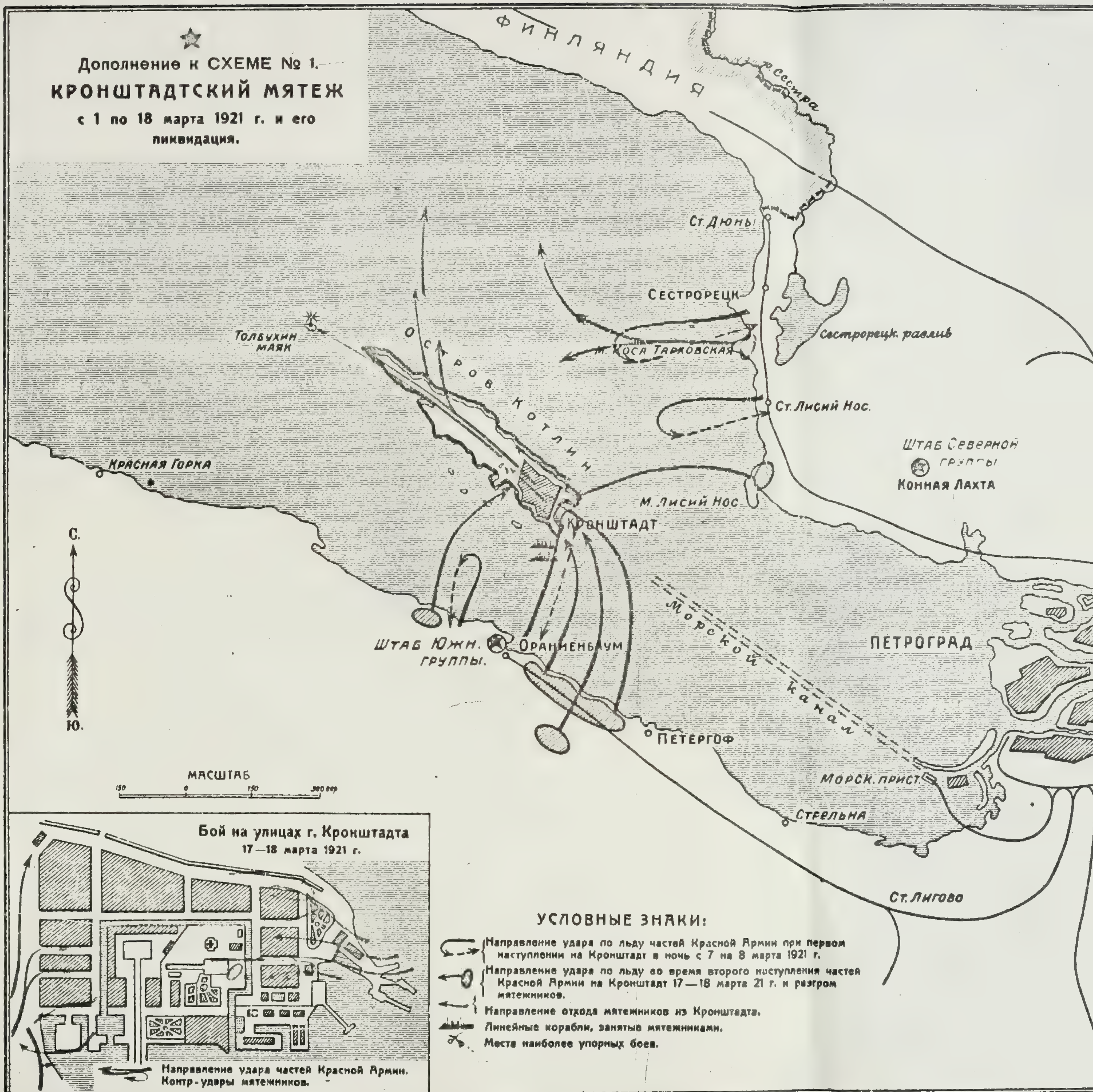

СХЕМА № 1.
ОБЩЕЕ ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ Р.С.Ф.С.Р к 1 марта 1921 года
(Распространение бандитизма и операции в Закавказьи).

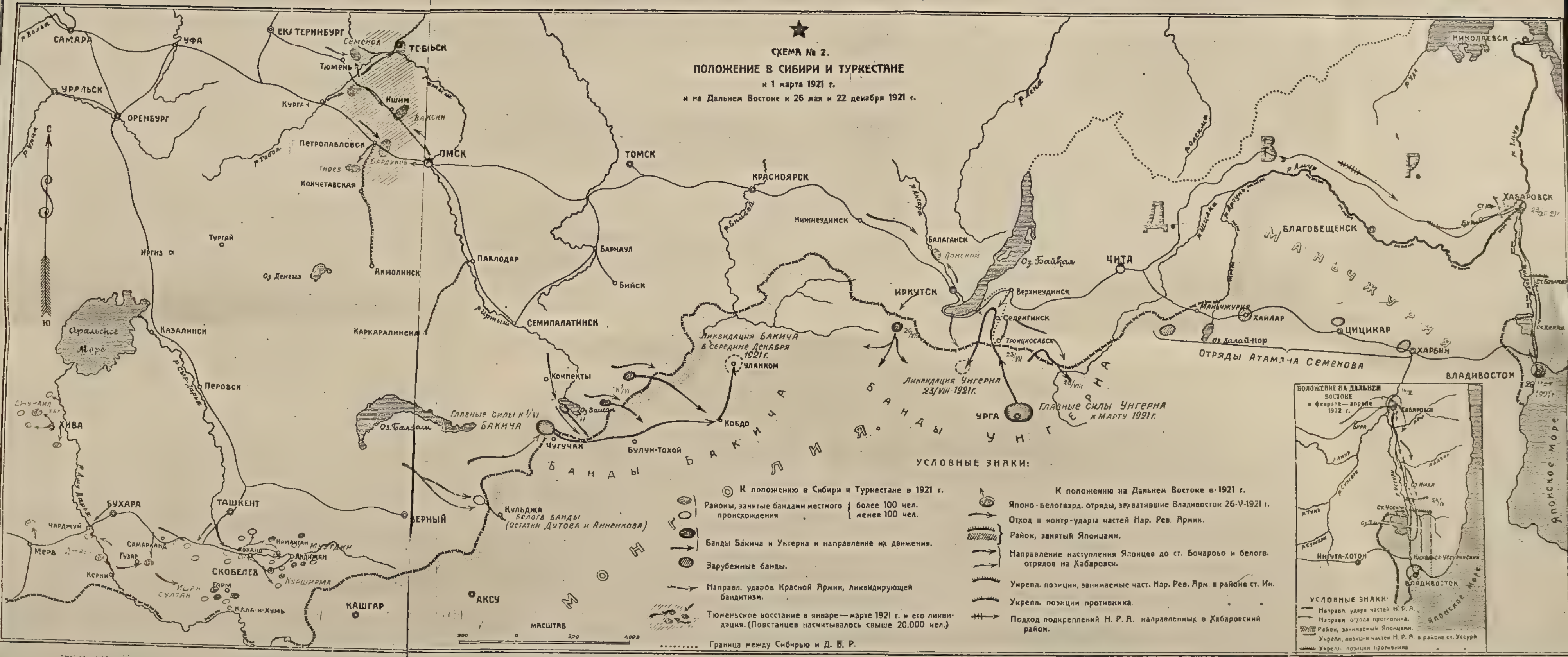
Ленинградск. гублит. 807. тир. 15000. эк.

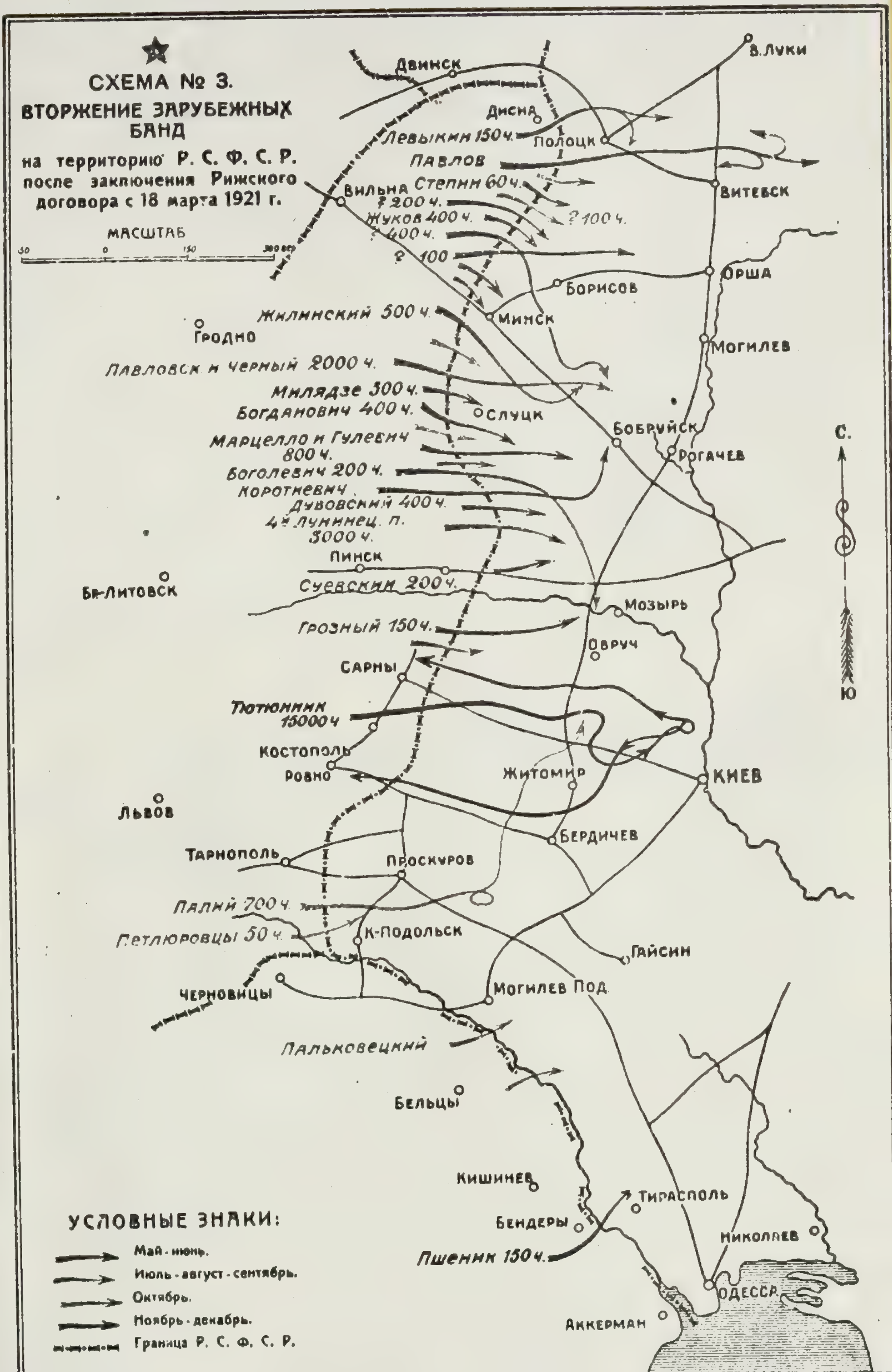
Госуд. тип. имени Ивана Федорова. Ленинград, Звенигор., 11

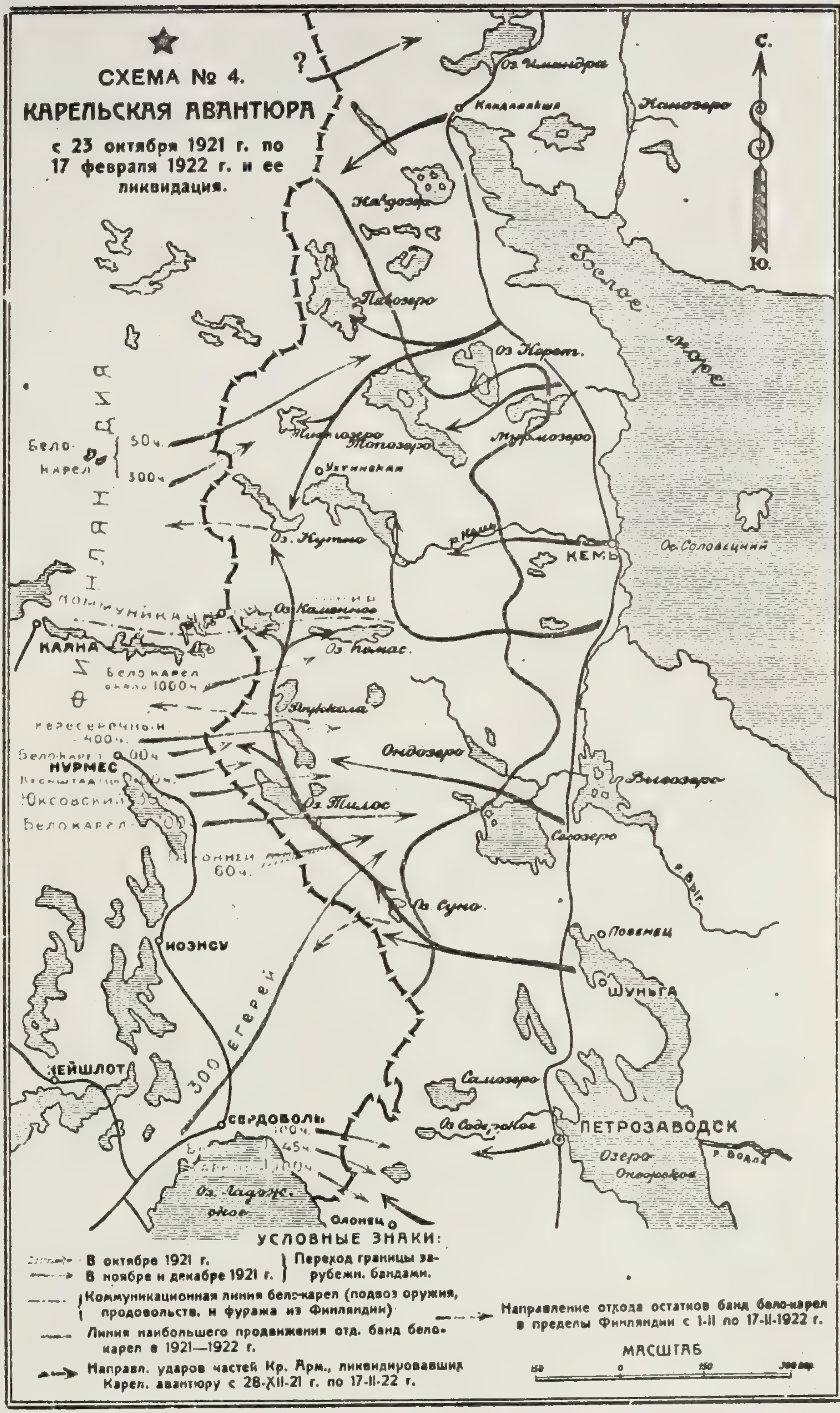
Ленинградск. гублит. 8017. тир. 15000 эк

Госуд. тип. имени Ивана Федорова, Ленинград, Звенигор., 11

СХЕМА № 2.
ПОЛОЖЕНИЕ В СИБИРИ И ТУРКЕСТАНЕ
к 1 марта 1921 г.
и на Дальнем Востоке к 26 мая и 22 декабря 1921 г.
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:
К положению в Сибири и Туркестане в 1921 г.
Районы, занятые бандами местного происхождения
более 100 чел.
менее 100 чел.
Банды Бакича и Унгерна и направление их движения.
Зарубежные банды.
Направл. ударов Красной Армии, ликвидирующей бандитизм.
Тюменьское восстание в январе — марте 1921 г. и его ликвидация. (Повстанцев насчитывалось свыше 20.000 чел.)
Граница между Сибирью и Д. В. Р.
К положению на Дальнем Востоке в 1921 г.
Японо-белогвард. отряды, захватившие Владивосток 26-V-1921 г.
Отход и контр-удары частей Нар. Рев. Армии.
Район, занятый Японцами.
Направление наступления Японцев до ст. Бочарово и белогв. отрядов на Хабаровск.
Укрепл. позиции, занимаемые част. Нар. Рев. Арм. в районе ст. Ин.
Укрепл. позиции противника.
Подход подкреплений Н. Р. А. направленных в Хабаровский район.
ПОЛОЖЕНИЕ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ в феврале — апреле 1922 г.
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ
Направл. удара частей Н. Р. А.
Направл. отхода противника.
Район, занимаемый Японцами.
Укрепл. позиции частей Н. Р. А. в районе ст. Уссури
Укрепл. позиции противника
Ликвидация Бакича в середине Декабря 1921 г.
Ликвидация Унгерна 23/VIII 1921 г.
Главные силы Унгерна к Марту 1921 г.
Главные силы к 1/VI Бакича
Отряды Атамана Семенова
Кульджа Белогв. банды (остатки Дутова и Анненкова)
БАНДЫ БАКИЧА
БАНДЫ УНГЕРНА
МОНГОЛИЯ
МАНЬЧЖУРИЯ
Д. В. Р.
МАСШТАБ
САМАРА
УФА
ЕКАТЕРИНБУРГ
ТОБОЛЬСК
Тюмень
УРАЛЬСК
ОРЕНБУРГ
Ишим
Петропавловск
ОМСК
Кокчетавская
Тургай
Иргиз
Акмолинск
Павлодар
ТОМСК
КРАСНОЯРСК
Барнаул
Бийск
Нижнеудинск
Балаганск
ИРКУТСК
Верхнеудинск
Селенгинск
Троицкосавск
ЧИТА
Семипалатинск
Каркаралинская
Кокпекты
Казалинск
Перовск
Аральское Море
Оз. Балхаш
Оз. Байкал
Чугучак
Кобдо
Булун-Тохой
Улянком
Урга
Хива
Бухара
Ташкент
Верный
Самарканд
Коканд
Наманган
Андижан
Скобелев
Кашгар
Аксу
Мерв
Чарджуй
Керки
Гузар
Маньчжурия
Хайлар
Оз. Далай-Нор
Цицикар
Харбин
Благовещенск
Хабаровск
Николаевск
Владивосток
Японское Море
Иман
Ст. Уссури
Нингута-Хотон
р. Амур
р. Лена
р. Енисей
р. Ангара
р. Иртыш
р. Тобол
р. Сыр-Дарья
р. Аму-Дарья
р. Волга

Госуд. тип. имени Ивана Федорова. Ленинград, Звенигор., 11

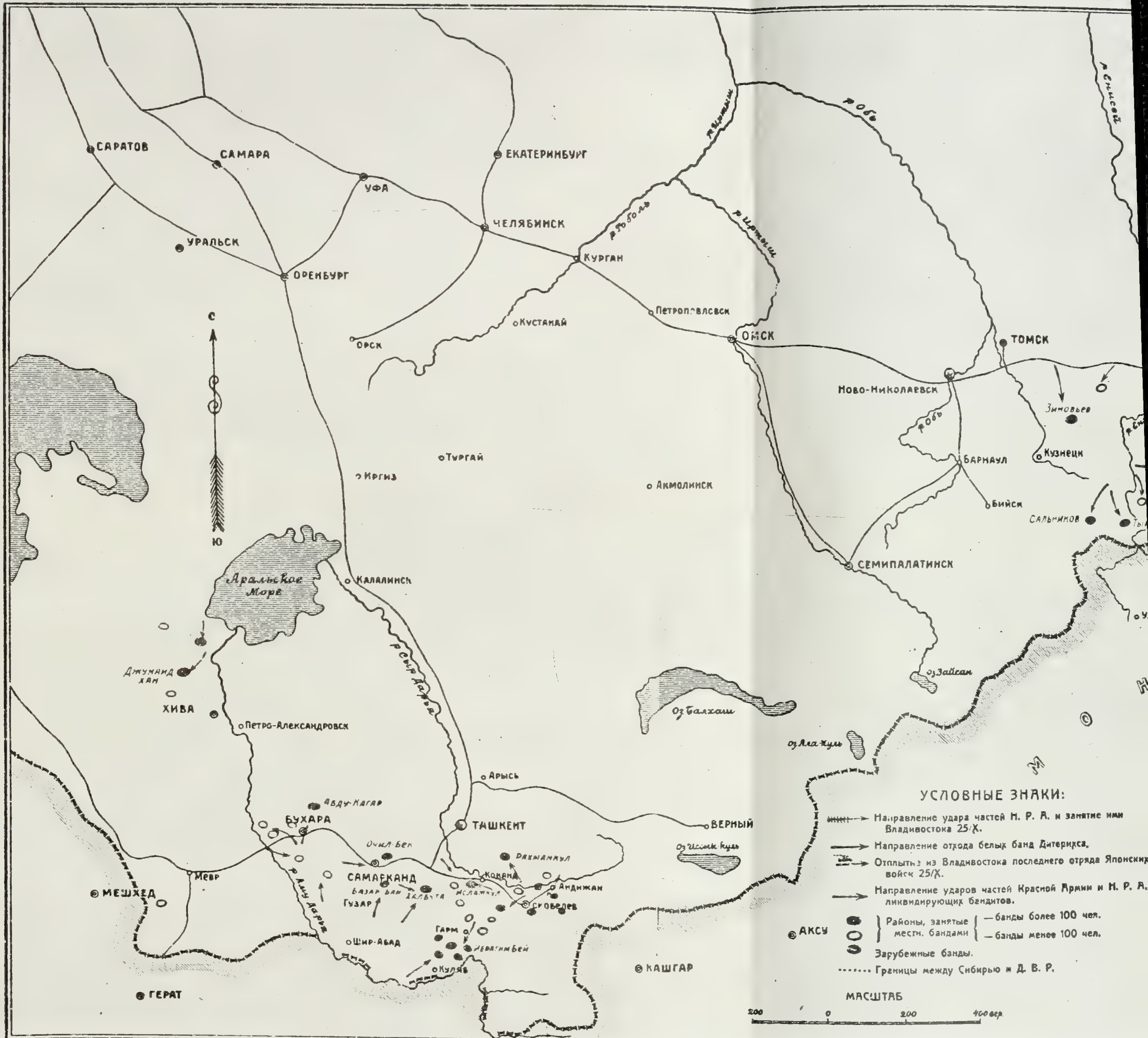

Госуд. тип. имени Ивана Федорова, Ленинград, Звенигор., 11

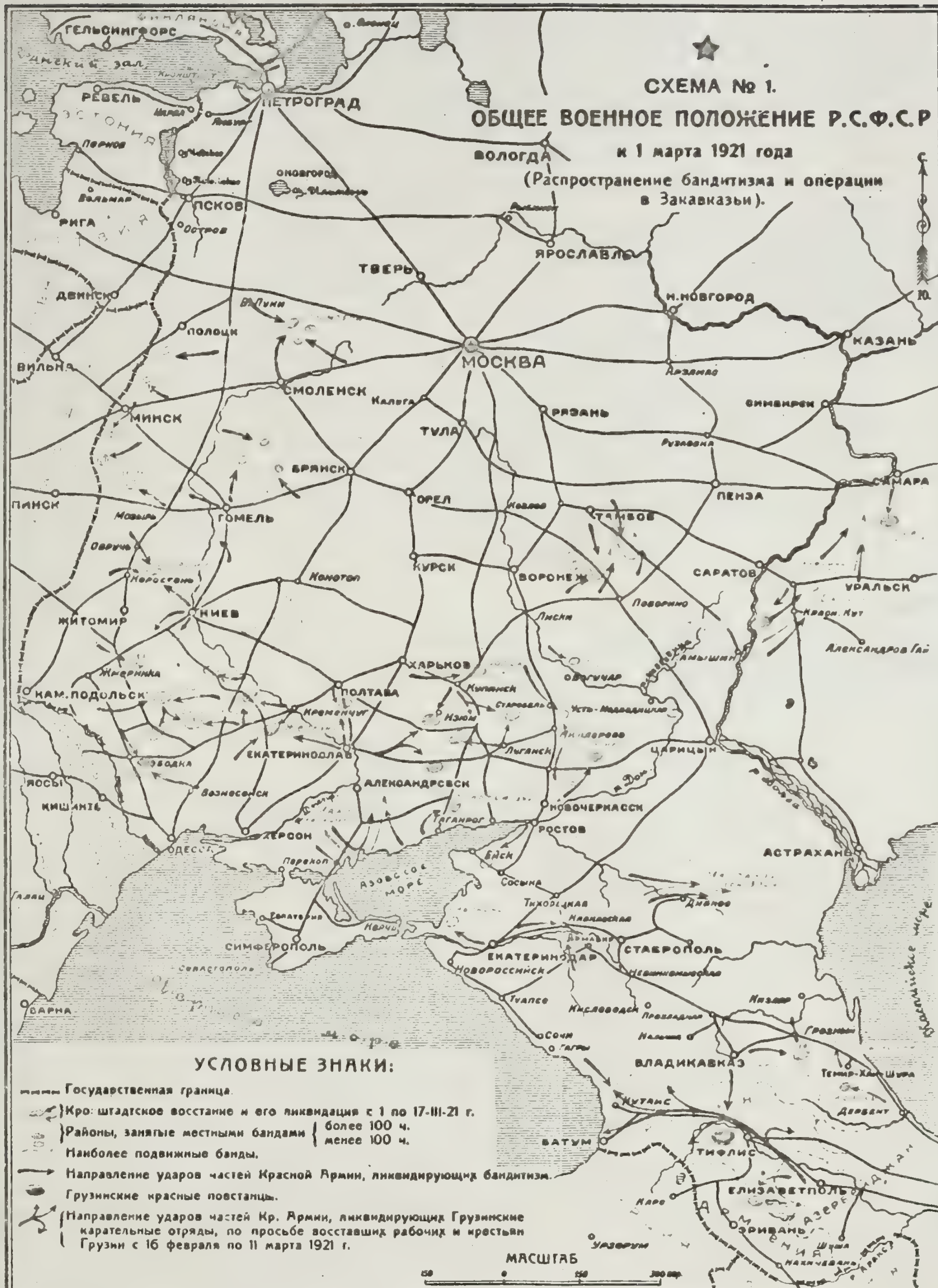

Ленинградск. гублит. 8017, тир. 15000 эк.

Госуд. тип. имени Ивана Федорова. Ленинград, Звенигор., 11

Ленинградск. [illegible] тир. 15000 [illegible]

СХЕМА № 1.
ОБЩЕЕ ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ Р.С.Ф.С.Р
к 1 марта 1921 года
(Распространение бандитизма и операции в Закавказьи).
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:
Государственная граница.
Кронштадтское восстание и его ликвидация с 1 по 17-III-21 г.
Районы, занятые местными бандами более 100 ч. менее 100 ч.
Наиболее подвижные банды.
Направление ударов частей Красной Армии, ликвидирующих бандитизм.
Грузинские красные повстанцы.
Направление ударов частей Кр. Армии, ликвидирующих Грузинские карательные отряды, по просьбе восставших рабочих и крестьян Грузии с 16 февраля по 11 марта 1921 г.
МАСШТАБ
ГЕЛЬСИНГФОРС
ПЕТРОГРАД
РЕВЕЛЬ
ВОЛОГДА
ПСКОВ
РИГА
ЯРОСЛАВЛЬ
ТВЕРЬ
ДВИНСК
Н.НОВГОРОД
ПОЛОЦК
МОСКВА
КАЗАНЬ
ВИЛЬНА
СМОЛЕНСК
РЯЗАНЬ
СИМБИРСК
МИНСК
ТУЛА
БРЯНСК
ПЕНЗА
САМАРА
ПИНСК
ОРЕЛ
ГОМЕЛЬ
ТАМБОВ
КУРСК
ВОРОНЕЖ
САРАТОВ
УРАЛЬСК
ЖИТОМИР
КИЕВ
ХАРЬКОВ
КАМ.ПОДОЛЬСК
ПОЛТАВА
ЕКАТЕРИНОСЛАВ
ЦАРИЦЫН
АЛЕКСАНДРОВСК
НОВОЧЕРКАССК
КИШИНЕВ
ХЕРСОН
РОСТОВ
ОДЕССА
АСТРАХАНЬ
СИМФЕРОПОЛЬ
ЕКАТЕРИНОДАР
СТАВРОПОЛЬ
ВАРНА
ВЛАДИКАВКАЗ
БАТУМ
ТИФЛИС
ЕЛИЗАВЕТПОЛЬ
ЭРИВАНЬ

II. Приказы.

Военно-политические обзоры.